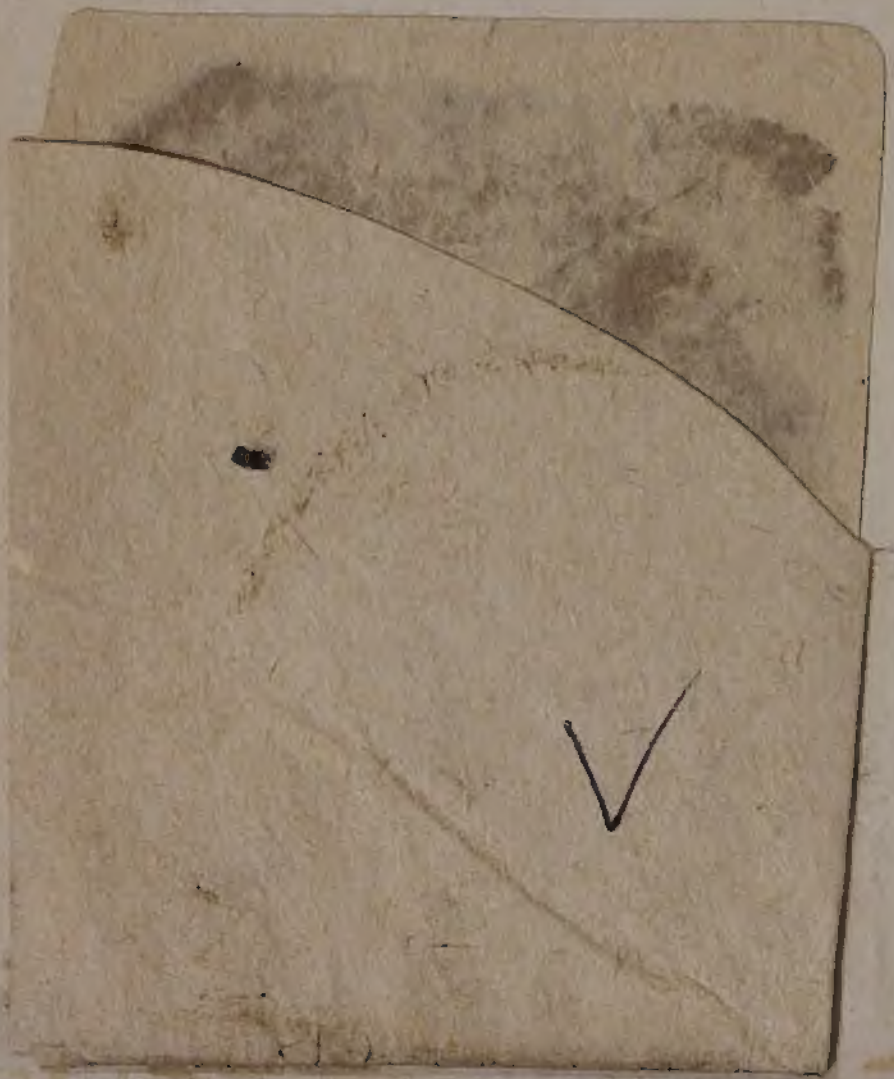
9(c)1
П49
Полевой Н.
1905.



940
П-49

119

9(с)1
П49

НАПОЛЕОНЪ
ВЪ
РОССІИ
въ 1812 году.

(Эпизодъ изъ „Исторіи Наполеона")
сочиненіе **Н. А. Полевого.**

Изданіе А. А. Петровича.

194815

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

Дозволено цензурою. Москва, 2 января 1905 года.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Именовская улица, соб. домъ.
1905.

Наполеонъ въ Россіи

въ 1812 году.

1812-й годъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногихъ историческихъ событій, воспоминаніе о которыхъ всегда останется свѣжо въ памяти народной. Знаменитая Отечественная война, ознаменованная небывалымъ крушеніемъ арміи, считавшейся непобѣдимой, и гибелью одного изъ величайшихъ полководцевъ всего міра, является эпохой въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Это была не обыкновенная война, а нашествіе, предпринятое для покоренія Россіи и сооруженія на развалинахъ ея новаго политическаго зданія по прихоти завоевателя, увѣреннаго, что весь свѣтъ будетъ принадлежать ему.

Предпринимая походъ въ Россію, Наполеонъ собралъ несмѣтныя силы. Войско его было храбро, закалено въ бояхъ и непрерывныхъ побѣдахъ, предводимо полководцемъ, равнаго которому не было почти въ мірѣ. Но источники обороны Россіи, твердость императора Александра, умъ и преданность его сподвижниковъ, а главное—горячая любовь русскихъ къ своей родинѣ, готовность жертвовать всѣмъ ради нея, превозмогли расчеты Наполеона, и Россія не пала подъ размахомъ вражескихъ дланей «дванадесяти языковъ», покорно подчинившихся великому завоевателю.

Среди бѣдствій нашествія, общаго потрясенія Имперіи и жестокихъ превратностей судьбы императоръ Александръ былъ лучезарнымъ свѣтиломъ, которое все грѣло и оживляло. Его слова, его дѣянія, ознаменованныя печатью крѣпости несокрушимой, служили указаніемъ всему государству въ томъ, что должно было дѣлать, и ручательствомъ того, что не зазвенѣть

Библіотека им. А. С. Пушкина

на Россіи оковамъ рабства. Всегда, даже во время самаго неблагопріятнаго для насъ оборота войны, выражаемая императоромъ Александромъ увѣренность въ успѣхъ и неодолимость Россіи была для всѣхъ залогомъ, что за черными тучами, налегшими на небосклонъ нашего отечества, кроется ясный день.

Твердой рѣшимости Монарха отвѣчали богатырское войско и благочестивый народъ. Всѣ чины, отъ генерала до солдата, всѣ роды войскъ соревновали другъ передъ другомъ въ подвигахъ мужества, въ перенесеніи трудовъ, безотвѣтномъ исполненіи обязанностей воинскихъ; всѣ одного хотѣли: спасенія и славы Россіи. Жизнь была послѣднимъ условіемъ. Сердце каждаго билось священнымъ трепетомъ за государственную независимость. Война 1812-го года была въ полномъ смыслѣ *войною народною*, какъ назвалъ ее Кутузовъ. Всѣ возрасты, всѣ сословія приняли въ ней самое пламенное участіе. Одни жертвовали своимъ достояніемъ, другіе—собственною жизнью, жизнью дѣтей; каждый былъ или хотѣлъ быть полезенъ, кто дѣломъ, кто совѣтомъ; каждый русскій былъ вкладчикомъ въ священномъ дѣлѣ; каждый дружно становился грудью противъ врага или помысломъ переносился къ тому времени, когда будетъ его очередь стать въ ряды защитниковъ отечества.

Въ то время какъ подобныя чувства воодушевляли Россію, Наполеонъ и его раболѣпные союзники не сомнѣвались въ побѣдѣ, обрекали Россію на вѣрную погибель, дробили и дѣлили ее въ мысляхъ, смотрѣли на походъ какъ на торжественное шествіе въ Петербургъ и Москву.

И Наполеонъ смѣло двинулся къ берегамъ Нѣмана, изрекая громкую фразу: «Гибель суждена русскимъ, и они погибнутъ!»

Военныя силы, которыми располагалъ Наполеонъ, были громадны. Великая армія состояла 1-го іюня 1812 года изъ 678.000 человѣкъ, изъ которыхъ—356.000 французовъ и 322.000 иностранцевъ; вмѣстѣ съ резервами численность ея простиралась до 1.100.000 человѣкъ. Въ составъ ея входили не только бельгійцы, голландцы, ганноверцы, граждане вольныхъ городовъ, пьемонтцы и румыны, соединенные тогда подъ общимъ названіемъ французовъ, но также итальянская и неаполитан-

Императоръ Александръ I-й. (Съ картины Крюгера).

ская армія, испанскіе полки, всѣ германскіе народы: баденцы, виртембергцы, баварцы, гессенъ-дармштадцы, вестфальцы, воины полуфранцузскихъ великихъ герцогствъ Берга и Франкфурта, саксонцы, тюрингенцы, мекленбургцы. Кромѣ наполеоновскихъ маршаловъ, она имѣла во главѣ итальянскаго вице-короля Евгенія, неаполитанскаго короля Мюрата, вестфальскаго короля Іеронима, королевскихъ и наслѣдныхъ принцевъ почти всѣхъ царствовавшихъ европейскихъ домовъ. Однихъ поляковъ было 60.000 человѣкъ. Славяне иллирійскихъ провинцій, шли на приступъ великой славянской имперіи. Это была дѣйствительно армія *двунадесяти языкъ*, какъ ее назвали въ Россіи.

И вотъ съ этою-то арміей, какъ грозная лава, набросился Наполеонъ на Россію.

Среди безконечныхъ рядовъ пѣхоты, конницы, артиллеріи и обозовъ мчалась карета Наполеона. По протяженію Нѣмана растягивались ополченія разнонародныя. На четырехстахъ верстахъ двигались слишкомъ четыреста тысячъ строевого войска, съ безчисленнымъ обозомъ. Макдональдъ былъ въ Тильзитѣ съ 25.000-ми; вице-король, Сенъ-Сиръ и Груши шли къ Пренамъ съ 70.000-ми; Іеронимъ съ Понятовскимъ, Ренье, Вандамомъ и Латуръ-Мобуромъ, къ Гродно и Бѣлостоку съ 65.000-ми; южнѣе всѣхъ, въ Дрогичинѣ, находился Шварценбергъ съ 30.000 австрійцевъ. Но главныя силы сдвинулись на Ковно; здѣсь были: Даву, Ней, Удино, Мортье, Лефевръ, Бессьеръ, Нансути, Монбрюнъ, сюда устремился Наполеонъ. Болѣе 200.000 войска стѣснилось въ изгибѣ Нѣмана, на востокъ выше впаденія Виліи въ Ковно до Пренъ. Вечеромъ іюня 24 (12-го) явился здѣсь Наполеонъ, и въ сюртукѣ и въ фуражкѣ польскаго полковника, съ Бертье и генераломъ Гаксо, обозрѣлъ мѣста переправы черезъ Нѣманъ. Генералъ Эбле началъ наводить три моста. Безмолвно стояли войска. Ничего не видно и не слышно было за Нѣманомъ. Тамъ протягивались необозримые пески и мрачные лѣса. Три сотни поляковъ переправились на другой берегъ и захватили деревню; отрядъ лейбъ-казаковъ Жмурина обмѣнялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами и разсѣялся въ окрестныхъ лѣсахъ, поспѣшая извѣстить своего начальника, генерала Орлова-Денисова. Такъ

нѣкогда на пескахъ Египта встрѣтили Наполеона нѣсколько арабскихъ всадниковъ. Послѣ полуночи двинулось войско по тремъ мостамъ, устроеннымъ вблизи кургана, находящагося влѣво отъ деревни Лежи, а два другіе къ Попемунамъ, въ 150 саженяхъ разстоянія одинъ отъ другого. На высотѣ, гдѣ разбита была императорская палатка, стоялъ *онъ*, окруженный толпою генераловъ, офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ, штабомъ. День насталъ ясный, жаркій, удушливый, предвѣщая грозу. Не довольно было ему безмолвнаго издали созерцанія; онъ сѣлъ на лошадь, поскакалъ къ мосту, самъ распоряжался переправою, переѣхалъ на другой берегъ, быстро проѣхалъ нѣсколько верстъ и воротился опять къ мостамъ, когда загремѣла страшная гроза, хлынулъ проливной дождь. Наполеонъ укрылся въ какомъ-то бѣдномъ монастырѣ. Такъ прошелъ день. На ночь, іюня 25-го, онъ прибылъ въ Ковно, откуда отступалъ казачій отрядъ при наступленіи отрядовъ Пажоля и Морана. Въ безпорядкѣ, необходимомъ при множествѣ войскъ, стѣсненныхъ на мостахъ, переправлялась армія, съ ея безконечными обозами и артиллеріей. Многіе ожидали немедленной встрѣчи съ непріятелемъ, но ничего не было слышно, не было видно ни войскъ, ни жителей, и только раздавались удары грома и слышался шумъ дождя, заглушавшіе гулъ переправы войскъ. Жребій былъ брошенъ, и возвращеніе было невозможно —повый Цезарь за Рубикономъ, и неумолимый рокъ печально закрылъ урну побѣдъ непобѣдимаго дотолѣ!

Строго выработаннаго плана войны не было и не могло быть. Двинуть громаду войскъ, вторгнуться въ предѣлы Россіи и, если сіе нашествіе не устрашитъ Александра, если русскіе осмѣлятся стать на борьбу, задавить ихъ превосходствомъ силъ. Подробности борьбы долженствовали зависѣть отъ времени, мѣстности, обстоятельствъ. Не было опредѣляемо ни мѣры пространства, ни продолженія времени похода. Предѣломъ движеній могъ быть *Нѣманъ*, могла быть *Москва*, а временемъ продолженія войны —одинъ годъ, два года.

Послѣ перехода за Нѣманъ главныя основанія плана утверждались: Александръ не страшился вторженія и принималъ вызовъ на борьбу. Растянутое положеніе русскихъ войскъ опредѣляло планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ Ковно Наполеонъ

развилъ подробности наступленія. Допустивъ скопленіе главныхъ силъ его у Ковно, русскіе давали ему возможность разобщить двѣ главныя арміи ихъ, стоявшія у Вильны и Волковиска. Если удастся ихъ разъединеніе, превосходство числа дастъ Наполеону средства разбить каждую отдѣльно и повторить событія Іены и Ауэрштедта. Если русскіе соединятся, онъ нападетъ на нихъ всею громадой и рѣшитъ дѣло одною огромною битвой, отъ которой русскіе не отказываются. Укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, крѣпости Динабургъ и Бобруйскъ, воздвигнутыя въ послѣднее время, и отсутствіе войскъ далѣе отъ Двины до Петербурга и отъ Днѣпра къ Москвѣ показываютъ, что русскіе полагаютъ здѣсь крайнія точки защиты, опредѣляя самое дальнее распространеніе непріятеля на сѣверъ Ригою, на югъ Кіевомъ. До дня вступленія непріятельскаго въ Россію положеніе корпусовъ обѣихъ русскихъ армій оставалось прежнее: *1-армія*—отъ Россіенъ до Гродно (главная квартира Вильна; корпусъ *Витгенштейна*—въ Россіенахъ, Кейданахъ, Юрбургѣ; *Багговута*—въ Ортишкахъ и Яновѣ; *Тучкова*—въ Трокахъ, у Вильны; *Шувалова*—въ Олькеникахъ; авангардъ его, *Дороховъ*,—въ Оранахъ; *Дохтурова*—въ Лидахъ, противъ Гродно; кавалерійскіе резервные корпуса: *Уварова*—въ Вилькомирѣ, противъ Ковно; *Корфа*—за Вильною, въ Сморгонахъ; *Палена*—у Лиды; гвардія—по дорогѣ въ Дриссу за Вильною, въ Свенцянахъ); *2-я армія*—у Волковиска; здѣсь были: пѣхотный корпусъ *Бороздина* и кавалерійскій *Сиверса;* корпусъ *Раевскаго*, южнѣе, у новаго двора; 3-я армія отдѣльно у Луцка. Гродно занимали казаки Платова. Около 35.000 человѣкъ составляли гарнизоны и защиту Риги, Митавы, Динабурга, Борисова, Бобруйска, Мозыря, Кіева, Ольвіополя. Дунайская 4-я армія оставалась въ Молдавіи и Валахіи.

Вслѣдствіе своего рѣшенія Наполеонъ положилъ усиленно двинуться на Вильну, занять ее и въ ней утвердить главную точку дѣйствій, пока Макдональдъ изъ Тильзита угрожаетъ Митавѣ, Ригѣ и правому крылу русскихъ, Іеронимъ изъ Гродно отрѣзываетъ 2-ю армію, а вице-король подкрѣпляетъ его или Наполеона, ибо можно было полагать, что русскіе не отдадутъ Вильны безъ боя. Между тѣмъ Шварценбергъ изъ Дрогичина останавливаетъ 3-ю армію и нападаетъ на нее или съ

Наполеонъ Бонапартъ. (Съ картины худ. Шарле).

фланга бьетъ 2-ю армію, пока война съ Турціей удерживаетъ 4-ю русскую армію на Дунаѣ.

Утромъ іюня 26-го самъ Наполеонъ повелъ свою гвардію, а Мюратъ и Даву двинули кавалерію и пѣхоту прямо на Вильну, черезъ Жижморы; Удино и Ней пошли туда по теченію Вилін. Русскіе не являли сопротивленія. Только легкіе конные отряды и казаки, уходившіе почти безъ боя, встрѣчались по дорогѣ. 28-го утромъ приблизились къ Вильнѣ—она была оставлена русскими; арьергардъ корпуса Тучкова, встрѣченный у Вильны, поспѣшно отступилъ. Лейбъ-казаки схватывались съ Мюратовыми гусарами, но не упорствовали въ битвѣ.

Послѣ союза Наполеона съ Австріей мысль Александра перенести наступательную войну въ Пруссію была отмѣнена. Война долженствовала быть въ предѣлахъ Россіи, и оборонительная. Войска русскія занимали обширное протяженіе по границамъ, ибо нельзя было знать направленія силъ Наполеоновыхъ, послѣ узнанія коего война могла перейти въ наступательную. Предполагали, что если Наполеонъ успленно пойдетъ на Вильну, 1-я армія оставитъ Вильну, отступитъ, сосредоточится у Свенцянъ, между Соколкою и Кобыльниками. При устремленіи на нее непріятеля Платовъ и 2-я армія дѣйствуютъ въ тылъ и во флангъ его, а 3-я армія, защищая Волынь, при усиленномъ движеніи на нее отступаетъ даже до Кіева, а при устремленіи австрійскаго корпуса въ тылъ Багратіона отвлекаетъ его нападеніемъ. Столь сложныя движенія могли показаться слишкомъ раздѣльными и опасными передъ такимъ непріятелемъ, каковъ былъ Наполеонъ. Въ нихъ видно было вліяніе совѣтовъ нѣмецкой тактики. Багратіонъ предполагалъ для 2-й арміи еще другую мѣру, но уже слишкомъ отважную. Онъ просилъ позволенія, при переходѣ непріятеля за Нѣманъ, идти на Варшаву и отвлечь тѣмъ силы его, дѣйствуя на его сообщеніяхъ. Въ случаѣ опасности Багратіонъ хотѣлъ отступать на Брестъ, соединиться съ Тормасовымъ и содѣйствовать 1-й арміи. Столь отдаленное движеніе, когда главной арміи грозилъ ударъ вблизи, не было принято, но тѣмъ не менѣе, предполагая скорое заключеніе мира съ Турціей, Дунайской арміи предписывали движеніе еще болѣе от-

далекое. Она должна была идти черезъ Сербію и Иллирію, побудить къ возстанію славянскія племена въ Далмаціи и даже угрожать Италіи *).

Неизвѣстность мѣры опасности и превосходства числа непріятелей являли возможными всѣ исчисленныя распоряженія. Все было готово къ немедленному оставленію Вильны. Извѣстіе о вторженіи Наполеона привезено было въ Вильну 24 іюня. Императоръ Александръ не отказался отъ бала, даннаго въ тотъ день генераломъ Беннигсеномъ въ загородномъ домѣ его въ Закретѣ. Балашовъ тайно извѣстилъ Александра о пріѣздѣ курьера съ давно ожиданнымъ извѣстіемъ. Ночью приведены были въ движеніе всѣ русскія войска. На другой день объявлено о началѣ войны приказомъ по арміямъ: «Воины!— говорилъ Александръ,—вы защищаете Вѣру, отечество, свободу—Я съ вами! *На начинающаго Богъ!*» Россія извѣщена о войнѣ письмомъ Александра къ главнокомандующему въ Петербургѣ. Памятны остались слова, коими оканчивалось сіе письмо: «*Не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ*». Александръ сдержалъ слово, болѣе,—онъ не положилъ оружія, доколѣ не освободилъ Европу. Изъ Вильны вывозили казначейство, архивы, запасы. Барклай-де-Толли оставался въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, когда появились непріятельскіе отряды. Уже два дня всѣ корпуса 1-й арміи совершали отступленіе на Свенцяны, куда Александръ отправился утромъ іюня 26. Едва удалились русскія войска, жители Вильны обратились навстрѣчу Наполеона съ радостными кликами. Магистратъ вилепскій поднесъ ему ключи города. Вечеромъ освѣтили Вильну, радуясь освобожденію древняго города Гедиминова и торжествуя возстановленіе Польши.

Начало казалось удачнымъ. Занятіемъ Вильны положено было первое раздѣленіе двухъ русскихъ армій. Оставаясь въ Вильнѣ, Наполеонъ немедленно распорядился дальнѣйшимъ движеніемъ противъ русскихъ армій. Мюратъ и Ней перешли за Вильну и преслѣдовали 1-ю армію на Свенцяны; Удино велѣно стараться отдѣлить отъ нея корпусъ Витгенштейна;

*) Бутурлинъ (изд. 2), т. I, стр. 124.

Нансути шелъ наперерѣзъ пути корпуса Дохтурова. Но главное вниманіе Наполеона устремлялось на 2-ю армію и Платова. Даву съ 50.000 двинулся изъ Вильны на Минскъ, отрѣзывая ихъ отъ 1-й арміи; Іеронимъ съ Понятовскимъ, Вандамомъ и Латуръ-Мобуромъ долженъ былъ дѣйствовать во флангъ 2-й арміи; южнѣе, въ тылъ ея, предписано идти Шварценбергу, предоставя наблюденіе за 3-ю русскою арміей Репье съ его саксонцами.

Быстрота и рѣшительность движеній Наполеона не только не разстроили отступленія 1-й арміи, но не отдѣлили отъ нея даже ни одного отряда. Всѣ корпуса отступили стройно, разрушая за собою мосты и пользуясь дождливою погодой, затруднявшею походъ французовъ. Арьергардъ Витгенштейна, застигнутый въ Вилкомирѣ, отразилъ нападеніе Удино, и Витгенштейнъ соединился съ арміей въ Соколкѣ. Дохтуровъ счастливо укрылся отъ Даву, стремившагося противъ Багратіона, избѣгнулъ нападенія Нансути и соединился съ 1-ю арміей, идя усиленными маршами, по 40 верстъ въ день. Всего замѣчательнѣе было отступленіе Дорохова: составляя авангардъ корпуса Шувалова, онъ не получилъ во-время приказа отступать, былъ окруженъ отовсюду, не думалъ сдаваться и, уже не имѣя возможности обратиться къ своему корпусу, успѣлъ примкнуть къ отрядамъ Платова послѣ невѣроятныхъ усилій, сражаясь и уходя въ теченіе нѣсколькихъ дней, не оставя непріятелю ни одного орудія. Отъ утомленія не только потъ— кровь выступала у солдатъ. Но обширное развитіе движеній Наполеона и оказавшаяся многочисленность войскъ его заставили императора Александра отмѣнить прежній планъ военныхъ дѣйствій. Являлась необходимость избѣгнуть раздѣльнаго дѣйствія русскихъ армій и соединить ихъ для выдержанія натиска непріятельскаго или нанесенія ему удара. Вслѣдствіе сего спѣшили приказать Багратіону, не оставаясь во флангѣ непріятеля, напротивъ, сколько можно поспѣшнѣе идти на соединеніе съ 1-ю арміей черезъ Новогродекъ и Вилейку. Платову съ Дороховымъ велѣно было прикрывать маршъ Багратіона. Положено оставить Свенцяны, и Дрисскій лагерь назначенъ былъ мѣстомъ соединенія и остановки обѣихъ армій. Іюля 2-го двинулась туда 1-я армія и 9-го вступила въ сей ла-

Генералъ-фельдмаршалъ князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

герь, слабо преслѣдуемая Мюратомъ; только 5-го іюля завязывалъ онъ кавалерійское дѣло на Дисиѣ, но его отбили и по переходѣ рѣки сожгли мостъ.

Наполеонъ торжествовалъ. Почти безъ битвъ, когда не прошло двухъ недѣль отъ перехода его за Нѣманъ, войсками его заняты были половина Литвы и столица литовская, гдѣ еще такъ недавно могущимъ самовластителемъ являлся Александръ среди многочисленной арміи своей. Главная русская армія, предполагавшая остановиться за Вильною, считала себя счастливою, успѣвши удалиться на крайній предѣлъ защиты, въ Дрисскій лагерь. Вторую русскую армію Наполеонъ полагалъ своею вѣрною добычей. Казалось, ей невозможно будетъ избѣгнуть отъ трехъ устремленныхъ на нее армій. Въ ожиданіи извѣстій о пораженіи Багратіона, предоставляя наблюденіе за движеніемъ 1-й арміи Мюрату и Нею, онъ занялся распоряженіями, оставаясь въ Вильнѣ, весело пировавшей и являвшей собою мѣсто пребыванія могущественнаго монарха. Великолѣпную свиту Наполеона умножили иностранные послы, пріѣхавшіе въ Вильну. Явился Маре, и изъ виленскаго кабинета своего Наполеонъ распоряжался дѣлами Европы. Курьеры ежедневно доставляли ему донесенія изъ Парижа, Италіи, Испаніи. Европа безмолствовала. Монархи европейскіе разъѣхались изъ Дрездена и дружескими увѣреніями желали исполненія предпріятій Наполеона, не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Марія-Луиза посѣтила Прагу, явилась здѣсь своему родителю и народу его въ величіи первой царицы въ мірѣ и благополучно достигла Парижа. Приказы Наполеона касательно папы и короля Карла IV были исполнены: полубольного Пія VII перевезли въ Фонтенебло; Карлъ IV отправился въ Римъ. По возвращеніи императора австрійскаго въ Вѣну и короля прусскаго въ Берлинъ послы русскіе оставили австрійскую и прусскую столицы. Ожеро, генералъ-губернаторъ Берлина, управлялъ самовластно Пруссіей, какъ вѣнскимъ кабинетомъ правилъ посолъ Наполеона. Только вѣсти изъ Испаніи не были благопріятны; но Наполеонъ не страшился ихъ. За ненависть испанцевъ могли вознаградить его любовь и восторги поляковъ. И что значили мгновенныя удачи англичанъ въ Испаніи, когда черезъ нѣсколько дней побѣда должна была покорить

ему Россію, если только императоръ Александръ, видя разразившуюся надъ нимъ грозу, не попроситъ мира, не осмѣливаясь испытывать случайности битвъ, успѣхъ коихъ можно было предвидѣть по началу похода? Дѣйствительно, Александръ не замедлилъ неожиданною присылкой въ Вильну довѣренной особы. Полагая, что присланный отъ русскаго императора будетъ просить мира, Наполеонъ велѣлъ принять его сурово и готовился говорить съ нимъ какъ побѣдитель. Посломъ Александра былъ министръ полиціи Балашовъ. Его не допустили прямо къ Наполеону; Даву остановилъ его, вытребовалъ у него письмо, привезенное имъ, окружилъ стражею его жилище, и уже черезъ два дня Наполеонъ принялъ Балашова въ Вильнѣ въ томъ самомъ домѣ, даже въ той самой комнатѣ, откуда послалъ его императоръ Александръ. Не ошибался Наполеонъ: рѣчь шла о мирѣ, только не *просить* мира, а *согласиться на него, при извѣстныхъ условіяхъ*, поручено было Балашову. Присылка его была болѣе оправданіемъ отказа въ позволеніи Лористону пріѣхать въ Вильну. Александръ не хотѣлъ оставить за собою упрека, что онъ отвергъ какой-либо предлогъ къ миру. Письмо, присланное съ Балашовымъ, было исполнено высокой увѣренности въ правотѣ дѣла и въ силахъ защитить его. «Узнавъ, что войска В. В., несмотря на постоянство съ какимъ поддерживалъ я донынѣ всѣ связи мои съ вами, перешли предѣлы Россіи», писалъ Александръ, «сейчасъ получилъ я также ноту графа Лористона, гдѣ поводомъ сего непріязненнаго поступка представляетъ онъ то, что В. В. почитали уже себя въ войнѣ со мною съ тѣхъ поръ, когда князь Куракинъ потребовалъ у васъ паспортовъ. Причины отказа въ дачѣ ихъ не заставляли меня подозрѣвать, что поступокъ посла моего послужитъ предлогомъ къ вашему нападенію. Мой посолъ поступилъ произвольно, въ чемъ онъ самъ сознался; я не одобрилъ его поступка и велѣлъ ему остаться при его мѣстѣ. Если В. В. не намѣрены проливать крови изъ недоразумѣній такого рода и *согласитесь удалить войска ваши изъ Русской земли*, все прошедшее почту я какъ будто не бывшимъ, и соглашеніе между нами будетъ еще возможно. Въ противномъ случаѣ В. В. принудите меня видѣть въ васъ непріятеля, котораго ничѣмъ не вызывалъ я на вражду съ моей стороны.

Отъ В. В. зависитъ избавить человѣчество отъ тревогъ новой войны».

Итакъ, Александръ соглашался говорить о мирѣ, но тогда только, когда Наполеонъ выведетъ войска изъ Россіи. Условія Наполеону! Предложеніе могло показаться насмѣшкой. Пригласивъ Балашова обѣдать, прежде и послѣ обѣда долго разговаривалъ съ нимъ Наполеонъ, жаловался на неискренность Александра, на людей, умѣвшихъ поссорить ихъ, сказалъ, что готовъ мириться немедленно, но что предлагать ему воротиться за Нѣманъ значитъ предлагать ему безчестіе. Горделиво хвасталъ онъ своими войсками, своими надеждами на побѣду. «Войскъ у меня втрое болѣе вашего; война—мое торжество; мной руководитъ расчетъ, а не страсти. Пойду въ ваши степи, совершу три, четыре похода. Я не воротился изъ Пруссіи. Какъ возвращаться теперь, когда съ перваго шага вы бѣжите, и я покорилъ Литву? Кого вы поставите противъ меня? Самъ императоръ Александръ не полководецъ; Кутузова онъ не любитъ; Беннингсенъ и за шесть лѣтъ былъ уже слишкомъ старъ; Барклай? Да, онъ будетъ маневрировать; онъ храбръ, знаетъ войну, но онъ генералъ для отступленій. Вы, русскіе, еще не дозрѣли до побѣдъ—начитались Жомини и думаете, что уже выучились воевать; но если бы по книгамъ Жомини можно было выучиваться, неужели я позволилъ бы ихъ издавать?» Балашовъ давалъ волю дерзкимъ словамъ, но и самъ не щадилъ Наполеона. Зашла рѣчь, что въ Москвѣ *сорокъ сороковъ церквей*. «Тысяча шестьсотъ церквей въ наше время, когда нѣтъ религіи!» сказалъ насмѣшливо Наполеонъ. «Извините, государь», отвѣчалъ Балашовъ, «религія есть еще въ Россіи и въ Испаніи!»—«На какіе города идетъ дорога къ Москвѣ?» спросилъ Наполеонъ. «На разные», отвѣчалъ Балашовъ. «Карлъ XII шелъ въ Москву черезъ Полтаву». Послѣднимъ словомъ Наполеона было: «не затѣмъ перешелъ я Нѣманъ, чтобы возвращаться!» Таковы были переговоры, таковъ былъ и длинный отвѣтъ Наполеона на письмо Александра. То упрекая его, то оправдывая себя и особенно оскорбляясь отказомъ въ переговорахъ съ Лористономъ, «я понялъ тогда», говорилъ въ заключеніе Наполеонъ, «что *жребій брошенъ, и невидимое Провидѣніе, права и власть коего всегда признаю я, рѣшило*

наше дѣло, какъ многія другія (Je compris alors que le sort en était jeté; que cette providence invisible, dont je reconnait les droits et l'empire, avait décidé de cette affaire comme de tant d'autres)... Языкомъ, которымъ говорили со мной въ послѣднее время, могла говорить только Екатерина съ послѣднимъ королемъ польскимъ. Война объявлена. *Самъ Богъ не можетъ того, чтобы то, что уже сдѣлано, не было сдѣлано* (Dieu même ne peut pas faire que ce qui a été n'ait pas été)». Излагая пользы, полученныя Россіей отъ союза съ нимъ— пріобрѣтеніе Бѣлостока, Тарнополя, Финляндіи и возможность пріобрѣсть Молдавію и Валахію, и увѣряя, что онъ желалъ добра Россіи, «В. В. не достало настойчивости въ вашей политикѣ, довѣренности ко мнѣ и, позвольте мнѣ сказать, искренности», говорилъ Наполеонъ. «Вы погубили свою будущность». Наполеонъ предлагалъ начать переговоры, не оставляя оружія, и въ самой войнѣ положить особенныя условія о призрѣніи раненыхъ и размѣнѣ плѣнныхъ. «Мнѣ остается», заключалъ онъ письмо свое, «просить В. В. вѣрить тому, что, скорбя о направленіи, какое даете вы вашей политикѣ, столь пагубномъ для насъ и народовъ нашихъ, я не измѣняю чувствъ моихъ къ вамъ, ибо они внѣ всякихъ событій, и *если счастіе снова поблагопріятствуетъ моему оружію, В. В. найдете меня, какъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, исполненнымъ дружбы и почтенія къ вашимъ прекраснымъ великимъ качествамъ и готоваго доказать вамъ на дѣлѣ мои чувства*».

Посольство Балашова замѣчательно тѣмъ, что оно было послѣднимъ переговоромъ Александра съ Наполеономъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда, въ 1805 году, онъ прекратилъ съ Наполеономъ всѣ сношенія, и война была объявлена непримиримая, не допускавшая даже мысли о мирѣ безъ побѣды. Такъ думалъ и Наполеонъ, говоря послѣ отъѣзда Балашова: «Развѣ такъ мирятся? Развѣ такъ просятъ мира, если хотятъ его искренно? Развѣ такъ говорили въ Тильзитѣ? Имъ надобно нѣсколько дней отдыха, надобно спасти Багратіона, и они проводятъ меня миромъ. Хорошо, докончимъ, что начали, и заставимъ ихъ въ самомъ дѣлѣ просить мира!»

Среди надежды успѣховъ и упоенія гордости, не обходилось безъ огорченій. Подобно Испаніи, роковой странѣ для Наполеона,

194815.

Польша, какъ всегда, подвергала его большому затрудненію. Испанія вредила ненавистью, а Польша—любовью къ Наполеону; одна,—отнимая свою самобытность у Наполеона, другая требуя ея у него. Мы уже говорили о сходствѣ отношеній Наполеона къ Польшѣ въ 1812 году съ отношеніями его къ Полякамъ къ 1807 и 1809 годахъ. Недовольные прежде, Поляки не хотѣли теперь удовольствоваться, какъ прежде, одними обѣщаніями, ибо они видѣли важность своего пособія Наполеону. Увлекаемые безразсудными надеждами, паны польскіе встрѣтили Прадта въ Варшавѣ кликами о свободѣ и немедленномъ возстановленіи Польши, когда посланному Наполеона велѣно было только стараться о наборѣ войскъ и сборѣ денегъ. Надлежало хитрить, обманывать, медлить. Паны обѣщали отдать все, идти всѣ поголовно, но тогда только, когда вполнѣ возставятъ Польшу и дадутъ ей короля. Видя нерѣшительность отвѣтовъ посла Наполеонова, поляки хотѣли поступить рѣшительно: они собрали сеймъ въ Варшавѣ, избрали маршаломъ его стараго князя Адама Чарторійскаго, при громкихъ кликахъ провозгласили возстаніе Польши и отправили къ Наполеону въ Вильну депутатовъ Представленные ему депутаты произносили великолѣпныя рѣчи. «Государь!» восклицалъ депутатъ Выбицкій,—скажите одно слово, скажите: да будетъ Польша! и слово ваше будетъ для цѣлаго міра равноспльно дѣйствительному возстановленію Польши!» Нѣсколько дней ждали депутаты отвѣта Наполеонова. Принужденный дать его, онъ наговорилъ множество неопредѣленныхъ словъ. «На вашемъ мѣстѣ я самъ дѣйствовалъ бы такъ, какъ дѣйствуете вы», сказалъ онъ, «но въ настоящемъ положеніи моемъ мнѣ надобно согласить выгоды многихъ, исполнить многія обязанности (beaucoup d'interéts à concilier et beaucoup de devoir à remplir). Будь я при раздѣлѣ Польши, я безусловно сразился бы за васъ. Люблю вашъ народъ, сдѣлаю для васъ все возможное. Я видѣлъ вашихъ солдатъ на поляхъ Италіи и Испаніи. Если явится у васъ единодушіе, вы заставите враговъ признать ваши права. Но въ странахъ столь обширныхъ и раздѣленныхъ, единственно единодушіе усилій всего народонаселенія ручается за успѣхъ. Такъ говорилъ я при первомъ приходѣ моемъ въ Польшу. Мнѣ должно прибавить,

что я *подтвердилъ императору австрійскому неприкосновенность его владѣній и не могу одобрить ничего, что нарушитъ ему спокойное обладаніе участкомъ его въ областяхъ Польши.* Пусть Литва, Самогиція, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна, Подолія оживятся духомъ великой Польши и Провидѣніе благословитъ ваши начинанія успѣхомъ. *Я награжу преданность вашу всѣмъ, что можетъ по обстоятельствамъ отъ меня зависѣть*». Отвѣтъ Наполеона не удовлетворилъ никого, оскорбилъ всѣхъ и только продолжилъ ошибку, начатую имъ съ 1809 года. Руки опустились у поляковъ. Любимая мечта ихъ была разрушена, и послѣ отвѣта своего въ Вильнѣ Наполеонъ навсегда потерялъ Польшу.

Такъ же встрѣчены были имъ всѣ громкіе возгласы литовскихъ пановъ. Имъ обѣщали все, но прежде всего требовали людей, лошадей, хлѣба, денегъ; молчали о возстановленіи Польши и для управленія Литвою учредили временное правленіе подъ предсѣдательствомъ генерала Гогендорпа; Биньонъ назначенъ былъ главнымъ комиссаромъ при комиссіи, которую составили Прозоръ, Сѣраковскій, Сапѣга, Сельскій, Потоцкій, Снядецкій, Коссаковскій. Литва раздѣлена была на интендантства; всюду посланы были французскіе чиновники. Велѣно учреждать по городамъ народную гвардію, но всего болѣе надлежало заботиться о сборѣ людей, лошадей, запасовъ, учрежденіи магазиновъ и госпиталей. Комендантомъ виленскимъ назначенъ былъ Жомини; потомъ перевели его въ Смоленскъ. Наполеонъ вскорѣ увидѣлъ охлажденіе къ нему поляковъ, чему еще болѣе способствовали дальнѣйшія слѣдствія похода. «Побѣда кончитъ и примиритъ все», думалъ онъ.

И тѣмъ болѣе огорчила его ошибка въ надеждѣ неизбѣжной гибели 2-й русской арміи. Какъ левъ, охваченный ловцами, Багратіонъ спасъ ее и успѣлъ избѣжать отъ всѣхъ трехъ устремленныхъ на него армій.

Мы говорили о повелѣніи Багратіону идти прямо на соединеніе съ 1-ю арміей въ Дриссу, черезъ Новогродекъ и Вилейку, и о посылкѣ на него Наполеономъ Даву изъ Вильны, Іеронима изъ Гродно, Шварценберга отъ Дрогичина. Приказъ императора Александра Багратіонъ получилъ 30-го іюня въ Слопимѣ, куда перешелъ изъ Волковиска, располагая

по первому плану идти на Минскъ и дѣйствовать въ тылъ и флангъ Наполеону, стремившемуся на Вильну и Свенцяны. Исполняя новое распоряженіе, Багратіонъ отправилъ излишніе обозы въ Бобруйскъ и 4-го іюля перешелъ въ Новогродекъ; Платовъ прикрывалъ его движеніе, идя изъ Гродно на Лиду и Николаевъ, вверхъ по Нѣману. Въ Новогродкѣ узналъ Багратіонъ о занятіи Іеронимомъ въ тылу его Слонима. Впереди вездѣ встрѣчались Платову непріятельскіе разъѣзды, и плѣнники объявили, что Даву и вице-король уже готовы встрѣтить его между Новогродкомъ и Вилейкой. Багратіонъ рѣшился повернуть правѣе, на Минскъ, приказалъ Платову и Дорохову занимать непріятеля ложною переправой черезъ Нѣманъ въ Николаевѣ, а потомъ соединиться съ нимъ въ Минскѣ черезъ Камень и Хатово.

Между тѣмъ, какъ нетерпѣливо ждалъ Наполеонъ извѣстій о пораженіи Багратіона, такъ нетерпѣливо ждали прибытія его въ 1-й арміи. Флигель-адъютантъ Бенкендорфъ посланъ былъ снова къ нему съ приказаніемъ поспѣшать походомъ. Но Бенкендорфъ засталъ Багратіона уже въ Несвижѣ, на маршѣ въ Бобруйскъ, съ рѣшеніемъ идти черезъ Могилевъ. Опытный Даву не дался въ обманъ, не повѣрилъ движеніямъ Платова на Вилейку, хотѣлъ отрѣзать Багратіона въ Минскѣ, шелъ не останавливаясь и сутками предупредилъ приходъ Багратіона въ Минскъ. Бенкендорфъ встрѣтилъ бѣжавшаго изъ Минска губернатора и едва успѣлъ проскакать черезъ Минскъ до Несвижа, куда Багратіонъ пришелъ іюля 8-го, когда 1-я армія вступила въ Дрисскій лагерь.

Далеко не избѣгъ еще тогда опасности Багратіонъ, и если до тѣхъ поръ не погибла 2-я армія, соединеніе ея съ 1-ю на столь обширномъ пространствѣ, когда Даву перерѣзалъ путь въ Минскѣ, казалось невозможнымъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ своевольнымъ, какъ казалось, распоряженіемъ Багратіона, приказывалъ ему напасть на Даву и пробиться черезъ Минскъ, полагая Даву въ силахъ недостаточныхъ противиться удару 50.000, бывшихъ съ Багратіономъ, и не зная, что Багратіона, ожидаемаго Даву впереди, преслѣдуетъ съ тыла Іеронимъ.

Когда Багратіона упрекали медленностью его движеній, въ

томъ же упрекалъ Наполеонъ Іеронима. Дѣйствительно, онъ заслуживалъ упрекъ, промедливъ четыре дня въ Гродно и употребивъ четыре дня на переходъ до Новогродка. Здѣсь, давая войскамъ необходимый отдыхъ въ Несвижѣ, Багратіонъ велѣлъ Платову задерживать его. Платовъ схватился съ польскими полками въ Кореличахъ и разбилъ ихъ потомъ при Мирѣ (іюля 9-го). Іеронимъ остановился. Напрасно писалъ ему Наполеонъ: «Пустите впередъ поляковъ, отдайте всѣ легкія войска Понятовскому и только подкрѣпляйте его. Чего вы боитесь? Багратіону нѣкогда драться и маневрировать: ему только уйти надобно. Бейте русскихъ, задерживайте, если они пойдутъ на васъ, загородите имъ дорогу, если они станутъ уходить. Хуже вашего маневрировать невозможно, и вы будете причиною, если Багратіонъ уйдетъ. Черезъ васъ потеряю я плоды самыхъ искусныхъ расчетовъ и самый прекрасный случай, какой только могъ встрѣтиться въ нынѣшней войнѣ!» Слова Наполеона оправдались, но упреки его брату только болѣе повредили дѣлу, нежели принесли пользы.

Между тѣмъ въ расположеніи 1-й русской арміи произошла важная перемѣна. Дрисскій лагерь, плодъ соображеній и трудовъ тактика Фуля, оказался неудобнымъ. Искусный инженеръ, полковникъ Мишо, вполнѣ доказалъ невыгоды его мѣстоположенія и устройства для пребыванія и защиты. Положено оставить его и при наступательномъ движеніи непріятеля отступать къ Полоцку и Витебску, гдѣ открывалось болѣе удобствъ и для соединенія со 2-ю арміей, черезъ Минскъ, или даже черезъ Могилевъ, если Багратіонъ найдетъ невозможнымъ пробиться черезъ Минскъ.

Наступательныхъ движеній Наполеона ждали недолго. Іюля 13-го, кончивъ распоряженія въ Вильнѣ объ управленія Литвы, продовольствіи войскъ, движеніи корпусовъ Ожеро и Виктора, онъ оставилъ тамъ Маре съ европейскими дипломатами и, подтверждая Даву объ усиленіи дѣйствій на 2-ю русскую армію, двинулъ войска впередъ, намѣреваясь напасть на 1-ю армію, дѣйствовать въ правое крыло ея, разбить ее отдѣльно и отбросить къ сѣверу. «Барклаю не видаться болѣе съ Багратіономъ», говорилъ онъ, смѣясь. При первомъ движеніи Наполеона отъ Вильны началось отступленіе русскихъ. Дрисскій лагерь очи-

стили. Войска перешли за Двину, и 16-го іюля, когда Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны, послѣ 18-тидневнаго въ ней пребыванія, Барклай-де-Толли повелъ войска къ Полоцку. Противъ Дриссы оставленъ былъ за Двиною только корпусъ генерала Витгенштейна. Ему предписано наблюдать движеніе непріятеля въ сѣверныя области Россіи, къ чему давала подозрѣніе отдѣльность корпусовъ Макдональда и Удино. Едва выѣхалъ Наполеонъ изъ Вильны, какъ получилъ извѣстіе, что русскій конный отрядъ напалъ изъ-за Двины на одинъ изъ отрядовъ Мюрата, разбилъ его и захватилъ въ плѣнъ генерала Сенъ-Жени. Опасаясь, не слѣдуетъ ли за отрядомъ конницы вся русская армія, Наполеонъ остановилъ движеніе войскъ, поспѣшилъ въ Свенцяны и здѣсь убѣдился, что русскіе наѣздники учинили легкій набѣгъ для развѣдыванія о движеніи непріятеля; то былъ генералъ Кульневъ, посланный отъ Витгенштейна. Потерю времени въ сей нежданной остановкѣ Наполеонъ спѣшилъ замѣнить быстротою похода. Онъ остановился въ Глубокомъ, откуда равно могъ наблюдать Дриссу и Полоцкъ. Здѣсь прожилъ онъ недѣлю, сдвигая войска, и, тщетно ожидавши извѣстій о гибели Багратіона, двинулся въ Бѣшенковичи, между Полоцкомъ и Витебскомъ, намѣреваясь не допустить здѣсь соединенія русскихъ армій, если бы Даву не успѣлъ преградить пути Багратіону черезъ Могилевъ. Корпусъ Удино занялъ Дриссу, срылъ укрѣпленія бывшаго тамъ русскаго лагеря и получилъ приказаніе напасть на Витгенштейна и разбить его, дѣйствуя вмѣстѣ съ Макдональдомъ, который, наблюдая Ригу, долженъ былъ соображаться съ дѣйствіями Удино.

Объ усиленномъ наступленіи Наполеона знали, когда 1-я русская армія стояла близъ Полоцка. Здѣсь императоръ Александръ оставилъ русскую армію, и власть главнокомандующаго вполнѣ передана была имъ Б.-де-Толли. Облеченный полною довѣренностью монарха, Б.-де-Толли принялъ тяжелую обязанность борьбы, когда, повидимому, дѣла сближались къ неизбѣжному рѣшенію. Положено было сражаться, едва соединится онъ съ Багратіономъ, и маневрировать до тѣхъ поръ, ибо превышавшія силы Наполеона не давали возможности противостать имъ одною 1-ю арміей. Движеніе Наполеона на Бѣшенковичи заставило Барклая-де-Толли опасаться,

что непріятель отрѣжетъ ему сообщеніе съ Багратіономъ у Витебска. Іюля 20-го армія оставила Полоцкъ. Миновавъ Бѣшенковичи, Б.-де-Толли думалъ переправиться за Двину въ Будиловѣ, идти на Сенно и стать въ Оршѣ, закрывая дорогу въ Смоленскъ и сближаясь къ Багратіону; но удовольствовался только посылкой отряда по сему направленію, и 23-го іюля вступилъ въ Витебскъ. Здѣсь пришло извѣстіе, что Багратіонъ находится уже въ Могилевѣ. Обрадованный тѣмъ, Б.-де-Толли полагалъ соединеніе армій совершившимся, поставилъ войско на лѣвомъ берегу Двины, противъ Полоцка, гдѣ фронтъ позиціи закрывала рѣка Лучеса, впадающая выше Витебска въ Двину. Передъ Витебскомъ, на правомъ берегу Двины, былъ корпусъ Дохтурова. Давая войскамъ нѣсколько времени на отдыхъ, Б.-де-Толли не рѣшился принять битвы, хотѣлъ только обороняться и, въ случаѣ усиленнаго нападенія, двинуться на Оршу, сближаясь съ Багратіономъ, коего умолялъ поспѣшать. «Могу сражаться», писалъ онъ, «но послѣдствія сраженія могутъ быть пагубны. Что дастъ послѣ того спасеніе отечеству, если армія, долженствующая прикрывать нѣдра его, сильно потерпитъ отъ пораженія, которое, при всѣхъ успѣяхъ, не есть невозможный случай? Судьба государства не должна быть ввѣрена уединеннымъ силамъ одной арміи противъ несравненно превосходнѣйшаго непріятеля — соединимся и сразимъ врага Россіи!» Твердый въ своемъ намѣреніи, Б.-де-Толли не страшился, что непріятель усиленно движется по обоимъ берегамъ Двины, что Мюратъ занялъ 24-го іюля Бѣшенковичи и что выше по Лучесѣ показывались отряды изъ Сенно на Бабиновичи. Б.-де-Толли рѣшился удерживать позицію подъ Витебскомъ, съ часу на часъ ожидая Багратіона. Іюля 25-го узнали, что непріятель идетъ отъ Бѣшенковичей къ Островно, селенію на лѣвомъ берегу Двины, передъ Витебскомъ и Лучесою. Генералъ Остерманъ-Толстой посланъ былъ удержать Островно. Здѣсь вспыхнулъ первый бой Наполеона съ 1-ю русскою арміей. Обѣ стороны дрались упорно; 6 русскихъ пушекъ схвачены были при первомъ нападеніи французовъ. Бой длился до ночи. Безстрашный Остерманъ не уступалъ ни шагу. На вопросъ, что прикажетъ онъ дѣлать, ибо артиллерія французовъ наноситъ большой вредъ, «ничего не дѣлать», отвѣ-

чалъ Остерманъ: «стоять и умирать!» Ночью отвели войско на восемь верстъ ближе къ Витебску; Коновницынъ смѣнилъ Остермана и сталъ у Куковяки. Утромъ 26-го здѣсь возобновился бой. Явился самъ Наполеонъ, упорно тѣснилъ русскихъ, къ вечеру занялъ поле битвы, велѣлъ поставить близъ Куковяки свою палатку и располагалъ дать битву на слѣдующій день. Передъ нимъ на берегахъ Лучесы оставался авангардъ русской арміи, предводимый генераломъ Паленомъ. Рано утромъ двинулись французы и были отбиты. Въ быстрой атакѣ лейбъ-казаки промчались даже до той батареи, гдѣ стоялъ Наполеонъ, распоряжаясь будущею битвой; стремленіе ихъ остановилъ отрядъ, охранявшій Наполеона. Битвы равно ждали французы и русскіе. Мужественное упорство, оказанное русскими въ двухдневныхъ сраженіяхъ, увѣряло ихъ въ успѣхѣ. Но когда Паленъ отбивалъ нападенія Мюрата, русская армія уже снималась съ мѣста и отступала. Къ вечеру Паленъ перешелъ за Лучесу. Всѣ войска Наполеона сдвинулись къ ея берегамъ. Вице-король и Ней стояли отъ Двины по Лучесѣ; часть корпуса Даву, Напсути и гвардія были за ними; Монбрюнъ находился на правомъ берегу Двины; Сенъ-Сиру велѣно идти во флангъ русскимъ отъ Ушача, Груши—отъ Орши.

Настало утро, и Наполеонъ изумился извѣстію, что русская армія оставила свою позицію и очистила Витебскъ. Паленъ ушелъ ночью. Наполеонъ не вѣрилъ, поскакалъ самъ за Лучесу: русскихъ армій не было слѣда. Заняли Витебскъ, откуда уѣхали губернаторъ, чиновники и удалилась большая часть жителей. Наполеонъ послалъ разъѣзды по дорогамъ петербургской, порѣчской и смоленской, видѣлъ, что Б.-де-Толли отступаетъ на Порѣчье, остановилъ преслѣдованіе его и возвратился въ Витебскъ. Войска французскія заняли все протяженіе земель отъ Велижа и Суража до Орши; въ Витебскѣ была главная квартира Наполеона. Трехдневныя битвы подъ Витебскомъ стоили русскимъ до 4000 убитыми, ранеными и плѣнными; генералъ-майоръ Окуловъ былъ убитъ, а начальникъ артиллеріи 1-й арміи, генералъ Кутайсовъ, раненъ. Французы потеряли не менѣе: генералъ Руссель былъ убитъ подъ Островно.

Причиной перемѣны плана Б.-де-Толли и отступленія отъ Витебска было извѣстіе, полученное отъ Багратіона. Вопреки

прежнему слуху, Даву предупредилъ его въ Могилевѣ, и Багратіонъ долженъ былъ отодвинуть свое отступленіе гораздо далѣе. Онъ могъ пройти только черезъ Мстиславль и, слѣдственно, соединиться съ Б.-де-Толли уже близъ Смоленска. Такимъ образомъ не Витебскъ, но Смоленскъ являлся тою точкой, гдѣ могли остановиться русскія арміи. Б.-де-Толли двинулся туда. Онъ шелъ на Порѣчье, охраняя отправленные туда обозы и тяжести; Дохтуровъ былъ отряженъ поспѣшно въ Смоленскъ, предупреждая могущее быть движеніе туда Наполеона. Онъ достигъ Смоленска іюля 31-го. Барклай-де-Толли былъ въ Порѣчьѣ 29-го и августа 1-го также сдвинулся къ Смоленску. Авангардъ его, съ Паленомъ, остановился въ Холмѣ, на порѣчской дорогѣ, другой авангардъ, съ Шевичемъ,—въ Рудпѣ, на витебской. Августа 2-го явился въ Смолепскъ Багратіонъ, и на другой день пришла изъ Мстиславля 2-я русская армія.

Опасенія Наполеона оправдались: одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ случаевъ, одинъ изъ самыхъ искуспыхъ расчетовъ похода были потеряны; но не во всемъ виноватъ былъ Іеронимъ, какъ говорилъ Наполеонъ: главною виной успѣшнаго отступленія русскихъ были необыкновенныя воинскія дарованія Багратіона, мужество и неутомимость подчиненныхъ ему войскъ.

Вопреки полученному имъ приказу идти на Минскъ, Багратіонъ видѣлъ одно средство спасенія — предупредить Даву въ Могилевѣ. Туда направился онъ. Іюля 13-го русскіе были въ Слуцкѣ, идя двумя колоннами, изъ коихъ въ передней находился Раевскій; ему велѣно пробиваться грудью, если Даву заградитъ путь; вторую колонну велъ Багратіонъ, готовый подкрѣплять Раевскаго или арріергардъ Платова, отбивавшій съ тыла нападенія Іеронима. Багратіонъ готовъ былъ атаковать Іеронима, увѣренный, что разобьетъ его и потомъ отдѣльно ударитъ на Даву; но онъ опасался задержаться боемъ, поставить себя между двухъ огней, и зналъ что всего важнѣе была не частная побѣда, но сохраненіе арміи. Отправя въ Мозырь излишніе обозы, раненыхъ, плѣнныхъ и больныхъ, Багратіонъ отбилъ нападеніе Іеронима при Романовѣ и вскорѣ освободился отъ своего неопаснаго преслѣдователя. Разсерженный безпечностью брата, Наполеонъ велѣлъ Даву принять надъ

нимъ начальство. И безъ того недовольный упреками, понужденіями Даву, Іеронимъ почелъ оскорбленнымъ свое королевское величіе подчиненіемъ ему, сдалъ начальство генералу Таро, и не только оставилъ армію, но даже уѣхалъ изъ Россіи— дожидаться прихода русскихъ въ Кассель, оставя незавидную память о своемъ походѣ въ Россію. Забывая санъ короля и званіе полководца, Іеронимъ шумно пировалъ съ своими молодыми офицерами по городамъ и селеніямъ, пьяный билъ стекла въ домахъ, рубилъ саблею деревья въ садахъ помѣщиковъ и не останавливалъ солдатъ, въ глазахъ его грабившихъ погреба и домы богатыхъ поляковъ. Съ нимъ уѣхалъ Вандамъ, отзываясь болѣзнью. Наполеонъ разсердился. «Quelle incartade!» вскричалъ онъ, услышавши о поступкѣ брата, и говорилъ, что Іеронима слѣдовало разстрѣлять, какъ бѣглеца, но потомъ смягчился и упрекалъ Даву за грубость обращенія съ его королевскимъ величествомъ, а Вандаму поручилъ начальство надъ резервами въ Вестфаліи. Нѣсколько дней войска, бывшія подъ начальствомъ Іеронима, оставались бездѣйственными, тѣмъ болѣе, что Даву измѣнилъ планъ, надѣясь удержать Багратіона въ Могилевѣ своимъ корпусомъ и отрядами Понятовскаго и Латуръ-Мобура, которымъ велѣлъ идти изъ Несвижа черезъ Игуменъ; остальныя войска посланы были черезъ Минскъ на Оршу, куда пошелъ и Груши изъ Минска. Іюля 18-го Багратіонъ достигъ Бобруйска, гдѣ комендантъ сей вновь построенной крѣпости, генералъ-маіоръ Игнатьевъ, приготовилъ ему припасы и средства переправы черезъ Березину. Услуга была важная, ибо у Багратіона не было понтоновъ; при замедленіи непріятель могъ заградить ему путь въ Богруйскѣ, заставить его спускаться до Рѣчицы на Днѣпрѣ и, можетъ быть, вовсе отказаться отъ похода на Смоленскъ, невольно примкнувъ къ 3-й арміи, если онъ не хотѣлъ погибнуть сражаясь. Могилевъ былъ теперь спорнымъ мѣстомъ для Даву и Багратіона. Туда спѣшилъ Даву отъ Игумена, Багратіонъ изъ Бобруйска. Еще разъ Даву предупредилъ русскихъ, не допустивъ даже губернатора сжечь могилевскіе магазины, и 20-го занялъ Могилевъ, когда Багратіонъ достигъ селенія Дашковки, близъ Могилева. Остановясь въ недоумѣніи, Багратіонъ рѣшился испытать силы. Даву ждалъ его у Салтановки, въ лѣсахъ, на

правомъ берегу Днѣпра, и 23-го Раевскій началъ бой. Но усилія его и генерала Паскевича были тщетны. Напрасно рвались русскіе, ободряемые начальникомъ. Юный сынъ Раевскаго просилъ дать ему нести знамя; ровесникъ его, 16-лѣтній подпрапорщикъ, не отдалъ, говоря: «Я самъ умѣю умирать!» Потеря русскихъ простиралась до 2.000. Багратіонъ могъ возобновить сраженіе, даже надѣяться успѣха, но онъ убѣдился, что для сохраненія арміи ему оставалось предупредить непріятеля въ Мстиславлѣ. Онъ велѣлъ Платову перейти черезъ Днѣпръ, обходить Могилевъ, разсыпать отряды казаковъ между Могилевомъ и Мстиславлемъ, прикрыть движеніе арміи и потомъ идти къ Смоленску на Чаусы и Горки. Приказъ былъ исполненъ, и Багратіонъ, оставя Даву дожидаться возобновленія битвы, имѣлъ возможность укрыться, перейти Днѣпръ въ Быховѣ и черезъ Пропойскъ и Чериковъ 29-го іюля достигнуть Мстиславля. Августа 3-го полки Багратіона завидѣли башни смоленскія и уже радостно обняли храбрыхъ товарищей, воиновъ арміи Барклая-де-Толли, когда, соединивъ до 60.000 войска, Даву ждалъ между тѣмъ Багратіона у Могилева и отбивалъ рои казаковъ, отвсюду налетавшіе. Когда отхлынули они съ пространства между Днѣпромъ и Сожемъ, Даву совершенно потерялъ изъ вида своего противника и двинулся къ Оршѣ, убѣдясь, что дальнѣйшее преслѣдованіе Багратіона было безполезно.

Такъ совершилось соединеніе русскихъ армій у Смоленска! Въ виду Наполеона и армій его, 1-я русская армія совершила переходъ на 500-хъ, 2-я армія—на 750-ти верстахъ, въ теченіе сорока дней. Особенно достоинъ былъ изумленія подвигъ Багратіона, умѣвшаго избѣгнуть преслѣдованія трехъ армій, далеко превосходившихъ его числомъ. Если дремучіе лѣса, глубокіе пески и бездонныя болота Минска и Могилева служили къ прикрытію его движеній, они также затрудняли ему слѣдованіе, когда нерѣдко, растягивая армію на протяженіи 50 верстъ, Багратіонъ переходилъ по 40 и болѣе верстъ въ сутки. Величайшимъ пособіемъ были ему казаки, являвшіеся повсюду и сбивавшіе всѣ расчеты Наполеоновыхъ генераловъ.

Въ Витебскѣ снова остановился Наполеонъ, и пробылъ до 14 августа. Двѣ недѣли бездѣйствовалъ онъ здѣсь. Ему было

о чемъ подумать. Соединеніемъ русскихъ армій у Смоленска кончился первый періодъ похода. Надлежало рѣшить планъ окончанія его. Сей первый періодъ столь важенъ въ исторіи войны 1812 года, что необходимо здѣсь остановиться и сообразить положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ въ то время, когда Наполеонъ оставался въ Витебскѣ, а Барклай-де-Толли находился въ Смоленскѣ.

И безъ громкихъ бюллетеней дѣйствія Наполеона могли казаться блестящими. Передвинувъ полмилліона войскъ на край Европы, въ шесть недѣль провелъ онъ ихъ отъ Нѣмана до Витебска, овладѣлъ Литвою, сталъ на предѣлахъ коренной Руси, безъ боя заставилъ отступить 200 тысячъ русскихъ, оставлявшихъ во власти Наполеона города, области, лагери, гдѣ думали они противостать ему. Войска его угрожали вторженіемъ въ древній оплотъ Россіи, Смоленскъ; съ другой стороны, окружили Ригу, стремились къ Петербургу. Непріятели уступали имъ послѣ каждой битвы, гдѣ рѣшались сопротивляться. Императоръ Александръ оставилъ свои войска, искалъ новыхъ средствъ спасенія Россіи. Досужіе поэты парижскіе уже провозглашали побѣды Наполеона, говоря, что «передъ непобѣдимымъ бѣжитъ Александръ и во прахѣ видитъ свой тронъ» *).

Но, если все, исчисленное нами, заставляло Европу убѣждаться въ успѣхахъ Наполеона и величіи генія его и если событія съ перехода Наполеона за Нѣманъ наводили грусть и уныніе на русскихъ, заставляя ихъ трепетать за участь отечества, безпристрастное разсмотрѣніе могло показать все совершавшееся въ другомъ видѣ.

Безспорно, русскіе *отступили*, но *побѣжденные* ли? Безславно ли было ихъ отступленіе? Въ виду Наполеона, стройно совершилось оно, на обширномъ пространствѣ, черезъ лѣса, пески, болота, и всюду, гдѣ воля полководцевъ останавливала русскіе полки, они выдерживали бой и не уступали усиліямъ

---

*) Стихи Дезожье:

Tu fuis, Alexandre,
Tu fuis de Wilna.
Ton trône est en cendres:
L'*invincible* est là.

воиновъ Наполеона. Онъ угрожалъ Смоленску, но передъ нимъ стояла русская армія, уцѣлѣвшая, бодрая духомъ, требовавшая битвъ, даже надежная на побѣду, ибо побѣда уже привѣтствовала тогда знамена русскихъ. Здѣсь надобно дополнить главныя военныя событія подробностями дѣлъ въ отдѣльныхъ корпусахъ обѣихъ армій.

Когда Макдональдъ двигался отъ Тильзита, изъ Шавель отдѣлилась часть корпуса его, состоявшая изъ прусскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Граверта, и вступила въ Курляндію. По дорогѣ происходили стшбки съ отрядами рижскаго гарнизона. Важнѣе другихъ было сраженіе при Эккау іюля 19, гдѣ сражались Клейстъ съ Левизомъ. Пруссаки потеряли до 600 человѣкъ, и русскіе—не менѣе. Пруссаки стали на берегахъ Двины и безъ боя заняли Митаву. Опасаясь, что немедленно начнется упорная осада, рижскій военный губернаторъ, генералъ Эссенъ, поспѣшилъ выжечь городскія предмѣстія Риги, гдѣ сгорѣло 4 церкви и до тысячи домовъ: убытокъ, причиненный пожаромъ, простирался до 17-ти милліоновъ рублей, — жертва безполезная, но она показывала рѣшительность защитниковъ Риги. Когда Гравертъ потребовалъ сдачи города, Эссенъ отвѣчалъ, что «жалѣетъ, видя прусскаго генерала исполнителемъ воли чуждаго деспота». Пруссаки ограничились блокадою и легкими стшбками.

На Волыни находились другіе союзники Наполеона, австрійцы съ Шварценбергомъ, саксонцы съ Репье. Предписавъ Шварценбергу преслѣдовать 2-ю русскую армію съ Даву и Іеронимомъ, Наполеонъ велѣлъ Ренье наблюдать 3-ю армію, Тормасова, и охранять сообщенія съ Варшавскимъ герцогствомъ. Шварценбергъ медленно потянулся въ Несвижъ, слѣдуя за движеніями Іеронима. Ренье сталъ въ Слонимѣ. Тормасову предписано было іюля 13-го, охраняя Волынь и Кіевъ, наступательнымъ движеніемъ тревожить непріятеля и тѣмъ облегчать отступленіе Багратіона. Отправя отрядъ въ Мозырь, оставя другой въ Житомірѣ, Тормасовъ послалъ третій отрядъ въ Пинскъ, увлекъ туда вниманіе Ренье, явился съ остальными войсками у Бреста, захватилъ въ расплохъ саксонскій отрядъ въ Кобринѣ, послѣ упорнаго боя іюля 27-го заставилъ сдаться въ плѣнъ саксонскаго генерала Кленгеля, 66 офи-

церовъ, 2234 рядовыхъ, и взялъ 4 знамени и 8 пушекъ. Побѣда была не велика, но слѣдствія ея чрезвычайно важны, ибо она встревожила Варшавское герцогство, заставила Шварценберга обратиться на помощь Ренье и отвлекла его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія 2-й арміи.

Но не только по слѣдствіямъ, и по самой сущности важна была побѣда, одержанная почти въ то же время гораздо ближе къ главной арміи Наполеона. Мы видѣли, что корпусъ Витгенштейна оставленъ былъ ниже Полоцка, на правомъ берегу Двины. Имѣя до 25.000 войска и получивъ неопредѣленное приказаніе охранять сѣверныя русскія области, онъ подвергался двойному нападенію, ибо Наполеонъ велѣлъ Удино очистить берега Двины, дѣйствуя заодно съ Макдональдомъ. Утвердясь въ Полоцкѣ, Удино пошелъ на Себежъ, когда Макдональдъ, бывшій у Якобштадта, переправлялся за Двину, и угрожалъ нападеніемъ съ другой стороны. Охраняя отрядомъ Динабургъ и находясь самъ ближе къ Полоцку, Витгенштейнъ видѣлъ опасность, если Удино и Макдональдъ соединятся, хотѣлъ идти на Макдональда, но рѣшился прежде предупредить Удино, и смѣло напалъ на него, несмотря на неравенство силъ, ибо Удино имѣлъ болѣе 30 тысячъ. «Если разобью его, то съ однимъ Макдональдомъ могу быть спокоенъ», писалъ Витгенштейнъ. Пока отрядъ генерала Гамена увлекалъ вниманіе Макдональда, Витгенштейнъ явился на перерѣзъ пути Удино по себежской дорогѣ. Удино занималъ селеніе Клястицы, намѣреваясь идти въ Себежъ, когда влѣво показались полки Витгенштейна. Бой загорѣлся у Якубова іюля 30-го, и возобновился на другой день съ разсвѣтомъ. Удино ввелъ въ дѣло всѣ бывшія у него силы, но не выдержалъ упорства русскихъ, оставилъ Клястицы, перешелъ за Дриссу, пересѣкающую дорогу отъ Себежа къ Полоцку, и соединилъ всѣ силы у Сивошина, оставя Витгенштейну 900 плѣнныхъ, обозы, даже свои собственные экипажи, хотя противъ 23-хъ тысячъ бывшаго у него войска у Витгенштейна не было и 18.000. Желая воспользоваться побѣдою, Витгенштейнъ послалъ генерала Кульнева преслѣдовать непріятелей. Излишне-отважный, Кульневъ напалъ на Удино августа 1-го, перейдя за Дриссу, поплатился за отвагу разбитіемъ, потерею 9 пушекъ и былъ

убитъ. Но Витгенштейнъ не надолго остался въ долгу. Онъ встрѣтилъ Вердье, посланнаго преслѣдовать русскихъ, смялъ его и преслѣдовалъ до Дриссы, куда Вердье успѣлъ укрыться, потерявъ до 2.000. Вообще, весь уронъ французовъ въ битвахъ съ Витгенштейномъ простирался до 10.000, въ томъ числѣ до 3.000 плѣнными, когда русскіе потеряли не болѣе 4.300. Съ остальными, разстроенными войсками, Удино возвратился въ Полоцкъ, и только опасеніе со стороны Макдональда остановило преслѣдованіе его русскими.

Но Макдональда опасались напрасно. Отправя Граверта къ Митавѣ и Ригѣ, онъ переправился съ дивизіею Гранжана за Двину въ Якобштадтѣ. Гамепъ безъ боя уступилъ ему Динабургъ, куда Макдональдъ пришелъ въ день клястицкой битвы. Услышавъ объ успѣхѣ русскихъ, онъ не смѣлъ идти далѣе и думалъ оказать важную услугу, уничтожая крѣпостныя строенія и строительные запасы неконченной динабургской крѣпости. Наполеонъ считалъ, по невѣрнымъ извѣстіямъ, Динабургъ столь важнымъ, что назначилъ для осады его паркъ изъ 100 орудій, которыя изъ Магдебурга были уже привезены на Нѣманъ, но отсюда отправлены въ Данцигъ.

Всѣ сіи успѣхи могли возвышать надежды русскихъ; но гораздо важнѣе были дѣла, совершившіяся тогда въ Россіи, вдали отъ полей брани: оживляемый великодушнымъ рѣшеніемъ императоръ Александръ возставлялъ духъ русскаго народа, и кликъ негодованія противъ дерзкаго завоевателя, грозившій непримиримою местью, раздавался во всѣхъ предѣлахъ Русскаго царства.

Прервавъ всѣ сношенія съ Наполеономъ, давши обѣтъ брани безъ мира, если императоръ Александръ убѣдился въ опасности борьбы противъ полчищъ Наполеона, въ обширности бѣдствія, терзавшаго Россію, онъ созналъ и огромныя сили свои, и хотѣлъ всѣ ихъ употребить и истощить на гибель врага. Онъ оставилъ свою армію, но только для того, дабы готовить новыя ополченія, оружіе, запасы, подвигнуть на битвы весь свой народъ, указать ему на брань съ непріятелемъ, вторгнувшимся въ предѣлы Россіи, какъ на дѣло отчизны и вѣры. Посылая на битвы полки и полководцевъ своихъ, Александръ хотѣлъ пожертвовать обѣими столицами, если до того доведетъ необ-

ходимость, по прежде того противопоставить грозные ряды новыхъ укрѣпленій, если бы врагъ сломилъ уже поставленныя противъ него.

Война была кровавая, народная, война, которую уже испыталъ Наполеонъ въ Испаніи. Вслѣдъ за удаленіемъ русскихъ, велѣно было повсюду увозить все оттуда, гдѣ является непріятель, и истреблять, чего увезти было невозможно; оставлять ему опустѣлые города и селенія, испорченныя дороги, разрушенные мосты; жителямъ приказано уходить въ лѣса, вооружаться и истреблять враговъ всѣми средствами. Императоръ Александръ не скрывалъ опасности, угрожавшей Петербургу, и велѣлъ изготовлять къ отправленію изъ столицы всѣ присутственныя мѣста, учебныя заведенія, драгоцѣнности изъ дворцовъ и общественныхъ заведеній, арсеналы, трофеи, святыни церквей; даже приказано было распорядиться увозомъ памятниковъ Петра Великаго и Суворова. Все должно было отправить по Невѣ во внутрь Россіи. Императорское семейство долженствовало готовиться къ отбытію; Казань назначалась мѣстомъ пребыванія его и высшихъ мѣстъ управленія государствомъ.

«Если началась война, я рѣшился продолжать ее годы, даже если бы пришлось мнѣ сражаться на берегахъ Волги», писалъ Александръ Бернадотту. Слова сіи не были хвастливою угрозою. Изъ Дриссы посланы были полковники Мишо, Чернышовъ и Эйхенъ обозрѣвать мѣстоположенія до Москвы, гдѣ можно было устроить лагери, и когда не нашли бы ихъ, велѣно было ѣхать на Волгу, даже далѣе. «Если счастіе захочетъ испытать мое постоянство, у меня остается еще много средствъ и довольно земли завести непріятеля далеко», говорилъ Александръ, отправляя Мишо. Дѣйствительно, не найдя нигдѣ до Москвы удобныхъ мѣстъ, Мишо получилъ приказъ устраивать лагерь на 100 тысячъ человѣкъ на Волгѣ, для прикрытія Нижняго-Новгорода и Казани. Всюду готовили оружіе, и послѣ объявленія о новомъ наборѣ (іюля 13-го) съ нѣкоторыхъ губерній, дѣятельно производилась формировка войскъ Милорадовичемъ въ Калугѣ, Лобановымъ во Владимірѣ, Клейнмихелемъ въ Москвѣ. Но въ душѣ Александра явилась мысль составить многочисленныя *народныя* ополченія, подобно тому, какъ въ 1806 году собрана была милиція. Сіи *ратники* или *ополченіе*,

какъ назвали ихъ впослѣдствіи, долженствовали быть произвольнымъ пожертвованіемъ помѣщиковъ, а вооруженіе ихъ составитъ пожертвованіе другихъ сословій. «Хочу воззвать народъ мой на истребленіе врага всѣми средствами, какъ на дѣло, которое предписываетъ намъ самая вѣра, и надѣюсь— мы окажемъ столько же твердости, сколько оказали ея испанцы», писалъ Александръ Барклаю-де-Толли (іюля 9-го). Въ Москвѣ повторилъ опъ сіи слова графу Толстому, когда тотъ спросилъ его: «что намѣренъ опъ дѣлать, если Наполеопъ дойдетъ до Москвы и останется въ ней зимовать?» «Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію!» отвѣчалъ Александръ. Іюля 18-го изданы были манифестъ и воззваніе къ Москвѣ, гдѣ, обѣщая вскорѣ стать среди народа своего въ древней столицѣ, Александръ говорилъ о необходимости «собрать внутри государства новыя силы, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ».

Объявленіе императора Александра возбудило всеобщій восторгъ. Унынie смѣнилось воплемъ народнаго мщенія. Москва нетерпѣливо ждала своего царя. Александръ отправился изъ Полоцка въ Великіе Луки, гдѣ ждали его канцлеръ Румянцевъ и посолъ испанскихъ кортесовъ, Зеа Бермудесъ. Распорядясь здѣсь дипломатическими сношеніями съ Европою, Александръ спѣшилъ въ Москву. Въ Смоленскѣ встрѣтили его радостныя слезы и клики восторга подданныхъ. Смоленское дворянство вызывалось поставить изъ своихъ крестьянъ до 20 тысячъ ратниковъ. Въ городахъ отъ Смоленска до Москвы встрѣчалъ Александръ одинакій восторгъ. Жители Москвы вышли привѣтствовать императора Александра на Поклонную гору, близъ смоленской заставы; хотѣли выпрячь лошадей изъ его коляски и везти ее на себѣ. Желая уклониться отъ встрѣчъ, Александръ въѣхалъ въ Москву ночью; но когда на другой день узнали объ его прибытіи, безсчетныя толпы народа наполнили Кремль. Самовидцы не забудутъ, а не видавшіе съ трудомъ повѣрятъ чувству, какимъ встрѣтили Александра, едва появился опъ передъ народомъ. По слову его, пол-Москвы готово было двинуться немедленно навстрѣчу непріятелю. Черезъ два дня въ собраніи дворянства и купечества положено единодушно: отдать въ новое ополченіе *десятаго* изъ помѣщичьихъ кре-

стьянъ. Сіе ополченіе не было рекрутскимъ наборомъ или милиціею, но «временнымъ ополченіемъ», въ подкрѣпленіе войскамъ и охраненіе отечества. Положено собрать его съ 17-ти губерній, раздѣленныхъ на три округа. Ратники возвращались въ домы и семейства свои по окончаніи войны; они сохраняли свои бороды, были одѣты въ русскіе кафтаны и носили шапки съ крестомъ и надписью: «За Вѣру и Царя». Другія сословія не щадили пожертвованій деньгами. Духовенство возбуждало ревность народа духовными увѣщаніями, нарочно составленными молитвами, которыя читали въ церквахъ. Митрополитъ Платонъ, нѣкогда славный краснорѣчіемъ, но тогда почти столѣтній старецъ, прислалъ Александру доску съ гроба св. Сергія, на которой написанъ былъ образъ святого, почитаемаго защитникомъ Москвы, и которую во всѣхъ походахъ имѣлъ съ собою Петръ Великій. Въ Москвѣ обнародованы были договоры Россіи съ Испаніею и Англіею. Договоромъ съ Испаніею, заключеннымъ въ Великихъ Лукахъ іюля 20, императоръ Александръ признавалъ кортесы и конституцію ихъ какъ временное правительство въ отсутствіе законнаго короля испанскаго, Фердинанда VII; оба государства обязывались къ взаимной помощи противъ общаго врага. Договоръ съ Англіею заключенъ былъ въ Оребро россійскимъ посломъ въ Швеціи, Сухтеленомъ, и англійскимъ посломъ Торнтономъ. Возобновляя взаимныя сношенія и торговлю, Алдксандръ довольствовался отъ англичанъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ взаимной помощи *). Не ожидая размѣна ратификацій, Англія прислала посла своего, лорда Каткарта, въ Петербургъ, и русскія гавани были открыты англійскимъ кораблямъ. Гораздо важнѣе обоихъ договоровъ былъ мирный трактатъ съ Турціею, казавшійся невозможнымъ въ тогдашнемъ положеніи Россіи; заключеніемъ его обязаны были уму и опытности Кутузова. Послѣ разрушенія бухарестскаго конгресса, онъ дѣйствовалъ одинъ, какъ полководецъ и какъ министръ, открылъ зимою

*) *Art.* 3. Si une puissance quelconque déclarait la guerre à S. M. I. ou Britannique, les deux souverains conviennent de s'assister mutuellement pour la défense et la sureté de leurs états respectifs. *Art.* 4. Les deux hautes parties contractantes se réservent de s'entendre, sitôt que possible, relativement à tout ce qui concerne leurs intérêts éventuels politiques et commerciaux.

военныя дѣйствія, стращалъ и ласкалъ турковъ, когда въ Царыградѣ возстала противъ Россіи вся дипломатика европейская; даже Англія хитрила, и явныя пользы султана требовали продолженія войны, а въ то же время изъ Петербурга было подтверждаемо Кутузову сохранять честь Россіи и предписывалось въ случаѣ упорства турковъ начать войну наступательную, но паче всего не медлить. Неисполненіе Кутузовымъ предписаній, вопреки донесеніямъ его о невозможности исполненія, огорчало Александра. Уже на смѣну Кутузова ѣхалъ изъ Петербурга любимецъ императора Александра, адмиралъ Чичаговъ съ новыми распоряженіями, полномочіемъ заключить миръ и планомъ военныхъ дѣйствій въ адріатическихъ областяхъ Франціи. Не дожидаясь его, Кутузовъ кончилъ дѣло и мая 17 подписалъ мирный договоръ. Турція уступала Россіи земли по рѣку Прутъ, всю Бессарабію съ Хотиномъ, Бендерами, Измаиломъ и обѣщала права и прощеніе сербамъ. Трактатъ подписанъ былъ въ Бухарестѣ черезъ десять дней (мая 28). Предоставляя Александру подтвердить или отвергнуть заключенный имъ миръ, Кутузовъ сдалъ Чичагову армію и смиренно удалился въ свою деревню. Что показалось бы неудовлетворительно прежде, то являлось великою заслугою при измѣнившихся быстро обстоятельствахъ. Кромѣ честнаго мира и новыхъ, богатыхъ областей, Россія пріобрѣла 50.000 храбраго, опытнаго войска, бывшаго на Дунаѣ, когда дорогъ былъ каждый солдатъ. Миръ торжествовали какъ радостное событіе. Кутузовъ, узнавшій о началѣ войны съ Наполеономъ, отправился въ Петербургъ и на дорогѣ встрѣчаемъ былъ повсюду привѣтомъ и нескрываемыми надеждами, что ему ввѣрено будетъ начальство противъ Наполеона и ему Провидѣніе опредѣляетъ спасти Россію. По прибытіи въ Петербургъ императора Александра (августа 3) Кутузовъ награжденъ былъ княжескимъ титуломъ.

Убѣжденный въ готовности подданныхъ раздѣлить его твердое и непоколебимое рѣшеніе, императоръ Александръ спѣшилъ лично утвердить союзъ Россіи съ Швеціею. За Бернадотта могли ручаться всѣ политическія отношенія его и раздоръ съ Наполеономъ. Швеція заключила даже тайный, предварительный договоръ съ Россіею, подписанный въ Петербургѣ

апрѣля 5-го. Швеція обязывалась соединить вспомогательный корпусъ отъ 25 до 30 тысячъ съ русскимъ отъ 15-ти до 20 тысячъ и учинить высадку въ Германію, гдѣ почтено будетъ приличнѣе. Россія не только утверждала за нею Норвегію, но принимала на себя обязанность убѣдить Данію на сію уступку и въ случаѣ несогласія отдавала Швеціи 35.000 корпусъ для немедленнаго завоеванія Норвегіи. Шведскій посланникъ въ Царыградѣ усердно помогалъ въ убѣжденіи султана на миръ. Съ апрѣля находился въ Швеціи англійскій посолъ Торнтонъ; іюля 12-го заключенъ былъ съ Англіею трактатъ, коимъ возобновлялись дружба и торговля и Швеція отказывалась отъ правъ морского нейтралитета. Бернадоттъ предлагалъ даже Александру послѣ вторженія Наполеона въ Россію повременить завоеваніемъ Норвегіи, изъявляя готовность отправить на помощь Россіи корпусъ войскъ. «Надобности въ томъ не предвижу; но судьба Европы должна рѣшиться въ Россіи, а спасти ее можно только гибелью Наполеона», говорилъ онъ. «Всякое примиреніе съ нимъ погубитъ насъ». Но Александру не могли не быть извѣстны переговоры, которые велъ въ то же время Бернадоттъ черезъ жену свою въ Парижѣ, и черезъ Липьеля въ Дрезденѣ. Весьма важно было послѣ сего опредѣлить гласно и рѣшительно отношенія съ Швеціею, послѣ чего войска, находившіяся въ Финляндіи, могли двинуться на мѣста военныхъ дѣйствій. Августа 21-го Александръ отправился въ Або, ждалъ три дня пріѣзда Бернадотта и встрѣтилъ его дружески. Согласились, что завоеваніе Норвегіи будетъ отсрочено на нѣкоторое время, но зато Россія обязывалась дать потомъ Швеціи не менѣе 35.000 человѣкъ. Кромѣ того, Бернадоттъ предложилъ возвратить Швеціи Аландскіе острова. Александръ отвергъ предложеніе и отвѣчалъ, что какъ ни дорожитъ онъ дружбою и союзомъ Швеціи, но «*не уступитъ ни аршина земли, даже если бы довелось ему удалиться въ Сибирь и тамъ сражаться за неприкосновенность Имперіи!*» Бернадоттъ согласился, и августа 30-го подписали новый договоръ, послѣ чего немедленно разстались Александръ и Бернадоттъ, съ изъявленіями дружества. Какъ опытный полководецъ и ученикъ Наполеона, Бернадоттъ много говорилъ о планѣ войны и особенно одобрилъ планъ медленія и завле-

ченія непріятеля. «Дайте Наполеону растрепаться (s'user), и вы увидите, что черезъ мѣсяцъ онъ совершенно спутается. Макдональду не пройдти въ Петербургъ, если вы подкрѣпите Витгенштейна войсками изъ Финляндіи. До Витебска Наполеонъ еще держится стройно, въ Смоленскѣ растеряется, въ Москвѣ погибнетъ. Витгенштейнъ съ Двины, Тормасовъ съ Волыни пойдутъ на Варшаву. Шварценбергъ драться не станетъ, и Наполеонъ будетъ отрѣзанъ отъ Европы. Пусть идетъ впередъ! Въ каждой битвѣ онъ все ставитъ на карту: проиграетъ одну и все потеряетъ. Люди служатъ ему, пока онъ счастливъ, но при бѣдствіи все возстанетъ на него, и сенатъ его уничтожитъ». Бернадоттъ показалъ Александру тайную переписку свою съ Парижемъ и просилъ не думать о Норвегіи. «При успѣхѣ Россіи, я свое возьму,—говорилъ онъ,—вы сдержите ваше обѣщаніе. Но если падетъ Россія,—Европа будетъ рабой Наполеона; цари сдѣлаются его слугами, и—лучше быть простымъ крестьяниномъ и пахать землю, нежели носить безславный вѣнецъ по волѣ тирана!»

Если договоры съ Турціею и Швеціею обезопасили Россію на сѣверѣ и югѣ, давая средства усилить число войскъ противъ Наполеона бывшими на Дунаѣ и въ Финляндіи, а договоръ съ Англіею оживлялъ торговую дѣятельность Россіи, чрезвычайно важны были они въ нравственномъ отношеніи, ободряя духъ народа, являя ему возобновлявшіеся союзы Россіи и показывая Наполеону отношенія къ нему европейской политики. Александра могло между тѣмъ особенно порадовать расположеніе его подданныхъ. Они оправдывали, превосходили всѣ надежды его. При возвращеніи въ Петербургъ, онъ видѣлъ, что въ обширныхъ и дѣятельныхъ мѣрахъ развились ревность и усердіе, возбужденныя его воззваніемъ. Всюду выставляли людей; отовсюду несли деньги; отставные старики просились на службу; юноши бѣжали изъ отцовскихъ домовъ, спѣша стать въ ряды воиновъ; купцы, мѣщане, ремесленники записывались въ полки и ополченіе; богатые помѣщики вербовали на счетъ свой особенные полки; частные люди отдавали какое было у нихъ оружіе. Забыты были различія вѣръ, правовъ и обычаевъ. Когда калмыки и башкиры составляли дружины, на службу вызывались сибирскіе тунгузы, и таврическіе татары. Евреи,

греки, армяне молились о побѣдѣ русскаго царя, и жертвовали деньгами. Собранія дворянъ и разныхъ сословій, гдѣ происходили совѣщанія, представляли поразительныя зрѣлища, гдѣ часто слезы горести и клики негодованія прерывали рѣчи, внушаемыя неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ сердца. Отворенныя церкви съ утра до вечера были наполнены народомъ, молившимся со слезами. На праздникахъ, въ театрахъ, при каждомъ словѣ о защитѣ отечества, о гибели врага, раздавались клики и слышались рыданія. Преступники, сосланные въ Сибирь, люди, отвергнутые обществомъ, приносили бѣдную лепту отечеству. Въ Финляндіи, столь недавно пріобрѣтенной, жители набирали полки. Съ Урала и съ Буга шли полки казаковъ; Донъ поднялся весь, остались только старики и слабые юноши; новое ополченіе донцовъ составило 15.000 человѣкъ. Между тѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ дѣятельно производилось составленіе ополченій. Въ мѣсяцъ Москва и семь приписанныхъ къ ней губерній снарядили 120.000 ратниковъ. Замѣчательно, что въ начальники ополченія въ Москвѣ и Петербургѣ въ одно время выбранъ былъ единогласно *одинъ* и *тотъ же* вождь—*Кутузовъ*. Принявъ на себя должность начальника петербургскихъ ратниковъ, онъ явился въ собраніе дворянства и со слезами благодарилъ за честь выбора, которымъ «украсили его сѣдины». Ревностно занялся онъ составомъ ратниковъ, и также черезъ мѣсяцъ, какъ въ Москвѣ, готово было въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ болѣе 23.000. Съ ратниками 3-го округа ополченіе простерлось до 208.000 человѣкъ.

Пока готовились сіи народныя дружины, обнародованъ былъ новый наборъ рекрутскій, по одному рекруту съ 50 душъ. Въ Смоленскѣ составился особенный отрядъ, образованіе и начальство надъ коимъ отдано было генералу Винцингероде. Онъ назначался для отдѣльныхъ дѣйствій, внѣ состава арміи. На защиту Петербурга велѣно Кутузову сформировать нѣсколько полковъ изъ оставшихся въ столицѣ солдатъ и способныхъ людей. Послѣ заключенія договора съ Швеціею, 17.000 войска, бывшаго въ Финляндіи, положено отправить въ Ригу. Наконецъ, миръ съ Турціею давалъ возможность распорядиться Дунайскою арміей. Потребность усилій въ борьбѣ съ Наполео-

номъ въ Россіи и особенныя отношенія къ Австріи (какъ увидимъ впослѣдствіи) заставили Александра отмѣнить отдаленное предпріятіе въ Далмацію. Чичагову послано было изъ Смоленска повелѣніе обратиться на Волынь и соединиться съ Тормасовымъ. Онъ получилъ приказъ іюля 27-го, когда русскіе отряды уже вступили изъ Валахіи въ Сербію. Немедленно возвратили ихъ и черезъ четыре дня полки съ Дуная двинулись на Волынь.

Приготовляя силы противъ врага, обрадованный успѣхами Витгенштейна и Тормасова и успѣшными битвами подъ Витебскомъ и Могилевомъ, императоръ Александръ нетерпѣливо ждалъ извѣстій о наступательномъ движеніи главныхъ армій, соединенныхъ у Смоленска. «Намъ надлежало оставить предѣлы нашей земли», писалъ онъ Барклаю-де-Толли, «но прискорбно видѣть, что отступленіе войскъ нашихъ продолжилось до Смоленска. Нетерпѣливо жду извѣстій о вашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ и даже почитаю ихъ теперь начатыми».

Все изложенное нами можетъ убѣдить, что безпристрастный взоръ на событія войны 1812 года до Витебска являлъ побѣду Наполеона *сомнительною*, если не сказать ничего болѣе. Царей и народы, мыслящихъ и дѣйствующихъ, какъ мыслили и дѣйствовали Александръ и народъ его въ 1812 году, не побѣждаютъ. Но еще большимъ ручательствомъ за трудность, если не совершенную неисполнимость исполинскаго предпріятія Наполеонова, было состояніе его полчищъ, казавшихся побѣдительными, и даже состояніе самого Наполеона. До Витебска уже раскрылось все, что было зерномъ гибели его, въ положеніи Европы, полководцевъ его, войска и самого Наполеона—измѣненіе быстрое, изумляющее!

Мы говорили о несогласіи на походъ въ Россію почти всѣхъ окружавшихъ Наполеона, даже ропотѣ его полководцевъ, войска и народа, и причинахъ тому. Шумъ, обольщеніе, тревога похода, привычка къ безпрекословному повиновенію, воинская дисциплина, надежда наградъ и добычи заглушили все, безмолствовали передъ всемогущею волею повелителя,—но уже утомительный походъ до Нѣмана снова возбудилъ ропотъ и неудовольствіе. Очарованіе перехода за Нѣманъ скоро исчезло, когда войско вступило въ негостепріимныя области Литвы,

Дата

Видѣніе Наполеона.—Съ картины Дюпэнъ.

увидѣло тамошніе дремучіе лѣса, непроходимыя болота, сыпучіе пески, ничтожное пародонаселеніе, бѣдные города, наполненные жидами, селенія, обитаемыя грубыми, неопрятными крестьянами. Всюду были истреблены запасы, удалены управленія, испорчены дороги, разрушены мосты. Къ умноженію неудобствъ похода, начались проливные дожди, и, утопая въ грязи, въ болотахъ, въ пескахъ, войска совершали безъ отдыха усиленные марши, останавливались на бивакахъ голодныя, видя передъ собою впереди безконечные лѣса и пустыни, когда изъ-за каждаго куста грозила смерть и плѣнъ на дротикѣ казака или пикѣ русскаго гусара. Бѣдствія голода вскорѣ начали терзать армію. Обозы и запасы не могли успѣвать за быстрымъ походомъ арміи; у жителей ничего не было; всѣ запасы русской арміи были увозимы или истребляемы. Лошади падали тысячами; люди, изнуренные, голодные, подвергались губительнымъ болѣзнямъ, когда не было ни госпиталей, ни лѣкарствъ. Подъ предлогомъ фуражировки, умножалось мародерство, и тысячи бродягъ отставали отъ войска, жгли, грабили, что могли, составляя гибель жителей и язву, растлѣвавшую воинскій порядокъ. Дошло до того, что Наполеонъ велѣлъ составить особыя команды, ловить и разстрѣливать бродягъ и мародеровъ. Но зло было неистребимо, и всюду на пути встрѣчали его жалобы и вопли жителей. Въ глазахъ его солдаты грабили, безчинствовали. Офицеры и генералы нерѣдко подавали тому примѣръ; не щадили церквей и господскихъ домовъ, разливаясь широко отъ проходимаго войскомъ пути какъ губительная лава. За неимѣніемъ лошадей артиллерію, даже гвардейскую, во многихъ мѣстахъ везли волами. Всѣ сіи причины совокупно, при неудовольствіи и враждѣ другъ на друга начальниковъ, производили медленность, неточность въ движеніяхъ войскъ, когда притомъ не было проводниковъ, а казаки вездѣ перехватывали курьеровъ и прерывали сообщенія. Раздоръ и негодованіе умножались. Мы видѣли ссору и ошибки Іеронима и Даву, неудачи Ренье и Удино, нерѣшительность Макдональда. Тамъ, гдѣ являлся самъ Наполеонъ, все одушевлялось, оживало, и все было уныло, грустно, нерѣшительно, гдѣ не было его. Тогда оказался вредъ того, что́ такъ часто прежде давало ему побѣду: соединеніе всѣхъ распоряженій въ его особѣ. Онъ не

могъ распоряжать, когда военныя дѣйствія растянулись на тысячу верстъ и сдѣлались сложны и разнообразны. Бѣдствія, терпимыя Литвою и Польшею, умножили охлажденіе поляковъ къ Наполеону, начавшееся послѣ отказа его возстановить немедленно Польшу. Напрасно горячія головы старались возбудить восторгъ земляковъ, кричали о славѣ Собіескихъ, звали поляковъ подъ знамена освободителя Польши: являлось нѣсколько бродягъ, нѣсколько ослѣпленной молодежи и старыхъ пановъ пить, размахивать саблями и шумѣть, и все оканчивалось жалобами на грабежи войска, на жадность и корыстолюбіе французскихъ чиновниковъ, управлявшихъ Литвою. Недалеко отъ Вильны Наполеонъ велѣлъ призвать къ себѣ нѣсколько литовскихъ крестьянъ и началъ говорить имъ о свободѣ. Кланяясь ему униженно, крестьяне смотрѣли безсмысленно и ничего не понимали. «И они хотятъ, чтобы съ такими людьми я возстановилъ Польшу!» съ досадою вскричалъ Наполеонъ.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Витебскѣ узналъ Наполеонъ о новыхъ ополченіяхъ императора Александра, велѣлъ переводить и читать воззваніе его и Синода, слышалъ о мирѣ Россіи съ турками, о союзѣ Александра съ Бернадоттомъ, соединеніи русскихъ армій подъ Смоленскомъ, успѣхахъ Витгенштейна и Тормасова. Обманывая себя и другихъ, онъ старался представить себѣ многое въ превратномъ видѣ; иногда молчалъ въ недоумѣніи; иногда не скрывалъ гнѣва и негодованія и заставлялъ другихъ молчать. Презрительно говорилъ онъ, что Александръ старается возбудить «дикое изувѣрство москвитянъ» своими воззваніями къ вѣрѣ и чести народной. «Чѣмъ возбудилъ я противъ себя такую ненависть императора Александра?» спрашивалъ онъ иногда съ удивленіемъ. «Неблагодарный!» вскричалъ Наполеонъ, услышавъ о союзѣ съ Россіею Бернадотта. «Марта 24-го подписалъ онъ трактатъ съ Россіею, а 29-го марта послалъ своего повѣреннаго торговаться со мною въ Дрезденѣ!» — «Турки раскаются, но поздно», говорилъ онъ хладнокровно, услышавъ о бухарестскомъ мирѣ. «Турецкіе бунчуки могли бы быть на стѣнахъ Одессы, когда въ Петербургѣ вѣялось бы шведское знамя, а французскіе орлы воздвигались надъ Москвою! Судьба сильнѣе человѣка!»

Недостатку продовольствія и болѣзнямъ старался онъ помочь приказами подвозить хлѣбъ изъ запасовъ Пруссіи и учрежденіемъ госпиталей. Иногда просто запрещалъ онъ надоѣдать ему требованіями. «Скажите Понятовскому, — отвѣчалъ онъ, когда тотъ жаловался на недостатокъ хлѣба и невыдачу жалованья,—что я весьма недоволенъ, если онъ говоритъ о хлѣбѣ и жалованьи, когда надобно драться. У моей гвардіи нѣтъ хлѣба: она ѣстъ мясо—и не жалуется. Неужели поляки такіе плохіе солдаты, что не переносятъ подобныхъ лишеній въ походѣ? Надѣюсь, что впередъ онъ не будетъ толковать со мной о подобныхъ вздорахъ». «Пусть встаетъ ранѣе и самъ смотритъ за приготовленіемъ запасовъ, которые у него есть подъ рукою», велѣлъ онъ сказать Жомини, на его жалобу. «Если онъ будетъ долго спать да хныкать—толку мало. Развѣ онъ не знаетъ, что я самъ всегда наблюдаю за продовольствіемъ тамъ, гдѣ бываю? Спорами и порицаніями другихъ онъ только вредитъ дѣлу». Вообще замѣчали, что никогда Наполеонъ не былъ такъ раздражителенъ, взыскателенъ, задумчивъ, бранчливъ. Онъ убавлялъ силы непріятелей, уменьшалъ трудности исполненія его приказовъ и жестоко порицалъ за неисполненіе ихъ. Удино посланъ былъ выговоръ за слабость его дѣйствій; велѣно Сенъ-Сиру поцкрѣпить его и сбить малочисленный отрядъ Витгенштейна; Шварценбергу приказано идти и уничтожить Тормасова, оградить Варшаву и произвести возстаніе на Волыни. Поощряя къ усиленному нападенію, Наполеонъ говорилъ Удино: «У Витгенштейна нѣтъ 10.000 войска: идите смѣло, и онъ отступитъ. Marchez haut la main sur Wittgenstein, pressez le vivement l'epée dans les reins, et balayez la rive droite (Двины) que vous avez devant vous».—«Тормасовъ ничтоженъ передъ вами», писалъ онъ Ренье. «У него остатки третьихъ батальоновъ, плохіе рекруты, негодные въ дѣло. Русскіе разславляютъ, что къ нему идутъ полки изъ Крыма и Дуная; все это вздоръ: султанъ не утвердилъ мира, и русскіе посылаютъ теперь новыя войска въ Молдавію. Обстоятельства дѣлъ таковы, что мы угрожаемъ Москвѣ и Петербургу, и когда же тутъ думать Тормасову о наступательныхъ дѣйствіяхъ съ его жалкимъ войскомъ (avec des troupes passables)! Непріятель нашъ не такъ еще глупъ, чтобы послалъ

15 или 20 тысячъ хорошаго войска на Волынь, когда бѣда грозитъ и Москвѣ и Петербургу!»

«Вѣримъ,—говоритъ одинъ изъ историковъ похода 1812 года *),—что Наполеонъ не думалъ обманывать своихъ подчиненныхъ: онъ обольщалъ самого себя мечтами и видѣлъ положеніе дѣла такимъ, какимъ ему хотѣлось, то-есть совершенно различнымъ отъ того, какимъ было оно въ дѣйствительности».

Исполненіе приказовъ далеко не соотвѣтствовало желанію Наполеона. Не опасаясь сближенія силъ Шварценберга и Ренье, Тормасовъ, съ его «плохими войсками» ждалъ ихъ въ крѣпкой позиціи при Городечнѣ, впереди Кобрина. Въ Слонимѣ соединились саксонцы и австрійцы и августа 11-го стали у болотистаго ручья, за которымъ, имѣя направо болота, налѣво лѣсъ, безопасно находился Тормасовъ. Позиція казалась недоступною. Ночью Ренье открылъ проходъ черезъ лѣсъ, провелъ туда войска и утромъ на другой день атаковалъ Тормасова, когда Шварценбергъ покушался перейти черезъ ручей съ фронта. Бой продолжился до ночи. Русскіе, несмотря на оплошность свою, не уступили превосходству числа непріятелей и ночью отошли съ позиціи, потерявъ не болѣе 1.300 человѣкъ. Шварценбергъ медленно преслѣдовалъ Тормасова и остановился на берегу рѣки Стыри, за Владиміромъ, въ Киселинѣ и Торчинѣ. Тормасовъ стоялъ спокойно за Стырью и, занимая Луцкъ, дожидался прибытія Чичагова.

Витгенштейнъ даже и не дожидался нападенія, но предупредилъ его. Не страшась Макдональда и прибывшаго въ Полоцкъ Сенъ-Сира, онъ двинулся на Полоцкъ; августа 11-го атаковалъ непріятеля при Свольнѣ и преслѣдовалъ его на отступленіи до Полоцка. Войска Удино и Сенъ-Сира до того были ослаблены недостатками и болѣзнями, что Удино хотѣлъ даже оставить Полоцкъ. Появленіе русскихъ заставило его сражаться. Битва началась августа 17-го утромъ и продолжилась до ночи. Удино былъ раненъ и сдалъ начальство Сенъ-Сиру. Витгенштейнъ видѣлъ невозможность одолѣть непріятеля при малочисленности войскъ своихъ, ибо имѣлъ не болѣе

*) Шамбре, Hist. de l'expédition de Russie.

17-ти тысячъ и располагалъ отступленіемъ, довольный тѣмъ, что отразилъ и удержалъ непріятеля. Безпечно расположились русскіе въ своемъ лагерѣ; Сенъ-Сиръ имѣлъ время сообразить силы непріятелей и рѣшился воспользоваться неосторожностью вождя ихъ. Собравъ все, что можно было выбрать изъ войскъ, онъ внезапно двинулся на русскихъ подъ прикрытіемъ 60-ти орудій. Быстрота нападенія смѣшала, но не разстроила русскихъ. Полки русскихъ строились подъ огнемъ непріятельскимъ, отражали нападенія, и конница ударила столь стремительно въ атаку, что отбила 15 пушекъ, пронеслась до предмѣстій Полоцка и едва не захватила въ плѣнъ самого Сенъ-Сира. Онъ укрылся во рву, и русскіе промчались мимо него. Пользуясь храбрымъ отбоемъ, Витгенштейнъ отступилъ въ окрестный лѣсъ, потерявъ 7 орудій, и ночью отошелъ по себежской дорогѣ до Бѣлаго, гдѣ твердо сталъ, ожидая подкрѣпленія и рѣшась «защищаться до послѣдней возможности», если непріятель продолжитъ нападеніе. Въ упорныхъ битвахъ подъ Полоцкомъ съ обѣихъ сторонъ потеря была равная и простиралась до 10.000 убитыми, ранеными и плѣнными. У русскихъ ранены были генералы Бергъ, Казачковскій и Гамепъ; у французовъ, кромѣ Удино, ранены Сенъ-Сиръ, Сорбейнъ, Рагловичъ и вѣрный спутникъ походовъ Наполеона, старый баварскій генералъ Деруа; онъ умеръ отъ своей тяжелой раны.

Каждый успѣхъ уже столь важенъ казался Наполеону, что онъ провозгласилъ городечненскую и полоцкую битвы побѣдами, испросилъ у австрійскаго императора Шварценбергу чинъ фельдмаршала и возвелъ Сенъ-Сира въ званіе маршала.

Но что дѣлалъ и на что рѣшался тогда самъ *онъ*, тотъ, кто приводилъ въ движеніе царей, ополченія и народы всей Европы, можетъ быть уже предчувствуя гибель, видя померкающую звѣзду свою? Неужели всеобъемлющій умъ его не постигалъ въ настоящемъ видѣ положенія дѣлъ, грознаго возстанія Востока и скрытной радости Запада?

Въ Витебскѣ въ первый разъ явилась мысль Наполеону остановиться и измѣнить всегдашній образъ своихъ дѣйствій. *Остановиться* хотѣлъ онъ, какъ будто чувствуя, что еще шагъ— и онъ станетъ на краю бездны. «Здѣсь остановимся мы,—вос-

кликнулъ онъ, входя въ свою квартиру въ Витебскѣ и сбрасывая свою шпагу,—надобно оглядѣться, отдохнуть, устроить Польшу. Походъ 1812 года кончился; походъ 1813 года окончитъ начатое!» Мюратъ явился къ нему на другой день, убѣждая его идти впередъ, увѣряя, что русская армія будетъ разбита. «Наше дѣло конченo,—мы остаемся здѣсь!—отвѣчалъ Наполеонъ.—Неужели подражать глупостямъ Карла XII-го?» Велѣно было укрѣплять Витебскъ, готовить квартиры, даже сломать нѣсколько ветхихъ домовъ на главной площади и открыть ее для парадовъ гвардіи.

Но злой геній Наполеона бодрствовалъ, и черезъ нѣсколько дней отдыха и размышленія онъ измѣнилъ свой новый планъ. Еще ударъ—и русская армія будетъ уничтожена, Смоленскъ взятъ, и, если Россія и Александръ не затрепещутъ даже и тогда,—*тамъ*, въ Смоленскѣ, должно остановиться, а не *здѣсь*, въ бѣдной, разоренной Литвѣ! Не рѣшила ль войны 1805 года побѣда аустерлицкая, а войны 1807 года побѣда фридландская? Аустерлицомъ и Фридландомъ будетъ Смоленскъ!»

Новое рѣшеніе Наполеона встрѣтило общее противорѣчіе его подчиненныхъ, которое опровергалъ онъ множествомъ доводовъ о необходимости идти впередъ. «Чѣмъ болѣе раздражается непріятель, тѣмъ менѣе должно медлить», — говорилъ онъ,—пока эти восточные изувѣры не сбѣгутся на насъ съ своихъ безконечныхъ степей! Русскіе отступаютъ добровольно и завлекаютъ насъ въ Москву, говорите вы,—нѣтъ! они оставили Вильну потому, что не могли тамъ соединить армій; оставили Двину потому, что Багратіонъ не пришелъ къ Барклаю, и для того отошли они теперь къ Смоленску. Часъ рѣшительной битвы сближается. Смоленска безъ битвы не отдадутъ. Быстрый и смѣлый походъ можетъ кончиться неблагопріятно, правда; но, если война затянется, слѣдствія будутъ для насъ гораздо хуже, и наше удаленіе отъ Франціи погубитъ насъ. И какъ становиться на зимнія квартиры въ іюлѣ мѣсяцѣ? Нынѣшней войны не должно дѣлить на нѣсколько походовъ,—я хорошо думалъ обо всемъ, ибо вопросъ важенъ. Наши войска охотно идутъ впередъ. Война вторженія имъ нравится; но продолжительная, на одномъ мѣстѣ война обороны не въ духѣ французовъ. Загородить себя рѣками, запереться въ избы, маневрировать

ежедневно, и послѣ восьми мѣсяцевъ скуки и томленія оставаться на прежнемъ мѣстѣ—такъ ли мы привыкли воевать? Защита Днѣпромъ и Двиной мнимая: придетъ зима, рѣки замерзнутъ и завалятся снѣгомъ. Не только зимнихъ морозовъ надобно опасаться, но и дипломатическихъ интригъ, которыя завяжутся сзади насъ. А обольщенные нами союзники, которые теперь изумляются, что не дерутся съ нами, и гордятся тѣмъ, что идутъ съ нами? Неужели дать имъ время раздуматься о странности ихъ новаго положенія? И для чего же ждать здѣсь восемь мѣсяцевъ, когда восьми дней довольно достигнуть цѣли? Предупредимъ зиму и всякое раздумье! Надобно бить, бить смѣло, а иначе мы все испортимъ! Не удастся въ Смоленскѣ, надобно быть черезъ мѣсяцъ въ Москвѣ или отказаться быть въ ней когда-нибудь! На войнѣ счастье составляетъ половину силы и средствъ. Если всегда ждать полнаго соединенія благопріятныхъ обстоятельствъ, то никогда и ничего не кончишь. Словомъ: мой планъ похода—*битва*, и вся моя политика—*успѣхъ!*»

Краснорѣчіе Наполеона было обольстительно; но если оставалось еще какое-либо сомнѣніе, его разрушили неожиданныя дѣйствія русскихъ. Августа 8-го явились русскіе отряды Платова на витебской дорогѣ, близъ Рудни, напали при Молевомъ болотѣ на два гусарскіе полка и, несмотря на подкрѣпленіе генераломъ Себастіани, разбили и прогнали ихъ, когда подошелъ въ пособіе Платову Паленъ. Наполеонъ и войско его ожили, и жажда битвъ одушевила всѣхъ. По всѣмъ извѣстіямъ Наполеонъ видѣлъ, что русскіе рѣшились на наступательное дѣйствіе. Онъ не ошибался.

Убѣждаемый сознаніемъ силъ, мнѣніемъ Багратіона, волею императора Александра, желаніемъ арміи, голосомъ народа, до него доходившими, Барклай де-Толли рѣшился на дѣйствія наступательныя. Соединенныя русскія арміи составляли до 120.000 человѣкъ. Предложеніе Барклая-де-Толли идти впередъ было единогласно одобрено въ собранномъ имъ военномъ совѣтѣ. Находили невыгоднымъ дать время непріятелю сосредоточить силы и невозможнымъ сражаться съ нимъ подъ Смоленскомъ, гдѣ не представлялось выгодной позиціи. Августа 7-го русскія войска двинулись къ Витебску. Генералъ Невѣ-

ровскій отряжепъ былъ лѣвѣе, въ Красный, для наблюденія пути изъ Витебска черезъ Оршу. Выше его шла 2-я армія на Катань, имѣя въ авангардѣ Платова, и 1-я въ двухъ колоннахъ выше 2-й, имѣя отдѣльный отрядъ въ Холмѣ, на порѣчьской дорогѣ. На другой день походъ русскихъ войскъ былъ внезапно остановленъ. Извѣстіе, что Наполеонъ движется черезъ Порѣчье къ Смоленску, побудило Барклая-де-Толли передвинуть туда 1-ю армію, сближая 2-ю на рудпинскую дорогу, вопреки мнѣнію Багратіона, который убѣждалъ сблизить 2-ю армію къ Смоленску. Платову велѣно было обозрѣть Порѣчье, а смоленскому отряду Винцингероде дѣлать наблюденія къ Велижу. Ихъ донесенія убѣдили Барклая-де-Толли въ неосновательности слуха о движеніи французовъ на Порѣчье. Войска 1-й арміи снова обратились къ Рудпѣ, и къ ней приблизилась 2-я армія. Во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ Барклая-де-Толли видны были недоумѣніе и нерѣшительность. Казалось, отваживаясь на смѣлое предпріятіе, онъ ужасался своей смѣлости, и не зналъ, чѣмъ кончить его. Движеніе французовъ рѣшило недоумѣніе.

Мысль геніальная явилась у Наполеона: оставя маневрировать русскихъ на Витебскъ, обойти ихъ вправо на Красный, занять оставленный безъ защиты Смоленскъ и отрѣзать русскія арміи отъ московской дороги. Исполненіе соотвѣтствовало мысли. Быстро сосредоточились войска, переправились черезъ Днѣпръ выше Орши, въ Расаснѣ и Хоминѣ, и августа 13-го 190.000 войска Наполеонова шло къ Смоленску лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Впереди былъ Мюратъ съ Нансути, Монбрюномъ и Груши; далѣе Ней, Даву и вице-король; правѣе Понятовскій, Жюно и Латуръ-Мобуръ; Себастіани шелъ налѣво правымъ берегомъ Днѣпра. Громада войскъ нахлынула на Красный послѣ полудня 14-го августа. Отрядъ Невѣровскаго казался вѣрною добычею ихъ, но Невѣровскій совершилъ подвигъ, изумившій самихъ непріятелей. Имѣя не болѣе 8.000 и свернувъ ихъ въ каре, онъ совершилъ отступленіе на 23-хъ верстахъ, до деревни Корытни, по ровному мѣстоположенію, отбилъ болѣе сорока атакъ Мюрата и спасъ честь русскихъ и русскія арміи, потерявъ 5 пушекъ и до 1.500 человѣкъ. Пальба въ сторонѣ Краснаго заставила Раевскаго, шедшаго

сзади всѣхъ другихъ отрядовъ 2-й арміи отъ Смоленска, остановиться. Вскорѣ получилъ онъ приказъ Багратіона поспѣшать къ Смоленску, спасти Невѣровскаго, защищать Смоленскъ, спѣшилъ туда, шелъ всю ночь и утромъ августа 15-го, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска, соединился съ окровавленными, но побѣдоносными остатками отряда Невѣровскаго.

Подвигомъ Невѣровскаго уничтожился планъ Наполеона предупредить русскихъ и захватить врасплохъ Смоленскъ. Но положеніе защитниковъ Смоленска было отчаянное. Русскія арміи находились еще одна въ 40, другая въ 30 верстахъ. Раевскій рѣшился засѣсть на смерть въ Смоленскѣ.

Древній Смоленскъ, первый русскій городъ на границахъ Литвы и Бѣлоруссіи, имѣвшій въ 1812 г. до 15 тысячъ жителей, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра (382 версты отъ Москвы). Каменныя стѣны, въ 7 саженъ вышины, $2^1/_2$ сажени толщины, воздвигнутыя Годуновымъ, защитившія Смоленскъ отъ Сигизмунда и его войска въ 1612, окружали городъ со всѣхъ сторонъ; изъ 36 башенъ были еще тогда цѣлы 30: земляные валы опоясывали снаружи стѣны съ трехъ сторонъ, кромѣ днѣпровской; влѣво находился земляной кронверкъ, окружающій королевскій бастіонъ, построенный Сигизмундомъ. За рѣкою было предмостное земляное укрѣпленіе, сдѣланное Петромъ Великимъ для защиты моста, соединяющаго Смоленскъ съ находящимся на правомъ берегу петербургскимъ предмѣстіемъ. Стѣны Смоленскія были ветхи и окружались обширными предмѣстіями. Не готовясь къ защитѣ Смоленска, не приняли никакихъ на то мѣръ.

Имѣя не болѣе 16.000, Раевскій, по совѣту ген.-майора Паскевича, уже отличившагося въ битвахъ подъ Могилевомъ, рѣшился защищаться въ стѣнахъ Смоленска, надѣясь удержать такимъ образомъ городъ до прихода арміи—все, что могло быть цѣлью его подвига. Въ полѣ онъ сдѣлался бы неминуемою жертвою многочисленности непріятеля. Разставивъ войска по городскимъ стѣнамъ и въ предмѣстіяхъ, Раевскій безстрашно смотрѣлъ, какъ приходили войска Наполеона во всю ночь, съ 15-го на 16-е августа. Наполеонъ ночевалъ въ архіерейскомъ домѣ, въ семи верстахъ отъ Смоленска; рано утромъ осмотрѣлъ онъ городскія укрѣпленія и двинулъ три

колонны пѣхоты на кронверкъ; 70 орудій не могли удержать стремленія французовъ, но штыки русскіе остановили напоръ и отбили наступавшихъ; началась пальба; французы громили стѣны изъ пушекъ, разсыпались въ стрѣлки, но между тѣмъ на лѣвомъ берегу Днѣпра уже явилась сперва 1-я, потомъ 2-я армія. Мысль Наполеона отвлеклась отъ Смоленска. «Наконецъ они въ моихъ рукахъ!» воскликнулъ Наполеонъ, глядя на русскихъ, и къ вечеру велѣлъ прекратить безполезное нападеніе на городъ.

Въ ночь на 17-е августа сошлись къ Смоленску всѣ остальныя французскія войска. Не сомнѣваясь, что русскіе начнутъ битву, Наполеонъ обогнулъ полукружіемъ войска свои вокругъ Смоленска—Ней сталъ отъ Днѣпра къ Красненскому и Мстиславльскому предмѣстьямъ; Даву противъ Малаховскихъ воротъ; за нимъ гвардія; правѣе Понятовскій, противъ Никольскаго предмѣстья; за нимъ Мюратъ; правѣе къ Днѣпру, противъ предмѣстья Раменки, долженъ былъ стать Жюно; но онъ сбился съ дороги, и явился уже вечеромъ, съ измученными войсками, больной, и не принималъ участія въ дѣлѣ. Вице-король оставленъ былъ верстахъ въ 15-ти отъ Смоленска, въ Корытнѣ, охранять сообщенія. За гвардіею, на высотахъ, стоялъ шатеръ Наполеона. Нетерпѣливо наблюдалъ онъ движенія русскихъ на правомъ берегу Днѣпра, за Смоленскомъ. Между тѣмъ съ 8-ми часовъ утра завязался бой въ предмѣстіяхъ; русскіе выгоняли французовъ изъ предмѣстій, занятыхъ ими ночью. Началась пальба и стихла послѣ полудня. Необыкновенное волненіе видно было во французскомъ войскѣ; Наполеонъ поскакалъ вправо отъ Смоленска, къ Шеину острову. Ему донесли, что русскіе отступаютъ. Онъ убѣдился въ томъ собственными глазами: русскіе тянулись за Днѣпромъ по московской дорогѣ. Вся цѣль движенія Наполеона на Смоленскъ была потеряна: русская армія уходила въ виду его.

Отступленіе было рѣшено Барклай-де-Толли еще наканунѣ, вечеромъ: онъ видѣлъ невозможность побѣды, не хотѣлъ изъ Смоленска сдѣлать новаго Ульма и рѣшилъ отступить. Мысль, что отступленіе должно кончиться въ Москвѣ, не приходила ему въ голову; онъ полагалъ, что по дорогѣ отъ Смоленска найдется выгодная позиція, гдѣ можно остановиться и дать

битву; надлежало только обезпечить отступленіе. Разсчитывая, что единственный путь Наполеону за Днѣпръ былъ чрезъ Смоленскъ, Барклай-де-Толли рѣшился упорно отстаивать его, пока арміи будутъ уже безопасны. Багратіонъ двинулся отъ Смоленска по дорогобужской дорогѣ; 1-я армія должна была идти за нимъ боковою проселочною дорогою, и обѣ переправиться черезъ Днѣпръ въ Соловьевѣ, гдѣ Днѣпръ, изгибаясь угломъ къ югу до Смоленска, перерѣзываетъ московскую дорогу. Въ Смоленскъ ввели корпусъ Дохтурова, одного изъ отличныхъ генераловъ русскихъ. Онъ былъ боленъ, и Барклай-де-Толли спросилъ его, можетъ ли онъ принять на себя оборону Смоленска? «Лучше умереть въ бою, нежели на постели», отвѣчалъ Дохтуровъ.

Поспѣшно велѣлъ Наполеонъ искать брода ниже Смоленска и переправлять войска; брода не находили, и нетерпѣливый Наполеонъ велѣлъ взять Смоленскъ, единственный путь за Днѣпръ. Въ 3 часа пополудни французы рванулись на Смоленскъ. Дохтуровъ не могъ удержаться въ предмѣстіяхъ. Начался бой у стѣнъ. Поляки рвались въ Малаховскія ворота, съ крикомъ: «Да здравствуетъ отчизна!» Ней, Даву, Понятовскій упорно ломились въ городъ, защищаемый Коновницынымъ, принцомъ Евгеніемъ виртембергскимъ и Невѣровскимъ. Защитники не уступали и Наполеонъ загремѣлъ по Смоленску изъ ста пятидесяти орудій—бомбы и гранаты полетѣли въ городъ, когда стѣны смоленскія сокрушались ударами ядеръ. Смоленскъ вспыхнулъ, загорѣлся, но сила русская не уступала! Настала ночь. Зарево обагрило полнеба. Въ 10 часовъ смолкъ бой. Непріятель отступилъ. Смоленскъ горѣлъ, и за пожаромъ его невозможно было разсмотрѣть движеніе русскихъ войскъ. Нѣсколько французскихъ солдатъ рѣшились приблизиться къ городу, войти въ него и нашли горѣвшія, дымившіяся, заваленныя трупами развалины города опустѣлыми. Только полуобгорѣлые истерзанные жители ползали по пожарищамъ домовъ, и съ дикими воплями, какъ тѣни, бѣгали живые, отыскивая родныхъ, друзей, пепелища домовъ своихъ.

Ней признавался, что нападеніе французовъ на Смоленскъ было «отважнѣйшимъ дѣломъ военнымъ, какое видалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ воевать» (le fait d'armes le plus valeu-

reux que j'ai vu depuis que je fais la guerre). Ларрей говорилъ, что приступъ къ Смоленску былъ самымъ кровавымъ дѣломъ, какое онъ видалъ когда либо». Смоленскъ стоилъ русскимъ до 6.000, не считая потери наканунѣ. Коновницынъ былъ раненъ; ген.-майоры Скалонъ и Балла убиты. Французы потеряли до 12.000. Польскіе генералы: Грабовскій былъ убитъ, а Зайончекъ раненъ; ранены были еще генералы Дальтонъ и Грандо.

Гибель Смоленска была тѣмъ страшнѣе, что жители не знали объ угрожавшей имъ опасности и оставались въ городѣ. При соединеніи армій (іюля 31) Б.-де-Толли даже увѣрялъ губернатора въ безопасности Смоленска. «Не только не предстоитъ никакой опасности, но невѣроятно, чтобы она и угрожала,—говорилъ онъ.—Обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ во ввѣренной вамъ губерніи, пока усплія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества, или пока истребится въ храбрыхъ рядахъ послѣдній воинъ. Имѣете совершенное право успокоить жителей Смолепска; ибо кого защищаютъ два столь храбрыя войска, тотъ можетъ быть увѣренъ въ ихъ побѣдѣ». Жители Смоленска радостно провожали русское войско, когда оно выступало, августа 7-го, къ Витебску, и не вѣрили глазамъ своимъ, когда, черезъ пять дней потомъ, 200.000 войска Наполеонова явились передъ Смоленскомъ. Церкви наполнены были народомъ даже вечеромъ 18-го (6-го) числа: то былъ канунъ праздника Преображенья. Тысячи жителей—погибли, тысячи бѣжали за войскамп, лишенные крова и пропитанія. Ни одинъ изъ городовъ русскихъ, кромѣ Москвы, не принесъ Россіи такихъ жертвъ, какія принесъ Смоленскъ. Кромѣ гибели во время приступа и 4-хъ мѣсячнаго пребыванія непріятельскаго, 12.500 ратниковъ постановлено было Смольянами, и всѣ требованія со Смоленской губерніи въ 1812 году оцѣнены были болѣе 10 милліоновъ рублей.

Если гдѣ можно было вспомнить слова Тюреня, что «на войнѣ, когда самый искусный полководецъ составилъ самое превосходное предположеніе, три четверти успѣха его все еще зависятъ отъ случая», то, конечно, можно было вспомнить сіи слова подъ Смоленскомъ. Геніальная мысль Наполеона была

исполнена, когда безъ опредѣленной цѣли предположенныя, нерѣшительно исполняемыя движенія русскихъ армій ставили ихъ въ сомнительное положеніе. Но надобно было желѣзному Невѣровскому стоять въ Красномъ; безразсудному Мюрату нападать на него; гулъ битвы ихъ услышать Раевскому и Паскевичу и примчаться въ Смоленскъ съ рѣшительностью защиты или смерти. Недоумѣніе овладѣло Наполеномъ, ибо онъ могъ взять Смоленскъ 17-го числа, въ чемъ откровенно сознавался Раевскій *). Когда русскія арміи явились къ Смоленску, видимость опасности арміи внушила Барклаю-де-Толли мысль отступленія. Новая ошибка дополнила прежнюю нерѣшимость Наполеона. У него было довольно силъ сражаться у Смоленска (гдѣ въ битвѣ участвовало не болѣе 70.000). Остальныя войска могли быть передвинуты за Днѣпръ и ударить во флангъ отступавшей русской арміи, когда и безъ того дорогобужская дорога верстахъ на 8-ми отъ города идетъ по берегу Днѣпра, и Наполеонъ могъ, даже не переходя рѣки, громить непріятеля съ другого берега. Не могли отыскать брода (а онъ находился въ 4-хъ верстахъ ниже Смоленска!.. начали 150-ю орудіями бить стѣны смоленскія, жечь городъ и кончили бой вечеромъ, дожидаясь утра. Не узнаемъ Наполеона!

Говорятъ, что Мюратъ умолялъ Наполеона не губить безполезно войска, но идти за Днѣпръ, и въ отчаяніи отъ отказа его переправляться за Днѣпръ, сталъ подъ ядрами русскихъ батарей, ища смерти. Едва могли отвлечь его почти насильно. Долго ночью сидѣлъ Наполеонъ неподвижно, передъ своею палаткою, и безмолвно смотрѣлъ на пожаръ смоленскій. Столбы огня и облака дыма изъ-за высокихъ, темныхъ городскихъ стѣнъ, представляли зрѣлище огнедышащей горы. Никакихъ особенныхъ распоряженій не было сдѣлано къ другому дню; придвинутъ былъ только корпусъ вице-короля: Наполеонъ *ждалъ* битвы на другой день.

---

*) „Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть на семъ постѣ спасенія и чести. Ясно вижу, что удача зависѣла не столько отъ моихъ соображеній, сколько отъ слабости натисковъ Наполеона. Вопреки всегдашнихъ правилъ своихъ, видя рѣшительный пунктъ, Наполеонъ не умѣлъ имъ воспользоваться. Если бы въ первый день напиралъ онъ такъ же сильно, какъ въ слѣдующій, то рѣшилъ бы участь арміи и войны". *Записки Раевскаго.*

Витебскъ былъ началомъ, Смоленскъ продолженіемъ; Москва страшнымъ окончаніемъ ведоумѣній Наполеона. Онъ опомнился, когда было поздно и когда никакія усилія генія не спасли созданнаго столь многими годами, столь безчисленными подвигами.

Мрачный и унылый въѣхалъ онъ въ стѣны Смоленска, черезъ Никольскія ворота и по дымившимся, покрытымъ трупами развалинамъ перваго русскаго стариннаго города, прибылъ въ квартиру, назначенную въ домѣ Каховскаго (нынѣ Краснопомилашевичевой). Немедленно отправился онъ къ воротамъ на Днѣпръ, взошелъ въ церковь, надъ ними построенную, и осматривалъ мѣстоположеніе. Русскіе занимали еще Петербургское предмѣстіе за рѣкою. Велѣно было встащить на церковь двѣ пушки, оставить на валу еще четыре. Предмѣстье горѣло. Русскіе выступили изъ него; но едва французы заняли ихъ мѣсто, русскіе возвратились, и перестрѣлка продолжалась до почи.

Хотѣли знать рѣшеніе Наполеона. Ней, Даву, Мортье, Дюрокъ, Лобау явились къ нему. Онъ началъ говорить, бранилъ русскихъ, порицалъ Б.-де-Толли. «Какой стыдъ!—говорилъ онъ,—безъ битвы отдалъ ключъ Россіи! Рѣка безопасила имъ отступленіе, а городъ защищалъ его—гдѣ они найдутъ лучше мѣсто? Они погубятъ свою армію, и развѣ выгонятъ мужиковъ на драку! Они бѣгутъ, стало быть, они разбиты!» Тогда получено было извѣстіе о городечнянской битвѣ Шварценберга съ Тормасовымъ. «Видите ли,—вскричалъ Наполеонъ,—ужъ и австрійцы бьютъ этихъ трусовъ!» Окружавшіе Наполеона не противорѣчили.

Но русскіе не были разбиты и не бѣжали. Тѣмъ не менѣе нерѣшительность Наполеона допустила Б.-де-Толли исполнить отступленіе весьма затруднительное, гдѣ русская армія подвергалась величайшей опасности; а побѣда, можетъ быть, вознаградила бы ошибку Наполеона въ Смоленскѣ.

Начавъ отступленіе еще ночью на 18-е августа, Багратіонъ былъ уже далеко, оставя для прикрытія сообщеній съ первою арміею отрядъ въ Лубинѣ, куда окольною дорогой потянулись войска Б.-де-Толли только 18-го числа, занимая до того времени позицію въ 3-хъ верстахъ отъ Смоленска, на порѣчской дорогѣ. При немедленномъ движеніи Наполеона, русскія арміи

подвергались опасности быть разрѣзанными, когда притомъ 1-я армія должна была совершать движенія, преслѣдуемая силами Наполеона. Онъ бездѣйствовалъ цѣлый день. Только вечеромъ 18-го числа велѣно было Жюно переправляться черезъ Днѣпръ въ Прудищевѣ, ниже Смоленска, и утромъ на другой день Ней двинулся изъ Смоленска, когда авангардъ первой русской арміи едва успѣлъ достигнуть Лубина, а за нимъ трудными проселочными дорогами шла вся первая русская армія, удаляясь отъ береговъ Днѣпра и скрывая свое движеніе. Выступленіе Нея имѣло цѣлью только обозрѣніе мѣстности; Груши посланъ былъ для того лѣвѣе по петербургской дорогѣ, а Мюратъ по берегу Днѣпра. Самъ Наполеонъ выѣзжалъ изъ Смоленска, воротился въ городъ и занялся дѣлами. Ней встрѣтилъ у Гедеонова запоздавшія русскія войска, началъ перестрѣлку, но вскорѣ оставилъ ее и обратился вслѣдъ за Мюратомъ. Они достигли Лубина. За ними подвигался сюда корпусъ Даву, послѣ всѣхъ оставившій Смоленскъ. Къ счастью, генералъ Тучковъ, начальствовавшій авангардомъ первой арміи, понялъ опасность, видя приближеніе войскъ Нея и Мюрата и слыша о переправѣ Жюно въ Прудищахъ. Онъ остановился, занялъ крѣпкую позицію у Лубина, за рѣчкою Страганью, и рѣшился защищаться. Бой завязался въ 10 часовъ утра, когда Барклай-де-Толли былъ у Гедеонова и подкрѣплялъ войска, съ коими утромъ перестрѣливался Ней. Услышавъ о битвѣ подъ Лубинымъ, онъ поспѣшилъ туда, подкрѣпилъ Тучкова и поставилъ Нея и Мюрата въ невозможность одержать перевѣсъ. Тщетно посылали они къ Даву, къ Жюно, къ Наполеону: не имѣя приказаній, Даву не давалъ войска; Жюно, въ которомъ уже тогда открывались признаки помѣшательства и болѣзни, бывшей черезъ годъ причиною бѣдственной смерти его, отказался отъ боя неимѣніемъ приказа и невозможностью пути черезъ болота; нетерпѣливый Мюратъ прискакалъ къ нему, просилъ, умолялъ. «Тамъ ваша слава, тамъ вашъ маршальскій жезлъ!» говорилъ онъ, указывая на поле битвы. Жюно не двигался. Уже къ вечеру, изъ корпуса Даву пришла дивизія Гюдена. При первой атакѣ ея, Гюденъ былъ убитъ. Тучковъ, герой лубинской битвы, раненый, попался въ плѣнъ. Бой прекратился около 10 часовъ вечера.

Потерю французовъ полагали въ 6.000; русскіе потеряли не менѣе.

Такъ утраченъ былъ случай, котораго не могли уже ожидать болѣе! Французы остановились. Русскіе отступали въ теченіе двухъ дней, не преслѣдуемые непріятелемъ, и августа 21-го достигли Дорогобужа, въ 90 верстахъ отъ Смоленска.

Неопредѣленное, разрозненное движеніе войскъ Нея, Даву и Жюно, смѣтливость Тучкова, упрямство Жюно, мужество русскихъ вырвали у французовъ побѣду подъ Лубинымъ (или Валутиной горой). Получивъ извѣстіе объ окончаніи битвы и упорствѣ ея, Наполеонъ съ удивленіемъ спросилъ: «Mais c'était donc une bataille?—Онъ порицалъ Даву и особенно Жюно. Junot n'en veut plus, vous le voyez, et je ne puis lui laisser un commandement!» Онъ хотѣлъ отнять у него начальство надъ корпусомъ, и передать его Раппу. Дюрокъ уговорилъ Наполеона не оскорблять стараго, больного товарища. Но не виноватѣе ли всѣхъ былъ самъ Наполеонъ, не явившійся на поле битвы, не отдавшій точныхъ приказовъ? По крайней мѣрѣ, пріѣхавъ рано утромъ къ Лубину и осматривая поле битвы, онъ не упрекалъ никого, хвалилъ храбрость войска, раздавалъ награды и воротился въ Смоленскъ, не сдѣлавши никакихъ распоряженій о преслѣдованіи непріятеля.

Странное недоумѣніе, замѣченное въ Витебскѣ, еще болѣе замѣчено было тогда въ Наполеонѣ. Четыре дня оставался онъ, бездѣйствуя въ Смоленскѣ. Казалось, вопросъ: идти ли впередъ, или остановиться здѣсь? тяжко тревожилъ Наполеона. Вопросъ былъ окончательный. Общее мнѣніе рѣшало его отрицательно. Даже Мюратъ и Ней соглашались съ Даву, что должно зимовать въ Смолепскѣ. Говорили, что, оставя Смолепскъ, можно было остановиться только въ Москвѣ. «Мы уже за Европою, — куда идти еще?» Раппъ, только что пріѣхавшій, не скрывалъ видѣннаго имъ разстройства арміи на всемъ пространствѣ отъ Нѣмана до Смоленска и откровенно говорилъ, что изъ баварцевъ погибла половина. Наполеонъ утверждалъ одно противъ всѣхъ, что идти впередъ необходимо. «Да, отсюда должно идти въ Москву,—говорилъ онъ— остапавливаться нельзя. Одинъ сильный ударъ еще — и все

будетъ кончено!» Себастіани напомнилъ ему обѣщаніе не переходить далѣе Двины, и особливо теперь, при видимомъ разстройствѣ арміи. «Я знаю, что состояніе моей арміи ужасно,— отвѣчалъ Наполеонъ.—Уже съ Вильны половина ея разстроилась, теперь въ безпорядкѣ двѣ трети, а потому-то и нельзя терять времени: надобно вырвать миръ—онъ въ Москвѣ! Армія наша такова, что останавливаться при ея составѣ и разстройствѣ гибельно! Только движеніе впередъ спасетъ ее: это армія для нападенія, а не для защищенія, для битвъ, не для позицій!»

Но четыре дня, проведенные имъ въ Смоленскѣ бездѣйственно, нерѣшительность при Лубинской битвѣ и невольная задумчивость доказывали, что участь будущаго похода страшно тревожитъ его. Остались свидѣтели, что, соглашаясь съ Даву, онъ неоднократно рѣшался остаться въ Смоленскѣ. «Мы здѣсь прикрыты; устроимся, отдохнемъ, получимъ запасы изъ Данцига, поднимемъ Литву. Польша завоевана—довольно успѣха для двухъ мѣсяцевъ; и если зимой не придутъ къ намъ просить мира — весной мы въ Москвѣ!» Наконецъ — важное обстоятельство — Наполеонъ уже не отказывался отъ мира, но даже готовъ былъ самъ предложить миръ императору Александру. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ плѣннаго Тучкова, обласкалъ его, долго говорилъ съ нимъ, оправдывался въ началѣ войны, хвалилъ Александра, называлъ его другомъ своимъ и, когда Тучковъ отказался писать о томъ, что ему говорили, къ императору Александру и даже къ главнокомандующему, Наполеонъ просилъ его написать къ брату его, другому Тучкову, что онъ всего болѣе желаетъ мира, хотя увѣренъ въ побѣдѣ. «За что намъ драться? вы—не англичане; мы уже довольно сожгли пороху. Если продолжится война, я возьму Москву. Вы думаете, что меня легко разбить; но я предлагаю: избрать изъ вашихъ генераловъ тѣхъ, кого болѣе другихъ вы уважаете; пусть они составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе дѣлъ, мои и ваши силы. Если найдутъ болѣе вѣроятностей къ побѣдѣ и возможности разбить меня на вашей сторонѣ, назначьте, гдѣ и когда быть сраженію,—я готовъ. Но если вѣроятности успѣха будутъ признаны въ пользу мою, какъ и дѣйствительно есть, зачѣмъ проливать кровь

по пустому? Не лучше ли говорить о мирѣ до потери сраженія, чѣмъ послѣ? И какія послѣдствія будетъ имѣть для васъ проигранное сраженіе? Я займу Москву, и если бы и взялъ я мѣры спасти ее отъ раззоренія, ни что не поможетъ. Столица, занятая непріятелемъ,—женщина, потерявшая честь: что ни дѣлай потомъ, чести не воротишь! У васъ говорятъ, что *Россія не въ Москвѣ.* Такъ говорили австрійцы о Вѣнѣ; но когда я занялъ ее, заговорили иначе. У васъ будетъ то же: ваша столица Москва; а Петербургъ—только мѣстопребываніе государя!» Тучковъ писалъ. Отвѣта не было.

Развалины Смоленска подтверждали рѣшительность русскихъ, а немногія встрѣчи Наполеона съ русскими являли неописанное ожесточеніе ихъ. Священникъ, оставшійся въ Смоленскѣ, представленъ былъ Наполеону и въ глаза укорялъ его, называя грабителемъ церквей. «Но твоя церковь уцѣлѣла?» сказалъ ему Наполеонъ. «Да, потому что Богъ сильнѣе тебя и сохранилъ ее!» Наполеонъ отпустилъ священника, велѣлъ приставить караулъ къ его церкви и помочь раненымъ и больнымъ, которые искали въ ней убѣжища. Онъ читалъ въ Смоленскѣ исторію Карла XII-го, не Вольтерову, которую называлъ болтовнею, но Аулерфельдтову, и часто задумчивый ходилъ по комнатѣ, и смотрѣлъ на карту Россіи. Продолжительныя совѣщанія происходили у него съ Коленкуромъ и съ Лористономъ, пріѣхавшимъ въ Смоленскъ изъ Петербурга и передавшимъ ему всѣ подробности о томъ, что̀ видѣлъ и замѣтилъ онъ въ столицѣ и при дворѣ Александра. Разсказы сіи не могли порадовать Наполеона. Нерѣшительность его видѣли тогда даже, когда наконецъ велѣно было оставлять Смоленскъ. Онъ препоручилъ начальство пылкому Мюрату и безстрашному Нею, но придалъ имъ Даву, медленнаго, осторожнаго, нелюбимаго ими и останавливавшаго порывы ихъ.

Но съ первымъ шагомъ впередъ рѣшительность Наполеона укрѣпилась, и уже ничто не могло остановить его. Обширный планъ остальнаго похода былъ имъ начертанъ: Шварценбергу влѣво сбить Тормасова и взять Кіевъ; Макдональду занять Ригу и потомъ, вмѣстѣ съ Сенъ-Сиромъ, разбить Витгенштейна и идти въ Петербургъ; Виктору спѣшить изъ-за Нѣмана, и охранять Смоленскъ, подкрѣпляя Сенъ-Сира, пока Макдональдъ

управится съ Ригою. Виктору отдавалось главное начальство въ Литвѣ, и онъ долженъ былъ наблюдать за покрѣпленіями, какія потребуются, если Наполеонъ съ боя или безъ битвы займетъ Москву. Всѣ войска, до самой Франціи, велѣно передвигать: Ожеро съ Одера идти на Вислу; Монсею отъ Эльбы приближаться къ Одеру; національной гвардіи сблизиться на Рейнъ и Эльбу, а ея мѣсто дополнить новымъ наборомъ. Слѣдовательно, Наполеонъ видѣлъ уже недостаточность громадныхъ силъ, введенныхъ имъ въ Россію и, ведя 200.000 въ Москву, полагалъ сіе число недостаточнымъ для полной побѣды. Непостижимо, что, зная слабость войскъ на Двинѣ, онъ утвердительно говорилъ о Ригѣ и Петербургѣ и, видя явное уклоненіе Шварценберга отъ битвъ, не только возлагалъ на него новыя препорученія, но особенно ласкалъ его, даже назначилъ ему по 12.000 франковъ въ мѣсяцъ награжденія, подъ предлогомъ выдачи спхъ денегъ на тайные расходы (fonds secrets). Забывая оставшуюся за Нѣманомъ Европу, все сдвигалъ онъ къ предѣламъ Россіи, а въ Россіи все сосредоточивалъ въ Москвѣ, куда устремился, отлагая всѣ расчеты политики и правила стратегіи, снова раздвигая свое движеніе на 400 верстъ за Смоленскъ, въ глубину Россіи. Какой планъ предполагалъ онъ притомъ? спрашиваете невольно, и—«никакого», можно отвѣчать, соображая всѣ распоряженія и дѣйствія Наполеона идти, гнаться за русскими арміями, разбить ихъ, занять Москву. Она представлялась ему вожделѣнною цѣлью, гдѣ все совершится, мѣстомъ, завоеваніе коего уничтожитъ Россію и сломитъ наконецъ непреклонную волю Александра. «Святой городъ! Святой городъ!» часто повторялъ среди думы своей Наполеонъ, ибо его увѣрили, что русскіе чтутъ Москву святымъ городомъ, Іерусалимомъ Русской земли. Падетъ Москва—падетъ Россія!

Августа 11-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска, гдѣ изъ 2.250 домовъ уцѣлѣло 350 и изъ 15.000 жителей едва ли осталась тысяча страдальцевъ: остальные бѣжали или погибли. Велѣно было учредить здѣсь огромное депо запасовъ; Коленкуру, а потомъ Жомини, дано званіе смоленскаго губернатора; Бараге д'Ильеръ опредѣленъ начальникомъ Смоленской области.

Среди пожаровъ и опустошенія двинулась французская ар-

мія: Даву, Ней, Жюно, гвардія и конные резервы столбовой дорогой, Понятовскій правѣе, вице-король отъ Духовщины на Дорогобужъ. Съ какимъ-то наслажденіемъ говорилъ Наполеонъ окружавшимъ его по выѣздѣ изъ Смоленска: «Мы такъ далеко зашли, что теперь ворочаться поздно! Если бы я хотѣлъ только блеска побѣдъ, я возвратился бы въ Смоленскъ, поставилъ тамъ мои орлы, протянулъ руки направо и налѣво, и задавилъ Витгенштейна и Тормасова. Дѣла были бы блестящи, хорошо кончили бы походъ, но не кончили войны. Миръ передъ нами въ восьми дняхъ перехода! Такъ близко къ цѣли разсуждать нечего—пойдемъ въ Москву!» Августа 10-го у Соловьевой переправы черезъ Днѣпръ Платовъ съ казаками остановилъ французскій авангардъ. Мюратъ бросился сбивать его по переходѣ рѣки и поссорился съ Даву, отказавшимъ въ подкрѣпленіи. По извѣщенію Мюрата, Наполеонъ явился самъ, но русскіе уже отступали. Они не остановились и въ Умольѣ, гдѣ Барклай-де-Толли располагался дать битву, и отступалъ, опасаясь быть обойденнымъ. Нетерпѣніе Наполеона умножалось. Онъ спѣшилъ по слѣдамъ непріятелей; отвага усиливалась ихъ осторожностью; предусмотрительность ихъ называлъ онъ трусостью, отступленіе—бѣгствомъ и укрѣплялъ тщетныя надежды, изъявляя презрѣніе. Какъ будто гордясь завоеваніемъ Россіи, онъ разсылалъ по всей Европѣ множество указовъ, означая мѣста, гдѣ они даны, названіями русскихъ селеній и городовъ. Безпорядокъ похода увеличивался съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ. Не было точности въ распоряженіяхъ: все шло, спѣшило впередъ; иногда передніе войска жгли мостъ на бивакахъ, не думая о войскахъ, идущихъ по слѣдамъ ихъ; добывали припасы гдѣ и какъ могли, отнимали ихъ другъ у друга, дрались за нихъ при раздачѣ. Наполеонъ нерѣдко ѣхалъ въ авангардѣ. Мюратъ всегда былъ впереди, и, казалось, Наполеонъ увлекался его безразсудною отвагою. Обозы тянулись въ безпорядкѣ, безъ прикрытій. Разсерженный тѣмъ, что они задерживаютъ походъ, Наполеонъ велѣлъ бросать, ломать, жечь фуры и при себѣ сжегъ два фургона, принадлежавшіе Бертье. Ночью августа 13-го вступилъ Мюратъ въ Дорогобужъ; городъ разграбили и зажгли. Наполеонъ хотѣлъ наказать грабителей, но спѣшилъ впередъ, слыша, что у Вязьмы сосредоточиваются

русскіе. Упорное дѣло за рѣчкою Осмою 15-го августа, гдѣ Даву еще разъ отказалъ въ помощи Мюрату, до того разсердило короля неаполитанскаго, что онъ хотѣлъ вызвать Даву на дуэль. Стоя на полѣ битвы и покатывая ногою русское ядро, Наполеонъ разбиралъ ссору двухъ своихъ вождей. Даву представлялъ ему о безпорядкахъ арміи и безразсудствѣ атакъ Мюрата. На возраженіе Мюрата, что русскіе бѣгутъ и надобно только догонять ихъ, Даву замѣтилъ стройность отступленія русскихъ, не оставлявшихъ непріятелю ни одной фуры, не только пушки, отъ самаго Смоленска, и то, что при каждой схваткѣ они всегда удерживали за собою мѣста битвъ. Наполеонъ вспыхнулъ, обвинилъ Даву, сказалъ, что онъ умѣетъ драться въ сраженіи, но не годится въ авангардъ и что если бы Мюратъ преслѣдовалъ Багратіона въ Литвѣ, ему не уйти бы отъ него. Даву оскорбился; но Наполеонъ спѣшилъ обласкать его. Волшебство гнѣва и милости Наполеона были еще непобѣдимы.

Битвы, рѣшительной битвы жаждалъ, искалъ, требовалъ Наполеонъ. Она могла помирить всѣхъ, загладить все. Но русскіе уходили. Въ пять дней пройдено было разстояніе до Вязьмы—163 версты. Мюратъ напиралъ на Вязьму, гдѣ упорно защищался русскій аріергардъ, поступившій подъ начальство Коновницына; но 16-го уступили Наполеону Вязьму, зажженную самими жителями. Узнавши, что русскіе отступили, Наполеонъ въѣхалъ въ Вязьму разсерженный, велѣлъ разстрѣлять нѣсколькихъ бродягъ, грабившихъ городъ, и еще болѣе разсердился, когда явился Бельяръ съ донесеніемъ, что русскіе остановились за Вязьмою, завязали дѣло, но Даву не даетъ войскъ, хотя Мюратъ атаковалъ непріятеля. «Даву забываетъ всякую подчиненность!» вскричалъ Наполеонъ и поскакалъ на мѣсто боя. Тамъ дрался Коновницынъ и отступалъ въ виду Наполеона. Даву оправдался безразсудствомъ атаки при невыгодномъ мѣстоположеніи. Наполеонъ согласился съ нимъ и обвинилъ Мюрата. Въ бѣшенствѣ ушелъ Мюратъ въ свою палатку, бросилъ свою саблю, даже заплакалъ отъ досады и кричалъ, что коропой одолженъ онъ саблѣ своей, а не Наполеону.

Возвратясь въ Вязьму, Наполеонъ вздумалъ воспользоваться присылкою русскаго офицера, коему поручено было узнать

о генералѣ Тучковѣ. Бертье отправилъ къ Б.-де-Толли отъ своего имени письмо, написанное собственноручно Наполеономъ, гдѣ предлагалъ онъ размѣнять плѣнныхъ, оставлять въ городахъ русское правительство и прекращать разореніе областей. «Императоръ,—сказано было въ заключеніе, — препоручилъ мнѣ просить васъ передать его привѣтствіе императору Александру, если онъ въ арміи, или при первомъ случаѣ, какой вамъ представится. Скажите ему, что ни превратности войны и никакія обстоятельства не могутъ измѣнить почтенія и дружбы, которыя императоръ сохраняетъ къ нему». Отвѣта не получено. Александръ пересказалъ г-жѣ Сталь, бывшей тогда въ Петербургѣ, о неожиданной вѣжливости Наполеона — fade persiflage que l'empereur de Russie reçut comme il le devait *(пошлой насмѣшки, которую императоръ русскій принялъ, какъ надлежало принять)*. Война принимала какое-то страшное ожесточеніе. Солдаты рѣзались, не сдавались въ плѣнъ, изъявляя взаимную ненависть бранью и попошеніемъ другъ друга, жгли и уничтожали только для того, чтобы сжечь и уничтожить. Одинъ изъ французскихъ генераловъ спросилъ русскаго плѣннаго офицера: какой городъ встрѣтятъ они за Вязьмою? «Городъ?—свирѣпо вскричалъ плѣнникъ:—Полтаву встрѣтите вы, гдѣ погибнетъ врагъ моего отечества!»

Чего не видали Наполеонъ и его войска въ Литвѣ и что увидѣли они за Смоленскомъ,—то была народная война. Нашествію врага противоставало не одно войско,—противосталъ народъ. Дикіе лѣса и сыпучіе пески Литвы смѣнились прелестью рощей, полей, луговъ, жатвъ, опрятныхъ селеній, торговыхъ городовъ; но жилища были безлюдны, на мѣстѣ селеній разстилались пожарища,—и жгли домы свои сами ихъ хозяева. Не было проводниковъ, предателей; не находили подводъ, погонщиковъ:—все бѣжало, скрывалось въ лѣса, уходило за русскою арміею. Нерѣдко къ русскимъ полкамъ примыкали священники, со святынею и хоругвями оставленныхъ ими церквей, и жители деревень и городовъ, съ дѣтьми и имѣніемъ. Если непріятели успѣвали захватить кого-нибудь, ничего не могли добиться отъ плѣнника ни угрозами, ни побоями, ни смертью, а нерѣдко проводникъ бралъ вести враговъ, наводилъ ихъ на гибель и убѣгалъ. Золото было недѣйствительно.

Наполеонъ могъ тогда повѣрить словамъ Коленкура, что «русскій подьячій, который возьметъ 500 рублей за несправедливое рѣшеніе дѣла въ судѣ, не согласится за милліонъ измѣнить отечеству». Но бѣгства жителей и опустошенія жилищъ ихъ было недостаточно: крестьяне, крестьянки вооружались, чѣмъ могли, стерегли, ловили французовъ, били отсталыхъ, терзали бродягъ, рѣзали раненыхъ. Нерѣдко, предводимые старпками и священниками, они наводили на враговъ казацкіе отряды, и не только мародерство, но даже правильная фуражировка требовали уже посылки многочисленныхъ отрядовъ, ибо всѣ малые были истребляемы. Гибель народа при сихъ случаяхъ и то, что за песысканіемъ проводниковъ французы бродили ощупью и сбивались съ пути, едва сворачивали съ дороги, раздражали Наполеона. «Вашъ главный штабъ мнѣ вовсе безполезенъ»,—писалъ онъ Бертье,—«ни жандармы, ни вагенмейстеры, ни офицеры штаба, никто не исполняетъ своей обязанности. Хуже настоящаго порядка быть не можетъ (il est impossible de voir un plus mauvais ordre que celui qui règne). Мы теряемъ ежедневно множество народа отъ безпутной посылки за припасами. Надобно принять мѣры и положить конецъ направленію дѣлъ, которое грозитъ арміи разрушеніемъ. Каждый день непріятель береть у насъ въ плѣнъ многія сотни людей. Строжайше должно запретить солдатамъ отдаляться, и надобно посылать за припасами, какъ за фуражомъ, отъ корпуса, когда армія соединена, отъ дивизіи, когда она раздѣлена. Генералъ, или высшій офицеръ, долженъ командовать притомъ, и достаточное прикрытіе должно защищать фуражировку отъ мужиковъ и казаковъ. Если встрѣтятъ мирныхъ жителей, у нихъ должно требовать нужнаго, не разоряя ихъ. Дѣло столь важно, что отъ усердія генераловъ и начальниковъ корпусовъ ожидаю я принятія всѣхъ мѣръ, могущихъ прекратить гибельный безпорядокъ. Король неаполитанскій, какъ начальникъ кавалеріи, долженъ особенно прикрывать фуражировъ и защищать отряды, посылаемые за припасами, отъ казаковъ и непріятельской конницы. Князю Экмюльскому (Даву) не велите находиться ближе двухъ льё къ авангарду, ибо фуражировки не должно производить слишкомъ близко къ непріятелю. Замѣтьте герцогу Эльхингенскому (Нею), что

каждый день теряемъ мы людей *больше, нежели потеряли бы ежедневно сражаясь*, и что намъ необходимо лучше устроить фуражировку».

При такомъ состояніи дѣлъ одно безпрестанно было въ устахъ Наполеона: *впередъ! впередъ!* Пространство какъ будто исчезало подъ его войсками. Быстро пройдено было разстояніе до Гжатска (60 верстъ отъ Вязьмы), куда французы вступили 31-го августа, но многое совершилось въ сіи дни, и въ Гжатскѣ услышалъ Наполеонъ о прибытіи въ русскую армію Кутузова.

Если до сихъ поръ русское войско являло изумительную стройность въ отступленіи, непобѣдимую твердость въ каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ, ему начинали угрожать упадокъ духа, неудовольствіе подчиненныхъ и раздоръ начальниковъ. Разореніе отечества непріятелемъ, стыдъ отступленія передъ нимъ, производили уныніе, ропотъ, и все падало на главнокомандующаго:—его обвиняли въ незнаніи воинскаго дѣла, непростительной робости—даже измѣнѣ. Холодно встрѣчаемый солдатами, онъ не могъ продолжить своего согласія съ Багратіо-

Наполеонъ подъ Смоленскомъ.

помъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ неудовольствіемъ оставилъ армію; за нимъ уѣхалъ разсерженный Беннингсенъ; Фуль не смѣлъ оставаться при Б.-де-Толли, нетерпимый никѣмъ, и также отправился въ Петербургъ. Русская удаль требовала битвы, сраженія—побѣды или смерти! Хотѣли лучше умереть, но не хотѣли идти далѣе. Б.-де-Толли соразмѣрялъ потребность и опасность битвы, видѣлъ необходимость и невозможность дать ее. Положено было стать у Дорогобужа. «Нынѣшнее положеніе дѣлъ»,—писалъ Б.-де-Толли,—«непремѣнно требуетъ рѣшить нашу судьбу генеральнымъ сраженіемъ. Всѣ причины, воспрещавшія доселѣ дать его, нынѣ уничтожаются. Непріятель слишкомъ близко къ сердцу Россіи, и всѣми обстоятельствами принуждены мы взять сію рѣшительную мѣру; ибо въ противномъ случаѣ арміи были бы подвержены сугубой гибели и безчестью, а отечество не менѣе того находилось бы въ опасности, отъ коей можетъ избавиться общимъ сраженіемъ, для котораго мы съ княземъ Багратіономъ избрали позицію и Умолья» (подлѣ Дорогобужа). Осмотрѣвъ позицію, нашли ее недостаточною, начали укрѣплять; но при извѣстіи, что непріятель идетъ въ обходъ, велѣно отступить. Генералъ Трузсонъ и полковникъ Толь посланы впередъ къ Вязьмѣ, куда ждали прихода Милорадовича съ свѣжимъ войскомъ, 20 или 25-ю тысячами. Наполеонъ слабѣетъ съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ того какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ, мы подкрѣпляемся резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ»,—писалъ Барклай-де-Толли.—«Мое намѣреніе поставить тамъ въ позицію 20 или 25 тысячъ и такъ ее укрѣпить, чтобы сей отрядъ въ состояніи былъ удерживать непріятеля—и тогда съ большею увѣренностью можно будетъ дѣйствовать наступательно, чему до сихъ поръ препятствовали важныя причины. Главная была та, что доколѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ превосходнаго и хитраго непріятеля. Надлежало по возможности сохранять арміи и не подвергать ихъ пораженію, дабы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, соединившаго всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы достигали нашей

цѣли, не теряя непріятеля изъ вида, удерживали его, и, вѣроятно, принудимъ его раздѣлить свои силы,—и вотъ минута, когда наше наступленіе должно начаться!» Возвращеніе Трузсона и Толя съ донесеніемъ, что около Вязьмы способной позиціи не найдено, что она отыскана за Вязьмою, у селенія Царева-Займища, и рѣшеніе Б.-де-Толли идти туда и стать тамъ возбудило всеобщее неудовольствіе. Багратіонъ не скрывалъ своего негодованія и не щадилъ упрековъ. Уже никто не вѣрилъ обѣщанію главнокомандующаго —сражаться, хотя августа 29-го онъ донесъ императору Александру, что «сталъ въ позиціи и рѣшился ожидать атаки непріятельской». За десять дней прежде участь Б.-де-Толли была рѣшена.

Не только голосъ арміи, но отзывъ всей Россіи, вопіявшей противъ отступленія армій, доходилъ до престола императора Александра и поколебалъ довѣренность его къ дарованіямъ и твердости Б.-де-Толли, если недостаточно было для того собственнаго несоглашенія его съ распоряженіями главнокомандовавшаго русскими арміями. Надлежало избрать новаго вождя. Императоръ Александръ приказалъ собрать совѣтъ для рѣшенія, отъ коего зависѣла судьба Россіи. Составленъ былъ комитетъ, гдѣ засѣдали старый фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, генералы: Вязмитиновъ, Аракчеевъ, Балашовъ, и гражданскіе высшіе сановники Лопухинъ и Кочубей. Признавая необходимость ввѣрить всѣ разрозненныя арміи одному полководцу, долго колебались въ выборѣ его; упоминали о Беннингсенѣ, Багратіонѣ, Тормасовѣ, даже графѣ Паленѣ, давно бывшемъ въ отставкѣ. Имя Кутузова, сіе «судебъ исполненное имя» (по выраженію Ермолова), давно сказанное желаніемъ и надеждою отечества, произнесено послѣднее—и соединило всѣ голоса.

Занимаясь составленіемъ петербургскаго ополченія, Кутузовъ получилъ приглашеніе императора Александра явиться къ нему августа 20-го и узналъ о своемъ назначеніи. Онъ не могъ не ожидать его, видѣлъ все бремя, возлагаемое на него Провидѣніемъ, и не смѣлъ отказаться. «Какъ призваніе свыше, съ христіанскимъ смиреніемъ принялъ я повелѣніе Императора,»—говорилъ Кутузовъ.—«Не оробѣлъ я, и съ помощью

Бога, надѣюсь успѣть; но слушая Государя, я былъ растроганъ моимъ новымъ назначеніемъ».

Кутузовъ не медлилъ. Дорога была каждая минута, и черезъ три дня по назначеніи Кутузова Петербургъ подвигся провожать сѣдовласаго вождя русскихъ силъ. Послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, возложивъ на грудь свою поднесенный ему образъ Богоматери, онъ оставилъ Петербургъ, говоря окружавшимъ его: «Молитесь обо мнѣ:—меня посылаютъ на великое дѣло». На первой станціи узналъ Кутузовъ о взятіи Смоленска и услышалъ всѣ подробности о событіяхъ войны отъ цесаревича Константина Павловича, котораго встрѣтилъ вечеромъ того же дня. Въ Торжкѣ повстрѣчалъ онъ Беннингсена и воротилъ его; далѣе встрѣтился ему Фуль, но Кутузовъ не препятствовалъ его удаленію. Народъ всюду на пути привѣтствовалъ Кутузова мольбами и благословеніями, и 29-го изъ Гжатска прибылъ онъ въ армію. Все ожило при появленіи его. Говорили, что орелъ леталъ надъ его головою, когда онъ въ первый разъ осматривалъ полки, и клики радости и надежды долетѣли въ станъ Наполеона.

Узнавъ о назначеніи Кутузова, Барклай-де-Толли писалъ императору Александру: «Молю Бога, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ В. В. Что касается до меня, ничего другого не желаю я, какъ того только, чтобы пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ». Говоря такъ, Б.-де-Толли не обманывалъ. По совѣсти исполняя долгъ свой, но обвиненный общимъ мнѣніемъ, онъ рѣшился не пережить несправедливыхъ упрековъ, и искать смерти въ первой битвѣ.

Наполеонъ не смутился, услыша о назначеніи новаго полководца русскимъ арміямъ. Онъ думалъ, что хорошо знаетъ Кутузова:—помнилъ искусное отступленіе его отъ Инна, но помнилъ и Аустерлицъ, полагалъ, что Кутузовъ полководецъ не безъ дарованій, но старый, и удрученный лѣтами, умѣющій маневрировать и бить турокъ, осторожный тактикъ, генералъ отступленій, неспособный устоять противъ его генія, противъ его силъ, особливо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ принялъ армію Кутузовъ.—Нѣтъ, онъ не зналъ Кутузова! Онъ не предчувствовалъ, слыша сіе роковое имя, что, означивъ имъ

за семь лѣтъ начало неслыханнаго могущества Наполеонова, Провидѣніе означало теперь симъ именемъ начало также неслыханнаго дотолѣ паденія царства его! *)

Наполеонъ радовался, слыша, что новый русскій полководецъ рѣшительно хочетъ сражаться. Остановясь въ Гжатскѣ на два дня, весело говорилъ онъ своей гвардіи: «Скоро битва, и новые лавры! Я съ вами—побѣда несомнительна!» Велѣно было распорядиться къ сраженію, отдалить обозы, усилить артиллерію. «Представить мнѣ подробныя донесенія о числѣ наличныхъ солдатъ и тѣхъ, которые могутъ собраться къ битвѣ, если ее дадутъ завтра или въ теченіе трехъ дней, количествѣ конницы и пѣхоты, числѣ орудій, калибрѣ ихъ, готовыхъ выстрѣловъ, патроновъ у солдатъ и въ полковыхъ ящикахъ, фуръ для раненыхъ, лѣкарей и перевязокъ, которыя могутъ они сдѣлать, расковавшихся лошадей и времени, когда успѣютъ ихъ подковать. Все должно быть разсмотрѣно неме-

---

*) „Я видѣла Кутузова наканунѣ его отъѣзда изъ Петербурга,"—говоритъ г-жа Сталь.—„Онъ былъ старикъ весьма пріятный въ обращеніи, съ живою физіономіею, хотя, кромѣ ранъ, коими покрытъ былъ въ теченіе пятидесятилѣтняго воинскаго поприща, лишился онъ въ битвахъ глаза. Смотря на него, я страшилась, что у него недостанетъ силъ бороться съ рьяными (âpres), юными людьми, рвнувшимися на Россію. Но русскіе, баловни въ Петербургѣ, дѣлаются татарами въ арміи... Я тронута была, разставаясь съ знаменитымъ фельдмаршаломъ и не зная, съ кѣмъ прощаюсь: побѣдителемъ или мученикомъ... Передъ отъѣздомъ Кутузовъ молился въ церкви Казанской Богоматери, и толпы народа, слѣдовавшія за нимъ, кричали ему: „спаси Россію!"— Вотъ какъ Сегюръ излагаетъ мнѣніе, составленное тогда о Кутузовѣ въ арміи Наполеона: „Кутузова изображали старикомъ, извѣстность коего началась съ удивительной раны, нѣкогда имъ полученной. Съ тѣхъ поръ онъ ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Даже пораженіе подъ Аустерлицомъ, имъ предвидѣнное, умножило славу его. Послѣдніе походы противъ турокъ еще болѣе увеличили ее; мужество его было неоспоримо, но укоряли Кутузова, что онъ пользуется имъ для своихъ личныхъ выгодъ (?), ибо у него все было разсчитано. Умъ его былъ медленный, упрямый, но всего болѣе хитрый: характеръ татарина—умѣть приготовить льстивою, гибкою, терпѣливою политикою непримиримую войну! Впрочемъ, еще болѣе ловкій царедворецъ, нежели искусный генералъ, но опасный своею славою, умѣньемъ увеличить ее, принудить къ тому другихъ, Кутузовъ умѣлъ льстить всему народу и каждому отдѣльно, отъ генерала до солдата. Прибавляли, что въ его наружности, языкѣ, даже одеждѣ и наконецъ въ самой старости его было нѣчто Суворовское, отпечатокъ стариннаго москвитянина, народность, дѣлавшая его драгоцѣннымъ для русскихъ. Въ Москвѣ радость о назначеніи Кутузова была безмѣрная—обнимались на улицахъ, считали себя спасенными..."

дленно, съ особенною точностью, ибо отъ соображенія сихъ донесеній зависитъ мое рѣшеніе. Солдатамъ объявить, что мы сближаемся на битву и они должны готовиться къ ней». Таковы были подробные приказы Наполеона. Наличныя силы его, по представленнымъ рапортамъ, являлись еще страшны: послѣ всѣхъ потерь въ битвахъ и походѣ:—*сто тридцать тысячъ* человѣкъ и до *шести сотъ* пушекъ готовы были немедленно стать въ ряды. Но, къ прискорьбію Наполеона, вскорѣ новый полководецъ русскій показалъ, что хочетъ продолжить прежній планъ:—русскіе отступали.

Кутузовъ получилъ полную волю располагать военными дѣйствіями. Только одно условіе положилъ непремѣннымъ императоръ Александръ: не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ. До прибытія своего на мѣсто Кутузовъ ни на что не рѣшался, хотя зналъ непремѣнную волю Александра и общее желаніе арміи—дать битву. Изъ Гжатска писалъ онъ, требуя у главнокомандовавшаго въ Москвѣ оружія и подкрѣпленія: «Не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію, или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи». Необходимость битвы была очевидна, но мѣстоположеніе, избранное Б.-де-Толли, оказывалось невыгоднымъ. Кромѣ того, Кутузовъ нашелъ въ арміи до 96.000; вскорѣ надлежало присоединиться къ арміи Милорадовичу съ 15, или 20-ю тысячами. Тогда, съ присовокупленіемъ разныхъ отрядовъ, войско возрастало до 120.000. У Наполеона полагали до 165.000. Кутузовъ не боялся помѣряться силами, несмотря на неравенство, но надлежало избрать мѣсто и дать битву оборонительную, а не наступательную. Отступленіе было необходимо, пока немедленно посланные офицеры осмотрятъ мѣстоположенія впереди. До времени оставлено прежнее раздѣленіе на двѣ арміи и начальство надъ ними Б.-де-Толли и Багратіону; Кутузовъ назначилъ при себѣ Бенниигсена въ званіи начальника штаба, велѣлъ Тормасову сблизиться на сообщенія Наполеона, а Чичагову занимать его мѣсто.

«Съ такими ли молодцами отступать!» говорилъ Кутузовъ, осматривая полки, и въ ночь того же дня предписано отступленіе и продолжено въ теченіе трехъ дней на 60 верстъ. Изумлялись, но не смѣли роптать, съ надеждо и смотря на

спокойное, величавое лицо главнокомандующаго, въ недоступной тайнѣ скрывавшаго свои намѣренія. Быстро отступивъ отъ Гжатска, сентября 2-го русская армія была у Колоцкаго монастыря, 3-го потянулась къ Можайску, присовокупя на пути полки Милорадовича, до 15.000 пѣхоты и конницы. Еще разъ обманутый надеждою, Наполеонъ, оставя за собою пылающій Гжатскъ, преслѣдовалъ русскихъ, горячо подвигаясь главною колонною по большой дорогѣ, имѣя Понятовскаго направо, вице-короля налѣво. Сентября 2-го, въ Гридневѣ, Коновницынъ упорно отстаивалъ свою позицію, но отступилъ къ Колоцкому монастырю, когда вице-король началъ угрожать ему во флангъ, и 3-го уступилъ монастырь, при повомъ движеніи вице-короля. Но здѣсь кончилось отступленіе. Французы выступили на обширную равнину, и радостные клики раздались въ ихъ рядахъ, когда они увидѣли русскія войска, протянутыя на возвышеніяхъ, отъ рѣки влѣво, до лѣса вправо. Впереди направо виднѣлось отдѣльное укрѣпленіе. Узнали, что рѣка налѣво—*Москва*, и восторгъ умножился. Воинамъ Наполеона мечталось, что они видятъ уже Москву. Всѣ несогласія и раздоры прекращались. «Битва! битва!» раздавалось вездѣ. «Мы назовемъ ее битвою *Московскою*!» говорилъ Наполеонъ.

Дѣйствительно—мѣсто было избрано. Сентября 3-го Кутузовъ осмотрѣлъ его и утвердилъ, что здѣсь надлежало быть великой битвѣ, къ коей стремился Наполеонъ на протяженіи тысячи верстъ, коей жаждали русскіе, отступая передъ нимъ. До Москвы оставалось менѣе ста верстъ, далѣе отступать было невозможно.

Село *Бородино*, по имени коего названа великая битва, находится здѣсь на рѣкѣ Колочѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Войны. Колоча, извилистая, крутоберегая, отдѣляетъ бородинскую равнину и впадаетъ въ Москву-рѣку. На югъ отъ Колочи идутъ возвышенія до лѣсовъ на старой смоленской дорогѣ, гдѣ находится селеніе Утица. Примыкая правымъ крыломъ къ Колочѣ противъ Бородина и протягиваясь центромъ далѣе, до селенія Семеновскаго, а лѣвымъ крыломъ до Утицы, русская армія защищалась справа Колочею; фронтъ ея прикрывалъ передъ возвышеніями ручей Семеновскій. Русскіе уже защитили батареями свою позицію; но еще дѣятельно работали. Впереди

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА:

Военный совѣтъ въ Филяхъ (подъ Москвою).

отъ Семеновскаго устроенъ былъ отдѣльный редутъ въ Шевардинѣ.

Тремя громадами двигались французы по теченію Колочи и стали переходить за нее въ Ѳомкинѣ и Валуевѣ, въ 2 часа по полудни сентября 5-го. Стрѣлки русскіе были прогнаны съ береговъ и изъ кустарниковъ, но редутъ шевардинскій препятствовалъ расположенію войскъ противъ русской позиціи. Велѣно взять его. Понятовскій отъ Ельни, по старой смоленской дорогѣ обходилъ его справа. Мюратъ и дивизія Компана, «собирателя редутовъ» (preneur des redoutes), пошли прямо. Битва была упорная. Самъ Багратіонъ явился къ редуту, который три раза переходилъ изъ рукъ въ руки. Наполеонъ лично распоряжался атакою. Русскіе уступили его къ ночи, ибо имъ надобно было только задержать непріятеля. Французы потеряли тысячу человѣкъ—кровавый прологъ страшной драмы; но такія битвы считали тогда сшибкою. На ночь расположились противъ русской арміи: Мюратъ направо отъ Шевардина, Даву въ Ѳомкинѣ, Алексинкахъ, Доронинѣ и Валуевѣ, вице-король у Боро-

дина, гвардія у Валуева и Ратова, за нею Жюно и Ней; Понятовскій за Шевардинымъ у Рыкачева. Наполеонъ былъ въ Валуевѣ. Стройнымъ полукругомъ горѣли русскіе бивачные огни, и безпорядочно освѣщались французскіе биваки. «Почему такъ мало плѣнныхъ?» спросилъ Наполеонъ, получивъ донесенія о битвѣ шевардинской. «Русскіе не сдаются въ плѣнъ и дерутся на смерть», отвѣчали ему. Онъ задумался и сказалъ только: «Хорошо! ну, мы перебьемъ ихъ!»

Ночью шелъ дождь; сентября 8-го насталъ холодный, пасмурный день. Рано утромъ Наполеонъ, окруженный свитою, объѣзжалъ позицію русскихъ подъ прикрытіемъ перепалки стрѣлковъ; его замѣтили съ русскихъ батарей и выстрѣлили картечью. Онъ сдѣлался осторожнѣе.

Замѣтили чувство удовольствія на безстрастномъ лицѣ его. Пристально глядя съ биваковъ Пажоля на русскіе полки, онъ даже запѣлъ въ полголоса, какъ въ счастливыя времена побѣдъ и юности: La victoire en chantant nous ouvre la barrière *(и съ пѣніемъ побѣда открываетъ намъ путь)!* Обозрѣніе удостовѣрило его, что здѣсь собраны были всѣ силы русскихъ. Онъ видѣлъ, что правый флангъ русскій, примыкая къ Колочѣ и Москвѣ рѣкѣ, недоступенъ; лѣвый былъ защищаемъ грозными батареями; центръ защищалъ редутъ; къ Утицѣ были до лѣса войска, защищенныя батареями. Стоя на высотахъ противъ Семеновскаго, Наполеонъ распорядилъ завтрашнею битвою: она будетъ состоять въ натискѣ. «Войска вице-короля будутъ ключомъ ея, а правое крыло завяжетъ битву» (Eugène sera le pivot; c'est la droit quie engagera la bataille); Даву, Ней, Жюно возьмутъ батареи у Семеновскаго, повернутъ фронтъ направо и сбросятъ русскихъ въ Колочу; Мюратъ подкрѣпитъ ихъ кавалеріею, сюда устремится и артиллерія; Понятовскій будетъ угрожать обходомъ лѣвому флангу русскихъ по старой смоленской дорогѣ; вице-король займетъ правое крыло и овладѣетъ батареями въ центрѣ. Гвардія станетъ у Шевардина, готовая подкрѣпить ударъ; лѣвое крыло за Бородинымъ и Колочею обезопаситъ итальянская гвардія.

Войска начали передвигаться, когда явился Даву. Осмотрѣвши лѣвую оконечность русскихъ, онъ проспилъ дать ему 35.000 вой-

ска и вмѣстѣ съ Понятовскимъ позволить обойдти во флангъ и въ тылъ непріятеля. Наполеонъ подумалъ. «Нѣтъ, движеніе слишкомъ отдаленно: оно удалитъ меня отъ моей цѣли и заставитъ потерять много времени». Даву брался совершить обходъ къ 6-ти часамъ утра. «О!—вскричалъ Наполеонъ съ досадою,—у васъ всегда одно: обходить непріятеля! Знаете ли, что это самый опасный маневръ?» Расположеніе осталось прежнее.

Многіе винили потомъ Наполеона, что онъ не исполнилъ предложенія Даву. Схваченные съ фронта, обойденные съ фланга, русскіе были бы смяты. Но въ такомъ случаѣ, если бы Кутузовъ и допустилъ обходъ, онъ отступилъ бы, а только того и боялся Наполеонъ. Безпрестанно приказывалъ онъ смотрѣть: не снимаются ли, не уходятъ ли русскіе? Только не ушли бы они, какъ уходили отъ Нѣмана до Москвы: побѣда несомнительна!

Но русскіе не уходили. Старецъ-вождь русскихъ хладнокровно распоряжалъ полки свои. Видя движенія непріятеля направо, онъ усилилъ укрѣпленія у Семеновскаго, занялъ редутомъ Утицу. Здѣсь сталъ Тучковъ; Багратіонъ былъ у Семеновскаго; Барлай де-Толли начальствовалъ центромъ и правымъ крыломъ. «Сберегать резервы сколько возможно; ибо кто сохранилъ резервы, тотъ еще не побѣжденъ», приказывалъ Кутузовъ. «Наступать колоннами, стрѣльбою не заниматься, но быстро дѣйствовать холоднымъ оружіемъ». И Наполеонъ подтверждалъ: «Исполнять все въ порядкѣ и методически, стараясь всегда имѣть болѣе резервовъ.» Онъ чувствовалъ важность битвы, для которой пришелъ изъ Парижа къ Москвѣ. Русскіе остановились передъ своею древнею столицею: отступить могли они только въ Москву. Надеждою на Бога укрѣплялись русскіе полки. Велѣно было носить по лагерю икону Смоленской Богоматери, вынесенную войсками изъ Смоленска. Кутузовъ сопровождалъ ее при торжественномъ духовномъ пѣніи. Русскіе воины молились благоговѣйно. Изъ лагеря Наполеона видѣли ихъ благочестіе и съ горделивымъ презрѣніемъ указывали на изувѣрство русскихъ варваровъ. Мечта о славѣ, мысль о побѣдѣ замѣняли молитву воинамъ Наполеона. Французскіе историки сохранили даже какое-то странное воззваніе, вѣроятно, тогда

вымышленное и будто бы читанное отъ имени Кутузова русскимъ войскамъ. Можемъ ихъ увѣрить, что такого воззванія никогда не было. *)

Но если карающая рука Провидѣнія налегла на завоевателя съ самаго вступленія его въ Россію, онъ могъ почувствовать, что она отяжелѣла надъ нимъ въ минуту самую рѣшительную. Если уже давно, въ Витебскѣ, въ Смоленскѣ, видѣли его утомленнымъ, нерѣшительнымъ, не узнавали прежняго Наполеона, побѣдителя при Арколѣ, переходившаго Альпы, въ мѣсяцъ рѣшавшаго битвами жребій царствъ,—еще болѣе изумились, видя его вечеромъ наканунѣ Бородинской битвы. Онъ былъ неузнаваемъ: то молчаливъ, задумчивъ, мраченъ, неподвиженъ, то дѣятеленъ, говорливъ, вспыльчивъ; садился на лошадь, мчался по лагерю и опять укрывался въ свою палатку. Если тревогъ души и бури страстей было недостаточно, къ нимъ присовокупилась еще тѣлесная немощь. Труды похода, безсонныя ночи, осенняя погода, дождь, промочившій его при обозрѣніи позиціи, произвели въ немъ жестокую лихорадку. Тщетно хотѣлъ онъ преодолѣть тѣло духомъ — прошли годы юности:—пятнадцать лѣтъ жизни, какою не живутъ люди, изнурили желѣзныя силы его. Жестокій ознобъ, палящій жаръ, нестерпимая жажда мучили его.

Присоединились другія, неожиданныя причины. Фавье, адъютантъ Мармона, привезъ ему изъ Испаніи извѣстія о потерѣ

---

*) Братья и сподвижники! Вы видите передъ собою въ семъ образѣ предметъ вашего благочестія, воззваніе къ Небу, да соединится оно съ людьми противъ тирана, возмущающаго міръ. Недовольный истребленіемъ милліоновъ созданій по образу и по подобію Божію, сей архи-возмутитель противъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ вооруженною рукою проникаетъ въ наши святилища, обагряетъ ихъ кровью, низвергаетъ алтари и предаетъ даже святыню Господню въ семъ святомъ образѣ нашей Церкви тревогамъ, бурямъ и рукамъ святотатственнымъ. Не убойтесь же, что Богъ, Коего алтари оскорблены симъ червемъ, Коего всемогущество его извлекло изъ праха, не будетъ съ нами; не бойтесь, что онъ не простретъ щита своего надъ рядами нашими и не поразитъ врага своего мечомъ Михаила Архангела! Такъ вѣруя, хочу я сражаться, побѣдить и умереть, увѣренный, что умирая узрю побѣду. Воины, исполните долгъ вашъ! вспомните о градахъ, огню преданныхъ, о чадахъ, молящихъ вашей защиты, вспомните о государѣ вашемъ, считающемъ васъ основою силы его (qui vous considère comme le nerf de sa force? Безсмысліца!), и завтра, прежде нежели зайдетъ солнце, вы означите вашу вѣру и вашу вѣрность на поляхъ отчизны вашей кровью притѣснителя и его воиновъ!“

арапильскаго сраженія, бѣдствіи войскъ его въ Испаніи, торжествѣ Веллингтона, бѣгствѣ Іосифа изъ Мадрида. Съ жаромъ заговорилъ Наполеопъ о безразсудствѣ Мармона, вдругъ замолчалъ и вполголоса произнесъ три стиха изъ оды «Къ Счастію» Ж. Ж. Руссо, замѣнивъ въ нихъ слово *неопытность* словомъ *нетерпѣніе:* «непослушное *нетерпѣніе* товарища Павла Эмилія составило весь успѣхъ Аннибала—» *). Болѣе не было сказано ни слова. Другія извѣстія были изъ Парижа. Курьеръ привезъ ему письма Маріи-Луизы и портретъ сына, писанный Жераромъ. Императрица писала о надеждѣ успѣха, скоромъ свиданіи; лицо сына улыбалось ему сладостными надеждами будущаго. Долго, съ восторгомъ смотрѣвши на него, онъ велѣлъ выставить портретъ передъ палаткою. Не только генералы и офицеры, но даже и усачи-солдаты толпою собирались окрестъ него. Вдругъ скорбное чувство овладѣло Наполеономъ. Онъ велѣлъ убрать портретъ. «Спрячьте его,—сказалъ онъ:—слишкомъ рано показывать ему кровавое поле битвъ!» Онъ прохаживался по своей палаткѣ и говорилъ какъ будто самъ съ собою: «Война! Что такое война? Ремесло варваровъ,—тутъ все искусство собрать болѣе силъ на извѣстной точкѣ!» Можетъ быть, Наполеопъ размышлялъ тогда о всей жизни своей, о славѣ и могуществѣ, которыми могъ наслаждаться, о счастіи супруга, отца, государя, — и гдѣ онъ? Зачѣмъ заброшенъ онъ на край свѣта? какая безумная мечта увлекла его въ лѣса Скиоіи и степи Сарматіи? Какъ-будто стараясь изгнать всѣ другія помышленія, онъ обратилъ все вниманіе на предстоящую битву. Призвавъ къ себѣ Раппа, началъ онъ говорить съ нимъ о дряхлости, неспособности Кутузова; удивлялся, что не избрали Бенпингсена на мѣсто Барклая-де-Толли, и какъ будто утѣшалъ себя стараніемъ унизить противника. «Вѣришь ли ты въ завтрашнюю побѣду?»—Наполеонъ спросилъ. «Безъ сомнѣнія; но битва будетъ кровопролитная!» — Знаю, но у меня 80.000; я потеряю 20, приду въ Москву съ 60-ю; явятся отсталые, находящіеся на маршѣ, и мы будемъ сильнѣе, нежели передъ

---

*) *L'impatience* indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout le succès d'Annibal...

побѣдою».—«Надобно распить, что налито въ Смоленскѣ!» говорилъ онъ другому адъютанту.

Всю ночь продолжалось болѣзненное волненіе Наполеона. Около 5 часовъ утра въ двадцатый разъ велѣлъ онъ узнать, не уходятъ ли русскіе, и послѣ утвердительнаго отвѣта приказалъ подать лошадь. Полки строились. Пушки катились по назначенію. Бодро поднялся Наполеонъ, воскликнувъ: «Ну, такъ они теперь у насъ въ рукахъ! Пойдемъ! Отворимъ ворота московскія!»

Безмолвно послѣ краткаго отдыха въ холодную, осеннюю ночь подымались солдаты. Ихъ оживилъ приказъ, читанный передъ каждою ротою:

«Солдаты!

«Вотъ битва, которой вы такъ желали. Теперь побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ необходима: она доставитъ намъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Поступайте какъ подъ Аустерлицомъ, Фридландомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, и пусть самое отдаленное потомство вспомнитъ дѣла ваши въ сей день; пусть говорятъ о васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!»

Едва приблизился Наполеонъ къ Шевардину, яркое солнце выкатилось на осеннее небо. «Это солнце Аустерлица!» сказалъ онъ окружавшимъ его. Онъ не успѣлъ подать знака къ битвѣ. Въ Бородинѣ началась перепалка, и на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, по обѣимъ линіямъ, вспыхнулъ двойной огонь; облака дыма покрыли полки; земля дрогнула.

Прежде и потомъ были даны Наполеономъ великія битвы, но ни одна не сравнялась размѣрами съ Бородинскою. Двѣсти пятьдесятъ или почти до трехъ сотъ тысячъ воиновъ, съ тысячью слишкомъ пушекъ, бились здѣсь 12 часовъ, сдвинутые на пространствѣ 8-ми квадратныхъ верстъ. Почти третья часть ихъ были убиты и изранены. Пушки разгорались и лопались; батареи по шести разъ переходили изъ рукъ въ руки и переставали стрѣлять, заваленныя трупами. Гулъ пальбы слышенъ былъ за *сто верстъ*; боролись Востокъ съ Западомъ; бился Наполеонъ за все свое прошедшее, настоящее и будущее.

Сраженіе казалось начатымъ на всей линіи войска, но главный ударъ Наполеона вначалѣ былъ направленъ на Семенов-

ское. Даву, Ней, Жюно, прикрытые 130 пушками, подкрѣпляемые Мюратомъ, ударили на русскія батареи. Компанъ, Раппъ и Дезе были ранены; Даву упалъ съ убитой подъ нимъ лошади, Ней принялъ начальство. Батареи были взяты и отбиты русскими снова; между тѣмъ Понятовскій занялъ Утицу. Ней въ другой разъ овладѣлъ батареями, былъ опять сбитъ и овладѣлъ ими въ третій разъ. Жюно подкрѣплялъ его. Понятовскій овладѣлъ утицкою батареею, но въ 9 часовъ французы были снова *повсюду отбиты.*

Тогда началась атака центра. Французы перешли за Колочу штыки на перевѣсъ; молча, среди града картечи явились они на русской батареѣ. Ихъ отбили отчаяннымъ усиліемъ, гдѣ былъ убитъ русскій генералъ Кутайсовъ. Французскій генералъ Бонами, израненный, взятъ въ плѣнъ русскими.

Между тѣмъ четыреста пушекъ загремѣли противъ Семеновскаго; триста пушекъ русскихъ отвѣчали имъ. Подъ огнемъ семисотъ орудій началась отчаянная рукопашная битва, гдѣ смертельно ранили Багратіона. То былъ поединокъ между сорока тысячами сражавшихся, «пиръ смерти, со всѣми его ужасами, битва, гдѣ истощались усилія, казавшіяся не человѣческими». Дохтуровъ заступилъ мѣсто Багратіона. Русскіе уступили высоты, сохранивъ свои пушки. Мюратъ понесся въ атаки. «Тутъ нельзя стоять!» говорилъ ему одинъ изъ полковниковъ, когда Мюратъ увидѣлъ его отступающимъ, послѣ потери половины полка. «Я стану здѣсь!» закричалъ Мюратъ.—«Хорошо!» хладнокровно отвѣчалъ полковникъ: «впередъ! Умремъ!» Онъ двинулся впередъ и палъ. Наполеонъ хотѣлъ нанесть ударъ послѣдній—тронулъ съ мѣста молодую гвардію. Минута была рѣшительная...

Внезапное смятеніе на лѣвомъ крылѣ Наполеона остановило неотразимый порывъ нападавшихъ. За Колочею явились казаки и русская конница и смяли отряды итальянцевъ. Вице-король бросился туда. Самъ Наполеонъ явился здѣсь, изумленный внезапностью нападенія. Дѣло оказалось неважно, но оно измѣнило судьбу битвы и было личнымъ распоряженіемъ Кутузова. Хладнокровный, безстрастный зритель боя, находясь за главной батареею русскою, старецъ видѣлъ опасность рѣшительной минуты, приблизился къ пылу битвы, и мысль

спасительная возникла въ умѣ его, при взглядѣ на общность сраженія. Насильно увлекли его изъ-подъ ядеръ и картечи. Но слѣдствіемъ взгляда его было нападеніе легкой конницы и казаковъ во флангъ праваго крыла непріятельскаго. Платовъ и Орловъ-Денисовъ перешли за Москву рѣку, произвели тревогу *атакою столь быстрою*, что прискакавшій туда вице-король едва успѣлъ спастись въ каре своихъ полковъ. Атаку отбили. Вице-король и Наполеонъ спѣшили обратиться къ бою, но мгновеніе, отъ коего зависѣла битва, было пропущено. Русскіе укрѣпились на своихъ мѣстахъ. Перемежка боя показала французамъ весь ужасъ положенія ихъ. Нравственная сила однихъ укрѣпилась, другихъ ослабѣла. Было два часа пополудни. Уже восемь часовъ шелъ бой, и никакія усилія французовъ не могли одолѣть желѣзнаго упорства русскихъ. Еще нѣсколько дивныхъ, геройскихъ подвиговъ было совершено съ обѣихъ сторонъ. Батарея русская въ центрѣ была взята; здѣсь палъ генералъ Коленкуръ, и взятъ въ плѣнъ русскій генералъ Лихачевъ, больной и израненный. Но тѣмъ кончились успѣхи Наполеона. Кавалерійскія атаки Мюрата на Семеновское и губительная канонада являлись безполезными. Недоставало болѣе силъ сражаться. Въ девять часовъ вечера все смолкло на страшномъ полѣ битвы. Русскія войска оставались на своихъ мѣстахъ; французскія войска отступили на позицію, какую занимали поутру. Грустно, уныло, не зажигая огней, воины Наполеона считали потери и раны, усталые, голодные, истерзанные. Мрачное осеннее небо стемнѣло надъ ихъ головою, и вопли тысячей страдальцовъ какъ будто говорили имъ о гибельной участи, ожидавшей ихъ въ будущемъ... Казаки нѣсколько разъ ночью производили тревогу и заставляли цѣлые корпуса становиться подъ ружье, налетая съ гикомъ и укрываясь въ темнотѣ ночи.

Ужасна была великая битва бородинская, названная французскою арміею *битвою генераловъ* (bataille de généraux), ибо никогда прежде не было столь огромной утраты высшихъ воинскихъ чиновъ въ одномъ сраженіи. Французы считали убитыми и ранеными *сорокъ три* генерала; въ числѣ убитыхъ были графъ Монбрюнъ и Коленкуръ, младшій братъ герцога виченцскаго; въ числѣ раненыхъ—Даву, Компанъ, Раппъ, Де-

Наполеонъ подъ Москвою.

зе. Русскіе потеряли убитыми: Тучкова, Кутайсова, начальника артиллеріи 1-й арміи; другой братъ Тучковъ, начальникъ корпуса, умеръ отъ раны; не пережилъ бородинской битвы и Багратіонъ, герой Требіи, Нови, Голлабруна, спаситель 2-й русской арміи: онъ умеръ въ селѣ Симѣ, на берегахъ Волги, куда увезенъ былъ изъ арміи. Раненыхъ русскихъ генераловъ было двадцать. У французовъ выбыло изъ строя до *пятидесяти тысячъ*, у русскихъ—болѣе *пятидесяти тысячъ* чело-

вѣкъ. Подъ Маренго не было столько всего въ бою съ обѣихъ сторонъ. При безмѣрномъ количествѣ пушекъ (французы сдѣлали 100.000 выстрѣловъ) и въ упорствѣ кавалерійскихъ атакъ и рукопашныхъ битвъ никогда не видали прежде столько смертельно раненыхъ и столь свирѣпо истерзанныхъ. Большая часть раненыхъ погибла. *)

Но сіе губительное сраженіе было ли *побѣдою* Наполеона? Потому, что слѣдствіемъ его были отступленіе русскихъ и оставленіе Москвы, Наполеонъ провозгласилъ его побѣдою, назвавъ Нея на память торжества *княземъ Москворѣцкимъ* (Prince de Moskowa) и отправя хвастливый бюллетень, велѣлъ пѣть Te Deum во всѣхъ церквахъ своей имперіи «за счастливый переходъ Нѣмана, Двины, Борисѳена, и побѣды могилевскую, дрисскую, полоцкую, смоленскую и московскую» (сентября 10-го). Французы насмѣшливо утверждали, что русскіе, въ свою очередь, считали бородинскую битву побѣдою, что такъ донесъ объ ней Кутузовъ, что онъ былъ за то возведенъ въ званіе фельдмаршала, розданы награды и *Тебѣ Бога хвалимъ* пѣли во всей Россіи. Никогда не доносилъ Кутузовъ о бородинской битвѣ, какъ о побѣдѣ. Онъ откровенно сознался, что

---

*) А. И. Данилевскій, достовѣрнѣе всѣхъ, полагаетъ число французовъ подъ Бородинымъ болѣе 170.000 и потерю ихъ до 50.000; русскихъ подъ Бородинымъ было 113.000 и 15.000 ополченія. Потеря въ 1-й русской арміи простиралась убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими до 38.506; во 2-й (офиціальныхъ отчетовъ не представлено), примѣрно—не менѣе 20.000, слѣдовательно, всего по крайней мѣрѣ болѣе 50.000 человѣкъ. Въ Тарутинѣ оказалось налицо изъ 113 тысячъ, бывшихъ подъ Бородинымъ, 52.343! Д. П. Бутурлинъ считаетъ французовъ подъ Бородинымъ до 152.000; потерю ихъ полагаетъ болѣе 60.000, русскихъ—до 50.000. Показанія французскихъ историковъ сбивчивы и разногласны. Шамбре говоритъ, что число французовъ, вышедшихъ съ Наполеономъ изъ Смоленска, составляло 155.675 и что въ Гжатскѣ оказалось подъ ружьемъ 133.819. Потерю подъ Бородинымъ полагаетъ онъ въ 60.000 съ обѣихъ сторонъ; Жомини—до 80.000; Фенъ; русскихъ—50.000, французовъ—20.000; Ларрей считаетъ убитыхъ французовъ 9.000, раненыхъ—13.000. Убитые французскіе генералы: *Монбрюнъ, Коленкуръ, Комперъ, Плозоль, Ланаберъ, Ромефъ, Гюаръ, Лепель, Маріонъ;* раненые: маршалъ *Даву,* генералы: *Моранъ, Компанъ, Раппъ, Дезе, Фріанъ, Нансути, Груши, Латуръ-Мобуръ, Лагуссе, Периньонъ, Бонами,* и кромѣ нихъ 22. Русскіе генералы убитые — *Тучковъ, Кутайсовъ;* раненые: *принцъ Мекленбургскій, Багратіонъ, Раевскій, Коновницынъ, Крейцъ, Горчаковъ, Воронцовъ, Ермоловъ, Сенъ-При, Кретовъ, Лихачевъ, Ивеличъ, Тучковъ, Росси, Цыбульскій, Алексополь, Кантакузинъ, двое Бахметьевыхъ, Остерманъ* (оконтуженный).

русскіе только удержали непріятеля, что непомѣрная убыль войска заставила его отступить и что онъ готовится дать снова битву. За сей подвигъ были награды ему, сподвижникамъ его, и воздано благодареніе Богу. Слова Кутузова были вполнѣ справедливы, и Наполеонъ обманывалъ себя и другихъ, если считалъ себя побѣдителемъ. Несмотря на превосходство числа, русскіе не уступали отчаяннымъ усиліямъ непріятеля. Даже трофеи съ обѣихъ сторонъ были равные: не взято ни *одно* русское знамя, не взятъ ни *одинъ* французскій орелъ. Французы захватили до 1.000 плѣнныхъ, 15 пушекъ и генерала (Лихачева); русскіе также взяли тысячу плѣнныхъ, 13 пушекъ и генерала (Бонами). Почтимъ память героевъ, сражавшихся подъ Бородинымъ! Изнуренные походомъ, французы забыли труды и усталость и были достойными представителями побѣдителей при Риволи, Маренго, Фридландѣ и Ваграмѣ. Багратіонъ кричалъ: *браво!* смотря, какъ хладнокровно шли непріятели на батареи его, осыпаемые картечью и пулями. Маршалы Наполеона не щадили себя, какъ послѣдніе рядовые. Но, умѣя отдавать справедливость непріятелямъ, скажемъ, что въ русскихъ нашли они достойныхъ противниковъ. Кутузовъ показалъ отважность юноши, умъ великаго полководца. Посылка войскъ за Москву рѣку въ рѣшительную минуту была маневромъ превосходнымъ, и передвиженія войскъ изумляли вѣрностью и порядкомъ. Войско русское оправдало надежды отечества. Полки русскіе бились, пока изъ тысячъ оставались въ нихъ сотни, хотя въ русской арміи было много рекрутовъ, а противъ нихъ сражались закаленные въ бояхъ воины. Подвиги самоотверженія русскихъ подъ Бородинымъ были неисчислимы. Барклай-де-Толли искалъ смерти, бросался въ ряды непріятелей, и пять лошадей были подъ нимъ убиты и ранены. «Мы накапунѣ сраженія, гдѣ, можетъ быть, удастся мнѣ совершеніе моихъ желаній», писалъ онъ, и горестно прибавилъ на другой день: «мое пламенное желаніе не сбылось—Провидѣніе пощадило жизнь, которая тяготитъ меня!» Видя его въ смертельномъ огнѣ, Милорадовичъ восклицалъ: «Барклай не удивитъ меня!» и бросался далѣе его въ битву. Тучковъ палъ, когда, схвативъ знамя, шелъ впереди полка своего. Кутайсовъ разорванъ ядромъ, когда вмѣстѣ съ Ермоловымъ велъ въ штыки

полкъ на батарею, захваченную французами. Дохтуровъ спокойно сидѣлъ на барабанѣ, когда противъ него ревѣла адская канонада. Лихачевъ, больной ногами, не сошелъ съ батареи, взятой непріятелемъ. «Вѣдь умирать же подъ Москвой,—такъ не все ли равно лечь здѣсь?» говорили русскіе солдаты, и умирали безтрепетно.

И такихъ людей Наполеонъ называлъ *скивами*, *московитами*, *варварами!* Но исполнилъ ли онъ самъ всѣ обязанности вождя, оправдалъ ли славу перваго въ мірѣ полководца, въ битвѣ, которой такъ жаждалъ, куда стремился, забывая всѣ расчеты политики и стратегіи, и гдѣ сосредочивалъ всѣ надежды, всѣ желанія? Согласное мнѣніе друзей и враговъ осуждаетъ его и извиняетъ только болѣзнью распоряженія его въ Бородинской битвѣ. Отвергнувъ совѣтъ Даву, рѣшась сломить русскихъ, онъ ограничилъ всѣ свои дѣйствія натискомъ. Но въ нападеніяхъ были безпрерывныя остановки, отдыхъ русскимъ, медленность, нерѣшительность, недостатокъ общности движеній. Наполеонъ оставался у Шевардина, не оживлялъ войска своимъ присутствіемъ, угрюмый, молчаливый, задумчивый, приказывая и безпрерывно отмѣняя приказы. Главною ошибкою его полагаютъ, что онъ не довершилъ послѣдняго удара и не ввелъ въ битву 25.000 гвардіи, когда она нетерпѣливо рвалась въ бой, когда о томъ просили, умоляли Наполеона и когда у Кутузова оставались внѣ битвы только 4 егерскіе и два гусарскіе полка. «А съ чѣмъ буду я сражаться завтра?» отвѣчалъ Наполеонъ, и всегда потомъ устранялъ упрекъ тѣмъ, что у него оставалась только гвардія, когда впереди была еще армія русская, при увѣренности, что Москву станутъ защищать отчаянно. Невольно повторите слова Наполеона: «Судьба сильнѣе человѣка!»

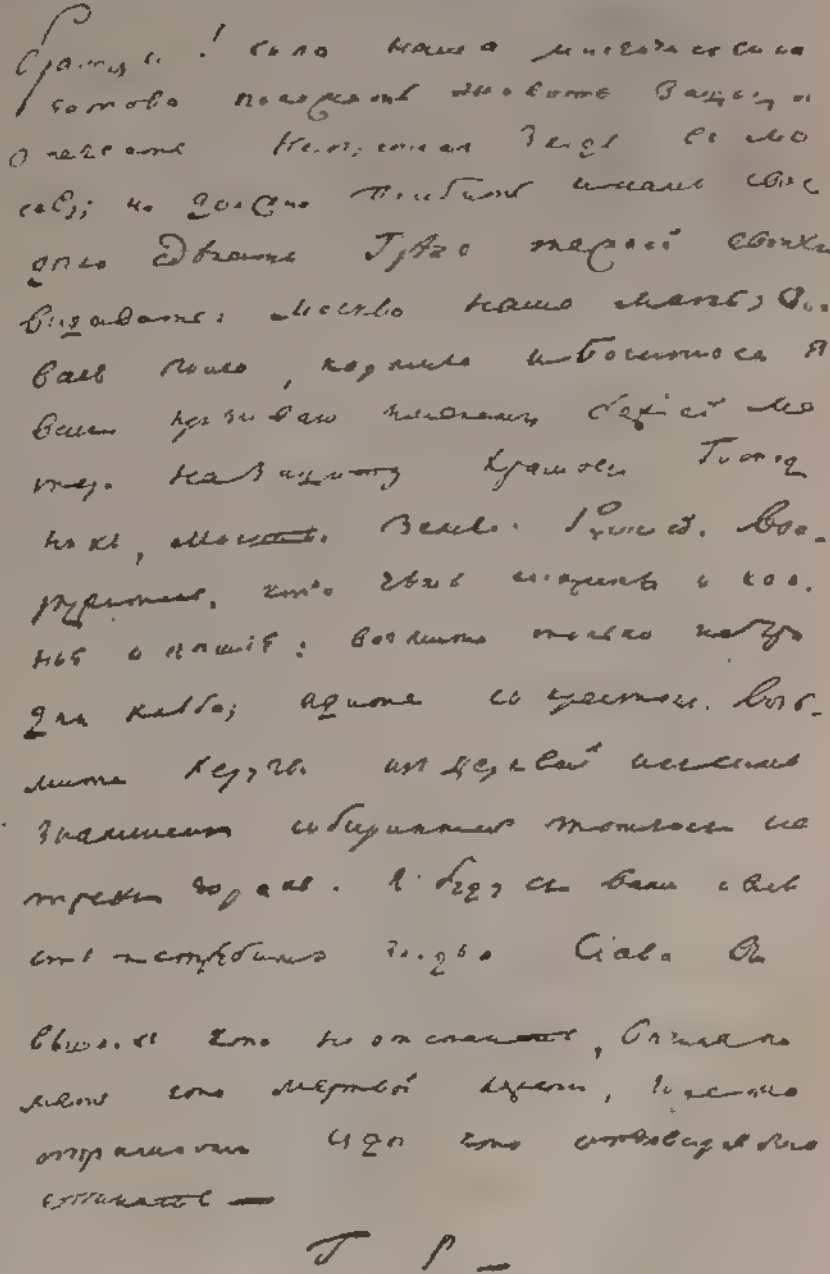
Онъ ждалъ битвы на другой день, и забывая ужасъ бывшаго сраженія, не думая о потеряхъ, какія видѣлъ изъ донесеній маршаловъ и генераловъ, презирая тѣлесныя страданія, въ семь часовъ утра, сентября 8-го, уже явился среди безмолвнаго поля битвы; русскіе отступали. Наполеонъ ждалъ битвы не напрасно. Кутузовъ не только не думалъ объ отступленіи, но даже объявилъ войску о завтрашней битвѣ, писалъ о томъ императору Александру, и только неслыханная потеря войскъ, умноженная имъ изъ донесеній, рѣшила его сблизиться къ

Можайску, собрать и сообразить силы прежде боя. Наполеонъ не далъ на то времени, двинулъ, помчалъ за русскими свои окровавленныя ополченія. Русскіе не пустили его въ тотъ день въ Можайскъ, но здѣсь Кутузовъ убѣдился въ необходимости отступленія дальнѣйшаго и снова явилъ изумительную предусмотрительность и непоколебимое мужество. Имѣя не болѣе 60,000, не находя позицій, когда 100.000 непріятелей усильно шли по пятамъ и обходили его, Кутузовъ отступалъ, сражаясь на каждомъ шагу, не оставляя ни пушки, ни обоза, прикрывая безконечные ряды телѣгъ съ ранеными. Въ Можайскѣ остановился Наполеонъ, страдая столь жестокою простудою, что не могъ говорить и писалъ свои распоряженія. Преслѣдованіе ослабѣло; но, едва отдыхъ возстановилъ силы Наполеона, сентября 11-го онъ выѣхалъ изъ Можайска и устремился по большой московской дорогѣ, гдѣ Мюратъ, начальствуя авангардомъ, бился съ Милорадовичемъ, принявшимъ начальство надъ русскимъ аріергардомъ. Дрались за Можайскомъ, дрались у Крымскаго, и здѣсь русскіе уничтожили всѣ усилія Мюрата. Наполеонъ усилилъ преслѣдованіе, напирая неотступно къ Москвѣ. Вице-король шелъ на Рузу и Звенигородъ. Понятовскій двигался на Верею. Остановиться русскимъ было невозможно. Сближались къ Москвѣ. Кутузовъ рѣшился сражаться у воротъ столицы, тѣмъ болѣе, что Беннингсенъ, посланный впередъ, увѣдомилъ его, что подъ Москвою найдена выгодная позиція, и онъ велѣлъ укрѣплять ее батареями. Сентября 13-го (1-го) русская армія двинулась къ древней столицѣ Россіи изъ Мамонова, и вечеромъ расположились подъ Москвою, на смоленской дорогѣ и влѣво отъ нея, на берегахъ Сѣтуни и Воробьевыхъ горахъ. Безконечная Москва разстилалась передъ глазами русскихъ. Пасть ли имъ здѣсь въ битвѣ? Отдать ли врагу только развалины Москвы, защищаясь въ самой столицѣ? Тревожная дума терзала сердца русскихъ воиновъ, когда никѣмъ не ожиданное извѣстіе поразило всѣхъ: *Москву уступали безъ боя!*

Великое пожертвованіе уже было рѣшено Кутузовымъ. Онъ предупредилъ пріѣздомъ приходъ арміи, осмотрѣлъ избранное Беннингсеномъ мѣсто битвы, увидѣлъ невозможность сражаться и рѣшился принести послѣднюю жертву на спасеніе отечества—отдать Москву, сломить Наполеона торжествомъ его,

сохранить армію и за Москвою ждать врага съ новыми силами, спѣшившими отовсюду. Но что скажетъ Царь Россіи? Что скажетъ Россія и Европа? Какое дѣйствіе произведутъ на самую армію слова: *Москва взята Наполеономъ?* Если сіи страшныя слова поразятъ ее унынiемъ и трепетомъ? И какую отвѣтственность долженъ былъ принять на себя Кутузовъ, предавая святыню Россіи, Москву, съ ея богатствами, храмами, гробницами царей, врагу, означавшему путь свой на пространствѣ тысячи верстъ до Москвы пожарищами и разорепiемъ? Если и Москвѣ суждена участь Смоленска? Мысль отдать Москву не была чужда Кутузову даже на полѣ Бородинскомъ. «Если непріятель займетъ Москву, онъ расплывется въ ней, какъ губка, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу», говорилъ онъ. Но, когда наступила минута жертвы, Кутузовъ содрогнулся, соображая огромность ея. Никогда не терпѣвшій совѣтовъ, онъ, какъ говоритъ одинъ изъ историковъ 1812 года, «всегда державшійся правила древняго полководца, который не хотѣлъ, чтобы и подушка его знала объ его намѣренiяхъ», еще утромъ, когда спорили объ избранной Беннингсеномъ позиціи, рѣшившій споры словами: «Тутъ моя голова, хороша ли, худа ли она, должна помочь самой себѣ» (ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit cependant s'aider que d'elle même), рѣшился собрать совѣтъ. Въ деревнѣ Филяхъ, на смоленской дорогѣ, въ крестьянской избѣ, гдѣ была кватира Кутузова, собрались Беннингсенъ, Б.-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Раевскій, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Кутузовъ опредѣлилъ вопросъ слѣдующими словами: «Доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состоянiи противиться непріятелю, остается надежда счастливо кончить войну; но съ уничтоженiемъ арміи Москва и Россія потеряны. Ожидать ли нападенія въ неудобной позиціи, или отступать за Москву?» Явились два мнѣнія: Беннингсенъ и съ нимъ Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ говорили, что должно идти навстрѣчу непріятелю и сражаться; Барклай-де-Толли и съ нимъ Остерманъ, Раевскій и Толь утверждали, что должно отступать и сохранить армію. Барклай-де-Толли предлагалъ отступленіе на сибирскую, Толь на калужскую дорогу; Кутузовъ согласился съ ихъ мнѣнiемъ, но опредѣлилъ отступленіе по рязанской дорогѣ.

«Съ потерею Москвы не потеряна Россія,—сказалъ онъ. Первая обязанность сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими на подкрѣпленіе. Уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Знаю, что отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою благу отечества. Приказываю отступать!» Совѣтъ разошелся. Оставшись одинъ, Кутузовъ не скрывалъ горестныхъ чувствъ своихъ. Приближенные его видѣли, какъ всю ночь онъ то сидѣлъ, то ходилъ, печальный, задумчивый, и слезы текли изъ глазъ его. «Но доведу жъ я проклятыхъ французовъ, что они, какъ турки въ прошедшемъ году, будутъ у меня ѣсть лошадиное мясо!» воскликнулъ Кутузовъ, ударивъ по столу.



Афиша графа Растопчина.

Въ тотъ же вечеръ потребованы отъ главнокомандовавшаго московскаго провожатые для проведенія арміи черезъ Москву. Рано утромъ, сентября 14 (2-го), армія тронулась съ мѣста.

Москва уже не была тогда Москвою. Она являлась грустною, спрою вдовицею, а не великолѣпною столицею царей, гдѣ сосредоточивались богатства

торговли, паслажденія роскоши, дѣятельность умственная, гдѣ триста тысячъ жителей, почетное дворянство, богатое купечество, еще за два мѣсяца прежде, радостно привѣтствовали Царя Россіи. Вмѣстѣ съ ревностью на защиту отечества и ненавистью къ врагу усиливались и опасенія жителей Москвы. Самая огромность пожертвованій на гибель его показывала мѣру опасности, а зловѣщіе слухи объ ужасахъ войны, тревогѣ въ Петербургѣ, стремленіи непріятеля во внутрь Россіи начали распространять смущеніе въ Москвѣ. Два чувства различныя взволновали умы. Старики-вельможи, доживавшіе вѣкъ въ Москвѣ, отставные чиновники, богатые помѣщики, дворянскія семейства, капиталисты рѣшились оставить Москву. Среднія званія и чернь не вѣрили возможности приближенія непріятеля къ столицѣ и хотѣли сражаться и умереть, если бы врагъ достигъ до золотоглавой Москвы, тѣмъ болѣе, что слышали о народной войнѣ, встрѣтившей *Бонапарта*. Сіе чувство усиливало особенное обстоятельство. Передъ началомъ войны, главнокомандующимъ московскимъ опредѣленъ былъ графъ Растопчинъ, бывшій министръ императора Павла, возбуждавшій ненависть къ Наполеону и любовь къ отечеству своими сочиненіями въ 1806 и 1807 годахъ. Сдѣлавшись начальникомъ Москвы, онъ истощилъ всѣ средства поддержать и усилить сіи чувства, издавалъ особенныя *афишки*, гдѣ простонароднымъ языкомъ говорилъ съ народомъ, ругалъ Наполеона и французовъ, вызывалъ народъ собираться и бить непріятеля. Все было пригодно, что́ грозило истребленіемъ врага. Императоръ Александръ не препятствовалъ дѣйствіямъ Растопчина и даже сказалъ, читая его афишки: «Онъ на своемъ мѣстѣ!» (C'est l'homme de la chose!) Паденіе Смоленска возвело всѣ чувства и отношенія на степень необыкновенную. Растопчинъ, увѣренный, что до Москвы не допустятъ Наполе-

Графъ Растопчинъ, московскій главнокомандующій.

Наполеонъ въ ожиданіи переговоровъ о мирѣ и сдачѣ Москвы.

она, усиливалъ убѣжденія въ безопасности Москвы, но между тѣмъ начали вывозить казенное имущество, царскія сокровища, архивы, церковныя драгоцѣнности, и при умножившихся опасеніяхъ Москву стали оставлять не только всѣ знатные, но и всѣ зажиточные жители; купцы поспѣшно вывозили товары, и вскорѣ бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Москва-рѣка запрудилась барками и судами; иногда до двухъ тысячъ жителей выѣзжало въ одинъ день, и безконечные обозы тянулись по всѣмъ дорогамъ изъ столицы. Прекратились дѣла, общественныя увеселенія, торговля, сношенія. Страхъ умножался съ приближеніемъ къ столицѣ непріятельскихъ войскъ, и особливо, когда тысячи раненыхъ наполнили госпитали и домы въ Москвѣ, усилились движенія и переходы войскъ, изъ Москвы побѣжали всѣ, кто только могъ бѣжать. Чины, званія смѣшивались; ѣхали въ чемъ попало, уходили цѣлыми семействами, увозили и уносили, что могли. Столица опустѣла. Оставался, кто не могъ выѣхать по недостатку средствъ или по какой-нибудь обязанности; остались чернь, возбуждаемая воззваніями Растопчина, и отребіе общества, которое гнѣздится во всѣхъ столицахъ и большихъ городахъ, люди которымъ терять нечего. До послѣдняго дня Растопчинъ не вѣрилъ оставленію Москвы безъ боя, ждалъ сраженія въ ея окрестностяхъ, даже не оставлялъ мысли въ послѣдней крайности собрать народъ, идти и драться съ непріятелемъ. Разумѣется, что такая безполезная жертва была воспрещена Кутузовымъ, и велѣно мѣстному начальству оставить столицу. Въ ночь отправились изъ Москвы митрополитъ, духовенство съ иконами изъ соборовъ и церквей, всѣ правительственныя мѣста, и наконецъ вышли полицейскія команды. Велѣно разбить бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и въ кабакахъ; истребить всѣ товары на Мытномъ дворѣ, всѣ казенные запасы, оставшіеся въ комиссаріатѣ, и барки съ артилерійскими и комиссаріатскими поклажами, задержавшіяся мелководьемъ на Москвѣ-рѣкѣ. Пожарная команда съ заливными трубами отправлена изъ города. Оставшееся въ кремлевскомъ арсеналѣ оружіе отдано на расхищеніе народа.

Такова была Москва, опустѣлая, безъ властей и начальства, съ остаткомъ черни, когда армія проходила по ея улицамъ, смѣшиваясь съ тысячами послѣднихъ бѣглецовъ, стремившихся

изъ столицы, съ рядами телѣгъ, на конхъ везли раненыхъ, съ казенными и частными обозами. Несмотря на стѣсненіе въ улицахъ, отступленіе арміи происходило въ изумительномъ порядкѣ, но тихо, уныло, безъ музыки и барабаннаго боя. Не только генералы и офицеры, солдаты плакали и рыдали, крестились на московскія церкви и прощались съ *матушкой-Москвой*. Дома и лавки были заперты. Чернь буйствовала въ кабакахъ и начинала грабежи въ отдаленныхъ частяхъ города. Толпа народа сбѣгалась защищать Кремль.

Наступала минута, которой такъ желалъ Наполеонъ. Ведя армію черезъ Москву, Кутузовъ оставилъ на смоленской дорогѣ Милорадовича съ аріергардомъ. Ему велѣно было удерживать непріятеля, пока армія и всѣ обозы пройдутъ черезъ Москву; даже сражаться подъ Москвою, если будетъ необходимо. Онъ ночевалъ въ 10 верстахъ, и, когда приблизился къ Москвѣ, она далеко еще не была очищена. Милорадовичъ послалъ къ Мюрату, шедшему по слѣдамъ его, требуя свободнаго прохода войскъ черезъ столицу и извѣщая, что въ случаѣ отказа будетъ сражаться и зажжетъ Москву. «Такъ нельзя стращать французской арміи!» замѣтилъ ему кто-то. «Мое дѣло стращать, а ваше умирать!» (C'est à moi à la braver et à vous à mourir) вскричалъ Милорадовичъ. Паскевичъ сталъ у моста на Москвѣ-рѣкѣ, рѣшаясь защищаться. Мюратъ припялъ посланнаго ласково, согласился не препятствовать отступленію русскихъ до слѣдующаго утра, съ тѣмъ, что французы немедленно вступятъ въ Москву. Онъ разспрашивалъ объ императорѣ Александрѣ и вел. князѣ Константинѣ Павловичѣ. «Вашего императора я уважаю, а съ великимъ княземъ другъ», говорилъ онъ. «Жалѣю, что обстоятельства заставили насъ воевать. Тяжелая война!»—«Мы сражаемся за отечество и не замѣчаемъ тяжести похода», отвѣчалъ ему посланный Милорадовича.—«Но почему не помириться?»—«Потому, что никто изъ насъ еще не разбитъ и не похвалится побѣдою!»—Мюратъ улыбнулся и замѣтилъ, что «мириться однако жъ пора!»

Аріергардъ русскій двинулся по Москвѣ. Мюратъ такъ спѣшилъ за нимъ, что передовые отряды его шли вмѣстѣ съ казаками Милорадовича. Впереди Мюрата ѣхали поляки Уминскаго, за ними прусскіе уланы Вертера, виртембергскіе кон-

ные егери, четыре французскихъ легкокопныхъ полка и отрядъ конной артиллеріи. Мюратъ красовался въ своемъ фантастическомъ нарядѣ и гордо вскакалъ въ Кремль. Три пушечные выстрѣла разсѣяли толпу собравшейся тамъ черни. Мюратъ послалъ разъѣзды по опустѣлымъ московскимъ улицамъ.

Рано утромъ отправился Наполеонъ съ ночлега изъ села Березокъ, остановился въ 12 верстахъ отъ Москвы, и послалъ къ Москвѣ Мюрата. Узнавъ объ условіи Мюрата съ Милорадовичемъ, онъ подтвердилъ строгое соблюденіе договора, велѣлъ сблизиться войску къ Москвѣ, Мортье—занять Кремль, Понятовскому—идти мимо города къ калужской заставѣ, вице-королю стать у прѣснепской и тверской заставъ, Даву и Нею готовиться къ парадному входу въ столицу. Странныя вѣсти доходили между тѣмъ до Наполеона. Уже самое уступленіе Москвы безъ боя изумило его, а еще болѣе донесеніе, что Москва оставлена безлюдною, опустѣлою, и что правительство выѣхало вслѣдъ за русскою арміею. Скрывая нетерпѣніе, медленно приближался онъ къ столицѣ. Блестящая свита упредила его, когда подъѣхали къ Поклонной горѣ, и раздавшіеся клики восторга встрѣтили Наполеона: Moscou! Moscou! На безконечномъ пространствѣ открылась передъ нимъ Москва, съ ея золотыми главами церквей, ея полуазіатскимъ видомъ, пестротою зданій, зеленью садовъ, страннымъ зодчествомъ Кремля и Иваномъ Великимъ, освѣщаемая яркими лучами осенняго солнца. Онъ не скрылъ своего удовольствія. «*А! такъ вотъ онъ наконецъ, этотъ знаменитый городъ*» (La voilà donc enfin cette ville fameuse!) сказалъ Наполеонъ улыбаясь и прибавилъ вполголоса: «*пора было*!» (Il était temps!)

Но изумленіе его возрастало. Громадный городъ, бывшій передъ его глазами, походилъ на очарованные города восточныхъ сказокъ, казался пустынею, городомъ, гдѣ все уснуло, умерло—ни жителей, ни движенія. Наполенъ сошелъ съ лошади, стоялъ сложа руки, ходилъ взадъ и впередъ, послалъ развѣдывать. «Можетъ быть, эти варвары не знаютъ даже, *какъ сдаютъ города!* Тутъ все ново—они для насъ, а мы для нихъ!» Велѣно было привесть депутатовъ московскихъ. Приказано ѣхать въ городъ. «Говорятъ, Москва пуста. Что за нелѣпость? Подите и приведите ко мнѣ *бояръ*» (les boyards»). Около часа

Пожаръ Москвы.

прошло въ ожиданіи. Нетерпѣніе Наполеона увеличилось, когда привели нѣсколько французовъ, оставшихся въ Москвѣ. Они подтвердили извѣстіе о запустѣніи русской столицы. «*Но гдѣ жъ сенатъ?*» — Уѣхалъ. — «*Губернаторъ?*» — Уѣхалъ.—*Народъ?*»—Народъ убѣжалъ.—«*Кто жъ въ Москвѣ?*»—Никого нѣтъ!—Разговаривавшій съ Наполеономъ хотѣлъ еще что-то говорить. «*Молчи!*» вскричалъ угрюмо Наполеонъ. Тутъ пригнали нѣсколько бродягъ, нахватанныхъ на улицахъ, и представили Наполеону, говоря что это *москвичи*. Гнѣвно взглянувъ на оборванцевъ, Наполеонъ вскричалъ: «Прогоните этихъ мерзавцевъ!» (Qu' on fasse retirer cette canaille!), велѣлъ подавать свою лошадь, скомандовалъ: «*впередъ*», велѣлъ Нею занимать городъ и поскакалъ къ заставѣ. «Они еще сами не знаютъ, какое дѣйствіе произведетъ взятіе ихъ столицы!» вскричалъ онъ, остановился въ подгородной слободѣ и, стоя на берегу Москвы-рѣки, задумчиво смотрѣлъ, какъ по мосту переходили войска. Вдалекѣ слышались взрывы, поднимался дымъ: то были барки, зажженныя на Москвѣ-рѣкѣ, отъ которыхъ загорѣлось нѣсколько домовъ. Наполеонъ велѣлъ тушить огонь, прекращать безпорядки, учредить управленіе въ Москвѣ. Мортье назначенъ былъ губернаторомъ, генералъ Дюронель—комендантомъ. Интендантомъ московскимъ опредѣлили Лессепса, замѣчательнаго по странной судьбѣ его *). Велѣно принять мѣры особенно противъ пожаровъ и грабежей. Отыскали типографію и начали печатать объявленія къ жителямъ Москвы, уговаривая ихъ быть спокойными и безопасными. Прежде всего напечатали извѣстіе о занятіи Москвы и отправили съ нимъ курьеровъ по всей Европѣ **); но объявленія издать не успѣли,

*) Отецъ его былъ консуломъ въ Петербургѣ. Когда отправлялась экспедиція Лаперуза, молодаго Лессепса вызвали изъ Россіи, и опредѣлили въ экспедицію переводчиковъ. Изъ Камчатки Лаперузъ отправилъ его съ журналами и картами въ Парижъ, и Лессепсъ, проѣхавшій черезъ Сибирь, былъ *единственный* человѣкъ, спасшійся отъ экспедиціи Лаперузовой. Онъ занялъ потомъ мѣсто отца въ Петербургѣ и прожилъ тамъ до 1812 года, а при объявленіи войны выѣхалъ во Францію. Наполеонъ взялъ его съ собой въ Россію, какъ знающаго русскій языкъ и русскихъ.

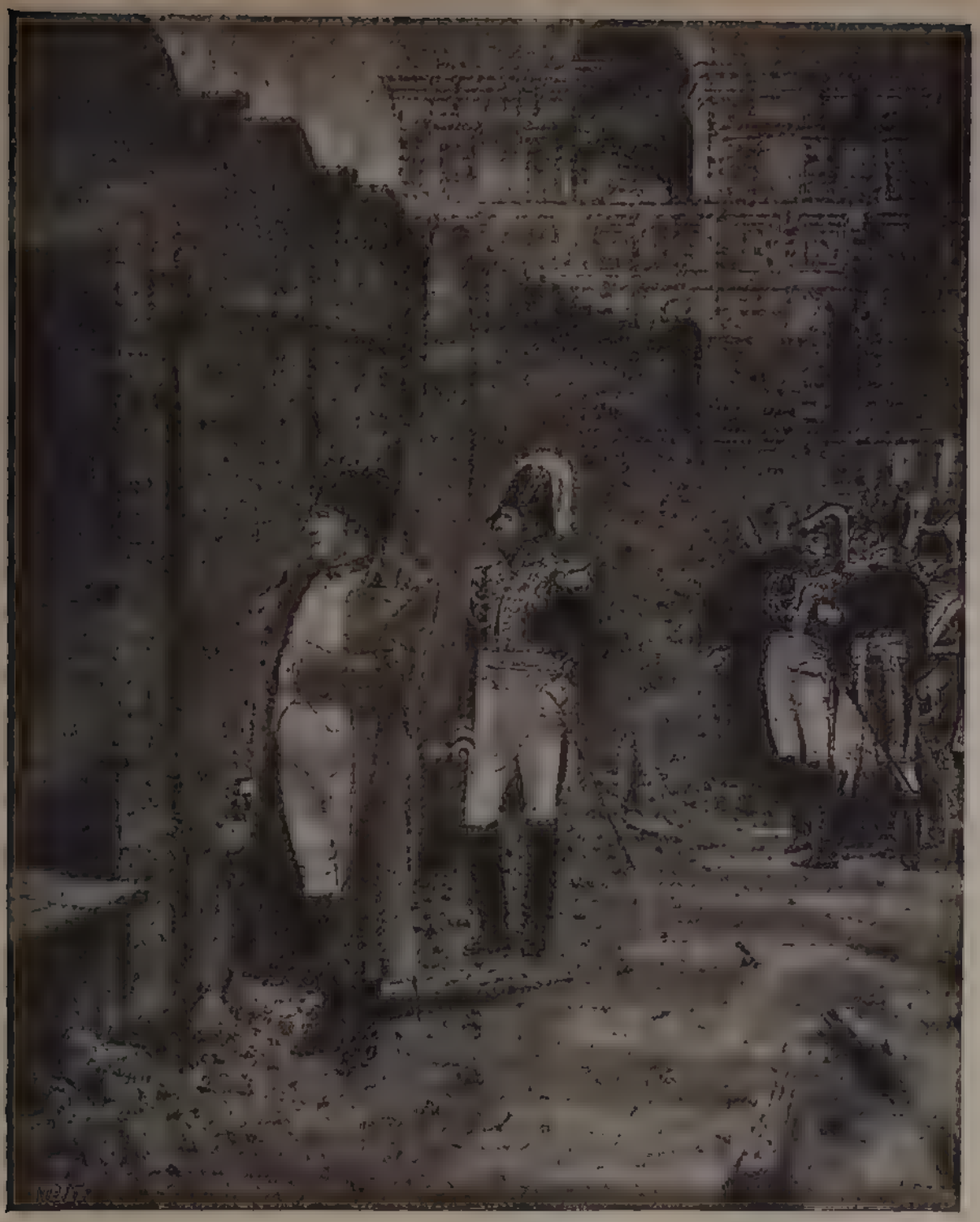
**) „Великая битва сентября 7-го поставила русскихъ внѣ возможности защищать Москву, и они оставили столицу. Теперь три часа съ половиною. Побѣдоносная армія вступаетъ въ Москву. Его величество императоръ Наполеонъ сейчасъ прибылъ сюда со своею главною квартирою. Москва, сентября 14-го 1812 года“. Для поляковъ увѣдомленіе было напечатано по польски.

ибо если Наполеонъ былъ изумленъ страннымъ пріемомъ его въ Москвѣ, на другой день ужаснула его русская столица событіемъ неслыханнымъ, и онъ убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ *варвары московиты* не умѣютъ *сдавать городовъ*.

Вопреки приказамъ Наполеона, невозможно было удержать ни оставшейся въ Москвѣ черни, ни вступившей въ Москву толпы разноплеменныхъ войскъ, голодныхъ, измученныхъ, жадныхъ добычи и грубыхъ, чувственныхъ наслажденій. Ожидавши пріема, ласки, покорности, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, они приведены были въ бѣшенство бѣгствомъ москвичей и обманомъ въ надеждѣ на отдыхъ, довольство и наслажденія. Всюду разсѣялись буйные солдаты, врывались въ пустые домы, искали припасовъ и вина, грабили кладовыя, пьяные били, что имъ попадалось, ломали окна и мебель. Особенною наглостью отличались поляки и нѣмцы. Грабежъ начался даже въ Кремлѣ. Солтыкъ, одинъ изъ польскихъ генераловъ, въ безсильной злобѣ рвалъ бархатъ съ царскаго трона, находившагося въ кремлевскомъ дворцѣ. Другіе искали скрытыхъ сокровищъ. Буйные побѣдители недолго предавались радостному изступленію и безумнымъ порывамъ ярости. Среди мрака осенней ночи, внезапно вблизи Кремля поднялся огненный столбъ и багровымъ заревомъ освѣтилъ небо, предшествуемый страшнымъ взрывомъ: загорѣлся москотельный рядъ въ Китаѣ-городѣ, и отъ горючихъ веществъ, въ немъ бывшихъ, мгновенно запылали торговые ряды, составляющіе въ Китаѣ родъ азіатскаго базара *). Ударили сборъ. Мортье прибѣжалъ

*) *Кремль*, старинная крѣпость, гдѣ находятся только соборы, дворцы, сенатъ, нѣсколько монастырей, составляетъ средину Москвы, расположенный на горномъ лѣвомъ берегу рѣки Москвы. Подлѣ него, съ лѣвой стороны, *Китай-городъ*, пространство, обнесенное каменными стѣнами въ началѣ XVI вѣка. Здѣсь торговые ряды, гостиный дворъ, склады товаровъ и средоточіе торговли московской. Кремль и Китай окружаетъ *Бѣлый-городъ*, названный такъ по *бѣлой* стѣнѣ, которою нѣкогда было ограждено это пространство; стѣна давно замѣнена бульварами. Бѣлый-городъ заключаетъ въ себѣ лучшія улицы и богатыя зданія. Далѣе слѣдуютъ заселенія, которыя можно назвать предмѣстьями, гдѣ множество деревяннаго строенія. Отдѣльную часть Москвы образуетъ *Замоскворѣчье*, древній *Скородомъ*, на правомъ, луговомъ берегу Москвы-рѣки. Къ валу, которымъ окружена была вся Москва, примыкали еще обширныя слободы. Улицы московскія, перепутанныя переулками, были неправильны, кривы, тѣсны. Особливо Китай городъ, гдѣ начался пожаръ, былъ стѣсненъ огром-

Вступленіе наполеоновской арміи въ Москву.



Наполеонъ съ кремлевской терассы наблюдаетъ пожаръ Москвы.

съ отрядомъ войскъ, старался тушить пожаръ, но средствъ къ потушенію не было, и огонь страшно усиливался. Донесли

ными строеніями и лишенъ воды, удаленный отъ Москвы-рѣки. Торговые ряды образуютъ особенное отдѣленіе среди Китай-города, состоящее изъ множества лавокъ, тѣсныхъ и соединенныхъ сводами и крышами. *Москотильнымъ* рядомъ (отъ слова: *мускатъ*) назывался рядъ лавокъ, гдѣ продавали химическія произведенія, колоніальные товары, масла, спирты, чего невозможно было вывезти изъ Москвы торговцамъ.

Наполеону. Онъ изъявилъ сильное негодованіе на безпечность начальства, велѣлъ послать на потушеніе пожара цѣлые отряды войскъ, безпокоился, не могъ спать—и такъ прошла первая тревожная ночь завоевателя Россіи въ русской столицѣ. На другой день утромъ Наполеонъ отправился въ Кремль, предшествуемый отрядомъ копницы и сопровождаемый блестящею свитою. Онъ ѣхалъ въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, на арабской лошади, молчалъ, и только зубчатая, старинная ограда Кремля, омраченнаго страшно разгорѣвшимся пожаромъ Китая-города, вырвала у него слова: «Какія горделивыя стѣны!» (voilà des fières murailles!) Онъ прошелъ по комнатамъ дворца, заглянулъ въ кремлевскіе соборы и безмолвно выслушивалъ донесенія о трофеяхъ и добычѣ, найденныхъ въ Москвѣ. Въ Кремлѣ оставлены были старинныя пушки и нѣсколько новыхъ, такъ что всего насчитали до полутораста орудій; кромѣ того, въ арсеналѣ нашли болѣе 80.000 ружей и другого огнестрѣльнаго оружія, 60.000 шпагъ и разнаго бѣлаго оружія, старинныя русскія, польскія и турецкія знамена (болѣе тысячи) и множество старинныхъ доспѣховъ. Въ пороховыхъ погребахъ за Москвою уцѣлѣло нѣсколько тысячъ пудовъ пороху, въ комиссаріатѣ были запасы вещей; нѣсколько тысячъ раненыхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ найдены въ Москвѣ. Передъ приходомъ французовъ скопилось ихъ въ столицѣ болѣе 30.000, изъ числа коихъ осталась треть за невозможностью имѣть подводы, коихъ требовалось для вывоза только казенныхъ вещей болѣе 60.000. Жители, найденные въ Москвѣ, были бѣдныя, низшія званія, слуги, оставленные сторожами домовъ, и весьма немногіе купцы, дворяне и чиновники.

Если минутное упоеніе гордости и мысль о завоеваніи русской столицы мелькнули въ душѣ Наполеона, скоро всѣ горделивыя помышленія его разсѣялись, и весь ужасъ положенія его ярко освѣтился московскимъ пожаромъ. Огонь не только не утихалъ, но разгорался часъ отъ часу, лился по улицамъ и площадямъ, обнялъ всю Москву и наконецъ явилъ страшное зрѣлище огненнаго моря. Перестали думать о потушеніи пожара, опасались только гибели въ потокахъ огня. Отъ разрѣженія воздуха взвились вихри, столько сильные, что невозможно было держаться на ногахъ. Вторая ночь послѣ занятія Москвы,

Пожаръ Москвы въ 1812 г.—Съ рѣдкой французской гравюры 1813 года.

проведенная Наполеономъ въ Кремлѣ, была ужасна. Онъ не могъ уснуть, ходилъ по заламъ дворца и изъ кабинета императора Александра нѣсколько разъ выходилъ на дворцовую террасу къ Москвѣ-рѣкѣ. «Какой ужасъ!» говорилъ онъ. «Что скажетъ Европа! Москвы нѣтъ! Награда, которую обѣщалъ я моимъ храбрымъ солдатамъ, погибла!» На увѣренія окружавшихъ его, что Москву жгуть русскіе—«Это страшно, это непостижимо!» восклицалъ онъ. «Жгутъ сами! Что за необыкновенное рѣшеніе! Что за люди! Такъ вотъ какъ они воюютъ? Образованность Петербурга обманула насъ: они остались скиѳами!» На островѣ св. Елены Наполеонъ говорилъ, что никакія описанія не могутъ выразить ужаса московскаго пожара. «На зло поэзіи, никогда, никакія описанія пожара Трои не сравнятся съ дѣйствительностью московскаго пожара», говорилъ онъ. «Дома были деревянные, вѣтеръ ужасный, трубы вывезены. Это, говоря буквально, былъ огненный океанъ! И въ одно мгновеніе погибли трудъ вѣковъ и милліоны богатствъ! Какое окончаніе! Одна мысль о томъ заставляетъ трепетать!»

Опасность и гибель положенія умножались. Уже не почитали безопаснымъ пребыванія Наполеона въ стѣнахъ кремлевскихъ, готовыхъ развалиться отъ жара. Стекла лопались въ окнахъ дворца; искры и головни отвсюду летѣли на Кремль; воздухъ былъ удушливъ отъ огня и дыма. Къ Наполеону явились вице-король, Лефевръ, Бессьеръ, Бертье и умоляли его удалиться. Уже Кремль загорался, и зарядные ящики гвардейской артиллеріи, бывшіе въ Кремлѣ, готовы были вспыхнуть отъ огненныхъ хлопьевъ. Едва убѣдили Наполеона оставить Кремль, и затруднились выходомъ его, ибо вокругъ Кремля горѣло со всѣхъ сторонъ. Мрачный осенній день, при огнѣ и дымѣ пожара, застилавшихъ небо, при свистѣ вѣтра, трескѣ разваливавшихся зданій, смятеніи, бѣготнѣ, вопляхъ людей, являлъ подобіе ада. Сентября 16-го, послѣ полудня, Наполеонъ и его свита оставили Кремль, и съ трудомъ и опасностью пробрались до Пресненской заставы, откуда полемъ достигли загороднаго Петровскаго дворца, на петербургской дорогѣ. Гвардія расположилась кругомъ дворца и передъ нимъ, на обширномъ Ходынскомъ полѣ.

Здѣсь свободно вздохнулъ и могъ обдумать свое положеніе

Наполеонъ. Москва горѣла еще четыре дня. Выгорѣло двѣ трети столицы, самыя богатыя и многолюдныя части; изъ 9.257 монастырей, церквей и зданій сгорѣло 6.496. Убытокъ и потери жителей Москвы и ея уѣзда въ движимомъ имѣніи оцѣняли впослѣдствіи до $83^1/_2$ милліоновъ рублей, въ недвижимомъ—до 166 милліоновъ, а всего—до 250 милліоновъ р. Но потери были неоцѣнимы, ибо въ московскомъ пожарѣ погибли, кромѣ капиталовъ, драгоцѣнные остатки древности, сокровища знаній и наукъ, заведенія промышленности, плоды труда, наслѣдіе вѣковъ, чего не успѣли и не могли вывезть. Пожаръ московскій сопровождался всѣми ужасами неистовства и позора страстей, до какого можетъ унизиться человѣкъ. Оставя тщетный трудъ тушить огонь, войско Наполеоново хотѣло спасти, что̀ было возможно; солдаты сбѣжались на грабежъ, грабили, и пьяные, одурѣлые горѣли въ огнѣ. Тысячи раненыхъ, русскихъ и французовъ, погибли въ горящихъ домахъ; кто изъ нихъ имѣлъ силы, выползалъ, и съ воплемъ влачились по улицамъ люди безъ руки, безъ ноги, умирая отъ голода, жаджы и страданій, когда окрестъ нихъ грабители дрались за добычу. Участь оставшихся въ Москвѣ жителей была плачевна. Лишенныхъ крова, одежды, пищи, солдаты вьючили добычею грабежа и терзали, когда несчастные падали подъ тяжестью. Не были пощажены ни полъ, ни возрастъ. Забыты были подчиненность и всѣ чувства человѣческія. Ужасы нашествій Аларіковъ и Аттилъ совершились въ Москвѣ въ XIX вѣкѣ!

Кремль уцѣлѣлъ. Наполеонъ возвратился въ него черезъ четыре дня. Огромнымъ пожарищемъ облегала окрестъ Кремля Москва, догорая и заражая воздухъ дымомъ и смрадомъ; обгорѣлые трупы людей и лошадей и еще дышавшіе, полумертвые люди лежали въ развалинахъ домовъ и зданій. Церкви обращены были въ бойни, конюшни, склады овса, сѣна, хлѣба, награбленныхъ вещей. Отъ Петровскаго дворца до Кремля бивуаками расположились войска, разводя огни драгоцѣнною мебелью, обломками экипажей; добыча лежала вокругъ нихъ грудами: чай, сахаръ, вина, ткани, мебель, книги, святые образа, церковные сосуды—все сброшено было въ безпорядкѣ подлѣ кусковъ лошадинаго мяса; толпы солдатъ рылись въ домахъ, въ погребахъ, въ садахъ, отыскивая скрытое имѣніе; другія

бродили закоптѣлыя, оборванныя, или въ страшныхъ нарядахъ, дополняя недостатокъ одежды чѣмъ попало. Наполеонъ затворился въ Кремлѣ, строго охраняемомъ его гвардіею. Маршалы, генералы, офицеры заняли уцѣлѣвшіе дома.

Желая опредѣлить причины пожара московскаго, Наполеонъ рѣшилъ тѣмъ, что Москва сожжена была по волѣ императора Александра и съ согласія Кутузова главнокомандовавшимъ Растопчинымъ. Описывали даже планъ сожженія: Растопчинъ заготовилъ зажигательные снаряды, роздалъ ихъ при выходѣ преступникамъ, выпущеннымъ изъ острога и тюремъ, и, подъ надзоромъ переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ, они жгли Москву. Въ подтвержденіе словъ представляли показанія военной комиссіи, учрежденной Наполеономъ въ Москвѣ. Ее составляли генералы Монтіонъ, Лауеръ, Мишель, Соннье, Тьери, и штабъ-офицеры Боделенъ, Жаненъ и Веберъ. Комиссіи представлены были 26 зажигателей; девять назвали себя полицейскими солдатами, одинъ поручикомъ, остальные были ремесленники и слуги. Они разсказали планъ Растопчина, говорили, что зажигательные снаряды готовились въ подмосковномъ селѣ Воронові, и прикрыты были приготовленіемъ будто бы воздушнаго шара для истребленія французской арміи. Но вмѣсто шара тамъ готовили зажигательные снаряды и раздали ихъ зажигателямъ при вступленіи непріятеля въ Москву *). Несчастныхъ осудили: *десятеро* были повѣшены, остальныхъ посадили въ тюрьму. Въ бюллетеняхъ, дипломатическихъ сношеніяхъ, въ разговорахъ, всегда отклоняя отъ себя обвиненіе въ пожарѣ московскомъ, Наполеонъ слагалъ его на русскихъ и Растопчина. Такъ перешла повѣсть о гибели Москвы во всѣ историческія сочиненія, ужасая однихъ варварскою рѣшительностью, другихъ геройствомъ русскихъ. Русскіе спачала обвинили Наполеона: такъ слѣдовало, ибо надлежало истощать всѣ средства возбужденія противъ него ненависти. Потомъ, когда Европа отвѣтствовала кликами удивленія на Наполеоновы обвиненія русскихъ и увидѣла въ пожарѣ Москвы геройское самоотвер-

*) Шаръ былъ дѣйствительно приготовляемъ. Какой-то шарлатанъ-нѣмецъ вызвался устроить его, летѣть на немъ и огненными снарядами истреблять Наполеонову армію. Ему повѣрили, истратили болѣе полутораста тысячъ рублей и увидѣли обманъ или ошибку изобрѣтателя.

Успенскій соборъ въ Кремлѣ, обращенный въ конюшню.

женіе, когда самъ Наполеонъ, порицая Растопчина и называя русскихъ варварами, невольно изумлялся ихъ подвигу *), русскіе приняли на себя причину пожара. Находили дикую силу воли и рѣшительности жертвовать столицею, «поэзію въ подвигѣ, возпесшемъ нравственную силу народа до высокой степени героизма, который отозвалъ русскихъ отъ города и обратилъ къ отечеству». Даже одинъ изъ военныхъ историковъ русскихъ принялъ всѣ подробности сожженія Москвы за историческія истины. Но исторія не поэзія. Неумолимая, она ищетъ истины **).

*) На островѣ св. Елены, когда ему замѣтили, что поступокъ русскихъ былъ геройскій, онъ съ досадою отвѣчалъ: „Si beaucoup a Paris eussent pu le lire et sentir de la sorte, croyez que je le leur aurais vanté, mais je n'avais pas le choix“ (да, если бы въ Парижѣ могли такъ понимать, я превознесъ бы его, но мнѣ нельзя было!)

**) Д. П. Бутурлинъ. Приписывая пожаръ московскій произвольному распоряженію Растопчина, онъ прибавляетъ, что противъ мнѣнія его Растопчинъ,

Наполеонъ не жегъ Москвы. Такое дѣло было бы безумiемъ съ его стороны. Но и русскiе не жгли Москвы, если предполагать въ московскомъ пожарѣ прежде обдуманную мысль: никакихъ слѣдовъ приказанiй императора Александра, ни свидѣтельствъ о согласiи Кутузова не находится. Знаемъ, что и сожженiе другихъ городовъ не было дѣломъ русскаго правительства: Смоленскъ зажженъ бомбами и гранатами Наполеона; Вязьму зажгли сами жители; Гжатскъ подожгли французы. Дивнымъ промысломъ, столь явнымъ въ походѣ 1812 года, пожаръ Москвы сдѣлался одною изъ причинъ гибели Наполеона, но, по всѣмъ расчетамъ человѣческимъ, сожженiе Москвы по вступленiи въ нее Наполеона вело его не къ гибели, но къ торжеству. Захвативъ все, что можно было, на пожарищѣ московскомъ, онъ могъ немедленно двинуться на русскую армiю и уничтожить ее или, по крайней мѣрѣ, при тогдашней слабости силъ ея, открыть себѣ свободное отступленiе на Калугу, Минскъ и Смоленскъ.

Соображая доводы тѣхъ, кто приписываетъ сожженiе Москвы случайности и неосторожности, находимъ ихъ весьма важными, но не вполнѣ удовлетворительными. Разсмотрѣвъ всѣ подробности, намъ кажется, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ Растопчина, внушеннымъ ему отчаянiемъ, дѣломъ, повидимому, безразсуднымъ и совершенно произвольнымъ. Онъ отрекся отъ него впослѣдствiи, но молчалъ цѣлые годы, когда всѣ приписывали ему сiе дѣло. Не знаемъ причинъ его позднѣйшаго отреченiя. Главнѣйшiя доказательства состоятъ въ очевидно систематическомъ сожженiи Москвы: загорѣлся прежде всего, ночью, москотельный рядъ, причемъ слышенъ былъ взрывъ. Потомъ пожары начинались по вѣтру, оканчивались въ одномъ и возникали въ другомъ мѣстѣ, какъ будто невидимая рука бросала губительный огонь, пока при начавшемся страшномъ вѣтрѣ все слилось въ одно безмѣрное море огня. Особенныхъ при-

---

которому въ рукописи доставлена была книга, „не сдѣлалъ никакихъ возраженiй“ и что „съ другой стороны, *самыя положительныя изслѣдованiя* (renseignemens les plus positifs) не составляютъ никакого сомнѣнiя, что пожаръ Москвы былъ приготовленъ и исполненъ русскими властями“ (par les autorités russes). Замѣтимъ, что сочиненiе г-на Бутурлина было посвящено императору Александру.

готовленій къ пожару не было сдѣлано. Растопчинъ вѣрилъ, что Москвы не отдадутъ, вѣрилъ, пока Кутузовъ наканунѣ дня отступленія, вечеромъ, извѣстилъ его о рѣшеніи военнаго совѣта въ Филяхъ—оставить Москву. Бѣшенство Растопчина было неизъяснимо. Онъ даже возненавидѣлъ Кутузова и почиталъ Россію погибшею. «Государь!» писалъ онъ Императору Александру, «поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Мнѣ остается плакать объ участи моего отечества». Растопчинъ самъ зажегъ домъ свой въ подмосковной деревнѣ своей, Вороновѣ, и выставилъ на пожарищѣ его слѣдующую надпись: j'yai embelli pendant huit ans cette campagne, et j'y ai vecn heureux au scin de ma famille. Les habitans de cette terre la quittent à votre approche, et moi, je mets le feu á ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par votre présence. Français, je vous ai abandonné mes deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi-milion de roubles; ici vous ne trouverez que des cendres (Восемь лѣтъ украшалъ я сію деревню, гдѣ жилъ счастливымъ среди моей семьи. Жители ся бѣгутъ при вашемъ приближеніи, а я жгу мой домъ, да не осквернится онъ вами. Французы! въ Москвѣ оставилъ я два дома, съ убранствомъ на полмиліона, а здѣсь найдете вы только пепелъ). Кутузовъ сражался съ Наполеономъ, видѣлъ въ немъ врага, но нигдѣ не позволялъ себѣ укоризны, и не позорилъ Наполеона. «Молодой человѣкъ! кто тебѣ далъ право издѣваться надъ однимъ изъ величайшихъ генераловъ?» сказалъ Кутузовъ, когда одинъ изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ помѣстилъ нѣсколько смѣлыхъ выраженій о Наполеонѣ въ извѣстіяхъ изъ арміи. Напротивъ, не было ругательства и проклятія, которыхъ не употребилъ бы Растопчинъ въ своихъ афишкахъ. Оставляя Москву, гдѣ, не смотря на бѣгство жителей, оставались еще огромныя количества запасовъ, товаровъ, произведеній роскоши, квартиры для войска, больницы для раненыхъ, онъ рѣшился сжечь все. Онъ думалъ о томъ гораздо прежде и писалъ Багратіону (Августа $\frac{12}{24}$): «Народъ здѣшній умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ не поможетъ ему въ его намѣреніи, то, слѣдуя русскому правилу: «не доставайся злодѣю», *обратитъ городъ въ пепелъ и Наполеонъ получитъ вмѣсто добычи мѣсто, гдѣ была столица. О семъ недурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу*». Въ двухъ донесеніяхъ Императору Александру послѣ уступленія Москвы (Сен. $\frac{13}{25}$ и Окт. $\frac{13}{25}$ Растопчинъ *условно* высказываетъ свое дѣло: «Я въ отчаяніи, что Кутузовъ скрывалъ свое намѣреніе, потому что не бывъ въ состояніи удер-

жать города, *я зажегъ бы его*, и лишивъ Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее, и потомъ предать пламени, отнялъ бы у французовъ плоды похода ихъ, и пепелъ столицы заставилъ бы ихъ думать, что они лишились великихъ сокровищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ бы, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло».—«Сентября 1-го (13), когда я видѣлся съ Кутузовымъ» говорилъ Растопчинъ, «онъ повторялъ мнѣ: «*И въ улицахъ буду драться!*» Я оставилъ его въ часъ пополудни». Объясняя неожиданную перемѣну мнѣнія Кутузова, Растопчинъ заключаетъ «Если бы Кутузовъ сказалъ мнѣ за два дня прежде, то *я зажегъ бы городъ*, отправивши изъ него жителей».

Наполеонъ въ московскомъ Кремлѣ.

Такова была первоначальная причина пожара московскаго. Страшный вѣтеръ распространилъ его. Буйство войскъ Наполеона дополнило бѣдствіе. Наконецъ многіе изъ хозяевъ, въ отчаяніи, сами зажигали свои дома и лавки. «Не доставайся злодѣю!» говорили они, и Москва погибла въ глазахъ Наполеона; явясь на мгновеніе какъ волшебный городъ восточныхъ сказокъ, она исчезла какъ сновидѣніе обольстительное, оставя наяву бѣдственную существенность.

Пока совершались въ Москвѣ событія, столь неожиданныя, русская армія, пройдя Москву, остановилась на рязанской до-

рогѣ, у Боровскаго перевоза. Здѣсь Кутузовъ оставилъ Милорадовича съ арьергардомъ, а всю остальную армію повелъ влѣво, боковымъ маршемъ, на калужскую дорогу, куда и прибыла она 7 сентября. Милорадовичъ послѣдовалъ за нею, оставляя на всѣхъ дорогахъ, которыя пересѣкалъ онъ на своемъ переходѣ, легкіе отряды, приказывая имъ, при появленіи непріятеля, отступать не за арміею, а по той дорогѣ, на которой каждый отрядъ оставался. Такимъ образомъ Мюратъ, сначала находившись противъ Милорадовича, вдругъ увидѣлъ передъ собою казачій отрядъ и не зналъ куда дѣвалась русская армія. Обезпокоенный внезапнымъ сокрытіемъ ея, Наполеонъ приказалъ маршалу Бессіеру съ сильнымъ отрядомъ итти по калужской дорогѣ, генералу Орнано дѣлать поиски между Москвою и Можайскомъ, а Мюрату итти слѣдуя своимъ соображеніямъ. Мюратъ поворотилъ изъ Бронницъ къ Подольску, гдѣ соединился съ Понятовскимъ. Наконецъ, 14 сентября *) Бессіеръ и Мюратъ узнали, гдѣ русская армія, и донесли о томъ Наполеону, который приказалъ имъ тѣснить ее, дабы понудить тѣмъ къ отступленію; если же русскіе стали бы упорствовать, онъ хотѣлъ выступить противъ нихъ изъ Москвы со всѣми своими войсками. Не того желалъ Кутузовъ и, ставъ твердою ногою на калужской дорогѣ, онъ началъ приводить въ исполненіе свой глубоко обдуманный планъ.

Армія его отступила еще на нѣсколько переходовъ по калужской дорогѣ, до села Тарутина, расположеннаго по обоимъ берегамъ Нары, и, когда Кутузовъ остановился на высокомъ правомъ берегу ея, онъ сказалъ, какъ бы вдохновенный будущимъ: «Теперь ни шагу назадъ!» Тарутино находится на старой калужской дорогѣ, въ равномъ разстояніи отъ Москвы и Калуги. Протекающая черезъ него неглубокая рѣка Нара, которой ширина не болѣе двадцати саженъ, представляла на возвышенномъ берегу своемъ крѣпкую позицію съ фронта и праваго крыла; по лѣвую сторону позиціи, къ лѣсу, должно было укрѣпить искусствомъ; въ лѣсу сдѣлали засѣ-

*) Въ сочиненіи, писанномъ для русскихъ читателей, намъ казалось, что при изложеніи событій Отечественной войны должно означать ихъ по счисленію стараго стиля. Такъ и означены они далѣе, до самаго окончанія событій 1812 года.

ки, съ фронта построили укрѣпленія, и тутъ-то остановилась русская армія, имѣя возможность предупреждать покушенія Наполеона на Тулу и Калугу и угрожать его сообщеніямъ съ Гжатскомъ, который ближе отъ Тарутина нежели отъ Москвы. Кутузовъ рѣшился выжидать дѣйствій непріятеля, стараясь, по собственному выраженію его, *усыпить Наполеона въ Москвѣ*, а между тѣмъ хотѣлъ собраться съ силами, укомплектовать, освѣжить свою армію, разстроенную трехмѣсячнымъ, безпрерывнымъ отступленіемъ и многими битвами, и окружить враговъ народною войною, которая уже началась дѣятельно со дня Бородинской битвы. По вызову подполковника Давыдова, была составлена, подъ его начальствомъ, небольшая партія легкаго войска, которая отбивала обозы, забирала отсталыхъ и поражала непріятельскихъ фуражировъ на смоленской дорогѣ. Давыдовъ вскорѣ возставилъ жителей, далъ имъ наставленія какъ дѣйствовать противъ враговъ, и уже нѣсколько уѣздовъ Смоленской губерніи пылали правильною народною войною, которая чрезвычайно озаботила Наполеона. Между тѣмъ Кутузовъ, видя успѣхъ перваго партизана, послалъ генерала Дорохова съ 2.000-мъ отрядомъ на дорогу между Можайскомъ и Москвою, и вскорѣ составилось еще нѣсколько летучихъ отрядовъ, распространившихъ ужасъ вокругъ непріятельскихъ корпусовъ по всѣмъ дорогамъ и воспламенившихъ мужество жителей къ народной войнѣ. Имена Кудашева, Фигнера, Сеславина, Вадбольскаго и другихъ неустрашимыхъ партизановъ стали извѣстны какъ символы гибели для французскихъ отрядовъ и какъ имена славы и освобожденія для окрестныхъ жителей.

Русская армія быстро преобразовалась и устроилась въ тарутинскомъ лагерѣ. Въ ней послѣдовали многія важныя перемѣны. Главнокомандующій 1-ю арміею, Барклай де-Толли, изпуренный прискорбіемъ и тяжкими трудами, былъ до того разстроенъ въ здоровьѣ, что испросилъ себѣ отпускъ и уѣхалъ въ свою лифляндскую деревню, гдѣ императоръ Александръ ободрилъ и утѣшилъ его милостивымъ письмомъ. Главнокомандовавшій 2-ю арміею, князь Багратіонъ, умеръ отъ раны, полученной имъ въ Бородинской битвѣ. Онъ скончался 12 сентября, во Владимирской губерніи, и извѣстіе о томъ было по-

лучено въ главной квартирѣ 19 сентября. Кутузовъ соединилъ тогда обѣ арміи подъ своимъ главнымъ начальствомъ, а по управленію всѣми арміями, подчиненными ему на разныхъ точкахъ Россіи, назначилъ при себѣ дежурнымъ генераломъ Коновницына, героя во многихъ битвахъ и опытнаго распорядителя хозяйственною частью.

Между тѣмъ въ главную квартиру русской арміи пріѣхалъ флигель-адъютантъ Чернышовъ, тотъ самый, котораго много разъ видѣли мы, какъ довѣренное лицо императора Александра, въ самыхъ искреннихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Онъ былъ отправленъ изъ Петербурга 30 августа, слѣдовательно прежде занятія Москвы французами, и до Клина ѣхалъ, не знавъ о томъ, а удостовѣрившись въ событіи, объѣхалъ Москву по окольнымъ дорогамъ и уже черезъ Серпуховъ прибылъ въ главную квартиру. Онъ привезъ къ Кутузову планъ общихъ дѣйствій для всѣхъ русскихъ армій, который состоялъ главнѣйше въ слѣдующемъ: 1) армію Тормасова соединить съ Дунайскою, подъ начальствомъ адмирала Чичагова а Тормасову принять командованіе 2-ю арміею вмѣсто Багратіона; 2) въ тылу непріятеля сосредоточить армію Чичагова, и корпуса Витгенштейна и Штейнгеля, для чего прежде изгнать изъ Россіи непріятельскіе корпуса Шварценберга и Ренье въ Галицію и Варшавское герцогство, а Макдопальда, Сенъ-Сира и Удино въ Пруссію; 3) напирать съ фронта на главную армію французовъ и *искоренить ихъ до послѣдняго.* Все это было пояснено до малѣйшихъ подробностей въ наставленіяхъ каждому изъ начальниковъ арміи и отдѣльныхъ корпусовъ, и вообще планъ отличался превосходными военными соображеніями: его составлялъ самъ императоръ Александръ и тѣмъ показалъ въ первый разъ необыкновенныя свои воинскія дарованія, которымъ еще не довѣрялъ самъ онъ, и прежде исполненія начертаннаго имъ плана отправилъ его на разсмотрѣніе къ Кутузову. Полководецъ, главный распорядитель всѣхъ военныхъ силъ Россіи, могъ измѣнить планъ въ подробностяхъ, сообразясь съ обстоятельствами и случайностями войны, но императоръ Александръ требовалъ одного безъ всякихъ измѣненій: войны безъ помышленія о мирѣ, войны до истребленія послѣдняго француза въ Россіи! Итакъ, когда Наполеонъ, под-

ступая къ Москвѣ, воображалъ, что онъ приближается къ цѣли кровавой, безпримѣрной войны, въ то самое время императоръ Александръ готовилъ ему неизбѣжную гибель и принялъ твердое рѣшеніе сдѣлать обширныя страны своей имперіи могилою полчищъ новаго Ксеркса. Главное достоинство плана, начертаннаго императоромъ Александромъ, состояло въ томъ, что дѣйствовавшія отдѣльно арміи Чичагова и Тормасова и корпуса Витгенштейна, Штейнгеля и другихъ получали общее направленіе, сосредоточенное въ одной цѣли: остановить и истребить врага на возвратномъ пути его къ западнымъ границамъ Имперіи. Все было разсчитано такъ вѣрно, что какой путь ни избралъ бы онъ, вездѣ долженъ былъ встрѣтить превосходныя въ числѣ силы и быть окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Кутузовъ вполнѣ одобрилъ привезенный ему планъ военныхъ дѣйствій и послѣ совѣщанія съ Беннингсеномъ отправилъ его къ Чичагову съ Чернышовымъ же, дабы сей опытный и достойный исполнитель воли своего государя передалъ адмиралу какъ всѣ подробности, слышанныя имъ изъ устъ императора, такъ и многія важныя сообщенія самого главнокомандующаго. Распоряженія касательно другихъ отдѣльныхъ корпусовъ также были сдѣланы немедленно. Все было направлено къ одной, предположенной цѣли, и Наполеонъ вскорѣ увидѣлъ затруднительность своего положенія. Живя въ Петровскомъ дворцѣ, онъ рѣшился сдѣлать грозное движеніе на Петербургъ и, удерживая нѣсколько времени Москву своимъ аріергардомъ, хотѣлъ обратить всю армію на Великія Луки, сбить Витгенштейна и соединиться съ Сенъ-Сиромъ, Викторомъ и Макдональдомъ. Обезпечивая себѣ такимъ образомъ зимнія квартиры и сосредоточеніе своихъ войскъ, онъ надѣялся, что императоръ Александръ, узнавъ о движеніи французской арміи на Петербургъ, не рѣшится пожертвовать другою столицею своею и склонится на миръ; такъ мало зналъ великую душу своего противника Наполеонъ, не подозрѣвавшій, какія тучи воздвигала противъ него непреклонная воля Александра!.. Но—чего прежде никогда не бывало при военныхъ соображеніяхъ великаго полководца—маршалы и высшіе сановники, окружавшіе его, воспротивились рѣшенію итти на

Петербургъ. Они желали мира и представили множество возраженій противъ предпріятія, которое дѣйствительно было затруднительно и, главное, отдаляло переговоры о мирѣ. Наполеонъ, уже не прежній гордый повелитель на полѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, уже удрученный неудачами и страшными потерями, испытанными имъ въ Россіи, не хотѣлъ принять на одного себя отвѣтственности въ предпріятіи невѣрномъ, согласился съ маршалами, но лучше ихъ понимая обстоятельства, сказалъ: «Не думайте, что русскіе, превративши въ пепелъ Москву, придутъ черезъ нѣсколько дней просить мира: не таковы они! (Ne croyez pas, que ceux qui ont brulé Moscou soient gens à venir faire la paix quelques jours plus tard).»

Отложивъ намѣреніе итти въ Петербургъ, Наполеонъ занялся возможнымъ устройствомъ Москвы. Но что было устраивать? Москва представляла груду развалинъ, гдѣ какъ тѣни бродили немногіе жители, и только Кремль сохранился отъ пламени. Но и въ немъ войска завоевателя произвели самыя постыдныя опустошенія; даже святыня церквей не была пощажена ими: соборы были ограблены и превращены въ казармы; другія церкви и зданія сената и оружейной палаты служили мѣстами для складки овса, сѣна и жизненныхъ припасовъ; весь Кремль представлялъ зрѣлище бивака. Желая прежде всего обезопасить себя въ опустошенномъ городѣ, Наполеонъ велѣлъ запереть всѣ кремлевскія ворота, кромѣ двухъ, и къ нимъ приставилъ многочисленную стражу, не впускавшую въ Кремль никого изъ русскихъ. Гвардія Наполеонова, которой предписаны были строжайшія правила безопасности и порядка, жила и бивакировала въ Кремлѣ; но и отборные солдаты Наполеоновы предавались иногда буйству и не поддерживали порядка, такъ что надобны были частыя и строгія напоминанія о томъ. А что дѣлалось на обширномъ пространствѣ всего московскаго пожарища? Въ уцѣлѣвшихъ домахъ жило много генераловъ и офицеровъ разныхъ корпусовъ, но они были принуждены перемѣнять жилища, когда приближался пожаръ, не прекращавшійся и послѣ общаго истребленія столицы. Оттого начальники и подчиненные съ трудомъ отыскивали другъ друга, и порядокъ службы былъ потерянъ. Солдаты ходили на грабежъ какъ на фу-

ражировку и предавались всякимъ неистовствамъ; но въ памяти московскихъ жителей осталось, что французы показывали больше человѣческихъ чувствъ, нежели поляки и солдаты разныхъ нѣмецкихъ народовъ. Видя невозможность удержать отъ грабежа голодныхъ и оборванныхъ своихъ солдатъ, Наполеонъ велѣлъ по наряду отпускать въ Москву команды разныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ, и онѣ, ограбивъ что́ могли найдти, были смѣняемы другими мародерами. Когда совершенно прекратился пожаръ, Наполеонъ вздумалъ учредить городское управленіе въ сожженной столицѣ и изъ немногихъ жителей разныхъ сословій составилъ какой-то призракъ управленія, названный *муниципалитетомъ*. Главою его былъ Лессепсъ, и подъ его начальствомъ состояли комиссары, полиція, разные смотрители и даже судьи, отличавшіеся лентами различныхъ цвѣтовъ, повязанными на рукѣ. Но всѣ они были только несчастные, сами не знавшіе, чего отъ нихъ желаютъ, да и управлять имъ было нечѣмъ и некѣмъ. Напрасно въ пышныхъ воззваніяхъ приглашалъ Наполеонъ жителей съѣзжаться и сходиться въ столицу, привозить туда припасы и товары и возобновить обыкновенный ходъ дѣлъ: никто не слушалъ и не слыхалъ его провозглашеній; Москва пустѣла болѣе и болѣе, и пребываніе въ ней скоро сдѣлалось невыносимо и невозможно.

При такомъ необыкновенномъ ходѣ дѣлъ Наполеонъ съ первыхъ дней своего вступленія въ Москву началъ изыскивать средства войдти въ сношенія съ императоромъ Александромъ. Узнавъ, что въ воспитательномъ домѣ осталось много малолѣтнихъ дѣтей, онъ принялъ мѣры къ сохраненію ихъ въ безопасности, призывалъ къ себѣ начальника дома, Тутолмина, и въ разговорахъ съ нимъ изъявлялъ желаніе возобновить миръ и дружбу съ русскимъ императоромъ. Онъ велѣлъ Тутолмину составить донесеніе къ императору обо всемъ, что дѣлается въ Москвѣ. Наполеонъ увѣрялъ при этомъ, что столицу сожгли сами русскіе, что онъ заботится возстановить въ ней порядокъ и что не отъ него зависѣло сберечь всю Москву, какъ сбереженъ по его распоряженію воспитательный домъ. Тутолминъ составилъ донесеніе, и оно было отправлено въ Петербургъ съ чиновникомъ, пропущеннымъ черезъ французскіе аванпосты.

На другой день, 8 сентября, былъ призванъ къ Наполеону отставной офицеръ гвардіи Яковлевъ, случайно остававшійся въ Москвѣ. Наполеонъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ и согласился выпустить его изъ города не иначе, какъ для доставленія письма къ императору Александру. Яковлевъ долженъ былъ повиноваться и привезъ *послѣднее* письмо Наполеона къ Александру, ибо послѣ онъ уже не пытался войти съ нимъ въ прямыя сношенія. Это письмо, гдѣ изложены нѣкоторыя подробности объ истребленіи Москвы, ознаменовано тѣмъ же характеромъ уваженія и увѣренности въ высокой душѣ Александра, какимъ отличались всѣ письма къ нему Наполеона. На развалинахъ древней столицы Россіи, онъ повторяетъ всегдашнюю свою мысль, что ведетъ войну по необходимости, сохраняя все уваженіе къ своему противнику, и надѣясь, что недоразумѣнія между ними прекратятся искреннимъ соглашеніемъ во всѣхъ спорныхъ пунктахъ. Вотъ заключительныя слова письма: «Безъ озлобленія веду я войну съ Вашимъ Величествомъ. Если бы прежде послѣдняго сраженія или вскорѣ послѣ него вы написали мнѣ записку, то я остановилъ бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія, то съ благосклонностью прочтете мое письмо. Во всякомъ случаѣ вы мнѣ будете благодарны, что я извѣстилъ Ваше Величество о томъ, что происходитъ въ Москвѣ».

Нѣтъ сомнѣнія, что видъ обширнаго и великолѣпнаго города, превращеннаго въ развалины, почти безлюднаго и оживленнаго только присутствіемъ озлобленныхъ непріятельскихъ солдатъ, наводилъ тоску на душу Наполеона, способную испытывать самыя разнообразныя ощущенія. Онъ развлекалъ тягость своего положенія кабинетными занятіями, писалъ съ своими секретарями, читалъ романы, осматривалъ войска, приводилъ ихъ въ порядокъ по всѣмъ частямъ. Иногда отправлялся онъ верхомъ, окруженный многочисленною свитою, обозрѣвать самыя отдаленныя части города, гдѣ еще были уцѣлѣвшія зданія. Разсказываютъ, что во время такихъ прогулокъ онъ бывалъ всегда въ мундирѣ темно-зеленаго сукна, съ краснымъ воротникомъ безъ шитья, съ звѣздою на лѣвой сторонѣ, лентою по камзолу, и въ извѣстной по картинкамъ и статуеткамъ его

Наполеонъ и Лористонъ.

трехугольной, низенькой шляпѣ. Испуганные жители со страхомъ глядѣли на него изъ-за угловъ и заборовъ, и въ преданіяхъ простолюдиновъ остался *невыносимый* взглядъ Наполеона. Вездѣ поражали его ужасы опустошенія, грабежа, и мѣстами видны были даже непогребенные трупы. Конечно, не съ пріятнымъ чувствомъ возвращался онъ съ такихъ прогулокъ. Больше двухъ недѣль прошло послѣ отправленія письма его къ Александру—отвѣта не было. Тогда-то, желая выйдти изъ своего тягостнаго положенія или по крайней мѣрѣ пояснить его себѣ, онъ рѣшился послать къ Кутузову Лористона, находившагося при главной квартирѣ французской арміи съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Петербургъ.

23 сентября утромъ Кутузовъ получилъ письмо отъ Бертье, который извѣщалъ, что Наполеонъ желаетъ отправить къ нему своего генералъ-адъютанта Лористона для важныхъ переговоровъ. Кутузовъ согласился принять Лористона, но съ намѣреніемъ допустилъ его къ себѣ не раньше поздняго вечера, такъ что когда французскій генералъ проѣзжалъ черезъ русскій лагерь въ Тарутино, всюду видѣлъ онъ при яркомъ бивачномъ огнѣ веселье, изобиліе, слышалъ пѣсни и музыку. Русскіе

казались въ торжествѣ, и точно торжествовали, видя, что непріятель проситъ мира. Кутузовъ принялъ Лористона со всею вѣжливостью екатерининскаго вельможи, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, но оспаривалъ всѣ его жалобы на жестокость войны, отказалъ ему въ предложенномъ размѣнѣ плѣнныхъ и обличилъ неосновательность предложенія «унять народную войну». Наконецъ Лористонъ коснулся истиннаго предмета своего посольства и заговорилъ о дружбѣ двухъ императоровъ и возможности возстановить ее. «Неужели вѣчно продолжаться этой странной, неслыханной войнѣ? — сказалъ онъ. —Императоръ, мой государь, искренно желаетъ окончить несогласіе между двумя великими и великодушными народами, и окончить навсегда». Кутузовъ отвѣчалъ, что не имѣетъ никакихъ полномочій говорить о мирѣ и даже не беретъ на себя извѣстить своего государя о такомъ разговорѣ. Тутъ Лористонъ отдалъ ему письмо, гдѣ Наполеонъ извѣщалъ русскаго главнокомандующаго, что Лористонъ—довѣренное лицо его. Въ такомъ качествѣ посланникъ просилъ исходатайствовать ему позволеніе отправиться въ Петербургъ и предлагалъ перемиріе. Кутузовъ отказалъ въ перемиріи, но обѣщалъ донести своему государю о желаніяхъ Наполеона, впрочемъ подтверждая, что государь запретилъ ему произносить слова: *миръ* и *перемиріе*. Лористонъ невольно высказалъ большое нетерпѣніе узнать, скоро ли можетъ быть полученъ отвѣтъ изъ Петербурга, и предлагалъ отправить русскаго курьера черезъ Москву. Кутузовъ отказался отъ всего и вскорѣ получилъ отъ императора Александра новое подтвержденіе не входить ни въ какіе переговоры и сношенія съ непріятелемъ. Императоръ заключалъ свое повелѣніе достопамятными словами что: «ни какія предложенія непріятеля не побудятъ его прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: *отмстить за оскорбленное отечество*».

Воля русскаго императора не могла быть сообщена Наполеону, который и оставался въ ожиданіи отвѣта на предложенія свои о мирѣ, между тѣмъ какъ все готовилось на гибель и совершенное его пораженіе. Императоръ Александръ безпрерывно и неутомимо занимался созданіемъ новыхъ средствъ къ продолженію войны, желая сдѣлать ее рѣшительною. По

его распоряженію, въ разныхъ мѣстахъ Россіи составлялись многочисленные резервы. Въ Ярославлѣ, Петербургѣ и Арзамасѣ формировалась пѣхота, въ Муромѣ—кавалерія, подъ руководствомъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ, изъ рекрутъ, поступавшихъ съ величайшею исправностью по послѣднему набору. Въ другихъ мѣстахъ составлялись артиллерійскіе резервы. Въ низовыхъ губерніяхъ собрано было 46.000 человѣкъ ополченія 3-го округа. Люди съ удивительнымъ усердіемъ шли на службу царю и отечеству, а недостатокъ въ средствахъ для снабженія ихъ оружіемъ и всякими военными средствами замѣнялся распорядительностью императора и усердіемъ всѣхъ сословій. Желали только воли, которая направляла бы усердіе къ одной для всѣхъ цѣли, и находили ее въ неистощимой дѣятельности Александра. Онъ велъ собственноручно переписку со всѣми главнокомандующими и отдѣльными начальниками, разрѣшалъ ихъ недоумѣнія, понуждалъ однихъ и поощрялъ другихъ. Словомъ, огромныя средства Россіи быстро превращались въ грозныя ополченія, которыя скоро должны были превысить числомъ своимъ войска непріятеля.

Положеніе Наполеона со времени вступленія его въ Москву было особенно невыгодно для него тѣмъ, что онъ не могъ почти ничего знать о намѣреніяхъ и средствахъ своихъ противниковъ, и собственныя его сообщенія и связь съ отдѣльными корпусами и отрядами затруднились чрезвычайно. Военныя дѣйствія главной его арміи, находившейся въ Москвѣ, и корпусовъ Макдональда въ Курляндіи, Сенъ-Сира и Удино около Полоцка и Шварценберга на Волыни уже не могли быть ведены къ одной, совокупной цѣли. Еще болѣе затруднилось такое положеніе дѣлъ, когда въ Смоленской и Московской губерніяхъ разгорѣлась народная и партизанская война. Партизаны вскорѣ вошли въ связь одинъ съ другимъ, извѣщали другъ друга о всѣхъ движеніяхъ непріятеля и нападали на всѣ его отряды и обозы. Жители, ободренные примѣромъ и внушеніями ихъ, истребляли или захватывали непріятельскихъ бродягъ, являвшихся въ деревняхъ вокругъ Москвы; иногда жители вступали въ бой и съ значительными партіями фуражировъ, извѣщая партизановъ русскихъ о появленіи гдѣлибо непріятельскихъ отрядовъ, такъ что вскорѣ французская

армія нашлась какъ бы въ очарованномъ кругу, изъ котораго могла выходить только въ значительныхъ силахъ даже на фуражировку. Съ каждымъ днемъ смѣлость партизановъ и народа увеличивалась. Генералъ Дороховъ, усиленный Кутузовымъ, 27 сентября взялъ Верею, занятую и укрѣпленную непріятелемъ. При быстромъ и внезапномъ нападеніи Дорохова были захвачены въ плѣнъ полковникъ, 15 офицеровъ и 377 рядовыхъ съ знаменемъ. Взятіе Вереи открыло для русской арміи смоленскую дорогу, и сообщенія непріятеля на ней могли быть совершенно прерваны. Для предупрежденія такого гибельнаго обстоятельства французскіе военачальники составили особые отряды противъ партизановъ, но они всегда ускользали отъ нихъ и наносили имъ на всѣхъ путяхъ вокругъ Москвы неисчислимый вредъ. Тогда Наполеонъ велѣлъ вице-королю италійскому, стоявшему со своимъ корпусомъ на петербургской дорогѣ, и Нею, занимавшему дорогу владимірскую, подвинуться впередъ, чтобы по крайней мѣрѣ очистить мѣсто для фуражировки. Вице-король дошелъ съ одной изъ своихъ дивизій до Подсолнечной, другую послалъ къ Волоколамску, третью—къ Троицко-Сергіевской лаврѣ и четвертою занялъ Дмитровъ. Достойно памяти, что войска его не дошли до Сергіевской лавры и поворотили назадъ вслѣдствіе полученнаго повелѣнія. Ней двинулся отъ Богородска къ Покрову и разъѣзды его доходили до рѣчки Дубны.

Когда положеніе Наполеона въ Москвѣ дѣлалось съ каждымъ днемъ болѣе тягостно, въ тарутинскомъ лагерѣ все успливалось и оживало: успливалась армія и воскресалъ духъ ея. Изъ резервовъ пришло 20.000 солдатъ; съ Дона и Урала приходили казачьи полки; изъ разныхъ депо приводили лошадей, привозили снаряды, сукно, полушубки для солдатъ. Продовольствіе было изобильное, ибо изъ всѣхъ окрестныхъ губерній доставлялись припасы всякаго рода. Генералы и офицеры даже роскошествовали, и вообще всѣ войска съ радостью и нетерпѣніемъ ждали возобновленія военныхъ дѣйствій. Значительнѣйшимъ изъ подкрѣпленій, доказавшимъ усердіе россіянъ къ защитѣ родной земли, было прибытіе 26-ти донскихъ полковъ, гдѣ внучата были на ряду съ своими дѣдами. Явились и знаменитые въ войну 1807 года *сверные амуры*, какъ называли

французы — башкировъ. Вообще, въ тарутинскомъ лагерѣ все приняло видъ народной войны, которая горѣла и въ сердцахъ всѣхъ русскихъ. Императоръ Александръ, душа и двигатель своего народа, прислалъ въ это время, отъ 2 октября, повелѣніе Кутузову начать наступательныя дѣйствія противъ непріятеля. Замѣчательны слова, которыми императоръ напоминалъ фельдмаршалу о его обязанности, изъявивъ свое недоумѣніе, почему не начинаетъ онъ военныхъ дѣйствій: «Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы». Кутузовъ получилъ это повелѣніе, когда военныя дѣйствія уже возобновились.

Тщетно употреблялъ Наполеонъ всѣ средства къ правильному продовольствію своей арміи. Москва, превращенная въ развалины и сдѣлавшаяся только мѣстомъ всякихъ неустройствъ и грабежей, не представляла никакихъ пособій для многочисленной арміи, занимавшей ее и расположенной въ ея окрестностяхъ. Фуражировка въ уѣздахъ московской губерніи также была почти невозможна при возстаніи или бѣгствѣ всѣхъ жителей и при неутомимыхъ нападеніяхъ партизановъ. Слѣдствіемъ того былъ страшный недостатокъ въ продовольствіи людей и лошадей французской арміи, и голодные солдаты ея предавались всякимъ неистовствамъ. Донесенія учрежденныхъ въ Москвѣ Наполеономъ полицейскихъ начальствъ только и извѣщали, что о грабежахъ и дракахъ за съѣстные припасы. Многіе солдаты, ходя по городу, стрѣляли воронъ и употребляли ихъ въ пищу, такъ же какъ ѣли они копину и кошекъ. Изъ магазиновъ, устроенныхъ въ Москвѣ для своза въ нихъ всякихъ запасовъ, какіе находили спачала, производилась правильная раздача провіанта только гвардіи, занимавшей Кремль. Французское управленіе, надѣясь льстивыми словами привлечь жителей въ столицу, а промышленниковъ къ привозу въ нее продовольствія, издало на французскомъ и русскомъ языкахъ *провозглашеніе*, гдѣ именемъ Наполеона приглашало возобновить обыкновенную жизнь, обѣщая за то покровительство и милость. Худо знало французское управленіе Россію: никто не читалъ его *провозглашенія*, и если и прочитывали, то отвергали съ негодованіемъ и местью въ душѣ. Ни за какія награды не могли распространить его далѣе Москвы, и непрія-

тель не находилъ даже между чернью лазутчиковъ для обыкновенныхъ военныхъ развѣдываній.

Несмотря на затруднительность своего положенія въ Москвѣ, Наполеонъ дѣятельно занимался не только дѣлами военными, но и внутреннимъ управленіемъ своихъ обширныхъ владѣній. Изъ кремлевскаго дворца мысль его летала въ далекую отъ него Францію, и онъ каждый день подписывалъ и разсылалъ множество повелѣній во всѣ концы Европы. Какъ будто желая доказать безмятежность свою въ тяжкихъ обстоятельствахъ или скрыть отъ подвластныхъ и подданныхъ свое смущеніе, онъ издавалъ разныя распоряженія о предметахъ гражданскаго устройства и, между прочимъ, подписалъ въ Москвѣ «Положеніе о парижскихъ театрахъ». Но больше всего заботился онъ о подкрѣпленіяхъ для своей арміи, находившейся въ Россіи, и о новыхъ вооруженіяхъ для борьбы, которой конца не могъ предвидѣть. Отъ всѣхъ союзниковъ своихъ требовалъ онъ новыхъ войскъ Въ слѣдующемъ письмѣ его къ министру иностранныхъ дѣлъ Маре, остававшемуся съ самаго начала войны въ Вильнѣ, можно видѣть планы его и взглядъ на дѣла: «Во Франціи набираю я 140.000 рекрутовъ, въ Италіи 30.000. Изъ Мюнхена увѣдомляютъ меня объ отправленіи 10.000 для укомплектованія баварскаго корпуса въ Россіи. Надобно набрать въ Варшавѣ сколько можно болѣе людей для пополненія корпуса Понятовскаго, ремонтъ для кавалеріи и артиллеріи. Пишите къ нашему послу въ Варшаву, возбуждайте его къ большей дѣятельности. Въ его донесеніяхъ много краснорѣчія, но мало дѣла. Пишите также военнымъ министрамъ въ Варшаву и Саксонію о присылкѣ рекрутовъ и ремонта для саксонскаго корпуса. О томъ же подтверждайте всѣмъ дворамъ Рейнскаго союза. Бородинская побѣда и занятіе Москвы не должны усыплять рвенія нашихъ союзниковъ». Въ другомъ повелѣніи къ нему же отъ 17 сентября онъ писалъ: «Литва должна видѣть, что отъ ея усердія зависитъ ея спокойствіе. Если бы въ Литвѣ было болѣе дѣятельности, то теперь находилось бы тысячи четыре человѣкъ у Дриссы и они остановили бы набѣги казаковъ; столько же стояло бы у Бобруйска и Пинска, что избавило бы отъ казаковъ всю Литву. Вамъ легко увѣрить Австрію, Пруссію и другіе дворы, что ихъ собственныя вы-

годы зависятъ отъ скорѣйшаго окончанія дѣлъ моихъ въ Россіи. Остается только одно средство довершить благополучно настоящую войну: доказать императору Александру невозможность разстроить, извести нашу армію (de miner notre armée), какъ онъ надѣется, и убѣдить его въ безполезности усилій противъ огромныхъ способовъ умноженія арміи, находящихся у меня во Франціи и заключающихся въ добромъ расположеніи моихъ союзниковъ. Отвсюду должно присылать ко мнѣ подкрѣпленія и увеличивать на словахъ и бумагѣ число войскъ, ко мнѣ отправляемыхъ. Надобно, чтобы союзные дворы приказали печатать въ газетахъ, что они посылаютъ ко мнѣ вдвое болѣе нежели на самомъ дѣлѣ».

Не меньше заботился Наполеонъ о собственныхъ своихъ средствахъ. Огромные резервы его сближались отъ Рейна къ Эльбѣ, Одеру и Вислѣ. Всюду закупали для арміи лошадей; было приказано прислать въ каждую роту ручныя мельницы; вездѣ велѣно покупать хлѣбъ, а изъ Данцига и Кёнигсберга прислать амуничныя вещи въ Ковно и Вильну и доставить въ Гродно и Минскъ сарачинское пшено, привезенное изъ Тріеста. Узнавъ о набѣгѣ Дорохова, Наполеонъ велѣлъ отправлять обозы не иначе какъ подъ сильнымъ прикрытіемъ и подтвердилъ постановленія для охраны ихъ. Въ Смоленскѣ велѣно сбирать всѣхъ отсталыхъ солдатъ и составить изъ нихъ маршевую колонну въ 10 или 12 тысячъ человѣкъ. Маршалу Виктору, вступившему въ Россію 23 августа, Наполеонъ приказалъ наблюдать дорогу къ Смоленску и, въ случаѣ надобности, подкрѣпить Сенъ-Сира. 15 сентября Викторъ былъ въ Смоленскѣ и, по распоряженію Наполеона, оставилъ тамъ одну дивизію, Бараге д'Илье, а остальныя войска свои расположилъ въ Сенно, Бабиновичахъ и Оршѣ.

Въ Москвѣ Наполеонъ каждый день присутствовалъ при разводахъ своей гвардіи въ Кремлѣ и осматривалъ полки, приходившіе поочередно изъ окрестностей столицы на площадь передъ Ильинскими воротами. Пѣхота была въ исправности, потому что отдыхала весь сентябрь, и полки ея пополнились выздоровѣвшими; но артиллерія и конница отъ безпрерывныхъ переходовъ, недостатка въ кормѣ для лошадей и отъ губительныхъ фуражировокъ вокругъ Москвы была въ крайнемъ раз-

стройствѣ, такъ что кавалерія только гвардейская представляла надежный оплотъ, а для артиллеріи даже недоставало лошадей. Наполеону предлагали нѣкоторые изъ его военачальниковъ оставить половину всѣхъ артиллерійскихъ орудій въ Москвѣ, чтобы другая половина, укомплектованная людьми и лошадьми, была способна для дѣятельнѣйшихъ дѣйствій въ новомъ походѣ. Онъ не согласился и хотѣлъ привести въ порядокъ всю артиллерію, что было невозможно и впослѣдствіи мѣшало быстротѣ движеній его арміи. Онъ еще никакъ не могъ увѣрить себя, что непобѣдимая армія его дошла до крайней степени разстройства. Дѣйствительно, не только въ армейскихъ полкахъ и командахъ, но и въ отборномъ войскѣ его, гвардіи, часто нарушалась подчиненность; даже не всегда наблюдалось повиновеніе самымъ строгимъ приказамъ. По всему видно, что завоеватель чувствовалъ это, но не хотѣлъ сознаться въ своемъ безсиліи противъ неотразимыхъ обстоятельствъ и еще не могъ придумать, какимъ средствомъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Нельзя понять, съ какою цѣлью вооружалъ онъ пушками древнія кремлевскія стѣны, хотѣлъ укрѣпить Новодѣвичій монастырь и однажды (19 сентября) отдалъ приказъ срыть церковь Василія Блаженнаго, названную имъ *мечетью*, и сломать всѣ строенія вокругъ Кремля. Правда, иногда въ разговорахъ съ своими приближенными онъ увѣрялъ, что можно зимовать въ Москвѣ и представить необыкновенное зрѣлище арміи, остановившейся въ непріятельской землѣ, подобно кораблю, затертому льдами. Но не для эффектныхъ положеній пришелъ онъ въ Россію и занялъ Москву. Онъ остался тамъ только до поясненія своихъ отношеній къ русскому императору и для отдыха своей арміи, необходимаго послѣ продолжительнаго похода. Желая чѣмъ-нибудь занять своихъ веселыхъ французовъ, онъ велѣлъ устроить въ Москвѣ два театра, на которыхъ и бывали представленія; онъ ободрялъ солдатъ слухами о мнимыхъ побѣдахъ, одержанныхъ боковыми корпусами, о разбитіи графа Витгенштейна и объ осадѣ Петербурга. Между тѣмъ до него доходили всѣ манифесты и воззванія императора Александра къ своему народу, а безотвѣтность на мирныя предложенія и пламенѣвшая вокругъ народная война должны были показать ему истинное его положеніе. Наконецъ

онъ сталъ получать самыя печальныя извѣстія изъ своего авангарда, съ которымъ Мюратъ оставался противъ тарутинскаго лагеря, вдоль рѣчки Черишни. Войска бѣдствовали тамъ еще больше чѣмъ въ Москвѣ. Фуражировки сдѣлались почти невозможны, а подвозовъ продовольствія ни откуда не было. Самое сообщеніе авангарда съ Москвою почти прекратилось, такъ что даже курьеровъ надлежало посылать подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи. Люди ѣли падаль, пареную рожь, и между ними было множество больныхъ, не находившихъ пріюта, потому что и здоровые жили подъ открытымъ небомъ; при совершенномъ разореніи страны, даже избы были сожжены на бивачныхъ кострахъ. Лошади дохли отъ совершеннаго недостатка въ кормѣ или были въ крайнемъ изнуреніи отъ голода и отъ холода осеннихъ ночей. По крайней мѣрѣ офицеры и солдаты утѣшали себя мыслью, что скоро окончатся ихъ бѣдствія, ибо они знали, что Лористонъ ѣздилъ къ Кутузову съ предложеніями о мирѣ, и оставались въ надеждѣ скоро услышать желанную вѣсть о возвращеніи въ отдаленную свою родину; въ томъ утверждало ихъ совершенное прекращеніе военныхъ дѣйствій, такъ что даже перестрѣлки на аванпостахъ давно не было; но Мюратъ, какъ одинъ изъ старшимъ военачальниковъ, ближе видѣлъ обстоятельства и опасался, что русская армія внезапнымъ нападеніемъ уничтожитъ его авангардъ, ослабленный лишеніями всякаго рода. Нѣсколько разъ писалъ онъ о томъ Наполеону и наконецъ отправилъ адъютанта для подробнаго донесенія о своемъ положеніи. Наполеонъ велѣлъ Мюрату крѣпко держаться въ занятой позиціи и обѣщалъ прислать для войскъ его продовольствіе. Еще наканунѣ онъ уже рѣшился выступить изъ Москвы и отдалъ приказаніе готовиться къ походу.

Обстоятельства такъ быстро перемѣнились, что выступленіе изъ Москвы можно было почесть нравственнымъ пораженіемъ или по крайней мѣрѣ сознаніемъ въ своемъ безсиліи. Нелегко было это рѣшеніе человѣку, почти не знавшему до тѣхъ поръ неуспѣха въ огромныхъ своихъ предпріятіяхъ. Если нѣкоторыя изъ нихъ и не оканчивались счастливо, то по крайней мѣрѣ сопровождались громомъ побѣдъ и блескомъ славы. Но выйти изъ Москвы, не заключивши мира, не одержавши ни одной

побѣды, растративши безчисленное множество превосходнаго войска, выйти для того только, чтобы искать новыхъ битвъ, новыхъ утратъ, почти неизбѣжныхъ съ разстроенною арміею, въ суровое время года, посреди народной войны,—это было тяжко сердцу завоевателя, котораго все могущество основывалось на мнѣніи, на увѣренности народовъ и государей въ его непобѣдимости и неизмѣнномъ счастіи. Здѣсь видимъ причину продолжительнаго пребыванія Наполеона въ Москвѣ, которое казалось многимъ историкамъ его непостижимымъ. Зачѣмъ оставался онъ такъ долго въ Москвѣ? спрашиваютъ иные. Зачѣмъ далъ онъ время русской арміи усилиться, и дождался зимы, гибельной для его войскъ и лучшей союзницы русскихъ? Разсуждать такъ значитъ рѣшать вопросы послѣ событія. Наполеонъ ошибся въ одномъ: не зналъ высокой души Александра и вѣрилъ силѣ своего обаянія надъ нимъ. Но при такомъ убѣжденіи онъ дѣйствовалъ логически, а не безумно. Все предпріятіе его противъ Россіи было основано на увѣренности устрашить императора Александра: сначала онъ хотѣлъ склонить его къ согласію съ собою страшными приготовленіями къ войнѣ; потомъ, рѣшившись вступить въ Россію, онъ хотѣлъ достигнуть той же цѣли разгромомъ русскихъ армій; при неудачѣ и въ семъ случаѣ онъ устремился къ Москвѣ и былъ увѣренъ, что въ ней явятся къ нему съ предложеніемъ о мирѣ. И что могло удержать Александра произнести слово мира, протянуть руку къ сопернику, котораго геній и средства казались неистощимы и, прибавимъ, котораго дѣйствительно уважалъ онъ за многія удивительныя его дарованія, что доказываютъ личныя сношенія ихъ и переписка, какой не вели никогда между собою два монарха: они были друзья, сколько могутъ быть друзьями два величайшіе монарха въ мірѣ. Наполеонъ не безъ основанія называлъ войну свою противъ Россіи *политическою* и увѣрялъ, что начинаетъ ее безъ ненависти къ Александру. Положеніе его въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, было еще такъ грозно, что нѣкоторые сановники русскіе почти на колѣняхъ упрашивали императора Александра изъявить наклонность къ миру *). Наполеонъ полагалъ, что остается только заключить

*) Описаніе Отечественной войны въ 1812 году, III, 234.

миръ, ибо для чего же продолжать войну, когда взята столица Имперіи, опустошены и заняты многія обширныя области, и русская армія, малочисленнѣйшая французской, истощенная битвами и тяжкимъ походомъ, остается въ бездѣйствіи? Но, какъ говоритъ историкъ войнъ Александра: «До послѣдней крайности ждалъ Наполеонъ вожделѣннаго слова о мирѣ, и оно не приходило. Уста Александра разверзались только на призывъ къ оружію и отмщенію за оскорбленную честь».

Оставаться въ Москвѣ долѣе было невозможно; но куда же итти изъ нея? И что скажетъ о такомъ безславномъ выступленіи Европа? Сначала Наполеонъ рѣшался возвратиться въ Смоленскъ по той же дорогѣ, по которой шелъ въ Москву; но совершенное разореніе всѣхъ тамошнихъ окрестностей угрожало голодомъ для его войскъ. Потомъ онъ хотѣлъ съ главною арміею идти на Витебскъ, черезъ Зубцовъ и Бѣлый, а Мюрата приблизить къ Смоленску боковыми путями. Повелѣнія о томъ были даже изготовлены и сообщены Мюрату. Но и это распоряженіе было тотчасъ отмѣнено. Наполеонъ рѣшился идти на Смоленскъ черезъ Малоярославецъ и Калугу; Мюратъ, оставаясь на своей позиціи, долженъ былъ маскировать движеніе главной арміи. Съ 1-го октября началось движеніе войскъ и обозовъ: вице-королю и Нею съ ихъ корпусами приказано вступить въ Москву, гдѣ уже находились корпусъ Даву и гвардія; маршалу Мортье съ молодою гвардіею, съ разными сборными командами и двумя безлошадными кавалерійскими полками, назначено оставаться въ Москвѣ долѣе всѣхъ, для соблюденія порядка при выступленіи другихъ войскъ и обозовъ. Прежде всего отправили больныхъ, раненыхъ и обозъ съ серебромъ и золотомъ въ слиткахъ, большею частію съ иконъ, ограбленныхъ въ церквахъ. Тутъ же находились старыя знамена турецкія и польскія, бунчуки, булавы, доспѣхи, гербъ съ крыши сената, и крестъ съ Ивана Великаго, назначенный Наполеономъ для церкви, которую хотѣлъ онъ выстроить противъ Лувра. Все это назвали *трофеями* и отправили вмѣстѣ съ больными и ранеными по смоленской дорогѣ, подъ прикрытіемъ дивизіи Клапареда и кавалерійскаго отряда Напсути. Имъ же велѣно было забирать по дорогѣ больныхъ, отсталыхъ, всѣ обозы и все направлять къ Смо-

лепску. По прибытіи обоза въ Можайскъ его долженъ былъ сопровождать Жюно со своимъ корпусомъ. Вся кавалерія вицекороля и одна пѣхотная дивизія его корпуса уже находились на новой калужской дорогѣ.

Прежде выступленія изъ Москвы Наполеонъ извѣстилъ о томъ Маре и велѣлъ ему сообщить европейскимъ дворамъ, что великая армія выступаетъ на зимнія квартиры черезъ Калугу, и займетъ пространство между Смоленскомъ, Могилевомъ, Минскомъ и Витебскомъ. «Рѣшаюсь на сіе движеніе,— писалъ Наполеонъ,—потому, что Москва не представляетъ болѣе военной позиціи». Въ такомъ же смыслѣ былъ написанъ 25-й бюллетень. И въ немъ, и въ повелѣніи къ Маре исчисленіемъ разстоянія между главными городами Россіи доказывалось, что въ новой позиціи армія сблизится съ Петербургомъ, съ Кіевомъ и слѣдующій походъ облегчится черезъ то во всѣхъ отношеніяхъ.

При начатіи новаго похода Наполеонъ, по своему обычаю, старался всячески ободрить войска. Въ Москвѣ раздали имъ сухари, вино, также холстъ и кожи, хотя некогда было шить бѣлье и обувь. Во время смотровъ объявлялъ онъ награды чинами и орденами и обращался къ храбрѣйшимъ съ ласковою, обаятельною своею рѣчью. 6 октября, когда полки проходили мимо императора церемоніальнымъ маршемъ, прискакалъ адъютантъ Мюрата съ донесеніемъ о нападеніи на него русской арміи. Не окончивъ смотра, Наполеонъ немедленно приказалъ выступать войскамъ въ походъ, и стройными рядами потянулись они къ калужской заставѣ, конечно не предчувствуя, какія бѣдствія ожидали ихъ въ этомъ новомъ, гибельномъ для нихъ походѣ.

Сраженіе, о которомъ получилъ извѣстіе Наполеонъ, было знаменитое пораженіе Мюрата подъ Тарутинымъ, вызванное его безпечностью. Кутузовъ не думалъ нападать на него, всячески стараясь не пробудить усыпленнаго въ Кремлѣ льва. «Чѣмъ долѣе останется въ Москвѣ Наполеонъ,—говорилъ онъ,— тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда». Но бывшій при главной квартирѣ русской генералъ Беннингсенъ, нѣкогда самъ главнокомандующій противъ Наполеона и задавшій столь страшный урокъ ему подъ Прейсишъ-Эйлау, что при свиданіи съ нимъ

въ Тильзитѣ гордый завоеватель сказалъ: «Vous étiez méchant à Eulau» (вы были злы подъ Эйлау), Беннингсенъ, основываясь на донесеніи аванпостнаго начальника, графа Орлова-Денисова, предложилъ Кутузову *взять живьемъ* Мюрата, потому что въ лагерѣ его не соблюдалось ни малѣйшей осторожности и всегда можно было застать его врасплохъ. Кутузовъ согласился и предоставилъ Беннингсену исполненіе предложеннаго имъ предпріятія. Но тутъ начались какія-то странныя недоумѣнія. Было назначено произвести нападеніе на Мюрата 5 октября и для того съ вечера 4-го числа выступить тихо въ походъ и ночью приблизиться къ его позиціи невидимо. Но корпусные командиры не получили приказа о томъ, и нападеніе было отложено до 6 числа. Проходя лѣсомъ, ночью съ 5-го на 6-е число, нѣкоторыя дивизіи и полки сбились съ пути въ лѣсу, и нападеніе было произведено не одновременно. Только блистательная атака 10-ти казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, раннимъ утромъ, когда дѣйствительно въ лагерѣ Мюрата никто не ожидалъ нападенія, доставила русскимъ 38 орудій и много обозовъ. Пѣхотные полки начали выступать изъ лѣса, но непріятель уже отражалъ нападеніе, и однимъ изъ первыхъ ядеръ съ батареи его, при Тетеринкѣ, убило храбраго генерала Багговута, отъ чего замедлились всѣ дѣйствія его корпуса, Мюратъ отбивался отчаянно и, подавляемый громадою почти всей русской арміи, довольно счастливо отступилъ, потерявъ, кромѣ обоза и пушекъ, 1 знамя, 40 зарядныхъ ящиковъ и 1.500 плѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ были генералы Фишеръ и Дери, котораго любилъ Мюратъ и присылалъ просить о возвращеніи его тѣла или по крайней мѣрѣ сердца. Кутузовъ не хотѣлъ преслѣдовать непріятеля и въ досадѣ на не полный успѣхъ дѣла сказалъ: «Если не умѣли мы поутру взять Мюрата живьемъ и притти во-время на мѣсто, то преслѣдованіе будетъ безполезно. Намъ нельзя отдаляться отъ позиціи». Другая причина также побудила его къ осторожности: во время самаго сраженія онъ получилъ извѣстіе о приготовленіяхъ Наполеона къ выступленію изъ Москвы. Не зная пути, какой изберетъ Наполеонъ, и съ какою цѣлью оставляетъ онъ Москву, фельдмаршалъ усугубилъ свою осторожность. Между тѣмъ

отправилъ опъ въ Петербургъ извѣстіе о пораженіи Мюрата, и радостнымъ вѣстникомъ о первомъ успѣхѣ русскаго оружія послѣ занятія Наполеономъ Москвы былъ полковникъ Мишо, котораго назначилъ къ тому самъ императоръ Александръ, писавшій къ Кутузову по полученіи извѣстія объ оставленіи Москвы: «Полковникъ Мишо былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера быть вручителемъ подобнаго донесенія была очевидна. Я нахожу справедливымъ предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ». Эти слова поясняютъ милостивое расположеніе императора къ Мишо и достопамятный разговоръ между ними, когда посланный, разсказавъ подробности тарутинскаго сраженія, началъ именемъ арміи просить его величество, чтобы опъ благоволилъ принять начальство надъ нею. Александръ отвѣчалъ: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ, и если бы теперь внялъ только этому одному чувству, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію... я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то вся слава отнесется ко мнѣ и что я займу мѣсто въ исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ Наполеономъ и что, невзирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, то, невзирая на мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе меня достоинъ ихъ».

Такія черты должны быть записаны исторіею. Слова Александра характеризуютъ великаго соперника Наполеонова: кто имѣлъ душу подобную Александровой, тотъ непремѣнно долженъ былъ восторжествовать надъ военнымъ геніемъ и ненасытнымъ честолюбіемъ завоевателя.

Выступившая изъ Москвы французская армія представляла странное зрѣлище. Кромѣ стройныхъ полковъ пѣхоты, блистательной гвардіи, плохой (кромѣ гвардейской) кавалеріи и 605 пушекъ, везомыхъ слабыми лошадьми, позади тянулся длинный хвостъ, состоявшій изъ многихъ тысячъ нестроевыхъ, гдѣ,

кромѣ принадлежащихъ къ арміи разныхъ чиновниковъ, маркитантовъ и кромѣ придворнаго штата Наполеонова, было множество иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ и отправлявшихся съ непріятелемъ. Верстъ на тридцать тянулось въ четыре ряда больше 10.000 каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ, фуръ, телѣгъ, наполненныхъ людьми, разными припасами и добычею, захваченною въ Москвѣ. Кромѣ того, на кавалерійскихъ лошадяхъ, на патронныхъ и зарядныхъ ящикахъ были вьюки съ разными вещами, и многіе пѣхотинцы сгибались подъ тяжестью награбленнаго ими добра. Несчастные не знали, что скоро падутъ они подъ тяжестью ужасной смерти! Всѣ очевидцы говорятъ, что французская армія по выходѣ изъ Москвы больше походила на орду какихъ-нибудь дикихъ завоевателей, нежели на устроенное европейское войско. Наполеонъ допускалъ это, зная, что армія его не можетъ надѣяться ни на какія пособія въ предстоявшемъ походѣ и должна все имѣть съ собою. Сверхъ того лишнее могли бросить на первомъ переходѣ, гдѣ бы то ни понадобилось.

Числительная сила войскъ его, выступившихъ изъ Москвы, простиралась до 105.000 человѣкъ строевыхъ. Соображая, что онъ вошелъ въ Москву со 110.000 человѣкъ и что въ продолженіе шести недѣль къ нему прибыло туда выздоровѣвшихъ и отсталыхъ до 25.000 человѣкъ, находимъ, что потеря его въ людяхъ простиралась въ Москвѣ до 30.000 человѣкъ,—погибшихъ безъ сраженія отъ болѣзней, въ пожарѣ и буйствахъ, отъ нападеній партизановъ, подъ топоромъ и ножомъ возставшаго народа!

8 октября французская армія перешла на правый берегъ Пахры и повернула на Ѳоминское. Самъ Наполеонъ былъ въ Троицкомъ и, видя, что Кутузовъ не нападаетъ на него, послалъ къ Мортье приказаніе очистить Москву, подорвавъ напередъ Кремль, для чего предварительно были сдѣланы приготовленія. Покуда Наполеонъ не удостовѣрился въ бездѣйствіи Кутузова, онъ оставлялъ Мортье въ Кремлѣ, надѣясь имѣть тамъ укрѣпленное мѣсто, если бы вслѣдствіе сраженія надобно было возвратиться въ Москву. Выходъ послѣднихъ войскъ французскихъ изъ Кремля долженъ былъ ознаменоваться недостойнымъ великаго человѣка событіемъ — взрывомъ Кремля

по повелѣнію Наполеона. Узнавъ, что подъ зданіями священной для русскихъ твердыни сдѣланы подкопы и что французы, готовые выступить изъ Москвы въ ночь 10 октября, подожгутъ ихъ, генералъ Винцингероде, находившійся со своимъ отрядомъ близъ тверской заставы, рѣшился въѣхать въ Москву, увидѣться съ маршаломъ Мортье и убѣдить его не исполнять варварскаго повелѣнія Наполеона. Онъ ѣхалъ по Тверской улицѣ съ своимъ адъютантомъ и однимъ казакомъ, безъ трубача, и потому его захватили какъ военноплѣннаго и представили Мортье, который не вошелъ съ нимъ ни въ какія объясненія, а велѣлъ отправить его въ главную квартиру Наполеона. Такъ уничтожилось единственное усиліе остановить французовъ отъ святотатственнаго поступка, которымъ заключили они свое пребываніе въ Москвѣ. Весь день 10 октября они жгли понтоны, взрывали зарядные и патронные ящики, вывозили больныхъ изъ госпиталей, гдѣ однако жъ осталось ихъ довольно, по недостатку въ подводахъ. Въ 6 часовъ Мортье двинулся со всѣми остававшимися при немъ войсками, и вскорѣ настала мертвая тишина.... Глубокое безмолвіе и темная ночь одни царствовали надъ Москвою, когда вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пушки и затѣмъ послѣдовалъ ударъ, сильнѣйшій самаго близкаго грома.... Дома задрожали, стекла въ окнахъ разбились вдребезги, и люди попадали ницъ; удары повторялись и небо запылало надъ Кремлемъ, гдѣ летѣли въ воздухъ цѣлыя зданія.... Къ счастью, не всѣ мины были взорваны и проливной дождь залилъ начавшійся пожаръ: оттого уцѣлѣли всѣ соборы и главнѣйшія зданія; но опустошеніе и безъ того было ужасно: огромная пристройка подлѣ Ивана Великаго, арсеналъ, многія башни были разрушены; императорскій дворецъ сгорѣлъ. Когда, на другой день, вошли въ Кремль русскія войска, они увидѣли въ немъ повсюду самое постыдное, безбожное опустошеніе, навсегда пятнающее Наполеона и его войска. Храмы были превращены въ конюшни, и самые священные предметы въ нихъ раскиданы и опозорены: все, чего не могли французы увезти или истребить, было осквернено ими.

Невозможно исчислить потерь, понесенныхъ Москвою во время пребыванія въ ней французовъ. Сгорѣло домовъ, разныхъ зданій и церквей 6.496. Потеря капиталовъ и разстрой-

ство всѣхъ дѣлъ и отношеній были выше всякаго исчисленія. Русскіе не жалѣютъ о томъ. Москва имѣла славу быть искупительницею не только Россіи, но и цѣлой Европы; въ ней померкла звѣзда Наполеонова счастія, и въ пламени ея зажглась *вѣчная свобода міра*, по выраженію поэта. Нравственная сила Москвы была и остается такъ велика, что черезъ нѣсколько дней по выходѣ непріятеля въ ней началъ возстановляться порядокъ, открылись храмы Божіи, въ которые стекался народъ благодарить Всевышняго за свое избавленіе; запестрѣли рынки, и Москва исполинскими шагами стала приближаться къ тому величію и богатству, какими блистаетъ въ наше время.

Кутузовъ не зналъ о выходѣ французовъ изъ Москвы, когда въ главную квартиру его явился французскій полковникъ Бертеми съ письмомъ Бертье, который просилъ русскаго фельдмаршала объ отвѣтѣ на предложенія Лористона. Письмо было продиктовано Наполеономъ въ Ѳоминскомъ, когда онъ сворачивалъ на новую калужскую дорогу, но съ намѣреніемъ надписано: изъ Москвы. Онъ желалъ какъ можно долѣе оставить Кутузова въ невѣдѣніи о своемъ походѣ и имѣть время выйдти на новую калужскую дорогу. Посылка Бертеми принесла ему еще ту выгоду, что посланный видѣлъ русскихъ, спокойно остающихся въ тарутинскомъ лагерѣ. Тогда Наполеонъ сдѣлалъ распоряженія къ продолженію похода. Въ авангардѣ шелъ вице-король; за нимъ слѣдовали гвардія и корпусъ Даву. На старой калужской дорогѣ остался Ней, въ ожиданіи Мюрата, который долженъ былъ присоединиться къ нему и слѣдовать общему движенію. 10 октября Наполеонъ производилъ лично обозрѣніе вправо отъ Ѳоминскаго и, не видя тамъ никакихъ войскъ, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ Дорохова, приказалъ Понятовскому идти на Верею, открыть сообщеніе съ Можайскомъ и послать разъѣзды къ Медыни. 11-го числа въ Ѳоминскомъ сосредоточилась вся армія и двинулась на Боровскъ. Самъ Наполеонъ оставался въ Ѳоминскомъ, покуда не разослалъ распоряженій ко всѣмъ своимъ военачальникамъ. Виктору приказалъ онъ отправить одну бригаду кавалеріи и одну дивизію пѣхоты въ Ельню, извѣщая какъ его, такъ и другихъ своихъ генераловъ, что избираетъ операціонный путь на Калугу, а оттуда въ Смо-

ленскъ. Черезъ Ельню хотѣлъ онъ открыть новый путь по мѣстамъ, еще не опустошеннымъ войною. Жюно велѣно отступать къ Вязьмѣ.

Французскіе военные писатели превозносятъ движеніе на новую калужскую дорогу, произведенное Наполеономъ такъ искусно, что въ русской главной квартирѣ не знали о немъ. Мы видѣли, что въ самое время тарутинскаго сраженія Кутузовъ получилъ извѣстіе о приготовленіяхъ Наполеона оставить Москву и вслѣдствіе того припялъ всѣ мѣры осторожности. Онъ послалъ къ Дорохову въ подкрѣпленіе два полка пѣхоты и возложилъ на него наблюденіе за движеніями непріятеля; кромѣ того, онъ предписалъ Дохтурову съ его корпусомъ, съ гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею и частью тульской конной дружины итти черезъ Аристово къ Ѳоминскому и удостовѣриться о намѣреніяхъ французовъ, появившихся тамъ въ значительныхъ силахъ. Милорадовичу велѣно въ то же время атаковать непріятеля на старой калужской дорогѣ. 10 октября вечеромъ, когда Дохтуровъ остановился въ Аристовѣ, подчиненные ему партизаны донесли о появленіи непріятеля, а одинъ изъ нихъ, Сеславинъ, привелъ нѣсколько гвардейцевъ Наполеона, показавшихъ, что вся армія французская выступила изъ Москвы и въ полномъ маршѣ къ Боровску. Немедленно полетѣлъ съ извѣстіемъ о томъ къ Кутузову штабъ-офицеръ Бологовской. Фельдмаршалъ тотчасъ позвалъ его къ себѣ, и когда Бологовской повторилъ передъ нимъ извѣстіе, Кутузовъ зарыдалъ и, обратясь къ образу Спасителя, произнесъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!» Въ ту же минуту предписалъ онъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу и предупредить тамъ непріятеля, Платову—итти туда же со всѣми казачьими полками и всей арміи—готовиться къ выступленію. Вскорѣ Милорадовичъ донесъ, что непріятель тянется съ позиціи при Вороновѣ также къ новой калужской дорогѣ. Намѣреніе Наполеона стало ясно: онъ производилъ общее и, надобно согласиться, превосходно задуманное движеніе, обходя тарутинскій лагерь слѣва и стараясь притти къ Калугѣ черезъ Боровскъ и Малоярославецъ. Но и русскій полководецъ показалъ удивительную проницательность и распоряжался, не теряя ни минуты. Выступле-

ніе арміи его замедлилось отъ того, что множество фуражировъ было отправлено изъ конныхъ полковъ и артиллеріи верстъ за 20 и далѣе; покуда они возвратились, былъ уже полдень 11 октября. Тогда двинулась вся русская армія къ Малоярославцу, и тарутинскій лагерь опустѣлъ, бывши нѣсколько недѣль оплотомъ всей Россіи, посылавшей въ него лучшихъ сыновъ своихъ и не щадившей ничего для созданія тамъ силы, долженствовавшей сокрушить врага, дотолѣ непобѣдимаго. Имя Тарутина сохранится въ исторіи, и памятникъ, воздвигнутый на мѣстѣ русскаго лагеря, напоминаетъ дни славныхъ опасностей Русскаго царства.

Въ семи пѣхотныхъ корпусахъ русской арміи при выступленіи изъ Тарутина было 76.629 человѣкъ, въ томъ числѣ ополченія 5.498 человѣкъ; въ четырехъ кавалерійскихъ корпусахъ было регулярной конницы 10.711 человѣкъ; при 510 пѣшихъ и 119 конныхъ орудіяхъ находилось 8.959 артиллеристовъ; піонеровъ при арміи 813 человѣкъ. Итакъ, число всѣхъ войскъ простиралось до 97.112 человѣкъ, кромѣ донскихъ и другихъ казачьихъ полковъ. При вступленіи въ тарутинскій лагерь было всѣхъ русскихъ войскъ, регулярныхъ 62.033 человѣка, слѣдственно армія увеличилась въ Тарутинѣ почти 30-ю тысячами человѣкъ и сверхъ того множествомъ казаковъ. Начальство надъ всѣми войсками Кутузовъ раздѣлилъ на двѣ части: Тормасову, только что прибывшему, по повелѣнію императора Александра, ввѣрилъ онъ пѣхотные корпуса: 3-й—графа Строганова, 5-й гвардейскій—Лаврова, 6-й—Дохтурова, часть 7-го—Раевскаго, 1-й кавалерійскій и обѣ кирасирскія дивизіи, а Милорадовичу поручилъ авангардъ, гдѣ были пѣхотные корпуса: 2-й—Долгорукаго, 4-й—графа Остермана и часть 7-го, да кавалерійскіе 2-й и 4-й. Казачьи полки размѣстились въ отрядахъ и партіяхъ.

На пути къ Малоярославцу армія двигалась не въ изложенномъ здѣсь порядкѣ: впереди всѣхъ былъ Дохтуровъ. Онъ шелъ съ пѣхотою кратчайшимъ путемъ отъ Аристова къ Спасскому, а Дорохову съ кавалеріею приказалъ держаться ближе къ непріятелю, уже занявшему Боровскъ, откуда онъ могъ притти къ Малоярославцу, по столбовой дорогѣ, скорѣе Дохтурова, пробиравшагося проселками. Но пѣхота удвоила шагъ, и рус-

скій генералъ надѣялся предупредить непріятеля, когда встрѣтилось неожиданное препятствіе. Услышавъ о приближеніи непріятеля, жители Спасскаго истребили плотины на Протвѣ и вода возвысилась такъ, что безъ моста нельзя было переправиться черезъ рѣку. Шесть часовъ было употреблено на построеніе мостовъ. Въ два часа пополуночи Дохтуровъ переправился черезъ Протву и за часъ до разсвѣта подошелъ къ Малоярославцу, гдѣ уже стоялъ Платовъ съ казаками и ротою конной артиллеріи. Но непріятель прежде нихъ занялъ городъ, къ счастью, незначительными силами, потому что Наполеонъ, видя безпрестанно казаковъ Дорохова съ лѣвой стороны его пути, опасался нападенія всей русской арміи, подвигался впередъ осторожно, сохраняя связь между своими войсками, и оттого прошелъ только $88^1/_2$ верстъ въ четыре дня. Главныя силы его арміи были еще далеко назади, когда дивизія Дельзона, составлявшая голову авангарда вице-короля, подошла къ Малоярославцу и Дельзонъ занялъ его только двумя батальонами, имѣя повелѣніе тотчасъ отступить, когда послышатся позади его выстрѣлы. Такъ опасенія Наполеона за свой лѣвый флангъ разстроили весь его планъ, и онъ дорого заплатилъ за свою ошибку.

Дохтуровъ въ 5 часовъ утра послалъ два егерскіе полка выбить французовъ изъ города. Французы отступили до нижней части города, но тамъ удержались и вытѣснили егерей, когда Дельзонъ ввелъ въ дѣло всю свою дивизію. Между тѣмъ пріѣхалъ вице-король и, видя передъ собою корпусъ Дохтурова, убѣдился въ неосновательности опасенія за лѣвый флангъ французской арміи. Онъ велѣлъ спѣшить въ сраженіе остальнымъ своимъ тремъ дивизіямъ Брусье, Пино и гвардейской. Пока подошли они, Малоярославецъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, при чемъ Дохтуровъ двигалъ въ огонь свои полки одинъ за другимъ. Сраженіе продолжалось чрезвычайно упорно, когда Дельзонъ, поощряя своихъ солдатъ, бросился впередъ и былъ пораженъ пулею въ лобъ; братъ его, находившійся подлѣ, хотѣлъ поддержать его и охватилъ руками, когда нѣсколько пуль поразили и его,—оба храбрые вмѣстѣ пали на землю. Подходившія къ городу войска вице-короля были громимы огнемъ русскихъ батарей, поставленныхъ влѣво отъ Мало-

ярославца. Конница не могла участвовать въ сраженіи, потому что бой кипѣлъ въ улицахъ. Дохтуровъ истощилъ уже почти всѣ свои резервы, а между тѣмъ къ городу приближались свѣжія непріятельскія войска. Въ полдень прибылъ къ мѣсту сраженія самъ Наполеонъ и тотчасъ велѣлъ навести понтонный мостъ выше Малоярославца и поставилъ нѣсколько батарей на берегу Лужи. Корпусъ Даву былъ на мѣстѣ сраженія, когда блеснули вдали штыки русской арміи, спѣшившей отъ Тарутина и не останавливавшейся всю ночь. Тогда видъ дѣлъ перемѣнился: обѣ арміи были одна противъ другой, и поля Малоярославца могли сдѣлаться мѣстомъ генеральной битвы. Но Кутузовъ подкрѣпилъ Дохтурова только корпусомъ Раевскаго, а Наполеонъ предоставилъ бой итальянскому корпусу вице-короля и подкрѣпилъ его только двумя дивизіями Даву. Итальянцы, не бывшіе въ огнѣ съ самаго начала похода, ревновали показать себя достойными сподвижниками французскихъ легіоновъ и, предводимые офицерами генеральнаго штаба, принадлежавшими къ лучшимъ итальянскимъ фамиліямъ, ринулись въ бой съ отчаянною храбростью. Множество офицеровъ было убито и ранено; самъ дивизіонный начальникъ ихъ, генералъ Пино, былъ раненъ; но итальянская гвардія и часть войскъ Даву ворвались въ городъ и даже высыпали изъ него въ густыхъ колоннахъ; русская картечь заставила ихъ воротиться въ городъ, и тамъ опять загорѣлась ружейная перестрѣлка и закипѣлъ рукопашный бой. То французы одолѣвали русскихъ, то русскіе выгоняли ихъ изъ города и встрѣчаемые огнемъ батарей расположенныхъ на берегу Лужи, отступали въ городъ. Одна французская батарея дѣйствовала подъ личнымъ распоряженіемъ Наполеона, чего давно не видали. Кутузовъ также стоялъ подъ ядрами, которыя иногда перелетали черезъ его голову, и внимательно наблюдалъ движеніе французскихъ войскъ, переходившихъ по понтонному мосту и устраивавшихся на лѣвомъ берегу Лужи. Къ вечеру, когда въ Малоярославцѣ не прекращался свирѣпый бой, съ обѣихъ сторонъ города стояли свѣжія войска и, казалось, ожидали только маповенія къ общему бою. Но Наполеонъ не хотѣлъ начинать его, ожидая прибытія остальныхъ корпусовъ своихъ, а Кутузовъ, достигнувъ цѣли преграждепіемъ пути непріятелю, не имѣлъ повода къ

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА:

Наполеонъ въ Городнѣ.

новымъ усиліямъ. Только вечеромъ, когда французы утвердились въ городѣ, онъ приказалъ Коновницыну выбить ихъ оттуда, что и было исполнено. Цѣлый день переходя изъ рукъ въ руки, посреди безпрерывнаго ружейнаго и пушечнаго огня, Малоярославецъ былъ весь объятъ пламенемъ и догоралъ при неумолкавшихъ выстрѣлахъ. Къ ночи часть его оставалась во власти французовъ, часть была удержана русскими, которые однако жъ совсѣмъ выступили изъ него послѣ полуночи, и онъ былъ занятъ ихъ противниками. Бой въ Малоярославцѣ былъ послѣднимъ, гдѣ войска Наполеона показали себя достойными своей славы: во всѣхъ остальныхъ сраженіяхъ въ 1812 году они только претерпѣвали пораженія... Потеря съ обѣихъ сторонъ была почти равная: у французовъ и русскихъ выбыло изъ строя тысячъ по пяти.

Къ ночи Наполеонъ возвратился съ гвардіей въ Городню, верстъ за 10 отъ Малоярославца и призвалъ къ себѣ Мюрата, Бертье и Бессьера. Онъ хотѣлъ, повидимому, совѣтоваться съ ними, но, упомянувъ о прибытіи всей арміи Кутузова, замолчалъ и долго смотрѣлъ на развернутую передъ нимъ карту. Тѣмъ и кончилось совѣщаніе. Въ пять часовъ утра явился къ нему дежурный офицеръ Гурго, оставленный на мѣстѣ битвы для наблюденія за движеніями рускихъ, и донесъ, что они неподвижны въ своей позиціи, но что во всю ночь слышно было большое движеніе кавалеріи вправо; тоже подтверждалъ и стоявшій къ той сторонѣ генералъ Жераръ съ дивизіей корпуса Даву. Наполеонъ призвалъ къ себѣ Мюрата, Бессьера и генерала Лобау и спрашивалъ совѣта ихъ: надобно ли принять битву или удалиться отъ нея? Бессьеръ и Мюратъ не сомнѣвались въ побѣдѣ, но думали, что самая побѣда разстроитъ армію большою потерей людей и затруднитъ движенія ея увеличеніемъ числа раненыхъ. Наполеонъ обратился къ Лобау, котораго испытанной храбрости вѣрилъ онъ и про котораго говаривалъ: «Mon Mouton est un lion» (вспомнимъ, что Мутонъ за отличіе на островѣ Лобау получилъ титулъ графа Лобау). Но храбрый солдатъ откровенно повторилъ ему нѣсколько разъ, что всего лучше воротиться къ Нѣману ближайшею и уже извѣстною дорогою черезъ Можайскъ. Убѣжденіе безстрашнаго воина поколебало Наполеона; но, желая еще разъ осмотрѣть

поле битвы, онъ велѣлъ подать лошадь и, окруженный своимъ штабомъ и только тремя взводами конвоя, поѣхалъ по дорогѣ къ Малоярославцу, не дождавшись даже эскадроновъ, обыкновенно сопровождавшихъ его. Эти подробности любопытны потому, что Наполеонъ подвергался здѣсь опасности быть взятымъ въ плѣнъ. Движеніе кавалеріи, о которомъ доносилъ ему Гурго, было движеніе двадцати казачьихъ полковъ, произведенное ими вслѣдствіе строгаго приказанія Кутузова. Русскій фельдмаршалъ былъ недоволенъ, что Платовъ, имѣя предписаніе тревожить непріятеля въ тылъ и правый флангъ на дорогѣ отъ Боровска къ Малоярославцу цѣлый день, во время происходившаго наканунѣ сраженія, простоялъ влѣво отъ русской арміи на берегу Лужи. Получивъ приказаніе произвести ночной поискъ, Платовъ съ 12-го на 13-е октября отрядилъ три сильныя партіи на лѣвый берегъ Лужи. Часу въ пятомъ утра, еще въ темнотѣ, приближаясь къ большой дорогѣ, казаки увидѣли тянувшійся по ней артиллерійскій паркъ, съ гикомъ бросились на него и захватили болѣе 50-ти орудій. Въ упоеніи счастливаго набѣга донцы кинулись на остановившіеся по дорогѣ обозы и разсыпались во всѣ стороны. Тутъ-то наткнулись они на три кавалерійскіе взвода, посреди которыхъ былъ Наполеонъ. Замѣтивъ нечаянное нападеніе, онъ обнажилъ шпагу, скомандовалъ своимъ эскадронамъ двинуться впередъ, но эскадроны, какъ мы видѣли, не успѣли выѣхать вмѣстѣ съ нимъ и были позади. Три сопровождавшіе его взвода вмѣстѣ съ бывшими вокругъ генералами и офицерами штаба смѣло бросились на казаковъ и заставили ихъ отступить; между тѣмъ подоспѣли отставшіе эскадроны, и казаки старались только сохранить богатую свою добычу, состоявшую изъ 11 орудій (болѣе не могли они увезти съ собою), нѣсколько боченковъ золота и разныхъ дорогихъ предметовъ. Если бы донцы знали, *кто* былъ, такъ сказать, въ рукахъ ихъ, они, конечно, не подумали бы о золотѣ и о пушкахъ, а смѣлымъ и дружнымъ нападеніемъ постарались бы захватить *человѣка судебъ*, отъ котораго еще трепеталъ міръ и еще много крови и слезъ надобно было пролить, чтобы достигнуть той же цѣли. Такъ иногда судьба царствъ и народовъ зависитъ отъ мелкихъ военныхъ случайностей!

Освободившись отъ нападенія казаковъ, Наполеонъ пріѣхалъ въ Малоярославецъ, осматривалъ поле сраженія и позицію русскихъ, но не рѣшился дать сраженіе, котораго они ожидали. Окружавшіе его единогласно совѣтовали не вступать въ бой, а начать скорѣе отступленіе. Гордая душа завоевателя еще не могла склониться на такой совѣтъ, и, ничего не рѣшивши, Наполеонъ возвратился къ вечеру въ Городню. Между тѣмъ Кутузовъ получилъ два важныя извѣстія: одно отъ генерала Иловайскаго, что близъ Медыни встрѣтилъ онъ авангардъ корпуса Понятовскаго, удачно напалъ на него врасплохъ со своими казаками, захватилъ пушки, плѣнныхъ и генерала Тишкевича, который показалъ, что за нимъ слѣдуетъ весь корпусъ поляковъ. Другое извѣстіе было отъ казачьяго же генерала Кутейникова, который въ отбитомъ близъ Боровска обозѣ нашелъ записку Бертье къ начальнику топографическаго депо Сансону, гдѣ предписывалось ему собрать свѣдѣнія о дорогахъ изъ Москвы черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Песокъ, изъ Песокъ въ Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Мосальскъ, изъ Мосальска въ Ельню, изъ Ельни въ Смоленскъ. Не оставалось сомнѣнія, что французская армія располагается производить движеніе на семъ пространствѣ. Князь Кутузовъ, желая предупредить непріятеля на пути къ Юхнову, отступилъ по калужской дорогѣ къ Детчину, оставивъ при Малоярославцѣ Милорадовича и приказавъ Платову и партизанамъ наблюдать непріятеля какъ можно ближе. Отступленіе къ Детчину было выгодно еще и тѣмъ, что позиція тамъ крѣпче и разстояніе къ медынской дорогѣ вдвое короче нежели отъ Малоярославца.

Утромъ 14 октября Наполеонъ отправился изъ Городни къ Малоярославцу, сопровождаемый гвардіею и двумя кавалерійскими корпусами. На пути получилъ онъ извѣстіе объ отступленіи русской арміи, остановился, велѣлъ на полѣ разложить огонь, сѣлъ подлѣ него и послѣ недолгихъ соображеній проникнулъ намѣреніе Кутузова — преградить ему путь на Юхновъ, какъ преградилъ онъ путь на Малоярославецъ. И такъ опять новою битвою, новымъ ослабленіемъ арміи надлежало открыть себѣ путь отступленія, представлявшій какіенибудь способы продовольствія, или немедленно отступать на

Можайскъ и Вязьму, но по разоренной дорогѣ и бороться на ней съ голодомъ и всякими недостатками. Въ былые годы своей славы, съ арміею, одушевленною побѣдами, вблизи своихъ средствъ, Наполеонъ не задумался бы въ выборѣ и двинулся бы противъ русской арміи. И давно ли, въ самой Россіи, онъ вмѣстѣ со всею своею арміею жаждалъ, алкалъ, желалъ только битвы? Но при настоящемъ разстройствѣ, при упавшемъ духѣ солдатъ и даже высшихъ начальниковъ арміи, онъ не надѣялся на побѣду и рѣшился начать отступленіе ближайшимъ путемъ, хотя и по опустошенной дорогѣ; онъ почиталъ выгодою и то, что можетъ предупредить русскихъ нѣсколькими маршами. Вслѣдствіе такого рѣшенія тутъ же, съ поля битвы, разослалъ онъ приказы объ общемъ отступленіи на Можайскъ всей арміи черезъ Боровскъ и Верею, а Понятовскому съ медынской дороги на Гжатскъ. Даву съ его корпусомъ приказано итти весь день за отступавшимъ русскимъ аріергардомъ, а почью обратиться за арміею и составлять аріергардъ ея, истребляя на пути все, дабы какъ возможно затруднить преслѣдованіе, которое начнутъ русскія войска.

Тягостно было это рѣшеніе для ветерановъ, привыкшихъ къ побѣдѣ, еще недавно увѣренныхъ въ ней и теперь съ поникшими головами начинавшихъ отступленіе, гдѣ могли предвидѣть они только бѣдствія и гибель. Но что происходило въ душѣ *его*?.. По наружности онъ казался спокоенъ, хотя задумчивъ, и, окруженный стройными рядами своей гвардіи, ѣхалъ верхомъ, разсчитывая съ Бертье, какое пространство отдѣляетъ его отъ Смоленска и Минска, гдѣ надѣялся онъ найти продовольствіе и подкрѣпленіе для своей арміи. Въ мрачномъ расположеніи прибылъ онъ въ Верею 15 числа и осматривалъ ея окрестности, когда привезли туда плѣннаго генерала Винцингероде, находившагося при войскахъ маршала Мортье, только что присоединившагося къ арміи. Немедленно велѣлъ Наполеонъ представить къ себѣ плѣннаго и адъютанта его, Нарышкина. Сначала онъ отворотился отъ нихъ и продолжалъ осматривать мѣстность; потомъ сошелъ съ лошади и велѣлъ подвести плѣнныхъ; свита его осталась поодаль. Наполеонъ началъ рѣзко упрекать, даже бранить Винцингe-

роде и, постепенно приходя въ гнѣвъ, закричалъ наконецъ: «О, ваша судьба кончилась! Жандармы! возьмите его, разстрѣляйте, избавьте меня отъ него. Со мною борьба не равна: черезъ шесть недѣль буду я въ Петербургѣ. Сейчасъ разстрѣляйте его, если онъ уроженецъ какой-либо области Рейнскаго союза. Я вашъ монархъ, вы мой подданный!» Для объясненія словъ Наполеона надобно замѣтить, что Винцингероде, одинъ изъ любимцевъ императора Александра, принадлежалъ къ числу тѣхъ непримиримыхъ враговъ Наполеона, которые старались всегда и во всемъ вредить ему. Винцингероде переходилъ изъ службы русской въ австрійскую, а изъ австрійской опять въ русскую, чтобы только быть въ рядахъ сражающихся противъ повелителя Франціи, и Наполеонъ почиталъ его однимъ изъ разстроившихъ своими злобными внушеніями дружбу его съ русскимъ императоромъ. Все это высказалъ онъ ему прежде, нежели изрекъ страшный приговоръ. Обратившись къ Нарышкину, онъ сказалъ: «Вы русскій и, какъ благородный человѣкъ, исполняете свой долгъ; но зачѣмъ находитесь при такомъ мошенникѣ? Вамъ надобно служить при русскихъ генералахъ». Нарышкина пригласили къ обѣду Наполеона, а надъ Винцингероде производили слѣдствіе Раппъ, Нарбоннъ и Бертье. Оказалось, что онъ родился въ Пруссіи, но не принадлежалъ къ подданнымъ Рейнскаго союза, почему смертный приговоръ его былъ отмѣненъ. 16 числа Наполеонъ, оставивъ въ сторонѣ Можайскъ, ночевалъ близъ Бородина, и 17-го утромъ проѣхалъ черезъ поле бородинской битвы, гдѣ пало столько славныхъ его сподвижниковъ. Противъ своего обыкновенія, онъ не останавливался, не осматривалъ мѣста одного изъ величайшихъ побоищъ, гдѣ могла рѣшиться судьба всего похода. Почти не глядя въ стороны, оставилъ онъ за собой холмы и равнины, меньше чѣмъ за два мѣсяца кипѣвшіе огнемъ и бурею отчаяннаго боя; теперь только печальные слѣды смерти и разрушенія, разбитые лафеты и обломки всякаго оружія, клочки мундировъ и одеждъ, трупы лошадей и даже полусогнившіе и обезображенные хищными птицами трупы людей еще видѣлись на этомъ полѣ, упитанномъ кровью и взрытомъ ядрами, картечью и пулями. Когда проходили тутъ полки старой гвардіи Наполеона, въ рядахъ ихъ

послышался ропотъ словъ. «C'est le champ de la grande bataille!» (вотъ поле великой битвы!)... Это было послѣднею почестью падшимъ.

Гвардія, посреди которой находился самъ Наполеонъ, составляла авангардъ арміи. За нею начали и другіе корпуса выступать на смоленскую дорогу. Аріергардъ подъ начальствомъ Даву, исполняя данное ему предписаніе, довершалъ опустошеніе во всѣхъ проходимыхъ имъ городахъ и деревняхъ, и какъ нечего было брать и грабить, то солдаты зажигали домы, даже кидали въ нихъ ящики съ патронами и взрывали ихъ! Путь французской арміи означался столбами огня и дыма, и на далекое разстояніе позади ея видно было зарево пожаровъ...

Между тѣмъ Кутузовъ, подвинувши 15 октября свою армію отъ Детчина влѣво, на медынскую дорогу, еще не могъ знать, какой путь отступленія принялъ Наполеонъ? Убѣдившись изъ всѣхъ донесеній, что онъ черезъ Верею и Можайскъ тянется на смоленскую дорогу, фельдмаршалъ 17 октября прошелъ вслѣдъ за нимъ, черезъ Полотняные Заводы и Кременское, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги: на Вязьму и на Можайскъ. И здѣсь еще нельзя было удостовѣриться, пойдетъ ли Наполеонъ къ Смоленску, или обратится черезъ Можайскъ къ Витебску, и потому, слѣдуя прямо на Вязьму, русская армія могла отстать отъ непріятеля на далекое разстояніе. Здѣсь-то Кутузовъ принялъ знаменитое и богатое послѣдствіями рѣшеніе свое—преслѣдовать непріятеля параллельными маршами и дѣйствовать на операціонномъ его пути. Онъ приказалъ: арміи итти къ Вязьмѣ; Милорадовичу съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими корпусами слѣдовать между арміею и смоленскою дорогою, приблизиться къ ней около Гжатска и потомъ идти подлѣ нея, пользуясь всѣми случаями къ нападенію; Платову, усиленному дивизіей Паскевича, преслѣдовать французовъ съ тыла, и наконецъ партизанамъ дѣлать набѣги въ головѣ и во флангѣ непріятельскихъ колоннъ. Кутузовъ составилъ еще нѣсколько отрядовъ, усилилъ прежніе и всѣмъ имъ далъ подробныя предписанія. При необычайно скоромъ отступленіи непріятеля, когда русская армія, испытывая на пути своемъ много затрудненій, не могла двигаться съ желае-

мою быстротою, легкіе отряды скоро сдѣлались грозою и истиннымъ бѣдствіемъ для французской арміи. Особенную и незабвенную услугу оказали при томъ казаки, которые неотступно вились и рыскали вокругъ непріятельскихъ колоннъ; тревожили ихъ на ночлегахъ, отхватывали обозы и отдѣльныя партіи, и всякій отдалившійся или отставшій отъ своей команды французъ былъ вѣрною ихъ жертвою. Не довольствуясь мелкими успѣхами, они смѣло нападали и на сильные отряды, на пѣхоту, на артиллерію, наконецъ довершили гибель и разстройство цѣлыхъ корпусовъ французской арміи и заслужили безсмертное имя въ лѣтописяхъ русской славы.

Платовъ настигъ 19 октября аріергардъ Даву у Колоцкаго монастыря, разстроилъ у него 2 батальона, отнялъ 2 знамени, и нашелъ въ монастырѣ послѣ отступленія непріятеля 27 пушекъ. То были первые трофеи съ начала преслѣдованія французской арміи, вскорѣ сдѣлавшіеся такъ обыкновенными, что ими почти не дорожили и заботились только довершить истребленіе арміи, еще называвшейся великою, но уже показавшей сильное разстройство. Поспѣшность была единственнымъ средствомъ ея спасенія, и хотя всѣ, отъ маршала до солдата, понимали это вполнѣ и спѣшили изъ всѣхъ силъ, но Наполеонъ безпрестанно приказывалъ ускорять бѣгство еще болѣе. На всякомъ шагу видны были слѣды разстройства, которое явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поспѣшности: солдаты, особливо спѣшенные кавалеристы, бросали оружіе, отставали, предпочитали плѣнъ невыносимой тягости похода. Для облегченія общаго движенія часто оставляли усталыхъ лошадей, обозы, зарядные ящики и артиллерійскія фуры. Начинало оказываться и новое бѣдствіе, нестерпимое для жителей теплыхъ климатовъ: погода, до сихъ поръ напоминавшая только южную осень, вдругъ начала дѣлаться суровѣе, и уже часто перепадалъ снѣгъ, сопровождаемый холоднымъ вѣтромъ. Биваки на опустошенныхъ равнинахъ, безъ всякой защиты, не представляли никакого успокоенія. Померзнувъ на нихъ только для отдыха ногъ, солдаты еще впотьмахъ подымались съ фонарями и шли впередъ. Вскорѣ были съѣдены ими всѣ запасы, взятые изъ Москвы, на пути невозможно было найти никакого продовольствія, а о фуражировкахъ въ сторону не смѣли

Отдыхъ арміи Наполеона во время отступленія.

и думать, потому что вездѣ вокругъ разсыпавшіеся казаки схватывали фуражировъ; видя многочисленную партію, соединялись они съ партизанами, и никакое сопротивленіе не спасало отъ нихъ: казаки и легкія войска какъ-будто вырастали изъ земли, давая другъ другу знать о вѣрной добычѣ. Къ нимъ присоединялись и крестьяне, вышедшіе изъ лѣсовъ при проявленіи русскихъ войскъ и такъ же способствовавшіе истребленію непріятеля. Оставалось одно средство спасенія: спѣшить впередъ, собирая послѣднія силы и надѣясь, что въ Смоленскѣ остановится отступающая армія и оживитъ себя заготовленными тамъ припасами. Но еще прежде Смоленска надобно было преодолѣть много препятствій.

Октября 19-го Наполеонъ съ гвардіею прибылъ въ Вязьму, и 20-го имѣлъ тамъ дневку, въ ожиданіи слѣдовавшихъ сзади корпусовъ. 21-го онъ продолжалъ отступленіе, но маршалы его были остановлены на цѣлый день при Вязьмѣ. Милорадовичъ, замѣтивъ разстройство непріятелей, сталъ поперекъ дороги съ небольшимъ числомъ кавалеріи въ ожиданіи своей пѣхоты и хотѣлъ отрѣзать путь аріергарду французской арміи, бывшему подъ начальствомъ Даву и еще не достигшему Вязьмы, тогда какъ вице-король и Понятовскій уже вступили въ нее, а Ней отошелъ влѣво, дабы пропустить черезъ Вязьму корпусъ Даву и вмѣсто него составить аріергардъ. Покуда изумленныя войска французскаго аріергарда приготовлялись пробиться къ Вязьмѣ, Милорадовичъ безпрерывно получалъ подкрѣпленія, а съ тыла французовъ наступалъ Платовъ. Завязалось упорное сраженіе, и бывшіе въ Вязьмѣ маршалы и вице-король возвратились на выручку своего собрата. Даву успѣлъ пройти вправо отъ большой дороги къ Вязьмѣ, но потерялъ свой обозъ и много плѣнныхъ. Вся потеря французовъ подъ Вязьмою простиралась до 4.000 убитыми и ранеными; кромѣ того взято было у нихъ въ плѣнъ болѣе 2.000 человѣкъ, и отбито 3 орудія и два знамени. Но всего важнѣе для русскихъ было удостовѣреніе въ очевидномъ разстройствѣ непріятельской арміи, гдѣ почти не было кавалеріи и она не вступала въ дѣло; артиллерія дѣйствовала медленно и безсвяз-

но, потому что изнуренныя лошади ея не могли быстро перевозить орудій; вся сила непріятеля заключалась въ пѣхотѣ, которая еще поддерживала свою славу, но и въ ней было много безоружныхъ и сбродныхъ солдатъ, только затруднявшихъ дѣйствія своихъ товарищей, еще соблюдавшихъ строй и военную дисциплину. Вскорѣ толпы ихъ заразили примѣромъ своимъ всѣ остальныя войска и были причиной безчисленныхъ безпорядковъ, присоединившихся ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ, уже тяготѣвшимъ надъ французскою арміею.

Узнавъ подробности сраженія подъ Вязьмою, Наполеонъ выразилъ гнѣвъ свой противъ маршаловъ, удивляясь, что не могли взять въ плѣнъ корпуса, который осмѣлился стать посреди его войскъ; но получивъ новыя извѣстія о разстройствѣ корпуса Даву, онъ отмѣнилъ всѣ распоряженія, какія сдѣлалъ было для отраженія русскихъ, и подтвердилъ только приказы свои спѣшить къ Смоленску, еще не теряя надежды занять тамъ зимнія квартиры.

Кутузовъ, продолжая съ главною арміею идти параллельно смоленской дорогѣ, приказалъ послѣ сраженія подъ Вязьмою Милорадовичу преслѣдовать непріятеля по столбовой дорогѣ, Платову идти съ правой стороны ея, опережать французскія колонны и тревожить безпрерывными нападеніями; графу Орлову-Денисову исполнять тоже самое съ лѣвой стороны; партизанамъ съ разныхъ сторонъ сближаться къ Смоленску. Такъ продолжалось преслѣдованіе съ 23-го до 27 октября, когда французскіе корпуса достигли Дорогобужа, откуда вице-король, вслѣдствіе повелѣнія Наполеона, долженъ былъ повернуть вправо и черезъ Духовщину идти на соединеніе съ корпусами Сенъ-Сира и Виктора. Милорадовичъ вытѣснилъ непріятелей изъ Дорогобужа съ большими потерями для нихъ, и пошелъ влѣво, а Платовъ обратился вслѣдъ за вице-королемъ. Отсюда начался одинъ изъ самыхъ страшныхъ періодовъ отступленія французской арміи, ибо зима разразилась на иноплеменниковъ всѣми своими жестокостями. Послѣ вяземскаго сраженія пошелъ снѣгъ, покрывшій густымъ слоемъ оледенѣлую землю, и къ тому присоединились вьюги и метели, при 10 градусахъ мороза. Полунагіе, голодные воины Наполеона гибли сотнями, и каждый ночной бивакъ ихъ былъ усѣянъ трупами; остальные

продолжали путь въ онѣмѣніи, въ полубезуміи отъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій; кто попадалъ въ плѣнъ русскимъ, шедшимъ по пятамъ ихъ, почиталъ себя счастливымъ, надѣясь, по крайней мѣрѣ, сохранить жизнь. Многіе, въ оцѣпенѣніи отъ усталости, голода и стужи, сидѣли по сторонамъ большой дороги и не имѣли силъ даже просить о плѣнѣ: ихъ оставляли замерзать, а толпы сдававшихся посылали назадъ, даже безъ провожатыхъ. Въ такомъ состояніи арміи, нетрудно было преслѣдовать ее и пользоваться плодами соображеній Кутузова, который и въ это время еще не торопился нападать на непріятеля, надѣясь безъ боя уничтожить его совершенно. Онъ предоставлялъ преслѣдованіе легкимъ отрядамъ. Расчетъ великаго полководца былъ очень вѣренъ. Сколько упадалъ духъ и ослабѣвала храбрость французскихъ войскъ, даже сохранившихъ еще нѣкоторое устройство, столько усиливалось одушевленіе и возрастало мужество русскаго войска. Примѣромъ того могутъ служить два пораженія, претерпѣнныя французами прежде, нежели они достигли Смоленска.

Между Ельнею и Смоленскомъ стояла двухтысячная бригада генерала Ожеро, принадлежавшая къ маршевымъ батальонамъ генерала Бараге-д'Илье, составленнымъ изъ сборныхъ командъ и вышедшимъ изъ Смоленска на подкрѣпленіе главной арміи. Три партизана русскіе, Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, имѣвшіе всѣ вмѣстѣ не болѣе 1.200 человѣкъ, пригласили къ нападенію на непріятеля графа Орлова-Денисова, бывшаго недалеко съ 6-ю казачьими и однимъ драгунскимъ полками. Онъ тотчасъ соединился съ ними и отрядилъ часть войскъ противъ Бараге-д'Илье, а съ остальными атаковалъ Ожеро. Французы защищались слабо, и графъ послалъ къ Ожеро требовать, чтобы онъ сдался. Тотъ отвергнулъ предложеніе, особливо когда замѣтилъ отступленіе казаковъ, посланныхъ противъ Бараге-д'Илье: ихъ тѣснилъ отрядъ кираспировъ. Графъ Орловъ-Денисовъ подкрѣпилъ казаковъ, и они съ такимъ ожесточеніемъ напали на кираспировъ, что преслѣдовали ихъ пять верстъ и истребили до единаго. Обратившись опять противъ Ожеро, который защищался отъ партизановъ, графъ Орловъ-Денисовъ снова предложилъ ему сдаться и послѣ недолгихъ переговоровъ Ожеро съ 60-ю офицерами и 2.000

Наши войска въ засадѣ.

рядовыхъ сдался на капитуляцію. Это былъ первый примѣръ, что цѣлый отрядъ французскихъ войскъ положилъ оружіе передъ легкими войсками партизановъ. Бараге-д'Илье, воспользовавшись темнотою, отошелъ къ Смоленску, между тѣмъ какъ съ этой стороны приближалась главная русская армія.

Когда безславно сдавались войска Ожеро, въ то же время

съ другой стороны Смоленска гибли подъ пиками казаковъ войска вице-короля. Мы видѣли, что онъ выступилъ изъ Дорогобужа къ Духовщинѣ и Платовъ пошелъ по слѣдамъ его. Весь день 27-го числа казаки неутомимо нападали на отступавшія колонны и взяли 3.000 плѣнныхъ и 64 орудія, оставленныя на дорогѣ. Ночью на 28 число вице-король послалъ навести мостъ на Вопи, что и было исполнено; но когда, на разсвѣтѣ, онъ подходилъ къ переправѣ, мостъ уже снесло прибывшею водою и шедшимъ по рѣкѣ льдомъ. Обозы, отправленные заранѣе, остановились на берегу, гдѣ вскорѣ столпился и весь корпусъ. Между тѣмъ казаки тѣснили аріергардъ, и вице-король послалъ на подкрѣпленіе его дивизію итальянцевъ, а остальнымъ войскамъ велѣлъ переходить въ бродъ. Оказалось новое бѣдствіе: нельзя было перевезти ни артиллеріи, ни обозовъ! Артиллеристы бросили орудія, и всѣ войска кинулись выбирать изъ возовъ что казалось имъ болѣе драгоцѣннымъ; особенно старались запастить съѣстнымъ. При переходѣ черезъ рѣку, многіе тонули подъ тяжестью своихъ вьюковъ. Начался страшный безпорядокъ, и голосъ любимаго вождя не могъ возстановить подчиненности. Переправа черезъ Вопь памятна въ лѣтописяхъ французской арміи, какъ одна изъ самыхъ гибельныхъ. Казакамъ достался весь обозъ, занимавшій вдоль берега больше трехъ верстъ! Въ томъ числѣ было множество дрожекъ, везенныхъ изъ Москвы!.. Военными трофеями русскихъ были въ этотъ день 2.000 плѣнныхъ и 23 пушки, такъ что съ оставленными наканунѣ 64-мя, въ два дня корпусъ вице-короля лишился 87-ми орудій и при немъ осталось ихъ только 12-ть, какимъ-то чудомъ перетащенныхъ черезъ Вопь. Положеніе итальянцевъ, перешедшихъ на другой берегъ рѣки, было ужасно: вымокнувъ въ леденѣвшей рѣкѣ, они должны были отдыхать на снѣгу и даже не имѣли дровъ для разведенія огня. На разсвѣтѣ, толпами потянулись они къ Духовщинѣ, но, къ изумленію своему, были и тамъ встрѣчены казаками: то были два полка Иловайскаго, составлявшаго авангардъ генералъ-адъютанта Кутузова, шедшаго изъ Москвы черезъ Звенигородъ и Сычевку. Вице-король смѣло двинулся противъ казаковъ, оттѣснилъ ихъ и занялъ городъ, но не предвидя возможности пройдти въ Витебскъ, рѣшился обратиться къ Смоленску. Платовъ не упускалъ

его изъ виду, отбилъ у него еще двѣ пушки и взялъ много плѣнныхъ. Вице-король почти безъ артиллеріи и только съ остатками своего корпуса, пришелъ въ Смоленскъ, гдѣ 31 октября сосредоточились всѣ французскіе корпуса.

Наполеонъ прибылъ туда съ своею гвардіею 29 октября и безпрестанно получалъ самыя прискорбныя для него извѣстія: Ожеро съ цѣлою бригадою положилъ оружіе; вице-король потерялъ всю артиллерію и обозъ на Вопи и съ обломками своего корпуса возвращается въ Смоленскъ; Витебскъ взятъ русскими, и Викторъ съ Сенъ-Сиромъ не могутъ остановить Витгенштейна; Чичаговъ идетъ на Минскъ, гдѣ было заготовлено огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Но самымъ горестнымъ извѣстіемъ для Наполеона было донесеніе, полученное имъ изъ Парижа о внезапномъ бунтѣ, произведенномъ тамъ генераломъ Малле. Событіе, само по себѣ оскорбительное для чести Наполеона и его правительства, было еще язвительнѣе для него въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ получилъ его. Малле, отставной генералъ, приверженецъ Моро, сидя подъ стражею въ одномъ изъ такъ называемыхъ Maisons de Santè, гдѣ заключенныхъ содержатъ не строго, поддѣлалъ фальшивыя извѣстія изъ арміи о смерти Наполеона, о распоряженіи сената составить временное правительство, и съ помощью одного такого же смѣльчака, Лафона, одного молодаго капрала, который переписывалъ имъ бумаги, и одного учителя Бутре, возмутилъ солдатъ на нѣсколькихъ гауптвахтахъ, посадилъ въ тюрьму министра полиціи Саварн, префекта полиціи Пакье, овладѣлъ ратушею и заставилъ по волѣ свой распоряжаться Фрошо, префекта Парижа; наконецъ, ранилъ коменданта Гюллена, но тутъ былъ схваченъ, обезоруженъ, и возмущеніе исчезло какъ призракъ. Савари и другіе захваченные бунтовщиками сановники тотчасъ получили свободу, и все пришло въ прежній порядокъ такъ скоро, что многіе парижане проснувшись услышали въ одно время о тревогѣ, бывшей рано утромъ и объ окончаніи ея. Но безумное предпріятіе Малле показало, какъ непрочна была имперія Наполеона и какая будущность ожидала его сына! Одно слово: *Императоръ умеръ*,—и всѣ преклонили голову передъ первымъ смѣльчакомъ, и никто не вздумалъ о наслѣдникѣ императора, ни объ императрицѣ! Самъ Камбасересъ

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА:

Отступленіе великой арміи.

до такой степени потерялъ голову, услышавъ о возмущеніи Малле и о взятіи подъ стражу нѣсколькихъ сановниковъ, что заботился только обезопасить себя и, опомнившись, когда Малле былъ въ рукахъ правительства, не придумалъ ничего лучше, какъ нарядить военный судъ надъ виновными. Малле, Лафонъ, генералы Лаори и Гидаль, всего человѣкъ двадцать, были приговорены къ смерти и разстрѣляны въ тотъ же день!... Вотъ какое извѣстіе получилъ Наполеонъ на пути къ Смоленску, около Михалевки. Онъ прочелъ его на дорогѣ, но не показалъ ни малѣйшаго волненія и только произнесъ: «Каково, если бы мы остались въ Москвѣ!» Но онъ спѣшилъ войти въ бывшій подлѣ домъ и тамъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, громко

выражалъ удивленіе, негодованіе, гнѣвъ. Нарочно призывалъ онъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ военныхъ, сказывалъ имъ о парижскомъ событіи и, видя искреннее выраженіе преданности въ каждомъ, сталъ спокойнѣе. Но часто задумывался онъ, вспоминая о Малле.

Въ какомъ бѣдственномъ состояніи была французская армія, приближавшаяся къ Смоленску, показываетъ лучше всего донесеніе Бертье, поданное Наполеону за день до вступленія въ Смоленскъ: «Почитаю обязанностью донести вашему величеству, что въ послѣдніе три дня я имѣлъ случай наблюдать, на переходахъ, въ какомъ состояніи находятся войска различныхъ корпусовъ. Они почти въ совершенномъ разбродѣ. Только четвертая часть солдатъ остается подъ знаменами; прочіе идутъ сами по себѣ, разными направленіями, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ службы. Всѣ думаютъ только о томъ, чтобы дойти до Смоленска, гдѣ надѣются отдохнуть. Въ послѣдніе дни много солдатъ побросали патроны и ружья. Какія ни были бы ваши дальнѣйшія намѣренія, но польза службы вашего величества требуетъ собрать корпуса въ Смоленскѣ и отдѣлить отъ нихъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ войскъ. Необходимо продовольствіе и нѣсколько дней покоя; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; многіе умерли на дорогѣ и на бивакахъ. Такое положеніе безпрестанно усиливается и заставляетъ опасаться, что если не улучшимъ его немедленно, то нельзя будетъ надѣяться на войска въ первомъ сраженіи».

Откровенный голосъ начальника главнаго штаба арміи не могъ быть услышанъ Наполеономъ, потому что положеніе его въ Смоленскѣ оказалось еще хуже, нежели полагалъ онъ самъ и съ нимъ вся его бѣдствующая армія. Кромѣ потерь, претерпѣнныхъ ею въ послѣдніе дни, кромѣ разстройства всѣхъ войскъ, довершеннаго морозами, доходившими до 20 градусовъ, Смоленскъ не представилъ почти никакихъ средствъ къ облегченію арміи! Запасовъ оказалось такъ мало, что только гвардію и первыя пришедшія за нею войска могли удовлетворить ими. Толпы другихъ, тѣснившихся и безпрестанно подходившихъ солдатъ, въ отчаяніи ломились къ магазинамъ, и ихъ

начали отгонять силою, отъ чего вышли драки, безпорядки; тогда велѣно было запереть городскія ворота и только постепенно впускать подходившихъ. Но не легко было удержать людей, терзаемыхъ голодомъ, морозомъ и всякими лишеніями. Не разъ они сбивали приставленныхъ къ городскимъ воротамъ и къ магазинамъ и предавались грабежу. Такіе безпорядки отняли средства распорядиться правильно и тѣми запасами, какіе нашлись въ Смоленскѣ. Между тѣмъ безпрестанно подходили новыя толпы, сопровождавшія остальные корпуса арміи. Надежда отдохнуть, отогрѣться, утолить голодъ въ Смоленскѣ поддерживала ихъ съ самаго начала отступленія и придавала имъ силы переносить неимовѣрныя трудности и страданія. Подходя къ обѣтованному городу, они удвоили шаги, радовались и ликовали; тѣмъ ужаснѣе была для нихъ вѣсть, что въ Смоленскѣ нѣтъ припасовъ, нѣтъ квартиръ и что надобно тотчасъ итти далѣе, навстрѣчу новыхъ бѣдствій! Явилось зрѣлище безпорядка и несчастій едва вообразимыхъ! Вотъ какъ описываетъ ихъ и представляетъ картину Смоленска русскій историкъ Отечественной войны: «Отъ московской заставы до Днѣпра дорога была усѣяна человѣческими трупами и падали-

Плѣнные передъ Наполеономъ.

щемъ. Московское предмѣстье отъ пожаровъ сдѣлалось полемъ. На немъ и на снѣжной поверхности Днѣпра стояли фуры, зарядные ящики, лазаретныя кареты, пушки, понтоны, лежали ружья, пистолеты, штыки, барабаны, кирасы, кивера, медвѣжьи шапки, музыкальные инструменты, шомполы, тесаки, сабли. На набережной, между мертвыми тѣлами, стоялъ длинный рядъ фуръ, еще съ невыпряженными, но упавшими лошадьми и едва дышавшими на козлахъ погонщиками. Индѣ лежали лошади съ выпущенною внутренностью и разрѣзанными животами, куда вползали непріятели согрѣться, или копиной утолить голодъ. Гдѣ оканчивается набережная, по дорогѣ около городовой стѣны, въ шесть и болѣе рядовъ, слишкомъ на пять верстъ, брошены были зарядные и патронные ящики, московскія коляски, кареты, дрожки, военныя кузницы. Непріятели кутались отъ холода въ священническія рясы, стихари, женскіе салопы, обертывали ноги соломою, на голову надѣвали капоры, жидовскія шапки, рогожи. Большая часть проклинали Наполеона, изрыгали богохуленія, а иные, съ отчаянія растегнувъ мундиръ и обнажа грудь, призывали смерть и падали подъ ея косою». Французскіе историки и самовидцы подтверждаютъ сіи ужасныя подробности, съ нѣкоторыми другими, не меньше ужасными. Всего печальнѣе было видѣть, что расторглись узы не только подчиненности, но и узы родства, дружбы и того военнаго братства, которое обыкновенно соединяетъ людей, раздѣляющихъ труды службы и вмѣстѣ встрѣчающихъ смерть. Многіе французскіе солдаты сдѣлались какими-то звѣрями, готовыми лишить другъ друга жизни за кусокъ хлѣба; находились и столько слабодушные, униженные отчаяніемъ, что, отнявъ или укравъ что-нибудь съѣстное у товарища, они бросали оружіе, оставляли свою команду и смѣшивались съ толпою безоружныхъ и бродягъ, безпрестанно умножавшихся при арміи.

Наполеонъ старался не видѣть всѣхъ этихъ ужасныхъ сценъ, но принималъ строгія мѣры къ возстановленію возможнаго порядка. Во время пятидневнаго пребыванія въ Смоленскѣ, онъ не выходилъ изъ занятаго имъ дома, неутомимо работалъ съ своими секретарями и призывалъ къ себѣ разныхъ военачальниковъ и управляющихъ отдѣльными частями. Когда удостовѣрился онъ, что въ Смоленскѣ нѣтъ достаточнаго количества

запасовъ, какого онъ ожидалъ, вопль негодованія вылетѣлъ изъ его груди, и онъ хотѣлъ разстрѣлять виновнаго въ томъ чиновника. Но онъ смягчился, услышавъ его оправданія, которыя въ самомъ дѣлѣ были основательны, хотя несомнѣнно оказывались тутъ злоупотребленія: при общемъ разстройствѣ арміи все давало поводъ къ злоупотребленіямъ! Сначала въ Смоленскѣ жили какъ на необитаемомъ островѣ и ни за какія деньги не могли достать ничего изъ окрестностей; потомъ стали появляться жиды, и черезъ нихъ получались припасы; наконецъ, стали приходить обозы съ мукой и сарачинскимъ пшеномъ изъ Литвы и даже изъ Германіи, откуда пригоняли также быковъ. Но все это было не въ назначенномъ количествѣ. Между тѣмъ, во все время Смоленскъ былъ сборнымъ мѣстомъ разныхъ командъ, и большая часть заготовленныхъ припасовъ была съѣдена безпрерывно проходившими тамъ войсками, корпусомъ Виктора, почти сорокатысячнымъ вначалѣ и множествомъ больныхъ въ госпиталяхъ. Большія количества хлѣба были отправлены навстрѣчу арміи, къ Можайску и даже къ Калугѣ. Наконецъ, стали приходить толпы мародеровъ и бродягъ, которыхъ надобно же было кормить. Въ послѣднее время многіе обозы были взяты русскими, и даже по прибытіи Наполеона въ Смоленскъ, графъ Орловъ-Денисовъ захватилъ около Краснаго стадо рогатаго скота, лошадей, назначенныхъ для артиллеріи, и 400 телѣгъ съ виномъ и хлѣбомъ.

Приближаясь къ Смоленску, Наполеонъ надѣялся не только дать отдыхъ своимъ войскамъ и привести ихъ въ устройство, но даже имѣлъ мысль расположиться на зимнія квартиры, соединившись съ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ и занявъ все пространство между Смоленскомъ, Витебскомъ и Минскомъ Но ни одно изъ распоряженій его не было исполнено: Витгенштейнъ тѣснилъ и сбивалъ его боковые корпуса, угрожая соединиться въ тылу французской арміи съ Чичаговымъ, котораго не могъ или не хотѣлъ удержать Шварценбергъ; Смоленскъ не представилъ ожиданныхъ способовъ продовольствія. Въ такомъ положеніи Наполеонъ сдѣлалъ, что могъ. Всѣхъ кавалеристовъ, которыхъ набралось изъ 4-хъ корпусовъ тысячъ до двухъ на исправныхъ лошадяхъ, онъ соединилъ въ

одинъ отрядъ подъ командою Латуръ-Мобура; остальныхъ, безлошадныхъ кавалеристовъ, велѣлъ вооружить карабинами и ружьями и составить изъ нихъ пѣшія команды. Пѣхотные корпусы переформировалъ онъ изъ самыхъ надежныхъ солдатъ, и послѣ того въ строю было: старой и молодой гвардіи тысячъ десять пѣхоты и двѣ тысячи кавалеріи; въ корпусѣ Даву отъ восьми до девяти тысячъ; въ корпусѣ Нея отъ пяти до шести тысячъ; въ корпусѣ Понятовскаго восемьсотъ; вестфальцевъ Жюно семьсотъ человѣкъ; разныхъ сборныхъ командъ нѣсколько тысячъ; слѣдовательно всѣхъ войскъ подъ ружьемъ оказалось въ Смоленскѣ тысячъ тридцать пять. Всѣ остальные составляли нестройную толпу безоружныхъ, оборванныхъ, окутанныхъ лохмотьями, изнуренныхъ всѣми возможными бѣдствіями и лишеніями. Артиллерія находилась въ самомъ жалкомъ положеніи отъ недостатка въ лошадяхъ.

Рѣшившись отступать далѣе, Наполеонъ особенно заботился, чтобы Витгенштейнъ не преградилъ ему пути и не соединился съ Чичаговымъ, для чего послалъ онъ подтвердительныя приказанія Виктору и Сенъ-Сиру оттѣснить Витгенштейна и, обезпечивъ себя отъ него, итти на соединеніе съ главною арміею, для которой было необходимо подкрѣпленіе устроенными войсками. Кончивъ всѣ распоряженія, онъ выступилъ изъ Смоленска съ гвардіею 2-го (14-го) ноября, и за нимъ, на разстояніе одного дня пути, должны были слѣдовать корпуса вице-короля, Даву и Нея; послѣдній имѣлъ предписаніе остаться долѣе другихъ въ городѣ, выпроводить оттуда всѣхъ больныхъ и безоружныхъ, истребить всѣ снаряды и запасы и, наконецъ, подорвать смоленскія стѣны и бастіоны.

Покуда Наполеонъ оставался въ Смоленскѣ, Кутузовъ, съ главными силами своими, наблюдалъ его въ Щелкановѣ, слѣва отъ большой дороги, и получивъ извѣстіе, что непріятели потянулись къ Красному, началъ движеніе параллельнымъ путемъ, предписавъ Милорадовичу выйти на смоленскую дорогу и отрѣзать путь къ Красному. Когда Милорадовичъ, 3 ноября въ 4 часа пополудни, приблизился къ столбовой дорогѣ, по ней проходила гвардія Наполеонова, сопровождаемая корпусомъ Жюно и польскимъ корпусомъ Понятовскаго, порученнымъ по

Бѣгство Наполеоновской арміи.

болѣзни его Зайончеку; съ нимп шло много обозовъ, парковъ и спѣшенныхъ кавалеристовъ. Не зная числа непріятелей, Милорадовичъ ограничился обстрѣливаніемъ проходившихъ войскъ и атаками на кавалерію, произведенными удачно. Когда русскія ядра жужжали надъ проходившею по дорогѣ гвардіею, она сомкнула ряды свои, какъ бы составляя живую

стѣну вокругъ шедшаго посреди нея императора. Гвардейская музыка заиграла извѣстную пѣсню! «Où peut-on-être mieux qu'au sein de sa famille!» Наполеонъ велѣлъ музыкантамъ играть: «Veillons au salut de l'empire!» Гвардія прошла, но заднія колонны были отрѣзаны или разсѣяны, потерявъ нѣсколько пушекъ. На другой день, также къ вечеру, показались войска вице-короля, шедшія густыми колоннами и сопровождаемыя толпами безоружныхъ, обременявшихъ всѣ французскіе корпуса. Милорадовичъ поставилъ пѣхоту и кавалерію поперекъ дороги и частью параллельно съ нею, скоро остановилъ непріятеля, шедшаго на проломъ, и требовалъ, чтобы онъ сдался. Наступившая темнота дала средство вице-королю уйти бококовыми дорогами къ Краспому, но онъ потерялъ всю свою артиллерію, 1.500 человѣкъ плѣнными, и во время сраженія понесъ значительный уронъ убитыми и ранеными. Наполеонъ оставался въ Красномъ, ожидая присоединенія къ себѣ корпусовъ, шедшихъ позади, и думая, что за нимъ слѣдуютъ только легкіе отряды русскихъ войскъ. 3-го числа онъ послалъ часть своей гвардіи противъ отряда Ожаровскаго, влѣво отъ Краснаго. Нападеніе было произведено ночью и такъ быстро, что Ожаровскій потерялъ много людей и отступилъ. Кутузовъ, продолжая свое движеніе, подошелъ къ Красному и расположился верстахъ въ пяти отъ него. Лично обозрѣвъ позицію непріятеля, онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части: одну, главную, подъ начальствомъ Тормасова, послалъ далѣе Краснаго, для предупрежденія непріятеля на пути къ Лядамъ, другую, подъ начальствомъ князя Голицына, двинулъ къ смоленской дорогѣ, дабы она встрѣтила корпуса, тѣснимые Милорадовичемъ. Между тѣмъ Наполеонъ удостовѣрился, что на пути его находится вся русская армія, и для выручки слѣдовавшихъ сзади корпусовъ своихъ рѣшился атаковать главныя силы русскихъ, стоявшія на лѣвой сторонѣ дороги, въ надеждѣ, что это заставитъ Кутузова притянуть къ себѣ Милорадовича и дастъ возможность Даву и Нею пройти къ Красному. Рано утромъ, 5-го числа, Наполеонъ пріѣхалъ къ своей гвардіи, впереди Краснаго. Онъ былъ въ темно-зеленомъ большомъ сюртукѣ, подбитомъ и опушенномъ соболемъ, и въ собольей шапкѣ. Кстати скажемъ здѣсь, что отъ Вязьмы до Смо-

ленска, когда начались морозы и снѣгъ застлалъ землю, Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ и надѣвалъ на себя соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ, теплые сапоги и шапку. Отъ Смоленска онъ большею частью шелъ пѣшкомъ, посреди войскъ, и опирался на простую березовую палку, потому что гололедица сдѣлала дорогу скользкою. Въ Краснымъ облегчила страданія французовъ оттепель, но дороги оттого испортились и вскорѣ были покрыты жидкою грязью. Обозрѣвъ позицію русскихъ, Наполеонъ велѣлъ атаковать Голицына и послалъ часть войскъ навстрѣчу Даву. Голицынъ ограничивался отпоромъ, въ ожиданіи дѣйствій Милорадовича. Съ обѣихъ сторонъ гремѣла канонада. Наконецъ показался Даву, тѣснимый Милорадовичемъ, который уже отбилъ у него нѣсколько пушекъ и плѣнныхъ. Тогда князь Голицынъ велѣлъ войскамъ своимъ переходить оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ большой дороги; но, посланный Наполеономъ, легкій гвардейскій полкъ задержалъ движеніе русскихъ, отбилъ атаки кирасировъ, и хотя былъ истребленъ почти весь, но исполнилъ намѣреніе своего полководца и далъ время Даву подойти къ Краснону. Геройское мужество этого полка напомнило дни славы Наполеоновыхъ войскъ и внушило Кутузову новую осторожность, такъ что онъ не рѣшился оставаться на пути отступленія всей непріятельской арміи и остановилъ войска Тормасова. Онъ удовольствовался пораженіемъ, нанесеннымъ корпусу Даву, у котораго Милорадовичъ и Голицынъ взяли 28 орудій и захватили въ плѣнъ до 7.000 человѣкъ, большею частью безоружныхъ. Наполеонъ, оставивъ Даву у Краснаго, поскакалъ къ передовымъ своимъ войскамъ, черезъ Доброе, къ Лядамъ, куда и прибылъ вечеромъ, съ своею гвардіею и остатками корпусовъ вице-короля и Даву, который составлялъ аріергардъ и понесъ новыя потери. Изъ всѣхъ описаній славныхъ для русскихъ сраженій подъ Краснымъ видимъ, что войска, устроенныя Наполеономъ въ Смоленскѣ, и особенно его гвардія, еще составляли неодолимый оплотъ, и если тысячами сдавались безоружные и полуживые бродяги, слѣдовавшіе съ ними и за ними, то стройныя войска Наполеона готовы были дорого продать свою жизнь. Убѣжденіе въ томъ оправдываетъ осторожность мудраго Кутузова, который, замѣтивъ неудовольствіе

окружавшихъ его. когда онъ остановилъ движеніе Тормасова, справедливо сказалъ: «Непріятели скоро всѣ пропадутъ; а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?» Потому-то во время перехода Наполеона съ гвардіею къ Лядамъ, вокругъ нихъ гарцовали только донцы. Вотъ нѣсколько словъ о томъ партизана Давыдова: «Непріятель, увидѣвъ шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хоть одного рядового отъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегали всѣ наши усилія и остались невредимыми. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти угрожаемыхъ воиновъ! Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ сюртукахъ, въ бѣлыхъ ремняхъ, и съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля... Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки бросались къ самому фронту, но все тщетно. Колонны валили одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами, и смѣялись надъ нашимъ вокругъ нихъ безуспѣшнымъ рыцарствомъ» *).

Ней оставался въ Смоленскѣ до 5 ноября, истребляя все, чего не могъ забрать съ собою. Въ самую полночь выступилъ онъ изъ Смоленска, и во второмъ часу раздался грохотъ взрывовъ, заранѣе приготовленныхъ подъ стѣнами и башнями города; древнія зданія разрушались и летѣли въ воздухъ, вмѣстѣ съ бывшими въ нихъ бомбами и гранатами. Взрывами повреждено много сосѣдственныхъ строеній и произведенъ пожаръ въ уцѣлѣвшихъ домахъ. На пожарищѣ явились мародеры, скрывшіеся отъ Нея, и сдѣлались жертвою разъяренныхъ жителей. Зная о выступленіи непріятеля, Платовъ оставилъ слабый егерскій полкъ для занятія города, а самъ пошелъ со всѣми войсками къ Катани, по правую сторону смоленской дороги, когда въ то же время, по распоряженію Кутузова, Милорадовичъ, усиленный свѣжими войсками, сталъ на дорогѣ къ Красному, а по лѣвой сторонѣ ея расположился

*) Сочиненія Дениса Давыдова, III, 163—169. Описаніе Отечественной войны, IV, 19.

большой кавалерійскій корпусъ. Всякая возможность къ спасенію была отнята у Нея. 6 ноября, въ туманѣ, не допускавшемъ видѣть ничего за нѣсколько шаговъ, колонны Нея подошли на ближайшее разстояніе къ войскамъ Милорадовича, и были встрѣчены огнемъ изъ 40 орудій. Въ отчаяніи кинулись они на пушки, но были отбиты дивизіею Паскевича и гвардейскими уланами. Повторенныя усилія ихъ пробиться оказались тщетными, и Милорадовичъ послалъ къ Нею, предлагая ему сдаться. Вмѣсто отвѣта Ней задержалъ парламентера и при наступленіи ночи, отобравъ самыхъ надежныхъ людей тысячи три, пошелъ съ ними вправо, оставивъ всѣ остальныя войска свои, представлявшія нестройную толпу. Ночью, въ числѣ 12.000 человѣкъ съ 27-ю орудіями, они сдались Милорадовичу. Между тѣмъ Ней претерпѣвалъ ужасныя бѣдствія и боролся съ величайшими затрудненіями. Настигнутый казачьимъ отрядомъ, онъ бросилъ ему 8 пушекъ и ночью, добравшись до Днѣпра въ Сырокоренѣ, долженъ былъ переправляться по расходившемуся льду. Нельзя было перевести артиллеріи и провести лошадей; даже многіе солдаты погибли въ полыньяхъ или проваливались сквозь ледъ. Съ остальными 7-го числа Ней шелъ, преслѣдуемый казаками, и, подходя къ Оршѣ, былъ встрѣченъ вице-королемъ, котораго послалъ Наполеонъ на освобожденіе его, говоря, что готовъ отдать за спасеніе Нея всѣ сокровища свои, хранившіяся въ подвалахъ Тюильри. У Нея оставалось только 500 человѣкъ, но Наполеонъ радовался возвращенію его какъ будто одержанной побѣдѣ, и французскіе историки прославляютъ спасеніе маршала, видя въ немъ подвигъ необычайнаго мужества. Ней исполнилъ свое дѣло какъ храбрый солдатъ, но какъ военачальникъ растерялъ весь свой корпусъ. Это не славно, противъ какого бы ни было многочисленнаго непріятеля!

Вообще французская армія потеряла въ три дни сраженій подъ Краснымъ плѣнными 26.000 человѣкъ, въ томъ числѣ много офицеровъ и 6 генераловъ. Кромѣ того, отбито у Нея и взято оставленныхъ на дорогѣ 116 пушекъ; несмѣтные обозы также достались побѣдителямъ, которые лишились только 2.000

человѣкъ убитыми и ранеными. Важнѣе всего было, что французскія войска, разсѣянныя и разстроенныя до крайней степени, сами просили брать ихъ въ плѣнъ, ибо иначе они погибли бы отъ голода и холода. Такъ, графъ Орловъ-Денисовъ, проѣзжая въ саняхъ съ лейбъ-медикомъ Вилліе въ сопровожденіи одного урядника, взялъ 400 человѣкъ вооруженныхъ, которые сдались по первому слову его. Ночью 6-го числа, пятитысячная толпа изъ Неева корпуса сдалась Раевскому, когда онъ уже спалъ въ ближнемъ селеніи, и его нарочно разбудили, чтобы онъ только согласился принять плѣнныхъ. За побѣды подъ Краснымъ, и вообще за дѣйствія въ Смоленской губерніи, князь Кутузовъ былъ награжденъ титуломъ Смоленскаго, Милорадовичъ—орденомъ Георгія 2-го класса, Платовъ—достоинствомъ графа.

Неисчислимы потери и убытки, понесенные Смоленскою губерніею во время Наполеонова нашествія. Почти всѣ города ея и большая часть селеній были опустошены и выжжены. По приблизительной оцѣнкѣ, убытокъ жителей простирался до 75 милліоновъ рублей ассигнаціями. Убыль людей однихъ податныхъ состояній была исчислена въ 57.000 душъ мужскаго пола. Но то и другое исчисленіе далеко не достигаетъ истины, особливо если прибавить смертность отъ появившихся вскорѣ повальныхъ болѣзней въ губерніи. Число погибшихъ въ ней непріятелей также не можетъ быть опредѣлено достовѣрно. По большой дорогѣ и во всѣхъ окрестныхъ городахъ, селеніяхъ и на окольныхъ дорогахъ было неисчислимое множество труповъ, и зимою появились стаи собакъ и волковъ, которые пожирали ихъ въ виду жителей. За всѣмъ тѣмъ въ губерніи сожжено 61.886 и закопано въ ямы 107.188 человѣческихъ тѣлъ, большею частію непріятельскихъ. Число пушекъ, оружія и разныхъ снарядовъ и запасовъ, кинутыхъ въ Смоленской губерніи, превосходитъ всякое воображеніе. Однѣхъ пушекъ найдено тотчасъ по изгнаніи непріятеля 423, и послѣ много лѣтъ находили ихъ въ прудахъ, рѣкахъ и въ землѣ. Поля усѣяны были картечами, пулями, ядрами и оружіемъ, которымъ послѣ торговали Смольняне.

Ожидая конечнаго пораженія Неева корпуса, Кутузовъ оставался подъ Краснымъ, а между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ

Остатки Наполеоновской армiи.

путь черезъ Дубровну къ Оршѣ. Для преслѣдованія его направлены были разные отряды и составленъ большой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Ермолова, который находился въ связи съ Платовымъ, шедшимъ изъ Катани, по правому берегу Днѣпра, для ближайшаго наблюденія, не обратится ли непріятель противъ графа Витгенштейна. На каждой верстѣ русскіе забирали множество отсталыхъ французовъ и толпами отправляли ихъ обратно. Казаки захватывали обозы и экипажи, гдѣ часто находили большія драгоцѣнности и денежныя суммы. Вообще въ русской арміи завелся въ это время особаго рода торгъ: за ассигнацію въ нѣсколько десятковъ рублей отдавали мѣшокъ серебра и за пятирублевую ассигнацію—рѣдкія и дорогія вещи, чѣмъ и пользовались маркитанты и нестроевые. Предметы европейскаго просвѣщенія и утонченной роскоши переходили изъ рукъ башкировъ, калмыковъ, казаковъ въ руки мужичковъ, также перепродававшихъ ихъ за безцѣнокъ.

Въ Дубровнѣ Наполеонъ почевалъ въ домѣ княгини Любомірской и по причинѣ оттепели бросилъ свои сани, сохраняющіяся допынѣ. Армія его снова была въ такомъ разстройствѣ, что даже солдаты старой гвардіи перестали поддерживать дисциплину. На переходѣ къ Оршѣ, Наполеонъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку; онъ часто останавливался, ожидая Нея; иногда садился на лошадь и ѣхалъ окруженный своимъ штабомъ, съ трудомъ пробираясь сквозь толпы солдатъ. На половинѣ перехода онъ остановился, велѣлъ своей гвардіи построиться въ каре и, ставъ посрединѣ его, сказалъ: «Вы видите разстройство арміи. Большая часть арміи бросила ружья и не соблюдаетъ дисциплины. Я на васъ надѣюсь, вамъ ввѣряю спасеніе арміи. Непріятель не можетъ побѣдить насъ, если мы сохранимъ устройство. Я обращаюсь не къ военнымъ законамъ, а къ вашему чувству чести, которое французскій солдатъ сохраняетъ въ самыхъ величайшихъ опасностяхъ!»

Въ Оршѣ Наполеонъ нашелъ нѣкоторое количество заготовленныхъ припасовъ и велѣлъ ихъ раздать войскамъ. Онъ занялся также новымъ расписаніемъ и устройствомъ своей арміи, которая разрушалась съ каждымъ днемъ болѣе, но по-прежнему назывались въ ней корпусами сотни вооруженныхъ

солдатъ. Не самолюбіе и не желаніе хвастать несуществующимъ заставляло Наполеона раздавать приказы начальникамъ сихъ корпусовъ и распоряжаться ими, какъ будто они оставались въ первобытномъ составѣ: это была военная мѣра, доставившая ему великую пользу. Многіе приказы и диспозиціи были перехватываемы русскими, и во всѣхъ находили они названія бригадъ, дивизій, корпусовъ, такъ что нельзя было представить себѣ того крайняго разстройства, до какого была доведена французская армія. Знали, что она разстроена, видѣли страшныя потери ея, но еще не знали всей ея слабости, предполагая гораздо большее число надежныхъ войскъ, оставшихся при знаменахъ. Здѣсь заключается и одна изъ причинъ постоянной осторожности Кутузова: оттого не атаковалъ онъ непріятеля всею своею арміею подъ Краснымъ, оттого не нападалъ на него стремительно при встрѣчахъ и вообще преслѣдовалъ медленно. Но со времени выступленія изъ Краснаго почти всѣ войска Наполеона, исключая только гвардію, представляли уже нестройную толпу, при которой вовсе не было кавалеріи и только при гвардейскомъ корпусѣ оставалась артиллерія. Наполеонъ, для собственнаго своего охраненія, велѣлъ составить кавалерійскій эскадронъ изъ генераловъ и офицеровъ, сохранившихъ лошадей; оберъ-офицеры замѣняли тамъ рядовыхъ, штабъ-офицеры—унтеръ-офицеровъ; начальникомъ этого эскадрона, названнаго *священнымъ*, былъ назначенъ генералъ Груши. Пѣхоту, сколько можно было, расписали по полкамъ и снабдили оружіемъ; но страшная толпа безоружныхъ почти не уменьшилась отъ того, ибо многіе солдаты вовсе перестали повиноваться своимъ начальникамъ, шли по волѣ, отставали, отбивали другъ у друга послѣднюю одежду и, бредя по дорогѣ, окутанные въ грязные лохмотья, обросшіе бородами, почернѣлые отъ непогоды и биваковъ, больше походили на привидѣнія, чѣмъ на людей. Тщетно Наполеонъ объявилъ строгій приказъ противъ отставшихъ отъ своихъ знаменъ и назначалъ имъ сборныя мѣста для присоединенія къ арміи: порядокъ не могъ возстановиться! Найденныя въ Оршѣ 36 пушекъ, привезенныхъ изъ Вильны и совершенно исправныхъ, были отданы въ армейскіе корпуса. Вмѣстѣ съ ними въ Оршу прибыли двѣ понтонныя роты: Наполеонъ

велѣлъ истребить понтоны, а лошадей изъ-подъ нихъ отдать въ артиллерію. Это событіе особенно показываетъ, что онъ еще не имѣлъ намѣренія итти къ Березинѣ, гдѣ такъ спасительны могли быть для его арміи понтоны. Дѣйствительно, онъ еще не зналъ о взятіи Минска и занятіи Борисова войсками Чичагова и сначала думалъ обратиться противъ Витгенштейна, соединиться съ Викторомъ и Удино и черезъ Лепель пройти на Вильну. Узнавъ о неудачѣ своихъ маршаловъ, онъ рѣшился продолжать путь къ Борисову, не предвидя ожидавшихъ его тамъ бѣдствій. Въ числѣ множества распоряженій Наполеона въ Оршѣ особенно замѣчательны два: онъ велѣлъ потопить въ Днѣпрѣ *трофеи*, везенныя изъ Москвы и самъ истребилъ множество замѣтокъ и документовъ, которые имѣлъ при себѣ для составленія своихъ записокъ (Mémoires), думая заняться ими *на досугѣ* въ Россіи!..

Кутузовъ выступилъ изъ Добраго, тогда какъ Наполеонъ былъ уже въ Оршѣ. Русскій полководецъ не хотѣлъ вести своей арміи по опустошенной дорогѣ и повернулъ опять влѣво, на Копысъ. Видя, что непріятель съ главными силами ушелъ далеко впередъ, онъ рѣшился преслѣдовать его только третьею частью своей арміи и поручилъ назначенные для того корпуса и легкія войска Милорадовичу, впереди котораго шелъ Ермоловъ съ авангардомъ, по лѣвую сторону отрядъ Бороздина, по правую Платовъ. Вступая въ Могилевскую губернію, Кутузовъ приказалъ обходиться съ жителями ласково и не осмѣливаться мстить имъ за угожденія, оказанныя непріятелю. О приближеніи своемъ увѣдомлялъ онъ Витгенштейна и Чичагова, назначая имъ, въ исполненіе плана, предписаннаго императоромъ Александромъ, дни и мѣста, когда и какъ будетъ онъ подходить къ Березинѣ, гдѣ Наполеонъ долженствовалъ быть окруженъ и вся его армія *истреблена до послѣдняго человѣка.*

Дѣйствія отдѣльныхъ корпусовъ, со времени занятія Наполеономъ Москвы, были незначительны, и только въ исполненіе общаго плана, предначертаннаго русскимъ императоромъ, началась и въ нихъ новая дѣятельность. Графъ Витгенштейнъ, усиленный свѣжими войсками и приближеніемъ отъ Риги корпуса графа Штейнгеля, атаковалъ Сенъ-Сира, укрѣпившагося

въ Полоцкѣ и имѣвшаго подъ начальствомъ своимъ баварскій корпусъ Вреде и 2-й Удино. Кровопролитный бой 6-го октября и слѣдовавшія за тѣмъ сраженія, гдѣ русскіе имѣли рѣшительную поверхность, заставили Сенъ-Сира оставить Полоцкъ и отступить къ Ушачу; такимъ образомъ Сенъ Спръ не былъ отрѣзанъ отъ Смоленска и отъ соединенія съ Викторомъ и съ главною французскою арміею, но тѣснимый превосходными силами русскихъ не могъ сопротивляться Витгенштейну и удерживать его, по предписанію Наполеона. Полученная имъ въ сраженіи 6 октября рана заставила его сдать начальство старшему по себѣ генералу Леграпу, которому не хотѣлъ повиноваться Вреде. Несогласія французскихъ военачальниковъ имѣли слѣдствіемъ, что Вреде былъ отрѣзанъ отъ Сенъ-Спра, потерялъ пушки, всѣ знамена своего корпуса и еще увелъ съ собою кавалерійскую бригаду Корбино, которая, какъ увидимъ, присоединилась къ Наполеону у Березины. Витгенштейнъ преслѣдовалъ Леграна до Чашниковъ, куда между тѣмъ подошелъ Викторъ со своимъ корпусомъ и принялъ главное начальство надъ обоими корпусами. Новый предводитель допустилъ разбить Леграна у Чашниковъ и отступилъ вмѣстѣ съ нимъ къ Сенно, а Витгенштейнъ занялъ почти неприступную позицію на лѣвомъ берегу Улы, гдѣ и оставался до 9 ноября. Когда Викторъ получилъ настоятельное повелѣніе Наполеона оттѣснить Витгенштейна, онъ вмѣстѣ съ Удино, принявшимъ начальство надъ своимъ корпусомъ, тщетно подступалъ къ позиціи русскихъ, былъ отбитъ, и оба маршала ограничивались послѣ сего только наблюденіемъ надъ своимъ противникомъ, а онъ не выступалъ изъ своей позиціи, опасаясь приближенія Макдональда и Вреде и самого Наполеона, о которомъ писалъ къ нему Кутузовъ и который дѣйствительно предполагалъ, даже въ Оршѣ, двинуться противъ Витгенштейна.

Въ исполненіе общаго плана военныхъ дѣйствій, Чичаговъ, по отъѣздѣ Тормасова въ Тарутино принявшій главное начальство надъ арміями западною и дунайскою, долженъ былъ изгнать Шварценберга изъ Россіи или обезпечить себя отъ его дѣйствій и къ назначенному времени стать на берегахъ Березины, для преграженія пути главной арміи Наполеона. Послѣ

многихъ частныхъ дѣйствій противъ Шварценберга, особенно послѣ набѣга на Варшавское герцогство, произведеннаго флигель-адъютантомъ Чернышовымъ такъ удачно, что онъ встревожилъ даже Варшаву и заставилъ Шварценберга и Ренье отойдти къ Дрогичину, Чичаговъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части и поручилъ меньшую изъ нихъ генералу Сакену, для наблюденій за Шварценбергомъ и Ренье, а главную, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, назначилъ для дѣйствій на Березинѣ. Сакенъ исполнилъ свое дѣло превосходно, задерживалъ, поражалъ Ренье, и заставилъ Шварценберга, быстро шедшаго на подкрѣпленіе главной французской арміи, воротиться на выручку его, чѣмъ далъ возможность Чичагову приблизиться къ Березинѣ. Для открытія сообщеній съ графомъ Витгенштейномъ, Чичаговъ поручилъ флигель-адъютанту Чернышову идти съ однимъ казачьимъ полкомъ наперерѣзъ всѣхъ путей, что и было исполнено съ успѣхомъ почти невѣроятнымъ: Чернышовъ на пути своемъ истребилъ много непріятельскихъ магазиновъ, разсѣялъ много отрядовъ, освободилъ плѣннаго русскаго генерала Винцингероде, везеннаго подъ стражею французскихъ жандармовъ, схватилъ нѣсколько курьеровъ Наполеоновыхъ и привезъ къ Витгенштейну первыя прямыя извѣстія изъ дунайской арміи. Между тѣмъ Чичаговъ, на маршѣ изъ Слонима, узналъ о появленіи непріятельскаго отряда около Нѣсвижа, и отрядилъ противъ него графа Ламберта, съ нѣсколькими полками легкой пѣхоты и конницы. Непріятельскій отрядъ состоялъ изъ 5 тысячъ поляковъ, посланныхъ изъ Минска тамошнимъ губернаторомъ Бронниковскимъ, для разогнанія русскихъ партизановъ, какими почитали поляки приближавшіяся войска Чичагова. Графъ Ламбертъ настигъ и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ совершенно разбилъ польскій отрядъ, взявъ изъ него въ плѣнъ 4.000 человѣкъ. Послѣ того онъ обратился къ Минску и быстрымъ движеніемъ предупредилъ тамъ Домбровскаго, по повелѣнію Наполеона шедшаго для защиты столь важнаго для него мѣста. Взятіе Минска доставило русскимъ огромные запасы хлѣба, заготовленные тамъ по распоряженію Наполеона, который имѣлъ надежду оживить ими свою голодавшую арію. Бронниковскій убѣжалъ съ остаткомъ минскаго гарнизона въ Борисовъ, куда спѣшилъ и Дом-

бровскій. Ламбертъ шелъ по слѣдамъ Домбровскаго съ такою быстротою, что засталъ его только что вступившаго въ городъ, ворвался туда, разбилъ, прогналъ и утвердилъ за собою переправу черезъ Березину, заплывъ городъ и предмостное укрѣпленіе. Подвигъ графа Ламберта принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ во всю кампанію 1812 года: съ отрядомъ изъ 3.200 человѣкъ онъ въ нѣсколько дней уничтожилъ шести-тысячный корпусъ Бронниковскаго, разбилъ дивизію Домбровскаго, взялъ въ плѣнъ больше 6.500 человѣкъ, отбилъ много пушекъ, знаменъ и, что было всего важнѣе, вырвалъ у непріятелей Минскъ съ его огромными депо и занялъ въ Борисовѣ переправу черезъ Березину. До какой степени важно было для Наполеона сохраненіе Минска и Борисова, можно судить по тому, что когда въ Дубровнѣ получилъ онъ извѣстіе о занятіи Минска, гдѣ были его магазины, его путь отступленія, единственное спасеніе его арміи, онъ нѣсколько времени не могъ выговорить ни слова; но, возвысившись наравнѣ съ опасностью (какъ выражается одинъ изъ его историковъ), сказалъ съ наружнымъ хладнокровіемъ: «Ну, что жъ! намъ остается проложить себѣ путь штыками!» Другая, болѣе страшная вѣсть, о взятіи Борисова русскими, дошла до него, когда онъ вмѣстѣ съ своими войсками подходилъ отъ Орши къ Толочину. Наполеонъ остановился, ударилъ палкою въ землю и, съ отчаяніемъ взглянувъ на небо, вскричалъ: «Видно, *знать* суждено, чтобы мы дѣлали только глупости!» Какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на окружавшихъ его, видно изъ того, что нѣкоторые генералы говорили даже о необходимости положить оружіе. Но предводитель ихъ не терялъ надежды открыть себѣ путь и немедленно сдѣлалъ новыя распоряженія. Еще изъ Орши писалъ онъ Удино и Виктору, постепенно приближавшимся къ пути его отступленія и заслонявшимъ его отъ Витгенштейна: «Теперь не время забавляться маневрами. Ваши войска—единственная опора наша: они должны дѣйствовать гдѣ нужнѣе, въ авангардѣ и въ аріергардѣ, впереди арміи, открывая ей дорогу, и позади, оберегая ее». Почему онъ велѣлъ Удино итти на борисовскую дорогу, къ Бобру, и составлять авангардъ арміи, а Виктору удерживать Витгенштейна, покуда не пройдетъ къ Березинѣ вся глав-

пая армія, и послѣ того составить аріергардъ ея. Удино выступилъ на дорогу къ Борисову и поспѣшилъ занять его, когда встрѣтилъ бѣжавшія оттуда войска Домбровскаго. Новый планъ, составленный Наполеономъ по полученіи извѣстія о занятіи Борисова русскими, заключался въ томъ, чтобы Удино немедленно атаковалъ войска Чичагова, быстро овладѣлъ борисовскимъ мостомъ и въ случаѣ истребленія его русскими отыскалъ мѣсто для построенія мостовъ выше или ниже Борисова, и приготовилъ всѣ матеріалы для нихъ, стараясь оставить русскихъ въ заблужденіи о мѣстѣ своей переправы. Быстрота и рѣшительность могли пособить въ отчаянномъ положеніи, какъ полагалъ Наполеонъ, и послалъ повторительное приказаніе къ Удино дѣйствовать, не теряя ни минуты. Удино оправдалъ его увѣренность успѣхомъ совершеннымъ.

По взятіи Борисова 8-го ноября Чичаговъ пришелъ туда со всею дунайскою арміею и помѣстилъ въ городѣ свою главную квартиру, всѣ обозы, и расположилъ войско позади мостового укрѣпленія. Авангардъ его стоялъ впереди Борисова, но не имѣлъ начальника, потому что храбрый Ламбертъ, раненный въ славныхъ для него бояхъ, удалился и еще не былъ замѣненъ никѣмъ. Отъ того не преслѣдовали Домбровскаго, бѣжавшаго навстрѣчу главной арміи Наполеона, и двое сутокъ не посылали разъѣздовъ. 10 числа назначили командиромъ авангарда генерала графа Палена и приказали ему выступить къ Бобру. Разъѣзды его вскорѣ встрѣтились съ передовыми войсками Удино, шедшаго со всѣмъ своимъ корпусомъ. Не успѣли устроиться русскія войска, какъ Удино обрушился на нихъ громадою своихъ силъ, сбивая и гоня все встрѣчавшееся. Часть пѣхоты Палена кинулась влѣво, а кавалерія и артиллерія помчались въ Борисовъ, гдѣ началась страшная суматоха: спѣшили выходить и вывозить за мостъ всѣ тяжести, а для отпора непріятеля послали князя Щербатова, съ бывшими въ городѣ войсками. Но разбитые остатки авангарда отступали лѣвѣе большой дороги, и по пятамъ ихъ слѣдовали непріятели, такъ что князь Щербатовъ, видя себя обойденнымъ, поспѣшилъ назадъ въ городъ и съ трудомъ пробрался черезъ мостъ, гдѣ столпились обозы, артиллерія, экипажи и отступавшія войска. Непріятель наступалъ такъ стремительно,

что захватилъ много обозовъ и даже дежурство и столовый сервизъ главнокомандующаго. Отрѣзанные на лѣвомъ берегу Березины войска русскія, и въ томъ числѣ 3.000 конницы, бывшей на фуражировкѣ, съ трудомъ перебрались на правый берегъ, къ своей арміи. Единственнымъ счастливымъ случаемъ для русскихъ при выходѣ изъ Борисова было то, что они успѣли сжечь мостъ, соединяющій оба берега Березины, и тѣмъ заставили Удино прежде всего заботиться о построеніи новаго моста. Но онъ воспользовался и этою случайностью такъ удачно, что ввелъ Чичагова въ заблужденіе объ истинномъ мѣстѣ переправы.Ославъ вправо и влѣво отъ Борисова искать мѣстъ, удобныхъ для переправы, онъ неожиданно открылъ бродъ у Студянки, верстахъ въ пятнадцати выше Борисова, гдѣ съ праваго берега перешла кавалерійская бригада Корбино, отдѣлившаяся отъ Вреде, долго блуждавшая для присоединенія къ своей арміи и присоединившаяся наконецъ къ Удино. Маршалъ немедленно послалъ строить мостъ у Студянки и въ то же время велѣлъ сдѣлать приготовленія къ ложной постройкѣ моста ниже Борисова, противъ селенія Уколоды. Кромѣ того, черезъ жидовъ пустилъ онъ слухъ въ армію Чичагова, что намѣренъ переправляться ниже Борисова. Введенный въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ, Чичаговъ стянулъ къ 14 числу почти всѣ свои войска на нижнюю Березину и оставилъ для наблюденія всего пространства отъ Борисова къ Зембинскимъ болотамъ, гдѣ идетъ большая дорога, только малочисленный отрядъ Корнилова.

Обрадованный извѣстіемъ отъ Удино, Наполеонъ спѣшилъ къ Борисову и, готовясь къ немедленной переправѣ, велѣлъ сжечь всѣ лишніе экипажи, частные обозы и забрать лошадей подъ пушки. Изъ офицеровъ составили два эскадрона; всѣхъ саперовъ и піонеровъ, вмѣстѣ съ инженерными генералами и офицерами, отправили къ постройкѣ моста. Наполеонъ самъ осматривалъ остальныя войска свои, шедшія по дорогѣ, но видѣлъ только жалкія толпы людей, окутанныхъ лохмотьями, и большею частью безоружныхъ. Какую странную противоположность представили они, сошедшись съ полками Виктора, устроенными и сохранившими воинственный видъ! Солдаты

Виктора, увидѣвъ оборванныхъ, почернѣвшихъ, заросшихъ бородами, безоружныхъ страдальцевъ, называвшихся главною или *Великою* арміею, сначала не хотѣли вѣрить тому, и когда удостовѣрились въ истинѣ, примѣръ увлекъ и ихъ въ безпорядки и послужилъ къ конечному разстройству всѣхъ войскъ Наполеона. Но, ободренныя надеждою, приближаясь, по увѣренію своего полководца и старшихъ начальниковъ, къ концу невыносимыхъ бѣдствій, всѣ войска съ одушевленіемъ спѣшили къ Березинѣ. Наполеонъ съ гвардіею и остатками другихъ корпусовъ прибылъ 13 числа въ Борисовъ, и отправился ночевать въ мѣстечко Старый Борисовъ. За нимъ въ ночной тишинѣ слѣдовали войска, назначенныя къ переправѣ, и только отдѣльныя команды оставались ниже Борисова продолжать демонстраціи и тѣмъ оставлять непріятеля въ заблужденіи. Къ разсвѣту Наполеонъ пріѣхалъ въ Студянку, гдѣ уже приготовлены были матеріалы для моста. Его присутствіе ободрило работавшихъ: піонеры съ удивительнымъ самоотверженіемъ начали постройку двухъ мостовъ и, стоя въ водѣ, несшей на себѣ ледъ, утверждали козла, соединяли ихъ, клали бревна и доски. Съ радостью видѣлъ Наполеонъ, что работы идутъ успѣшно, подъ руководствомъ искусныхъ и опытныхъ генераловъ Эбле и Шасслу; но еще болѣе велика была его радость и удивленіе, когда онъ удостовѣрился, что на противоположномъ берегу пѣтъ непріятельскихъ войскъ, и только разъѣзжавшіе тамъ казаки и небольшая толпа пѣхоты показывали, что армія Чичагова недалеко. Для обезпеченія переправы поставлена была Наполеономъ у Студянки сорокапушечная батарея; но пушки молчали, покуда не раздался выстрѣлъ изъ русскихъ орудій конной роты, бывшей при отрядѣ Корнилова. Тотчасъ загремѣлъ адъ французской батареи, и какъ орудія ея были большаго калибра, то они произвели страшное опустошеніе на русской батареѣ, тѣмъ болѣе, что съ высокаго лѣваго берега ядра мѣтко ложились на низменный правый берегъ и били какъ въ цѣль. Сопротивленіе было невозможно! И такъ *однимъ выстрѣломъ* изъ четырехъ орудій, которыхъ ядра не долетѣли и до половины рѣки, ограничилось все сопротивленіе русскихъ Наполеоновой переправѣ че-

резъ Березину! При такомъ событіи, Наполеонъ если не сказалъ, то могъ сказать, какъ увѣряютъ нѣкоторые: «Моя звѣзда опять взошла!» Увидимъ—на долго ли?

Покуда наводили мосты, онъ послалъ вплавь черезъ рѣку кавалерію Корбино: всадники везли за собою пѣхотинцевъ: въ то же время пѣхоту перевозили на паромахъ. Скоро на правомъ берегу было такое число французовъ, что они оттѣснили казаковъ и стрѣлковъ Корнилова. Послѣ полудня мостъ для пѣхоты былъ оконченъ и по немъ прошелъ корпусъ Удино, который, опрокидывая русскихъ влѣво, спѣшилъ занять зембинскія гати, гдѣ должна была проходить французская армія. Часу въ четвертомъ былъ готовъ другой мостъ для артиллеріи и обозовъ, и немедленно начали они переходить по немъ. Нѣсколько разъ портились мосты, построенные наскоро; но усердные саперы и піонеры тотчасъ исправляли ихъ и почти всѣ заплатили за то жизнью, болѣе сутокъ проведя въ тяжкой работѣ, продрогнувъ въ ледяной водѣ и не имѣя средствъ ни осушиться, ни согрѣться: многіе падали мертвые въ самой рѣкѣ, не имѣя уже силъ выйдти изъ нея. Французы рѣшительно утвердились на правомъ берегу, но не могли прогнать Корнилова, подкрѣпленнаго пришедшимъ къ нему генераломъ Чаплицемъ. Наполеонъ всю ночь распоряжался переправой, а въ слѣдующій день, 15 числа, перешелъ съ гвардіей на правый берегъ Березины и занялъ квартиру въ хуторѣ Зашивки. На лѣвомъ берегу остался одинъ Викторъ съ двумя дивизіями своего корпуса, а третья дивизія его, Партуно, была еще у Борисова, для наблюденій и для выпровожденія оставшихся въ городѣ отсталыхъ. Около вечера подошелъ къ Старому Борисову Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ и, узнавъ, что дивизія Партуно отдѣлилась отъ французской арміи, преградилъ ей путь: послѣ сопротивленія, едва возможнаго для нея, она сдалась со всѣми окружавшими ее толпами и частью кавалеріи, всего около 9.000 человѣкъ. Городъ Борисовъ былъ занятъ Платовымъ и Сеславинымъ, а къ мостовому укрѣпленію его подошелъ Чичаговъ съ своею арміей и навелъ понтонный мостъ черезъ рѣку; такимъ образомъ соединился онъ наконецъ съ

Витгенштейномъ и войсками главной русской арміи. Русскіе военачальники условились сдѣлать въ слѣдующій день общее нападеніе на французовъ. Съ разсвѣтомъ 16 числа дунайская армія и соединившіеся съ нею Платовъ и Ермоловъ открыли огонь на правомъ берегу противъ Нея, которому поручилъ Наполеонъ защиту берегового пути; но тѣснота мѣстоположенія была такова, что только 2 орудія рядомъ могли дѣйствовать и почти все сраженіе ограничивалось разсыпнымъ строемъ въ лѣсу; рѣшительнаго успѣха не было ни съ той, ни съ другой стороны, хотя число убитыхъ и раненыхъ было велико и бой окончился уже ночью. Витгенштейнъ также весь день сражался съ Викторомъ, который вечеромъ былъ оттѣсненъ къ мостамъ. Цѣлый день гремѣла неумолкаемая канонада, поддерживаемая съ противоположнаго берега Наполеономъ, лично наводившимъ орудія противъ войскъ Витгенштейна. Кромѣ выбывшихъ изъ строя, французы много потеряли людей на мостахъ, гдѣ не одинъ разъ даже останавливалась переправа. Особливо къ вечеру, когда Викторъ приблизился къ мостамъ и за нимъ придвинулись русскія батареи, ядра ихъ производили страшное опустошеніе. Безоружные, нестроевые обозы тѣснились на мосту и падали въ воду: многіе были смяты и раздавлены. Часу въ десятомъ вечера въ холодную, бурную погоду начали спускаться къ мосту войска Виктора и штыками очищали себѣ путь сквозь толпу... въ часъ пополуночи кончилась ихъ переправа; но передъ мостомъ, на берегу, осталось еще множество народа усталыхъ, безоружныхъ, нестроевыхъ, вмѣстѣ съ безчисленными повозками, экипажами, фурами. Тщетно французскіе генералы понуждали толпы спѣшить черезъ мосты на другой берегъ: усталость и изнуреніе несчастныхъ были такъ велики, что они не хотѣли или не могли двигаться. Къ утру перешелъ на другой берегъ аріергардъ Виктора, и безоружныя толпы, видя, что у нихъ не остается никакой защиты отъ русскихъ, бросились къ рѣкѣ. Офицеръ, имѣвшій порученіе зажечь мостъ, медлилъ до послѣдней возможности; но когда показались на возвышенномъ берегу передовыя войска русскихъ, медлить долѣе было нельзя и мостъ запылалъ. Тогда явилось зрѣлище, какихъ немного видала природа: люди, лошади, обозы горѣли на мосту, падали въ воду, тонули, гибли между льдинами, по-

крывавшими рѣку; нѣкоторые кидались вплавь, но рѣдкіе достигали противоположнаго берега. Пронзительные страшные крики наполняли воздухъ... рѣка запрудилась трупами. На лѣвомъ берегу осталось еще множество безоружныхъ, раненыхъ, больныхъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей. Пространство отъ Студянки до мостовъ болѣе нежели на квадратную версту было покрыто всякаго рода экипажами и обозами: все это досталось въ добычу русскихъ.

Графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Такъ совершилась переправа Наполеона черезъ Березину, гдѣ понесъ онъ великія потери, оставилъ много плѣнныхъ, пушекъ, обозовъ; но планъ императора Александра не былъ осуществленъ: непріятели не были «истреблены до послѣдняго человѣка», и не только самъ Наполеонъ, но и ни одинъ изъ его старшихъ генераловъ не былъ захваченъ въ плѣнъ. Сужденія писателей объ этомъ событіи, рѣшительномъ во всемъ походѣ 1812 года, чрезвычайно разнообразны; но почти всѣ они обвиняютъ въ неполномъ успѣхѣ русскихъ военачальниковъ, которые должны были бороться съ препятствіями непреодолимыми и, несмотря на то, исполняли свое дѣло съ усердіемъ, съ храбростью, съ самоотверженіемъ; они сдѣлали все, что внушали имъ военныя ихъ дарованія. Главная причина неполнаго успѣха заключается въ томъ, что противъ нихъ былъ первый военный геній всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Въ подтвержденіе мнѣнія нашего приводимъ слова знаменитаго военнаго писателя, генерала Бутурлина, строгаго судьи военныхъ дѣйствій Наполеона. При описаніи березинской переправы, онъ говоритъ: «Видя себя въ положеніи, можетъ быть, самомъ бѣдственномъ, въ какомъ онъ когда-либо находился, великій полководецъ сей не потерялъ присутствія духа. Измѣривъ окомъ

зрѣнія всю великость опасности, онъ нашелъ еще средства спасенія тамъ, гдѣ другой генералъ, не столь искусный или не столь рѣшительный, даже не воображалъ бы о существованіи ихъ. Дѣйствія его въ семъ важномъ обстоятельствѣ превыше всякой похвалы. Великая опасность, ему угрожавшая, еще разъ возбудила воинный его геній, который отъ самой Москвы казался усыпленнымъ. Искусными ложными движеніями онъ обманываетъ генераловъ, ему противопоставленныхъ, и, такъ сказать, проскользнувъ между арміями, готовившимися напасть на него, переправляется на пунктѣ, хорошо избранномъ, гдѣ всѣ выгоды мѣстности на его сторонѣ. Не отъ него зависѣло улучшить постройку мостовъ, отъ чего замедлилась и сдѣлалась опасною переправа. Итакъ, великій уронъ, претерпѣнный Наполеономъ при переправѣ, должно приписывать не ему, а стеченію обстоятельствъ, которыя не были въ его власти».

Главная русская армія не участвовала въ дѣйствіяхъ при Березинѣ, потому что была далеко назади и Кутузовъ предоставилъ преслѣдованіе непріятеля передовымъ корпусамъ и дунайской арміи.

Самою чувствительною потерею Наполеона при Березинѣ было то, что уронъ въ людяхъ былъ понесенъ главнѣйше въ корпусахъ Удино и Виктора, присоединившихся къ нему съ войсками, устроенными и бодрыми. Послѣ березинской переправы они бѣжали въ безпорядкѣ вмѣстѣ съ другими войсками, ибо возстановить устройство не было никакой возможности. Русскіе отряды Чаплица, Орлова-Денисова, Голенищева-Кутузова, кавалерія Ланского, казаки Платова неослабно преслѣдовали бѣгущихъ, не давали имъ ни малѣйшаго отдыха, забирали плѣнныхъ, пушки и тысячи отсталыхъ. Приняты были всѣ мѣры, чтобы Наполеонъ не могъ соединиться съ войсками Шварценберга и Макдональда, все еще стоявшаго около Риги. Бѣдные остатки главной арміи французской принуждены были слѣдовать оголоженною дорогою къ Вильнѣ, и къ довершенію бѣдствій ихъ съ 16 ноября наступили жестокіе морозы, постоянно державшіеся выше 20 градусовъ. Дыханіе спиралось отъ холода, войска, плохо одѣтыя, голодныя, не имѣвшія нигдѣ пристанища, были еще со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ! Многіе падали мертвыми; другіе съ отмороженными чле-

нами едва подвигались впередъ или садились на дорогѣ ожидать смерти. У разложенныхъ огней находили многихъ полуобгорѣвшихъ, ибо, подвигаясь къ пылавшимъ кострамъ, они не имѣли силъ отойти отъ нихъ. Счастливыми почитали себя тѣ, которые попадали въ плѣнъ къ русскимъ, такъ что русскіе наконецъ затруднялись великимъ числомъ плѣнныхъ и Платовъ жаловался на то въ донесеніяхъ своихъ Кутузову. Мѣсто каждаго бивака французскаго означалось множествомъ труповъ, искривленныхъ, скорченныхъ, почернѣвшихъ, обгорѣлыхъ. Офицеры и генералы терпѣли наравнѣ съ солдатами и всякая подчиненность исчезла.

Видя такія бѣдствія своихъ войскъ и убѣдившись въ невозможности не только привести ихъ въ устройство, но и облегчить ихъ страданія, Наполеонъ рѣшился оставить несчастныхъ сопутниковъ своихъ и возвратиться во Францію, гдѣ ожидали его другія, не меньше важныя обязанности. Онъ былъ полководецъ, но вмѣстѣ и повелитель обширной имперіи. Когда армія его отъ какихъ бы ни было причинъ близка была къ совершенному разрушенію и, можно сказать, не существовала болѣе, онъ долженъ былъ подумать о милліонахъ своихъ подданныхъ, о спасеніи Франціи, ибо что́ было бы съ нею, если бы онъ остался погибать вмѣстѣ съ жалкими остатками своихъ войскъ? Пособить имъ онъ не имѣлъ никакихъ средствъ, но долженъ былъ предупредить грозу, которая послѣ того возставала противъ Франціи. Самое поддержаніе внутренняго порядка имперіи и изысканіе новыхъ средствъ къ продолженію кроваваго спора, нерѣшеннаго въ Россіи, заставляли его не медлить отъѣздомъ. Рѣшившись на то, онъ хотѣлъ сначала приготовить умы во Франціи и во всей Европѣ къ раскрытію имъ истины. До сихъ поръ бюллетени его извѣщали только о побѣдахъ и успѣхахъ въ Россіи; самое отступленіе было представлено въ видѣ движенія на зимнія квартиры; какъ объявить вдругъ, что побѣдоносная армія не существуетъ, что трупы ея покрываютъ все пространство отъ Нѣмана до Москвы и Малоярославца и что вся артиллерія, всѣ безчисленныя принадлежности громаднаго вооруженія ея погибли? Остановившись въ Молодечно, на пути къ Вильнѣ, Наполеонъ составилъ 29-й бюллетень своей арміи, гдѣ выставляя себя побѣдителемъ надъ русскими вой-

сками, обвинилъ морозы въ погибели своей арміи. «Въ нѣсколько дней,—говорилъ онъ,—пало отъ морозовъ 30.000 лошадей; кавалерія очутилась пѣшкомъ; артиллерію, обозы не на чемъ было везти; надобно было истреблять, бросать пушки, снаряды, запасы». Затѣмъ описано бѣдственное отступленіе и нѣкоторыя сраженія, гдѣ будто бы не русскіе, а морозы разстроили армію. Яснымъ выводомъ было, что армія не существуетъ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести 29-й бюллетень, оставшійся одною изъ самыхъ знаменитыхъ лжей въ исторіи, ибо никогда событіе болѣе страшное не было прикрыто столь дерзкимъ искаженіемъ истины.

Послѣ того Наполеонъ занялся нѣкоторыми окончательными распоряженіями къ своему отъѣзду. Еще прежде писалъ онъ къ Маре, чтобы навстрѣчу главной арміи были отправлены всѣ войска, находившіяся въ Вильнѣ, и въ томъ числѣ дивизія Луазона, отъ корпуса Ожеро. Макдональду велѣно оставаться у Риги, заслоняя прусскія границы, а Шварценбергу и Ренье—согласовать свои дѣйствія съ движеніями главной арміи. Въ Сморгоны приказано выслать также сколько можно больше съѣстныхъ припасовъ. Достигнувъ Сморгонъ, онъ нашелъ тамъ высланные припасы и получилъ извѣстіе о приближеніи дивизіи Луазона. Тогда призвалъ онъ своихъ маршаловъ, Мюрата, вице-короля и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи возвратиться во Францію. Всѣ они одобрили его намѣреніе, но можно представить себѣ, что сердца старыхъ его сподвижниковъ были волнуемы различными ощущеніями. Главнокомандующимъ арміями назначилъ онъ вмѣсто себя Мюрата, меньше всѣхъ способнаго къ такой обязанности, особливо въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. При немъ оставались всѣ, кромѣ Коленкура и Дюрока, которыхъ Наполеонъ бралъ съ собою. Другими сопутниками своими избралъ онъ генерала Мутона, мамелюка Рустана, никогда не разлучнаго отъ своего повелителя, и одного польскаго офицера въ качествѣ переводчика. Конвой должны были составить двадцать неаполитанскихъ кавалеристовъ, изъ числа пришедшихъ съ Луазономъ. Вечеромъ, въ 8 часовъ, полководецъ, приведшій съ собою полмилліона воиновъ въ Россію, отправился изъ нея съ скром-

нымъ своимъ поѣздомъ. Въ карету подлѣ него сѣлъ Коленкуръ; въ саняхъ помѣстились Дюрокъ и Мутонъ; польскій офицеръ и мамелюкъ сѣли на козла. При 28 градусахъ мороза отправился онъ и ночью пріѣхалъ въ Ошмяны, гдѣ стояла дивизія Луазона. Партизанъ Сеславинъ рыскалъ вокругъ, и огни биваковъ его были видны съ большой дороги: будь онъ подлѣ него во время проѣзда Наполеона—плѣнъ завоевателя Европы былъ бы неизбѣженъ! За 28 верстъ отъ Вильны встрѣтилъ его Маре. До самой Вильны сидѣлъ онъ въ каретѣ съ императоромъ и между прочимъ говорилъ ему о большихъ запасахъ, приготовленныхъ въ Вильнѣ; Наполеонъ обрадовался и приказалъ ему убѣждать Мюрата остановиться тамъ и стараться привести въ порядокъ армію. Распросивъ Маре обо всемъ, что нужно было узнать ему, онъ остановился въ одномъ виленскомъ предмѣстьи, только для перемѣны лошадей и поскакалъ далѣе. 26 ноября переѣхалъ онъ черезъ границу Россіи, направляясь изъ Ковно въ Варшаву. Прибытіе его туда было совершенно неожиданно. Поздно вечеромъ, 28 числа, посланникъ французскій, аббатъ Прадтъ, испугался явленію у него Коленкура, который немедленно звалъ его къ императору, остановившемуся въ l'hôtel d'Angleterre. Нельзя вѣрить ни одному слову изъ разсказовъ аббата Прадта, описавшаго свиданіе свое съ императоромъ: Наполеонъ самъ назвалъ послѣ книгу Прадта пасквилемъ, и всякій, кто изучалъ характеръ Наполеона увидитъ, что это не больше, какъ пасквиль. Нѣтъ сомнѣнія однако жъ, что Наполеонъ былъ мраченъ, встревоженъ и не могъ ободриться послѣ разговора съ Прадтомъ.

Быстро продолжалъ онъ путь свой черезъ Германію подъ именемъ Рейневаля, секретаря Коленкура, на имя котораго былъ выданъ паспортъ маршаломъ Бертье.

Бросимъ еще одинъ взглядъ на послѣднія событія въ Россіи.

Послѣ отъѣзда Наполеона изъ арміи пересталъ существовать въ ней и послѣдній порядокъ. Его присутствіе, его имя еще соединяли какою-то волшебною силою несчастныхъ страдальцевъ; безъ него, они бѣжали отъ Сморгони до Вильны безъ всякаго порядка и даже не охраняли своего бѣгства аріергардомъ: почти не было военнаго строя. Притомъ удручали ихъ морозы нестерпимые: о нихъ можно судить по тому,

что дивизія Луазона, выступившая изъ Вильны въ числѣ 10.000 человѣкъ, потеряла въ три дня единственно отъ мороза 7.000 человѣкъ! Въ Ошмяны пришло 3.000 измороженныхъ, полумертвыхъ привидѣній! Два конные неаполитанскіе полка пострадали еще больше. Между тѣмъ ихъ преслѣдовали со всѣхъ сторонъ русскія войска, и если до Вильны добрались хоть жалкіе остатки французской арміи, то это было бы чудомъ необъяснимымъ, если бы не знали мы, что и русская армія при быстромъ преслѣдованіи непріятеля терпѣла часто не меньше отъ морозовъ и недостатка въ пищѣ, не меньше была утомлена, и оттого главныя силы ея отставали болѣе и болѣе отъ передовыхъ отрядовъ, да и тѣ, какъ доносилъ Милорадовичъ, переносили такія трудности, что переходы ихъ «содѣлывала возможными одна добрая воля солдата!» То же говорили всѣ русскіе генералы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ физической возможности долго оставаться на 20-градусномъ морозѣ; а русскіе и непріятели ихъ оставались и должны были еще сражаться болѣе чѣмъ въ 20-градусные морозы, проводя такъ цѣлыя недѣли, всю зиму, съ немногими отдыхами, почти до января мѣсяца! Со времени березинской переправы даже передовыя войска русскія были въ крайнемъ утомленіи, хотя не имѣли много труда забирать полумертвыхъ непріятелей, гдѣ только настигали ихъ. Но какъ непріятели всегда были впереди ихъ и по необходимости торопились больше, то это одно объясняетъ, что до Вильны добрели хоть немногія, разстроенныя ихъ толпы. Мюратъ хотѣлъ остановиться въ Вильнѣ и заняться устройствомъ войскъ, потому что, какъ доносилъ Маре Наполеону, тамъ дѣйствительно были большія заготовленія всего нужнаго для арміи. Но не успѣли всѣ войска войти въ городъ, какъ подлѣ него раздались выстрѣлы партизановъ, и защищаться отъ нихъ было некому. Между тѣмъ въ Вильнѣ начался страшный безпорядокъ; не время было думать объ отдыхѣ и устройствѣ: рѣшились отступать далѣе. Партизаны окружали городъ со всѣхъ сторонъ и отбили у непріятелей почти всю артиллерію, обозы, казну и погнали въ Ковно всѣхъ, кого не успѣли захватить. Маре, отправивъ послѣднія депеши къ Шварценбергу и Макдональду, еще наканунѣ ускакалъ въ Варшаву. Остатки

арміи пришли въ Ковно въ такомъ положеніи, что Бертье описавъ постигшія ее бѣдствія, заключилъ донесеніе свое словами: «армія болѣе не существуетъ». По самымъ достовѣрнымъ исчисленіямъ, за границу перешло строевыхъ не болѣе 1.500 человѣкъ, съ 9-ю пушками, и безоружныхъ около 13.000 человѣкъ—но и тѣ, въ какомъ были состояніи!..

Оставались еще отдѣльные или боковые корпусы: Шварценберга и Макдональда. Первый, узнавъ о гибели главной арміи Наполеона, потянулся къ границамъ, входилъ въ переговоры и сношенія съ русскими военачальниками и мирно перешелъ въ Варшавское герцогство. Отдѣлившійся отъ него Рейнье, съ саксонскимъ корпусомъ, хотѣлъ удержаться въ Брестѣ, но, слыша объ отступленіи Шварценберга, также выступилъ за границу Россіи. Макдональдъ, до самаго бѣгства Наполеона изъ Россіи не знавшій о бѣдствіяхъ и гибели главной арміи, вдругъ узналъ страшную истину, и получилъ приказаніе Мюрата отступать въ Пруссію. Корпусъ его, состоявшій большею частью изъ прусскихъ войскъ, началъ отступленіе въ 4 колоннахъ, изъ которыхъ двѣ передовыя были подъ личнымъ предводительствомъ Макдональда, а двѣ задніе подъ начальствомъ прусскаго генерала Іорка, который еще прежде былъ въ сношеніяхъ съ русскими генералами и готовъ былъ присоединиться къ нимъ. 18 декабря, близъ Таурогена, онъ заключилъ конвенцію съ генераломъ Дибичемъ и отдѣлился отъ Макдональда, который и поспѣшилъ удалиться съ остальными своими войсками, состоявшими изъ французовъ и поляковъ.

По полученіи отъ Кутузова извѣстія о занятіи русскими войсками Вильны, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга и прибылъ въ Вильну 11 декабря. Присутствіе его тамъ, посреди побѣдоносныхъ войскъ, было необходимо. Великій подвигъ предлежалъ россійскому императору, давно рѣшившему въ душѣ своей не только изгнать враговъ изъ Россіи, но и положить предѣлъ деспотизму Наполеона въ Европѣ. Первымъ дѣйствіемъ его было наградить мудраго вождя русскихъ армій и изъявить благодарность свою всѣмъ воинамъ: наградою Кутузову былъ орденъ Георгія 1-й степени; русскому воинству, въ лицѣ русскихъ генераловъ, императоръ сказалъ достопамятныя слова: «Вы спасли не одну Россію: вы спасли

Европу». Съ сей минуты Александръ сдѣлался душою всѣхъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и соображеній и, пользуясь опытностью своего маститаго полководца, былъ неутомимъ и неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ довершенію великаго, предпринятаго имъ подвига. Заботы его объ устройствѣ и увеличеніи своихъ армій, уменьшенныхъ и изнуренныхъ при совершеніи похода тяжкаго и безпримѣрнаго, были безчисленны; но не меньше важны и обширны были заботы его объ изліченіи ранъ своего отечества, о возставленіи на общаго врага угнетенной Европы, которая являлась въ новыхъ отношеніяхъ къ нему и къ побѣжденному имъ непріятелю.

Между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ свой путь. Его узнавали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ другихъ не знали, кто были таинственные путешественники, не щадившіе золота. Въ проѣздъ черезъ Силезію можно было опасаться, что Наполеона остановятъ: такъ по крайней мѣрѣ казалось его сопутникамъ. Декабря 14-го прибылъ онъ въ Дрезденъ и остановился въ домѣ Марколлини (гдѣ такъ недавно видѣлъ у ногъ своихъ порабощенную Европу!) Въ смятеніи явился къ нему вѣрный союзникъ его, король саксонскій Августъ. Долго разговаривали они, и прощаясь Наполеонъ сказалъ ему: «Левъ раненъ, но не умеръ—прощайте! Я скоро возвращусь съ арміею, болѣе, лучше, блистательнѣе прежней». Отсюда писалъ онъ къ императору австрійскому. Декабря 18-го, ночью, Наполеонъ явился у воротъ Тюильри. Едва узнали его. Онъ спѣшилъ въ покои Маріи-Луизы, которая отпустила уже своихъ приближенныхъ и располагалась лечь спать. Съ радостнымъ крикомъ бросилась она къ Наполеону. Онъ хотѣлъ видѣть сына и въ семейныхъ радостяхъ забылъ на мгновеніе бѣдствія трона своего. Наканунѣ весь Парижъ былъ пораженъ неизобразимою горестью, ибо три недѣли не имѣя извѣстій изъ Россіи, тогда получили страшный 29-й бюллетень, извѣщавшій о гибели «Великой арміи». Слезы тысячъ семействъ, скорбь всеобщая были слѣдствіемъ сей вѣсти. Но 19 декабря, утромъ, Парижъ услышалъ пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе о прибытіи Наполеона. Какъ назвать чувство, ими возбужденное? Оно не было радостью, не было страхомъ; оно было какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ на предчувствіе чего-то

страшнаго, чего-то безвѣстнаго... и не безъ основанія: измѣнялась судьба Наполеона, Франціи, Европы...

Какія событія совершились, какія событія еще готовятся!... И какъ быстро измѣнились всѣ отношенія, какое неизмѣримое разстояніе раздѣляетъ немногіе мѣсяцы 1812 года! Казалось, дѣятельность цѣлыхъ столѣтій наполнила ихъ!.. Въ половинѣ года повелитель большей части Европы, рѣшитель судьбы царствъ, Наполеонъ двигаетъ полмилліона воиновъ на Россію, которая остается для него послѣднимъ препятствіемъ къ всемірному обладанію;—въ концѣ того же года онъ, бѣглецъ, нигдѣ не узнаваемый, не желающій быть узнаннымъ, погубившій въ Россіи красу и силу Европы, цвѣтъ европейскаго юношества, погубившій долголѣтнюю славу своего оружія и, что всего важнѣе, потерявшій очарованіе непобѣдимости, силы, славы... Наполеонъ палъ съ высоты своей, побѣжденъ, униженъ въ 1812 году; но еще такъ страшенъ былъ могущественный геній его, что надобны были соединенныя силы всей Европы для борьбы съ нимъ. Сколько крови и слезъ еще пролито, чтобы довершить побѣду *всѣхъ* надъ *однимъ* человѣкомъ... Судьба безпримѣрная, объясняемая только непостижимою волею Бога, для пользы и наученія человѣчества!

Бѣглецъ, ночью прокравшійся въ Тюльри декабря 18-го, на другой день, декабря 19-го 1812 года, Наполеонъ явился снова властителемъ Франціи. Его не сопровождали, какъ прежде, побѣдоносные полки, не было съ нимъ горделивыхъ сподвижниковъ его: *одинъ* былъ онъ. Полмилліона воиновъ его были зарыты въ снѣжныхъ сугробахъ Россіи, лежали растерзанные на поляхъ битвъ, отъ Нѣмана до Оки, отъ Двины до Буга, издыхали въ страданіяхъ болѣзней, томились въ плѣну; немногіе измученными бѣглецами переходили русскую границу. Тысячи пушекъ, бывшихъ у Наполеона, остались только памятниками позора и бѣгства его. Но, нѣтъ! *не одинъ* былъ онъ: съ нимъ осталось чародѣйство его славы, волшебство его имени. Парижъ узналъ, что Наполеонъ возвратился; еще никто не видалъ его, но уже все трепетно повиновалось ему. День декабря 19-го провелъ онъ въ тайномъ совѣтѣ своемъ, въ тюильрійскихъ чертогахъ, гдѣ были призваны къ нему не-

многіе: Камбасересъ, Лебренъ, Талейранъ, Шампаньи. Савари, Кларкъ, Монталиве, Гюденъ. На другой день, декабря 20-го, снова великолѣпный дворъ окружалъ Наполеона и наполнилъ раззолоченныя залы дворца его. Сенатъ, совѣтъ, всѣ чины государственные рабольпно предстали взорамъ того, передъ которымъ привыкли трепетать въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Онъ сталъ у трона своего, онъ, за нѣсколько дней влачившійся въ бѣдныхъ саняхъ по снѣгамъ литовскихъ лѣсовъ, и напрасно стали бы искать на безстрастномъ лицѣ его выраженій скорби, или смятенія: ничего не выражало оно, ничего и не говорилъ Наполеонъ о страшныхъ событіяхъ истекающаго года, отвѣчая на униженныя изъявленія преданности и голосъ лести, благословлявшей счастливое возвращеніе его. Едва упомянулъ Наполеонъ о войнѣ 1812 года. «Война, которую *поддержавшо* я противъ Россіи, сказалъ онъ, — есть война политическая. Безъ ненависти велъ я ее, хотѣлъ даже удалить отъ Россіи все зло, какое она сама себѣ причинила. Я могъ бы возстановить большую часть ея варварскаго народонаселенія—меня просили о томъ; но, видя дикое звѣрство русскихъ, я отказался отъ предложенія, ибо оно произвело бы кровопролитіе страшное и погубило бы Россію. Мои войска испытали потери, но причиною ихъ была преждевременная зима. Благодарю васъ за заявленіе чувствъ вашихъ».

И только. Что же: побѣдилъ ли онъ, побѣжденъ ли? Чего ожидать Франціи: мира, или войны?

Войны, войны! Франція безмолвно повинуется. Дворъ Наполеона наполняется снова иностранными послами. Возстаютъ, движутся полки, являются пушки и оружіе, возвращаются маршалы и генералы, въ народъ сыплются милліоны изъ кладовыхъ Наполеона. Черезъ недѣлю по возвращеніи его депутаты Парижа, Рима, Флоренціи, Амстердама, Милана, Турина, Гамбурга наперерывъ изъявляютъ ему усердіе и преданность. «Государь,—говорили депутаты Рима,—вы возвели Римъ на степень второго города вашей имперіи, дополните наше счастіе; посѣтите Римъ: вамъ остается только удостоить его своимъ присутствіемъ. Тамъ, въ чертогахъ цезарей, вы услышите восторженные клики римлянъ. Мы украсимъ ваше чело вѣчнозеленѣющими лаврами, и ваше вступленіе въ стѣны Рима

будетъ самымъ торжественнымъ, покрытымъ хвалами, истинно заслуженнымъ торжествомъ!» «Народы Италіи всѣмъ обязаны вамъ, государь, говорили члены миланской депутаціи, и они скажутъ всему міру: нѣтъ пожертвованія, на какое не рѣшились бы они, дабы только в. в довершили великое дѣло, врученное вамъ Провидѣніемъ! Въ необыкновенныхъ обстоятельствахъ потребны и средства необыкновенныя, и наши усилія будутъ безграничны. Надобны оружіе, войско, золото, вѣрность, постоянство,—и все, что отъ насъ зависитъ, мы предлагаемъ вамъ. Дѣйствуемъ не по приказу: таковы наше убѣжденіе, наши чувства, общій голосъ, выражающій потребность нашего бытія». По особеннымъ отношеніямъ надлежало изъявлять усердіе сыну Наполеонову, и его высказывали въ словахъ восторженныхъ. «Что такое жизнь!—восклицалъ префектъ парижскій.—Что такое жизнь въ сравненіи съ безмѣрными благами, какія покоятся на священной главѣ наслѣдника имперіи! Призванный вами, государь, въ мое званіе, дорожу всего болѣе отличіемъ имѣть честь подать первый примѣръ вѣрности и преданности». «Умъ нашъ,—говорилъ университетъ парижскій, благоговѣйно останавливается передъ тайнами власти и повиновенія и оставляетъ изслѣдованія объ нихъ религіи, которая называетъ властителей священными по образу и по подобію Божію на землѣ. Онъ, утишающій раздоры и безначаліе, объявляя неприкосновенными права владыкъ, гласъ Бога, содѣлавшій намъ вѣру изъ повиновенія, содѣлалъ ее намъ закономъ. Позвольте, государь, отъ трона, занимаемаго вами съ такою славою, обратить взоры наши къ августѣйшей колыбели наслѣдника вашего величія. Мы соединяемъ его съ вами въ любви и почтеніи нашемъ, и предварительно клянемся ему въ той безграничной преданности, какою благоговѣемъ къ вамъ, государь!» Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ является народу. Спокойно посѣщаетъ онъ выставку картинъ. Великолѣпный выходъ при дворѣ ознаменовалъ день новаго 1813-го года. Января 2-го Наполеонъ осматривалъ постройки въ Парижѣ, винный рынокъ, биржу, церковь Богоматери. Онъ спокоенъ, хладнокровенъ. Черезъ недѣлю онъ и Марія-Луиза присутствуютъ на блестящей охотѣ въ Медонскомъ лѣсу; онъ веселъ, разговорчивъ. Черезъ два дня видятъ его и привыт-

ствуютъ въ театрѣ, на представленіи любимой трагедіи его: *Гекторъ*. На другой день потомъ онъ является на смотрѣ войскъ, на Карусельной площади.

Что же такое были всѣ событія 1812 года? Страшный сонъ? Гдѣ же полмилліона войскъ Наполеоновыхъ? Развѣ также призраки были они, сіи грозныя полчища? Сновидѣніе было четырнадцать лѣтъ побѣдъ и величія? Франція покорпа Наполеону, и неужели Европа не покорпа? Для чего не говоритъ онъ ничего, и куда устремятся полчища, вновь созидаемыя имъ всюду? И развѣ басни всѣ страшные слухи, которые прокрадываются въ народъ, мечта вопли скорби, долетающіе изъ лѣсовъ Россіи, и отчего слезы, втайнѣ проливаемыя милліонами семействъ во Франціи, Италіи, Голландіи, Германіи?

Дѣйствительно, такимъ непостижимымъ, сказочнымъ, волшебнымъ позорищемъ являлось начало паденія Наполеопова не только Франціи, но даже Европѣ. Необыкновенному жребію надобно было кончиться необыкновеннымъ паденіемъ. Оно долго не вѣрилось, опо казалось непонятнымъ, это начало страшной развязки.

Конечно, ей не вѣрилъ еще Наполеонъ, но онъ не скрывалъ отъ себя своего настоящаго положенія. Вполнѣ измѣрялъ онъ глубину бездны, куда ипзвергъ его 1812 годъ. Положеніе Франціи не было тайною и для совѣтниковъ Наполеона. Что надлежало предпринять?

Повторимъ: не только Франція, но даже и Европа не вѣрили истинѣ событій 1812 года, не вѣрили побѣдной пѣсни Россіи; не вѣрила ничему даже Германія, черезъ которую промчался бѣгствующій Наполеонъ и куда начали во слѣдъ за нимъ являться бѣдные остатки великой арміи. Не смѣли радоваться слухамъ, не дерзали надѣяться, что часъ освобожденія Европы наступилъ. Но очарованіе не могло продолжиться. Побѣдитель Наполеона неужели удовольствуется своею побѣдою и предложитъ миръ, онъ, не уступавшій, когда во всемъ величіи силы угрожалъ ему Наполеонъ съ береговъ Нѣмана, не уступавшій и на пожарищѣ Москвы? Неужели и разувѣренные народы Европы не откликнутся на призывный кличъ побѣдителей, когда прежде пользовались они каждою неудачею Наполеона, когда одно упорное сопротивленіе Испаніи возбуждало на битвы Австрію и заставляло Англію истощать всѣ

усилія? Итакъ. Наполеону должно предложить миръ Европѣ; но приметъ ли она его и какія предложитъ условія? «Горе побѣжденнымъ!» говорилъ нѣкогда также властитель Галліи, а Наполеонъ *былъ побѣжденъ*, испыталъ пораженіе, какому не бывало еще дотолѣ примѣровъ! Онъ не забылъ, какъ предписывалъ условія другимъ. Но, сознавая огромность своихъ потерь, Наполеонъ сознавалъ и силы, у него остававшіяся; и развѣ онъ разучился побѣждать? Развѣ политика не вмѣшается въ дѣло, исчезнетъ своекорыстіе союзовъ, когда мечъ его подкрѣпитъ сила его генія? Слѣдствіемъ всѣхъ соображеній была рѣшительность быстро соединить всевозможныя силы, двинуться на встрѣчу грозѣ, стать крѣпко, и послѣ побѣды предложить миръ. Не таково было мнѣніе совѣтниковъ Наполеона. Они предлагали ему начать миромъ и уступками; они не вѣрили силамъ Франціи и хотѣли даже начать уступки немедленно возвращеніемъ свободы папѣ и Испаніи Фердинанду. Это высказалъ даже осторожный Талейранъ. «Что значатъ неопредѣленныя выраженія: миръ или война?—говорилъ онъ,—все дѣло въ томъ: *на какихъ условіяхъ* (le tout était de savoir à quelles conditions)». По его мнѣнію, надлежало *поторговаться* (négocier). «Изъяснитесь прямѣе!» нетерпѣливо говорилъ Наполеонъ. Склонивъ взоры къ землѣ, хитрый дипломатъ отвѣчалъ: «Теперь, в. в., есть еще о чемъ поторговаться, и вы можете предложить и дать, но потомъ, можетъ быть, это будетъ труднѣе (En ce moment, v. m., a encore des effets négociables; elle peut les offrir et donner, mais il peut arriver plus tard que le cours en soit plus difficile)».—«Но уступка покажетъ слабость силъ», возражалъ Наполеонъ, изъясняя оставшіяся у него средства на борьбу. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ показалъ онъ огромность ихъ при безпредѣльной дѣятельности, какую придалъ своей обширной имперіи; вскорѣ услышалъ онъ прежніе, покорные голоса однихъ властителей, увѣренія въ дружбѣ и союзѣ другихъ, увидѣлъ окрестъ себя громадныя ополченія, готовыя двинуться по слову его, увѣрился и въ безпрекословномъ повиновеніи Франціи, но время успѣховъ прошло невозвратно для Наполеона; все измѣнилось для него: тайна политики его, даже побѣдъ его, была разгадана, и все устремлено противъ него. Настало время расплаты. Пусть геній На-

полеона истощитъ всѣ средства, пусть приведетъ онъ въ движеніе всѣ остальныя силы: усилія будутъ безполезны, силъ недостанетъ.

Первою виною явилось здѣсь то, что совершило погибель Наполеона въ походѣ въ Россію: непобѣдимая воля, непоколебимая твердость императора Александра. Не ослѣпляясь своею побѣдою, онъ крѣпко вѣрилъ, что побѣда, даже и такая, какую одержалъ онъ, будетъ безполезною, пока не отнимутъ у Наполеона средствъ преобладанія, не положатъ предѣловъ его своевластію, не приведутъ его въ безвредныя для другихъ отношенія. Подвигъ предлежалъ огромный, но Александръ не страшился его. «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу», говорилъ онъ своимъ вождямъ, когда они поздравляли его въ Вильнѣ. Александръ постигалъ, что быстрота дѣйствій была первымъ ручательствомъ за успѣхъ, что немедленно надлежало перенесть оружіе за предѣлы Россіи, и стараться занять сколько можно болѣе пространства земель, ибо Александръ не сомнѣвался въ союзѣ Пруссіи и въ томъ, что всюду, гдѣ явятся русскіе, къ нимъ пристанутъ освобожденные властители и народы, которыхъ безъ того удержитъ въ покорности Наполеону страхъ его силы и имени. Война долженствовала быть быстрымъ нашествіемъ, съ великою цѣлью не порабощенія, но освобожденія народовъ. Александръ могъ двинуть за границу не болѣе 150.000 войска, утомленнаго трудами и лишеніями тяжкаго семимѣсячнаго похода, но, несмотря на сомнѣніе Кутузова и другихъ совѣтниковъ, походъ предписанъ немедленный. Достоинство и качество войска замѣняли число: *сто пятьдесятъ тысячъ* русскаго войска были легіоны храбрыхъ, закаленные въ огняхъ битвъ и въ снѣгахъ русскихъ, предводимые опытными генералами, одушевленные побѣдою, крѣпкіе увѣренностью въ своей силѣ. Января 1-го 1813 года главная русская армія, собравшаяся у Мерча на Нѣманѣ, гдѣ находились императоръ Александръ и Кутузовъ, послѣ совершенія хвалы Побѣдодавцу, перешла Нѣманъ по льду. «Идемъ довершить пораженіе непріятеля на собственныхъ поляхъ его», говорилъ Кутузовъ войску. «Не завоеванія, но свобода ваша—цѣль похода нашего», взывалъ онъ къ германцамъ. «Призываемъ васъ соединиться, идемъ къ вамъ друзья-

ми, хотимъ возстановить монархію Фридриха Великаго въ прежнемъ блескѣ ея!» говорилъ онъ пруссакамъ.

Радостно отзывались на голосъ сіо пруссаки, и обширно, какъ неукротимый потокъ, разливалось русское войско. Задолго до 1 января Платовъ, Витгенштейнъ и Чичаговъ перешли русскую границу. Вездѣ гнали, били, забирали они въ плѣнъ остатки непріятелей; вездѣ принимали русскихъ какъ избавителей. Декабря 25-го русскіе заняли Кенигсбергъ, 31-го Эльбингъ. Въ Маріенвердерѣ едва не захватили въ плѣнъ вице-короля Евгенія, и въ декабрѣ правый берегъ Вислы былъ очищенъ. Французы оставались только въ Торнѣ и Данцигѣ, который велѣлъ охранять Наполеонъ и гдѣ затворился Рапиъ, съ 37.000. Русскіе обложили Данцигъ. Милорадовичъ выступилъ противъ корпуса Шварценберга, стоявшаго близъ Пултуска; Ренье съ Саксонцами былъ у Варшавы. Вслѣдствіе переговоровъ Шварценбергъ отступилъ безъ боя; Ренье спѣшилъ въ Саксонію, расплатился на походѣ пораженіемъ близъ Калиша, и Варшава была занята 20 января. Также договоромъ, какъ прежде корпусъ Іорка, прусскій корпусъ Бюлова обязался не воевать. Мюратъ въ отчаяніи предалъ войска Наполеона ихъ жребію и поскакалъ въ Италію. Вице-король Евгеній принялъ вмѣсто него начальство, хотѣлъ удержаться въ Познани, но, обойденный русскими, ушелъ за Одеръ, куда укрылся Ренье и гдѣ соединился съ нимъ Ожеро, занимавшій Вестфалію и Берлинъ. Познань занялъ 30 января. Все Варшавское герцогство, кромѣ немногихъ крѣпостей, было покорено, и поляки умоляли о прощеніи, изъявляли покорность. Остатокъ войскъ Наполеона въ Германіи за Одеромъ и въ шведской Померапіи составлялъ не болѣе 40.000, кромѣ 10.000, державшихся съ Понятовскимъ у Кракова и въ Ченстоховѣ, и гарнизоновъ въ Данцигѣ, Торунѣ, Модлинѣ, Замостьѣ, Штеттинѣ, Кистринѣ, Глогау и крѣпостяхъ по Эльбѣ; гарнизоны сіи хотя простирались до 125.000, но ими нельзя было располагать, и они дѣлались безполезны.

Мысль Александра вполнѣ оправдалась. Когда Іоркъ заключилъ договоръ съ русскими, король прусскій поспѣшилъ прислать съ княземъ Гацфельдомъ извиненія и увѣренія въ дружбѣ Наполеону. Іорка велѣно было строжайше судить, и Маре,

проѣзжая черезъ Берлинъ изъ Вильны, видѣлъ такіе знаки дружбы короля, что увѣрилъ Наполеона по пріѣздѣ въ Парижъ въ союзѣ Пруссіи. Онъ началъ даже мимоѣздомъ переговоры о родственномъ союзѣ съ прусскимъ дворомъ. Ожеро клялся Бертье въ искренности союза прусскаго монарха. Но едва только вступили русскіе въ Пруссію, мгновенно все измѣнилось. Уже не думая оправдываться въ договорѣ съ русскими Бюлова, черезъ повѣреннаго своего Круземарка прусскій король предложилъ Наполеону условія — не союза, но посредничества въ примиреніи съ Россіею. Онъ требовалъ за то платы 90 милліоновъ талеровъ, слѣдующихъ за поставки на французскую армію, очищенія прусскихъ крѣпостей, и выхода французскихъ войскъ за Эльбу. При исполненіи сихъ условій, король обѣщалъ ходатайствовать объ отступленіи русскихъ войскъ за Вислу и обѣщался быть посредникомъ мира. По мѣрѣ движенія русскихъ войскъ впередъ отношенія болѣе и болѣе измѣнялись. Движеніе производилось быстро: по льду перешли русскіе отряды Одеръ, и казаки влетѣли даже въ Берлинъ февраля 7-го. Ожеро сдалъ начальство въ Берлинѣ Сенъ-Сиру и ускакалъ въ Парижъ; февраля 19-го Берлинъ сдали русскимъ по договору, послѣ небольшой стычки. Сенъ-Сиръ отступилъ за Эльбу, куда ушелъ вице-король Евгеній изъ Франкфурта, учредивъ главное мѣсто пребыванія своего въ Лейпцигѣ. Ренье остановился въ Дрезденѣ.

Еще до освобожденія прусской столицы прусскій король удалился въ Бреславль и здѣсь, свободный отъ надзора французовъ, заключилъ союзъ съ императоромъ Александромъ. Объявляя о несогласіи Наполеона на предложенныя условія мира, Гарденбергъ и Кутузовъ подписали февраля $^{16}/_{28}$-го въ Калишѣ договоръ, коимъ положено воевать съ Наполеономъ, «доколѣ Пруссія не будетъ возстановлена въ предѣлахъ, какіе имѣла до Тильзитскаго мира». Россія обязывалась выставить не менѣе 150-ти, Пруссія—80-ти тысячъ войска. Въ Бреславлѣ марта 15-го свидѣлись два вѣрные союзника, разлученные насиліемъ Наполеона. Король Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ навстрѣчу императору Александру и, окружаемый толпами народа, бросился въ объятія его, не могъ говорить и плакалъ. «Утѣшьтесь, братъ мой,—говорилъ ему Александръ:—

это послѣднія слезы, которыя заставилъ васъ проливать Наполеонъ!»

Хладнокровно выслушивалъ Наполеонъ всѣ извѣстія изъ Пруссіи, не вѣрилъ первопачальнымъ обѣщаніямъ и грустно улыбнулся, когда услышалъ о союзѣ Пруссіи съ Россіею. «Что же?— сказалъ онъ,—открытый непріятель лучше скрытнаго врага».

Слова его могли относиться къ Австріи. Однимъ изъ первыхъ дипломатовъ, поздравившихъ Наполеона съ благополучнымъ возвращеніемъ, былъ графъ Бубна, нарочно присланный изъ Вѣны и клявшійся въ ненарушимости дружбы императора Франца, готоваго быть вѣчнымъ союзникомъ Наполеона. Между тѣмъ дѣйствія войскъ Шварценберга, отступленіе его отъ Варшавы, вооруженія въ Австріи, письма Отто, посла французскаго въ Вѣнѣ, извѣщавшаго о скрытной радости, какую возбуждали тамъ побѣды русскихъ, не доказывали пріязни. Наполеонъ требовалъ изъясненій. Бубна отвѣчалъ, что для нихъ присланъ будетъ Шварценбергъ, и продолжалъ неопредѣленныя увѣренія въ дружествѣ. Вооруженіе Австріи было оправдываемо необходимостью быть готовыми къ войнѣ, если Россія откажется отъ мира, посредницею коего хотѣла быть Австрія. Меттерних увѣрялъ, что не постигаетъ отважности Россіи, дерзающей возставать противъ Наполеона, и жестоко негодовалъ на вѣроломство Пруссіи. Время длилось. Шварценбергъ не ѣхалъ.

Когда Пруссія возстала явно и Австрія показывала нерѣшительность, вся Европа увѣрилась наконецъ въ пораженіи Наполеона и взволновалась желаніями и ожиданіями. Неутомимый императоръ Александръ, двигая арміи, соединяясь съ Пруссіею, убѣждая на союзъ Австрію, переговаривалъ съ Швеціею, Англіею, Баваріею, Саксоніею, Даніею, всюду требуя возстанія на гордаго властителя Европы. И вездѣ, въ одномъ мѣстѣ явно, въ другомъ тайно, благословляли его побѣды. Политическія отношенія удерживали еще государей европейскихъ, но голосъ народовъ громко отзывался на призывъ избавителя Европы. Австрія искала политическихъ расчетовъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Саксонія, угрожаемая Пруссіею, не смѣла отречься отъ Наполеона, ибо земли ея заняты были его войсками, такъ же какъ Баварію и земли Рейнскаго союза

удерживала сила Наполеонова. Швеція въ исполненіе договора требовала прежде всего Норвегіи, а Данія, зная сіе непремѣнное условіе союза Швеціи съ Россіею, хотѣла уничтоженія такой уступки за союзъ. Пока хитрила и сомнѣвалась такимъ образомъ дипломатика европейская, кликъ свободы народовъ и ненависти къ Наполеону оглашалъ всю Европу. Онъ отзывался даже въ лѣсахъ Америки, откуда призывалъ Александръ въ Европу Моро; онъ колебалъ Англію, требовавшую соединенія усилій Англіи съ усиліями императора Александра; онъ тревожилъ Италію, гдѣ старались увлечь въ союзъ легкомысленнаго Мюрата и гдѣ приверженцы прежняго порядка дѣлъ и тайные мечтатели о независимости Италіи равно готовили возстаніе. Но нигдѣ не оказывался онъ столь явнымъ и дѣятельнымъ, какъ въ Германіи. Въ Австріи и другихъ мѣстахъ довольствовались еще патріотическими пѣснями и нескрываемымъ уже ропотомъ; но въ Пруссіи все вспыхнуло и загорѣлось духомъ брани и мести. По призыву короля юношество прусское становилось въ ряды воинскіе, повторяя пѣсни вдохновеннаго пѣвца своего Кернера. Въ три дня въ Берлинѣ 9.000 человѣкъ всѣхъ званій записались въ военную службу. По условію съ Наполеономъ, войско прусское состояло изъ 40.000; въ мартѣ не 80, какъ обѣщалъ договоръ съ Россіею, но 150.000 воиновъ прусскихъ становились уже подъ ружье. Средства къ тому были приготовлены издавна: съ 1807 года опредѣленныя 40.000 были перемѣняемы безпрестанно новыми рекрутами; отпускаемые изъ службы солдаты не покидали оружія; изъ нихъ учреждались почетныя, городовыя, лѣсныя стражи, и такимъ образомъ поддерживался воинскій духъ въ народѣ, и образовывались люди, способные взяться за ружье. Манифестомъ прусскаго короля, марта 17-го, всѣ пруссаки, отъ 17 до 40 лѣтъ, были призваны къ оружію, и Пруссія представила зрѣлище невиданнаго дотолѣ народнаго возстанія. Ружья для войска закупали тайно въ Австріи, и тысячами везли ихъ изъ Англіи. Пушки брали изъ крѣпостей и поспѣшно переливали. Въ церквахъ, въ университетахъ, въ училищахъ возбуждали народъ на защиту отечества. Первое отдѣленіе войска, изъ 57.000, присоединилось къ русской арміи; резервъ поспѣшно формировался изъ 72.000, кромѣ дружинъ

милиціи (Landwehr), которыя вооружали пиками, саблями и чѣмъ только было возможно. Онѣ составляли запасъ для дополненія армій, обучаясь исподоволь воинскому строю и ружью. Хотѣли избрать начальника, способнаго одушевить войско, и вызвали семидесятилѣтняго *Блюхера*, съ 1807 года бывшаго въ отставкѣ. Бодръ и юнъ духомъ, явился среди воинскихъ рядовъ сѣдовласый Блюхеръ, клянясь отмстить французамъ за скорбь отечества и за личныя оскорбленія. Іорка и Бюлова, первыхъ свергнувшихъ власть Наполеона, славили какъ народныхъ героевъ. Все прусское войско подчинено было Кутузову. Дѣйствія союзниковъ сдѣлались смѣлѣе и обширнѣе. Они объявили освобожденіе Германіи, разрушеніе Рейнскаго союза, «представляющаго попранную врагомъ, лишенную даже древняго имени своего Германію, окованную цѣпями, наложенными дышащимъ раздорами честолюбіемъ». Не дожидаясь прихода союзниковъ, герцогъ мекленбургъ-шверинскій объявилъ отреченіе отъ Рейнскаго союза. Русскія войска не замедлили обезопасить его. Хотя войска Наполеона остановились и усиливались за Эльбою, невозможно было удерживать рвенія, съ какимъ все стремилось впередъ. Осторожный Кутузовъ спорилъ, и его готовы были обвинять, когда онъ съ досадою воскликнулъ: «Идти за Эльбу всего легче, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови!» Летучій отрядъ русскій примчался въ Гамбургъ и занялъ Гамбургъ марта 7-го. Донской казакъ посланъ былъ оттуда извѣстить о томъ въ Лондонъ; англичане встрѣтили его съ восторгомъ и прислали офицеровъ составлять ганноверское ополченіе. Главная армія готовилась вступить въ Саксонію. Даву, бывшій въ Дрезденѣ, оставилъ его, и марта 15-го заняли саксонскую столицу союзныя войска. Отряды ихъ явились въ Вестфаліи. Отважное нападеніе на Люнебургъ погубило отрядъ генерала Морана, пришедшій изъ Помераніи; Моранъ, 2.500 плѣнныхъ и 12 пушекъ достались побѣдителямъ. Вице-король Евгеній думалъ остановить движеніе корпуса Витгенштейна изъ Берлина и съ 26.000 войска выступилъ изъ Магдебурга. Витгенштейнъ встрѣтилъ его у Меккерна и принудилъ марта 24-го отступить съ потерею 1.000 плѣнными и одной пушки. Витгенштейнъ занялъ Дессау, охраняя дорогу на Берлинъ. Блокада Данцига, гдѣ болѣзни вскорѣ

уменьшили гарнизонъ до 25.000, усилена англійскою и русскою эскадрой съ моря. Марта 25-го сдалась Сакену ченстоховская крѣпость, и онъ обратился на остатокъ австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Фримона, все еще бывшій въ Варшавскомъ герцогствѣ и закрывавшій отрядъ Понятовскаго. По договору съ русскимъ генераломъ, австрійцы отступили въ Галицію, куда послѣдовалъ за ними Понятовскій и принужденъ былъ, обезоруженный, вести свой отрядъ черезъ Австрію къ Рейну. Варшавское герцогство поступило подъ управленіе русской комиссіи. Главная союзная армія двинулась наконецъ марта 26-го изъ Калиша въ Дрезденъ; ее встрѣчали съ равнымъ торжествомъ въ Силезіи и въ Саксоніи, подносили вѣнки, строили на пути торжественныя врата. Въ Буцлау, гдѣ за болѣзнью остался Кутузовъ, послѣ чего графъ Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзными войсками, получены извѣстія о сдачѣ Торуня и занятіи Шпандау. Апрѣля 12-го императоръ Александръ вступилъ съ своею гвардіею въ Дрезденъ. Для управленія всѣхъ занимаемыхъ союзниками земель, принадлежащихъ государямъ, не приступившимъ къ союзу, учреждена была особенная комиссія, и непримиримый врагъ Наполеона, руководитель возстанія Германіи и тайныхъ обществъ ея, Штейнъ былъ назначенъ ея предсѣдателемъ.

Такимъ образомъ въ половинѣ апрѣля Варшавское герцогство и всѣ земли по правому берегу Эльбы были во власти союзниковъ. Они владѣли Гамбургомъ, взяли за Эльбою Люнебургъ и Дессау и находились въ столицѣ Саксоніи.

Но, когда такъ дѣятельно подымалъ на брань Германію императоръ Александръ и безпрерывно дополнялись новыми силами и завоеваніями русскія и прусскія войска, Наполеонъ не дремалъ. Его дѣятельность была изумительна. Сбывалось все, что онъ предвидѣлъ. Условія договора Россіи съ Пруссіей и объявленіе ихъ о разрушеніи Рейнскаго союза показывали мѣру пожертвованій, какихъ потребуютъ у него за миръ, когда союзъ Австріи очевидно надлежало купить также уступками. Надлежало показать Европѣ силы, которыя должна была она побѣдить, прежде нежели отниметъ у Наполеона скипетръ самовластія въ Европѣ.

Труды его въ теченіе трехъ мѣсяцевъ едва можно вообразить. Онъ былъ одинъ, онъ долженъ былъ создавать войско, оружіе, запасы. Ежедневно присутствовалъ онъ въ совѣтахъ, засѣданіяхъ, комитетахъ, являлся на смотрахъ, отправлялъ ежедневно сотни приказаній, обдумывалъ планъ войны, велъ дипломатическіе переговоры, занимался устройствомъ Франціи. Проработавши цѣлый день съ министрами, занимавшись смотрами и переговорами, онъ садился работать всю ночь, и всю ночь видѣли огонь въ окнахъ его кабинета. Онъ засыпалъ и пробуждался надъ бумагами, картами, планами. Февраля 14-го онъ высказалъ наконецъ событія несчастнаго похода 1812 года и настоящее состояніе дѣлъ Франціи въ рѣчи при открытіи Законодательнаго Совѣта. Откровенно ли говорилъ онъ? Увидимъ изъ того, что онъ говорилъ.

«Война, возникшая на сѣверѣ Европы,—сказалъ онъ,—оживила англичанъ надеждою успѣха на Пиренейскомъ полуостровѣ. Надежды были тщетныя, и послѣ многихъ потерь англичане изгнаны... Я самъ пошелъ въ Россію. Мы всюду торжествовали. Нигдѣ не устояли русскіе пе́редъ нашими орлами. Москва была въ нашей власти. Признавши безсиліе Россіи, *рой татаръ* обратилъ отцеубійственныя руки на прекрасныя области обширной Россійской имперіи, которую призваны были защищать. Ни слезы, ни отчаяніе несчастныхъ *московитовъ* не воспрепятствовали имъ въ нѣсколько недѣль сжечь *болѣе четырехъ тысячъ лучшихъ городовъ*, удовлетворяя своей ненависти и подъ предлогомъ задержки нашего похода окружая насъ пустынею. Мы все преодолѣли. Даже московскій пожаръ, гдѣ въ четыре дня уничтожены плоды, труды и капиталы *сорока поколѣній*, не измѣнили нашихъ дѣлъ. Но необычайная и преждевременная зима произвела между нами великія тревоги. Въ нѣсколько ночей увидѣлъ я все измѣнившимся. Я испыталъ большія потери. Онѣ растерзали бы мою душу, если бы въ столь великихъ обстоятельствахъ я былъ доступенъ другому чувству, кромѣ блага, славы и будущности моихъ народовъ. При видѣ золъ, отяготѣвшихъ надъ нами, возрадовалась Англія, и за измѣну союзниковъ предлагаетъ имъ раздѣлить Францію, то-есть она хочетъ войны безконечной. Рвеніе моихъ народовъ, привязанность ихъ къ неприкосновен-

пости моего государства, любовь, ими мнѣ оказываемая, разсѣяли всѣ мечты враговъ и привели ихъ къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Народы Италіи, Голландіи и новыхъ департаментовъ Франціи соревнуютъ старинным французамъ въ усердіи и чувствуютъ, что надежда, будущность, благо ихъ—все заключено въ укрѣпленіи моей великой имперіи». Упомянувъ опять объ англичанахъ и конкордатѣ съ папою, Наполеонъ увѣрялъ, что *всѣ союзники вѣрны ему*, что онъ удержитъ неприкосновенность своей имперіи и что *русскіе опять уйдутъ въ свою ужасную землю* (rentreront dans leur affreux climat). Онъ закончилъ словами: «*Хочу* мира—онъ необходимъ міру. Четыре раза послѣ разрыва аміенскаго трактата торжественно предлагалъ я его. Но я требую мира честнаго, согласнаго съ благомъ и величіемъ моей имперіи. Моя политика откровенная; я говорю, чѣмъ могу пожертвовать. Пока сія *морская война* продолжается, *мои народы должны быть готовы на всѣ роды пожертвованій*, ибо худой миръ заставитъ насъ все потерять, даже надежды, и все погубитъ онъ, даже благодѣяніе нашихъ внуковъ. *Мнѣ нужны великія средства для издержекъ, какихъ требуютъ обстоятельства*, но при помощи разныхъ средствъ, я не наложу никакихъ новыхъ податей на мои народы».

Повѣрила ли Франція Наполеону, поняла ли она все это смѣшеніе нелѣпыхъ сказокъ и горькой истины, неизмѣнной самоувѣренности и тайнаго сознанія въ пораженіи, прикрытаго громкими словами? Франція безмолвствовала и повиновалась. Ей говорили, что надобны пожертвованія: она предложила ихъ. Опредѣленіемъ сената января 11-го 350.000 рекрутовъ поступило на дополненіе армій. Въ числѣ ихъ были помѣщены сто тысячныхъ когортъ, набранныхъ прежде, и уже учившихся ружью и строю цѣлый годъ. Мѣста ихъ замѣнили новыми конскриптами, забирая рекрутовъ даже за 1814-й годъ, такъ что число конскриптовъ простиралось до 250.000. Часть рекрутовъ послали въ Испанію, а оттуда вывели старыхъ солдатъ, для составленія полковыхъ кадровъ. Въ артиллеристы забрали матросовъ, привыкшихъ къ обращенію съ пушками, въ конницу поверстали городовыхъ жандармовъ. Недостатокъ лошадей замѣняли обобраніемъ ихъ по городамъ подъ видомъ

пожертвованій и ремонтами въ Ганноверѣ и Германіи. Гвардію составили изъ отборнаго народа, и кромѣ того образовали новый 10.000-й корпусъ изъ дворянъ, подъ именемъ конной почетной гвардіи. Пушки и ружья взяты были изъ огромныхъ арсеналовъ Меца, Страсбурга, Александріи, Антверпена. Войска учились день и ночь и отправлялись за границу. Въ арсеналахъ, на пороховыхъ заводахъ, въ мастерскихъ оружейниковъ, на ружейныхъ и литейныхъ заводахъ работали безпрерывно тысячи народа. Для образованія войскъ принято новое устройство: ихъ отправили ротами, на пути соединяли въ батальоны, за границу переходили они полками, и немедленно составляли дивизіи и корпуса. Все, что можно было удѣлить изъ Италіи, шло къ Рейну черезъ Тироль. Надобны были деньги. Наполеонъ выдалъ на половину своего сокровища, 300 милліоновъ, которые должно было возвратить и дополнить въ теченіе 1813 года. Бюджетъ показывалъ страшный недочетъ: доходъ составлялъ 950 милліоновъ, а расходъ 1150 милліоновъ, ибо на войско и на войну опредѣлялось 550 милліоновъ! Недостатокъ положено дополнить продажею земель, принадлежащихъ городамъ и разнымъ заведеніямъ, обезпечивая имъ доходъ платою изъ государственнаго казначейства. Наполеонъ сдержалъ свое слово. Къ апрѣлю мѣсяцу, считая остальныхъ союзниковъ, у него было полмилліона войскъ и 600 пушекъ. Прежніе маршалы и генералы предводили ими, осыпанные новыми наградами и подарками. Не щадили также наградъ и поощреній офицерамъ и чиновникамъ, и строгости за медленность и нерадѣніе. Онъ готовъ встрѣтить Европу, далеко не допуская ея до предѣловъ Франціи. Между тѣмъ и дипломатика его дѣйствовала неутомимо.

Только императору Александру и королю прусскому не дѣлано было никакихъ предложеній: Наполеонъ хорошо понялъ наконецъ Александра. Но, испытывая всѣ другія средства, онъ началъ переговоры даже съ Англіею, гдѣ Люціану обѣщано было примиреніе за успѣхъ и куда посланъ былъ втайнѣ ловкій дипломатъ Лабушеръ. Едва узнали о пріѣздѣ его въ Англію, велѣно было ему немедленно выѣхать. Люціанъ отрекся отъ всякихъ сношеній. Въ одно время начаты были переговоры съ бывшимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ: ему

обѣщали за союзъ шведскій тронъ, и съ Бернадоттомъ, которому обѣщали Финляндію. Споря съ своими союзниками, Бернадоттъ рѣшительно отрекся отъ всѣхъ сношеній съ Наполеономъ, и Кабръ, агентъ французскій, былъ высланъ изъ Швеціи.| Письмо Бернадотта къ Наполеону содержало въ себѣ язвительные упреки при всей скромности выраженій. Оправдывая поведеніе Швеціи, онъ говорилъ о честолюбіи Наполеона. «Вы хотите, Государь, воспретить народамъ исполненіе естественныхъ правъ ихъ, торговли, взаимной помощи, сношеній и мира.... Когда Швеція потеряла Финляндію, и король ея просилъ вашей помощи, вы отвѣчали: «Отнеситесь къ императору Александру, онъ великъ и великодушенъ».... Я скажу вамъ то же, ибо знаю расположеніе императора Александра на миръ. Бѣдствія Европы требуютъ мира, и В. В. не должны отвергать его. Обладатель прекраснѣйшей въ свѣтѣ земли, неужели всегда захотите Вы безпрестаннаго распространенія ея предѣловъ и завѣщаете рукѣ менѣе вашей сильной печальное наслѣдство нескончаемой войны? Не болѣе ли должны вы пожелать, государь, уврачевать раны революціи, отъ коей остаются теперь во Франціи только воспоминаніе ея воинской славы и дѣйствительныя бѣдствія? Уроки исторіи опровергаютъ мысль о всемірной монархіи, а чувство независимости можетъ быть задушено, но никогда не изгладится изъ сердца народовъ. Взвѣсьте, государь, всѣ сіи соображенія и помыслите о дѣйствительномъ всеобщемъ мирѣ, имя коего было донынѣ позорено и сопровождалось кровопролитіями».

Но чего же и могъ ожидать Наполеонъ отъ Швеціи и Англіи, когда другъ и родственникъ его, императоръ Францъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не рѣшилъ еще ни мира, ни войны, безпрестанно увѣряя въ дружбѣ и изъявляя опасенія противъ самовластія Россіи. Надлежало терпѣть и ожидать, ибо если и не союзъ, то нейтралитетъ, даже нерѣшительность Австріи давали перевѣсъ Наполеону, когда соединеніе Австріи съ Россіею и Пруссіею дѣлали борьбу рѣшительно невозможною. Вмѣсто Отто посланъ былъ въ Вѣну графъ Нарбоннъ, и его донесенія болѣе поляпили дѣло. Наполеонъ предложилъ за союзъ, даже за нейтралитетъ Австріи Силезію. Тогда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ Нарбонну заговорили о свободѣ

Германіи, о неудобствахъ Рейнскаго союза, объ уступкѣ Иллиріи. Извѣстія отъ Нарбонна, договоръ Фримона съ русскими, обезоруженіе Попятовскаго и слухи о безпрерывныхъ сношеніяхъ Австріи съ Россіею и Пруссіею пояснили истину. Наполеонъ рѣшился лучше не доводить Австріи до послѣднихъ объясненій: онъ уже готовъ на битву, и, если побѣда не измѣнитъ ему, всѣ отношенія измѣнятся при его торжествѣ. Отъ побѣды зависѣло рѣшеніе не только Австріи, но Баваріи и другихъ германскихъ властителей. Принуждаемые грозившею имъ силою Наполеона, они собирали войска, но медлили, находили отговорки; а между тѣмъ на берегахъ Рейна народъ готовъ былъ встрѣтить союзниковъ такимъ же привѣтомъ, какимъ встрѣтилъ ихъ въ Саксоніи, хотя король саксонскій не склонился на предложенія союза и при вступленіи русскихъ войскъ въ Саксонію оставилъ столицу и удалился въ Богемію, трогательнымъ воззваніемъ убѣждая подданныхъ покориться опредѣленіямъ судьбы. Король прусскій призывалъ монарха Саксоніи къ освобожденію Германіи. «Сколько ни тягостны отношенія, въ какія ставятъ меня послѣднія событія,— отвѣчалъ Августъ,—но, надѣюсь, В. В. отдадите справедливость чувствамъ, постоянно руководствовавшимъ всѣ мои дѣйствія, заботѣ о благѣ моихъ подданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженію къ обязательствамъ, единожды мною принятымъ». И здѣсь одно ли чувство благодарности и дружбы руководило короля саксонскаго? Не зналъ ли онъ, что побѣда союзниковъ еще не вѣрна, хотя при погибели Наполеона онъ не могъ ожидать пощады? Такъ и союзъ Даніи съ Наполеономъ держался только на томъ, что Данія умоляла союзниковъ оставить за нею Норвегію и не отдавать ея Швеціи. Данія поколебалась, когда русскій посланникъ, князь Долгорукій и шведскій, графъ Мернеръ, предложили вознаградить Норвегію участкомъ земель въ Германіи. Графъ Бернсторфъ посланъ былъ въ Англію, графъ Молтке къ императору Александру съ предложеніемъ отдать за Норвегію Гамбургъ и Любекъ. Тогда Данія приступала къ союзу. Начались споры, пока датскій король увѣрялъ союзниковъ въ желаніи возстать на «притѣснителя Европы» и твердилъ «притѣснителю Европы» о своей неизмѣнной дружбѣ.

Помышляя о начатіи военныхъ дѣйствій, какъ средствѣ рѣ-

шить всѣ затрудненія, Наполеонъ не послѣдовалъ совѣту своихъ министровъ, убѣждавшихъ его заключить миръ съ Испаніей и отдать Фердинанду испанское королевство. Онъ понималъ, что такой поступокъ, показывая слабость его, поведетъ къ худшему. Правда, что 150 тысячъ французской пѣхоты, 20 тысячъ конницы и 300 орудій, находившихся въ Испаніи, были бы важнымъ пособіемъ, но ожесточеніе испанцевъ и усилія англичанъ не могли ль побѣдить слабую волю Фердинанда, несмотря на всѣ клятвы дружбы, какими увѣрилъ бы онъ Наполеона? Тогда вторженіе сильныхъ армій угрожало югу Франціи. Дѣла въ Испаніи въ теченіе 1812 года представляли цѣпь потерь и неудачъ и остались въ концѣ года почти такими, каковы были въ началѣ его. Мы говорили объ извѣстіи, встревожившемъ Наполеона на бородинскомъ полѣ, вѣсти о побѣдѣ Веллингтона подъ Саламанкою. Она была не блестяща и, что еще важнѣе, оказалась безполезною. Дѣла начались въ Испаніи въ 1812 году отважными предпріятіями Сюше; онъ осадилъ Мурвіедро, разбилъ войска Блака, пришедшаго освободить осажденныхъ, взялъ Мурвіедро и обложилъ Валенцію, гдѣ затворился Блакъ. Января 9-го Блакъ сдался ему съ 15.000 войска. Наполеонъ наградилъ Сюше титуломъ герцога Альбуферскаго. Веллингтонъ выжидалъ времени въ Португаліи и началъ свои обыкновенные маневры. Въ январѣ быстро явился онъ у Ціудадъ-Родриго и удалился снова, пока Мармонъ шелъ на помощь. Обезпеченные полугодовою неподвижностью Веллингтона, ни Мармонъ, ни Іосифъ не приняли предосторожностей. Въ іюлѣ съ 75-ю тысячами англичанъ и португальцевъ и съ 60-ю тысячами испанцевъ Веллингтонъ явился снова и осадилъ Саламанку. Имѣя не болѣе 45-ти тысячъ, Мармонъ не могъ воспрепятствовать сдачѣ города послѣ двухнедѣльной осады. Тщетно убѣждалъ онъ Іосифа и Журдана поспѣшать на помощь. Видя однако жъ невыгодное положеніе Веллингтона, Мармонъ рѣшился на битву, 22 іюля былъ раненъ въ началѣ ея, и французы послѣ блестящихъ доказательствъ храбрости отступили, потерявъ до 9.000 убитыми и ранеными. Веллингтонъ обратился на Мадридъ. Расчетъ его былъ вѣрный. Испуганный Іосифъ оставилъ столицу, удалился къ Сюше, звалъ Сульта, приказывая ему оставить осаду Кадикса. Ссора

Балластероса съ Веллингтономъ, котораго не признавалъ онъ въ званіи генералиссимуса испанскихъ войскъ, какое дано ему было кортесами, дала возможность соединить корпуса Сульта и Журдана. Веллингтонъ, занявшій Мадридъ августа 14-го, не осмѣлился напасть на соединенныя войска ихъ, простоялъ у Толедо до половины сентября, обложилъ Мадридъ контрибуціей, истребилъ запасы и артиллерію, приготовленные тамъ французами, и рѣшился преслѣдовать остатки Мармонова корпуса, удалившіеся къ Бургосу. Онъ хотѣлъ овладѣть Бургосомъ, былъ отбитъ на двухъ приступахъ и, слыша о приближеніи Сугама, принявшаго начальство вмѣсто Мармона, съ одной стороны и Сульта съ другой, снялъ осаду, оставилъ Мадридъ и снова удалился къ португальскимъ границамъ. Іосифъ вступилъ въ Мадридъ ноября 2-го. Сультъ, принявъ начальство надъ сугамовымъ корпусомъ, соединилъ его съ своимъ и, имѣя до 80.000, сталъ въ Альба-де-Тормезъ, наблюдая Саламанку и Сіудадъ-Родриго и прикрывая Мадридъ. Сюше уничтожилъ высадку англичанъ на берега Валенціи; въ Каталоніи разбиты были отряды гверильясовъ, и всѣ успѣхи Веллингтона, коими обязанъ онъ былъ несогласію французскихъ маршаловъ и неспособности Іосифа, ограничились освобожденіемъ отъ французовъ южной Испаніи, хотя не было мѣры громкимъ и великолѣпнымъ возгласамъ англичанъ о славѣ англійскаго полководца и наградамъ за его «безсмертные подвиги». Постигая сущность дѣлъ въ Испаніи, Наполеонъ видѣлъ, что французы могли еще въ ней удержаться, несмотря на удаленіе изъ тамошней арміи значительной части старыхъ солдатъ въ большую армію и замѣну ихъ конскриптами. Побѣда въ Германіи рѣшала дѣло и въ Испаніи.

Наполеонъ исполнилъ совѣты своихъ министровъ только касательно примиренія съ папою. Надлежало успокоить умы прекращеніемъ споровъ, волновавшихъ галликанскую церковь. Пій VII жилъ въ Фонтенебло. Утомленный безполезною борьбой, онъ велъ переговоры. Наполеонъ хотѣлъ рѣшить дѣло личнымъ объясненіемъ. Неожиданно явился онъ съ блестящею свитой въ Фонтенебло. Пій VII встрѣтилъ его почтительно. Бесѣды были дружескія. Говоря по-итальянски, Наполеонъ называлъ первосвященника San padre, а папа Наполеона — mio figlio.

Дѣла окончили немедленно. Думалъ ли папа, что при возстаніи Европы скоро наступитъ часъ его свободы и тогда вынужденный договоръ уничтожится самъ собою или утомленъ онъ былъ спорами, но января 25-го подписанъ былъ имъ новый конкордатъ. Отказываясь отъ Рима, онъ избиралъ мѣстомъ пребыванія Авиньонъ. Наполеонъ оставлялъ ему всѣ права первосвященника католической церкви. Папа имѣлъ свой дворъ, какъ государь независимый, и получалъ два милліона франковъ дохода за уступку Рима Наполеону, утверждая гражданскую зависимость церкви въ Италіи и Франціи. Миръ и прощеніе объявлены были съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ роздалъ ордена и награды кардиналамъ и чиновникамъ папы. Еще одно важное распоряженіе заняло Наполеона. Кромѣ оскорбленія, какое нанесло ему покушеніе Малле, дерзнувшаго изъ тюрьмы своей распоряжать жребіемъ имперіи Наполеона, оно ужаснуло его тѣмъ, что показало, какъ ненадежно было владычество рода его во Франціи и какъ все держалось по его голову. Два слова: *Императоръ умеръ*, оцѣпеняли умы и повергали Францію въ безначаліе. Что жъ ожидало сына Наполеонова? Первымъ дѣломъ Наполеона по прибытіи въ Парижъ были подробныя объясненія съ Камбасересомъ, Савари и Фрошо. Слыша гнѣвные упреки его, всѣ ссылались другъ на друга. «Не упрекаю васъ въ излишней поспѣшности, съ какою осудили вы Малле,—говорилъ Наполеонъ,—не узнавши всѣхъ тайнъ заговора, не осуждаю и за глупую важность, какую придали вы дерзости его казнью—но какъ же вы забыли главное?» Всѣ смотрѣли на него въ недоумѣніи. «Да главное: *король умеръ, да здравствуетъ король!* я умеръ и со мною расчетъ конченъ, но во Франціи есть императоръ, сынъ мой, и я живъ въ немъ. Что жъ? Неужели вамъ непремѣнно надобны революціи, конституціи?»

Подробныя изслѣдованія дѣла Маллетова не открыли Наполеону никакого обширнаго заговора. Изъ всего явно было, что Малле принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ, но предпріятіе его было дѣломъ отчаяннаго рѣшенія, все отдававшаго случайности успѣха. Наполеонъ прекратилъ всѣ изслѣдованія, не обвинялъ никого, смѣнилъ только префекта парижскаго Фрошо, болѣе всѣхъ виноватаго въ оплошности; но мысль объ утвержденіи порядка наслѣдства озаботила его.

Угождая ему, всѣ адресы и привѣтствія наполнили упоминаніями объ его сынѣ, упованіи на него Франціи, преданности къ монархіи Наполеона, необходимости ея для отечества, изъявленіями скорби о безуміи человѣка (un homme en délire), дерзнувшаго помыслить о нарушеніи установленій, освященныхъ волею Бога. Никогда шахъ Персіи и богдыханъ Китая не слыхали такихъ громкихъ, великолѣпныхъ возгласовъ о преданности къ нимъ. Въ отвѣтахъ, говоря о необходимости монархической власти во Франціи, Наполеонъ не побоялся сказать, что «le roi est mort, vive le roi», было и должно быть основаніемъ постановленій Франціи; осуждая робость гражданскихъ чиновниковъ, онъ упомянулъ о Гарлаѣ и Моле, умершихъ при защитѣ государя, трона и законовъ. «Солдаты робкіе и трусливые разрушаютъ независимость государствъ,—говорилъ онъ,—малодушные гражданскіе чиновники разрушаютъ царство законовъ, права престоловъ и общественный порядокъ. Славна смерть солдата, погибающаго на полѣ чести, но смерть гражданскаго сановника, погибающаго при защитѣ государя, трона и законовъ, еще славнѣе». Съ высоты своего трона бранилъ онъ идеологовъ и всѣхъ, кто осмѣливается размышлять и думать, повинуясь власти. «Показывая такую любовь къ сыну моему, вы показываете, что вы убѣждены чувствомъ въ благодѣяніяхъ монархіи. Идеологіи, темной метафизикѣ, которая изыскиваетъ причины дѣлъ, и на нихъ хочетъ основать законодательство народовъ, вмѣсто приспособленія законовъ къ познанію сердца человѣческаго и урокамъ исторіи, должно приписать всѣ бѣдствія, испытанныя Франціею. Сіи заблужденія долженствовали привесть, и дѣйствительно привели правленіе кровожадныхъ чудовищъ. Кто провозглашаетъ возмущеніе противъ власти обязанностью? Кто льститъ народу, приглашая его къ владычеству, коего онъ неспособенъ исполнить? Кто уничтожалъ святость и почтеніе къ законамъ, подчиняя ихъ не священнымъ правиламъ справедливости, свойству дѣлъ и гражданскому правосудію, но единственно волѣ собранія людей, чуждыхъ познанія законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, правительственныхъ, политическихъ и военныхъ? Пересозидая государство, правилами совершенно противоположными должно руководствоваться»...

Постановленія объ управленіи Франціею въ его отсутствіе, о наслѣдіи престола сыномъ его въ случаѣ смерти заняли послѣднее время пребыванія Наполеона въ Парижѣ. Февраля 5-го и 6-го въ совѣтѣ его разсуждали объ утвержденіи регентства въ отсутствіе Наполеопа и въ случаѣ его смерти. Марта 6-го Наполеонъ посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, гдѣ привѣтствовали его прежніе товарищи Арколы, пирамидъ, Маренго, Аустерлица, Ауерштедта, Фридланда—увы! среди нихъ не было людей Бородина, Малоярославца и Березины. Двѣ недѣли провелъ потомъ Наполеонъ въ Тріанонѣ, осматривая и отправляя послѣднія войска и артиллерію за Рейнъ. Марта 30-го Марія-Луиза торжественно присягнула на санъ регентши и соблюденіе уставовъ его. Она оставалась правительницею Франціи и предсѣдательницею государственнаго совѣта. Марта 25-го объявили конкордатъ фонтенеблоскій. Все кончено. Учрежденъ порядокъ духовнаго и государственнаго управленія. Войско, сильнѣе прежняго, защищаетъ Францію. Новые полки конскриптовъ смѣнили прежнихъ въ защитѣ береговъ французскихъ. Будущность монархіи Наполеона упрочена присягою сыну его. Въ послѣдніе дни Наполеонъ являлся между народомъ, безъ свиты, вмѣшивался въ толпы его, разсыпалъ, бросалъ деньги и благодѣянія и слышалъ привѣты народные. «Государь!—восклицали передъ нимъ государственные чины на отпускной аудіенціи, гдѣ явился онъ въ величіи императора:—Богу угодно было допустить бѣдствія въ походѣ въ Россію для того только, чтобы очевидно показать средства вашей имперіи и усердіе вашихъ подданныхъ. Неприкосновенность вѣнца вашего укрѣплена. Вы принесете намъ славный миръ. Мы видѣли заботы ваши о насъ. Монархія, столь драгоцѣнная нашимъ предкамъ (si cher aux aïeux), навсегда утверждена регентствомъ». Наполеонъ отвѣчалъ, что идетъ стать во главѣ своего воинства, съ помощію Божію надѣется скоро возвратиться и короновать императрицу и короля римскаго. «Мысль о семъ великомъ торжествѣ упошу я въ сердцѣ моемъ,—говорилъ онъ,—и постараюсь поспѣшить ея исполненіемъ».

За два дня до отъѣзда Наполеопова явился Шварценбергъ. Миръ или война? Посолъ австрійскій требуетъ переговоровъ, изъявляя чувства дружбы и родства. Сомнѣнія почти не остает-

ся. Наполеонъ отвѣчаетъ на изъявленія чувства дружбы еще большими увѣреніями и довѣренностью. «Жаль только, что переговаривать нѣкогда. Я ѣду—у меня триста тысячъ на берегахъ Эльбы. Тамъ посмотримъ. Надѣюсь, что вы дадите мнѣ сотни полторы или двѣ тысячъ. Мы вмѣстѣ дружно ударимъ на русскихъ и умиримъ Европу». Марта 15-го, рано утромъ, Наполеонъ помчался изъ Сенъ-Клу.

Итакъ, всѣ труды, все величіе, *девять* лѣтъ царствованія, *четырнадцать* лѣтъ власти и столько побѣдъ привели къ тому, что опять мечъ свой долженъ бросить Наполеонъ въ чашу вѣсовъ судьбы. Опять отъ побѣды зависитъ у него все, какъ зависѣло оно въ 1800, 1805, 1806, 1809 годахъ. Но нѣтъ ли различія? Правда, тогда также на мечѣ единственно держалась власть и судьба Наполеона. Теперь, онъ думаетъ, что если также пускаетъ въ опасную игру случая жребій свой, то судьба его упрочена и за страшную ошибку 1812 года расплатится онъ, можетъ быть, какими-нибудь уступками. Но онъ страшно ошибается, прибавляетъ еще одну ошибку къ длинному ряду ихъ, начавшемуся съ Тильзитскаго мира. Онъ принимаетъ наружность за дѣйствительность. Опытъ бѣдствій не научилъ его. Чадъ лести и удушливая атмосфера внѣшняго величія кружатъ его голову, лишаютъ его проницанія. «Приводя громкіе возгласы сановниковъ Наполеона въ началѣ 1813 года, приводимъ ихъ,—говоритъ одинъ изъ историковъ Наполеона,—для того, чтобы справедливымъ презрѣніемъ поразить систему лести и лжей, до коей унижаются иногда властители народовъ, ободряя ее и даже надѣясь на ея помощь. Лесть и преувеличенные возгласы не только унижаютъ подвластныхъ, но приводятъ въ заблужденіе и властителей. Истина и откровенная рѣчь оскорбляютъ уже слухъ ихъ, когда ложь дѣлается привычнымъ языкомъ; ей вѣрятъ и опасность сознаютъ тогда только, когда невозможно ни избѣжать ея, ни сражаться съ нею»...

Дабы вполнѣ оцѣнить всѣ огромныя слѣдствія похода Наполеонова въ Россію, надобно сообразить положеніе Наполеона въ началѣ 1813 года. Мы убѣдимся, что онъ уже стоялъ тогда на краю бездны и никакія усилія не могли спасти его. Отношенія Европы, отношенія Франціи открывали гибель, ему

готовую. Драма была дописана — не доставало только развязки... Судьба писала ее...

Правда, и прежде противъ Наполеона вооружалась вся Европа, и теперь расчеты дипломатики могли разстроить союзы европейскіе, какъ разстраивали ихъ прежде. Но разница была безконечная: Пруссія и Австрія приступали теперь къ союзу, испытавши горькимъ опытомъ опасность медленія; въ главѣ союза былъ императоръ Александръ по праву побѣдителя; возсталъ духъ народовъ послѣ примѣровъ въ Испаніи и Россіи, показавшихъ, что̀ можетъ народная война; наконецъ Наполеонъ былъ *побѣжденъ;* возможность побѣды, надежда успѣха, духъ мести оживляли союзниковъ; они сражались за свободу Европы, разочарованной въ мечтахъ, нѣкогда волновавшихъ ее. Наполеонъ являлся притѣснителемъ, деспотомъ, сражавшимся за порабощеніе народовъ, за безумную мечту всемірнаго обладанія. Новыя ополченія, толпы войскъ, созданныя имъ въ три мѣсяца, конечно, показывали обширность средствъ его, и свидѣтельствовали о покорности ему Франціи; но могли ли новыя войска его, неопытныя, наскоро набранныя, худо вооруженныя, замѣнить прежнія, непобѣдимыя, испытанныя въ бояхъ ополченія, невозвратно и совершенно погибшія въ Россіи? Даже въ составѣ войскъ являлась поспѣшность: недоставало конницы; молодые, неопытные офицеры замѣняли старыхъ, но храбрость не замѣняла имъ опытности, когда противъ нихъ становились закаленныя, обстрѣленныя ополченія союзниковъ, предводимыя опытными генералами. Также не было надежды на союзниковъ Наполеона, сражавшихся по неволѣ, обезнадеженныхъ въ побѣдѣ, желавшихъ пораженія его, какъ вѣсти свободы.

Пораженіе Наполеона было неизбѣжно, а послѣ пораженія тщетно думалъ Наполеонъ опереться на любовь и преданность Франціи: ихъ не было. Франція *повиновалась* ему, но онъ давно утратилъ любовь народную; оставалось удивленіе и очарованіе славы: ихъ погубилъ онъ въ Россіи. Слава! Но походъ 1812 года одѣлъ въ трауръ сотни тысячъ семействъ, и уже вновь увлечено было въ ряды воинскіе болѣе полумилліона. Кромѣ 350.000, поступившихъ по опредѣленію января 11-го, апрѣля 3-го велѣно набрать еще 180.000 и августа

24-го 30.000. Увидимъ далѣе два набора въ октябрѣ и ноябрѣ—580.000! Слава! Но какое было дѣло до славы матери, отцу, у которыхъ вырывали на смерть дитя ихъ? Но если французовъ могла еще льстить слава, поддерживало еще чувство мести, даже страшила побѣда непріятелей, какое чувство могло одушевлять Германію, Голландію, Италію, ненавидѣвшія владычество французовъ, оскорбленныя утратою народности и самобытности? Никакія благодѣянія и учрежденія Наполеона не могли изгладить чувства скорби во Франціи, чувства ненависти въ другихъ, подвластныхъ ему странахъ, и страшный 1812 годъ все раскрылъ, все обнаружилъ, со всего сорвалъ покрывало! Наполеону нельзя было указать на побѣды, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ обману, выдумывать небывальщину, не стыдиться лжи, говоря о *морозахъ, роякъ татаръ четырехъ тысячахъ городовъ, сожженныхъ ими:* ложь не убѣждаетъ, хотя бы произнесена была съ трона. Бѣдствіе 1812 года перевело прежнюю рѣчь Наполеона къ его непріятелямъ, призывавшимъ на битвы во имя побѣды, отечества и свободы. Война 1813 года остановила торговлю, промышленность, прекратила движеніе капиталовъ. Народонаселеніе Парижа уменьшилось къ 1813 году ста десятью тысячами изъ 530.000. Треть домовъ стояла безъ наемщиковъ. Половина ремесленниковъ была безъ работы и безъ хлѣба. Ропотъ и унынie распространялись въ народѣ, и нѣсколькими горстями наполеондоровъ, которые бросилъ Наполеонъ, вмѣшиваясь въ толпу его, нельзя было ни утѣшить, ни накормить народъ. Что же значили офиціальныя изъявленія чувствъ, подсказанныя префектами? Гамбургъ, унижавшійся передъ тономъ Наполеона, радостно встрѣтилъ союзниковъ. Амстердамъ нетерпѣливо ждалъ ихъ. И даже Парижъ! Когда слухъ о смерти Наполеона былъ распространенъ Маллетомъ, Парижъ не радовался, но и не печалился—изъявилъ только тревогу о томъ, что будетъ, но не думалъ обратиться къ сыну, къ супругѣ Наполеона. Онъ готовъ былъ повиноваться, кому прикажутъ. Самъ Наполеонъ пріучилъ его повиноваться безусловно, требовалъ только повиновенія, и Парижъ будетъ повиноваться кому велятъ, тому, кто скажетъ, что война прекратится, что будетъ миръ. Неужели не найдется людей, которые взяли бы

на себя трудъ сказать ему о томъ? Неужели въ *девять лѣтъ* вымерли люди, которые возмущали Вандею и Бретань, *идеологи*, которыхъ удостоилъ онъ брани съ своего трона, люди всѣхъ партій, люди, которымъ измѣна все обѣщала? Нѣтъ! только смолкла, но не задохлась крамола, и она уже принималась за дѣло. Одни во имя республики, другіе во имя конституціи, третьи во имя Бурбоновъ — возмущали Францію. Пока Моро спѣшилъ изъ Америки на призывъ императора Александра, агенты Людовика XVIII-го разсыпали во Франціи прокламацію его, подписанную въ замкѣ Гартвельскомъ февраля 1-го. «Наступилъ часъ, когда Провидѣнію угодно прекратить гнѣвъ Свой,—говорилъ Людовикъ XVIII-й: «похититель трона святого Людовика, опустошитель Европы испытываетъ въ свою очередь бѣдствія. Они умножатъ только скорби Франціи, и неужели не осмѣлится Франція отвергнуть власть ненавистную, уже не прикрытую очарованіемъ побѣдъ? Что можетъ ей препятствовать броситься въ объятія законнаго короля ея, когда возвращеніе его будетъ ознаменовано миромъ, союзомъ и благоденствіемъ?» Людовикъ XVIII-й обѣщалъ сохраненіе всѣхъ уставовъ, забвеніе всего, что было сдѣлано въ революцію (relativement aux temps malheureux, dont son retour doit sceller l'entier oubli); «даже уложеніе,—говорилъ онъ,—которое *посрамлено именемъ Наполеона*, но состоитъ изъ древнихъ уставовъ, за исключеніемъ законовъ, *противныхъ религіи, которая, подобно свободѣ народной, подчинена прихотямъ тирана*, будетъ сохранено Франціи». Если послѣдними словами Людовикъ XVIII-й привлекалъ духовенство и изувѣрныхъ католиковъ, онъ увлекалъ всѣхъ своими другими обѣщаніями. «Король обѣщаетъ военнымъ сохранить званія, чины, жалованье и мѣста, ими занимаемыя, обѣщаетъ всѣмъ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ, которые примутъ его сторону, награды, болѣе прочныя и отличія болѣе почетныя, нежели тѣ, какія можетъ дать похититель, неблагодарный и безсовѣстный. Король обязуется уничтожить пагубную конскрипцію, разрушающую спокойствіе семействъ и надежду отечества. Возстановленіе короля будетъ переходомъ отъ тревоги военной, подкрѣпляющей тирана, къ благодѣяніямъ мира, ручательствомъ коего можетъ быть только слово законнаго государя». При

такихъ прокламаціяхъ, которыя тысячами разсѣвали въ народѣ, въ арміи, прилагаемы были письма Людовика XVIII-го къ императору Александру, коими просилъ онъ его обратить попеченіе на участь 150.000 французовъ, бывшихъ въ плѣну въ Россіи. «Подъ чьими бы знаменами они ни сражались, они несчастливы, они дѣти мои»,—говорилъ Людовикъ XVIII-й.— Поручаю ихъ благодѣяніямъ В. И. В.; да усладятъ милости ваши грустный жребій ихъ, и пусть узнаютъ они, что побѣдитель ихъ—другъ отца ихъ!» Наполеонъ увелъ французовъ въ Россію и бросилъ ихъ, требуя замѣны погибшихъ новыми жертвами, а Людовикъ заботится объ нихъ, и у сколькихъ матерей и отцовъ готово было проклятіе одному, благословеніе другому! Пока народъ увлекали такимъ образомъ приверженцы Бурбоновъ и республиканцы готовили оппозицію въ своихъ рядахъ, журналы, литература, онѣмѣвшіе подъ цензурою, уже издавали глухіе звуки, уже вопли ихъ прорывались въ сатирахъ, пасквиляхъ, пѣсняхъ, эпиграммахъ, которыхъ не могла уничтожить ни цензура, ни полиція. Никогда тайныя орудія насмѣшки, всесильной во Франціи, не были такъ злы и такъ наглы *). Не щадили клеветъ, ложныхъ слуховъ. Говорили, къ ужасу католиковъ, что, вынуждая согласіе на фонтенеблоскій конкордатъ, Наполеонъ ругалъ, билъ, таскалъ за волосы папу; что въ театрѣ встрѣтили его криками: «миръ! миръ!» и онъ бѣжалъ изъ театра.

Мы сказали о вещественныхъ недостаткахъ новой арміи Наполеона. Прибавимъ къ тому упадокъ духа и усталость всѣхъ старыхъ сподвижниковъ Наполеона и повторимъ, что говорили, излагая приготовленія его къ походу 1812 года: «Они были уже не прежніе». Двадцать лѣтъ боевой жизни среди тысячи смертей прибавились къ тому времени, когда они стали въ

*) Несмотря на строгость цензуры, тогда начались пѣсни Беранже и водевиль сыпалъ каламбуры и намеки на Наполеона. Модными шутками были: по случаю рѣчей сената, что l'empereur a perdu toute son argenterie, mais en revenant en France il a été étonné de retrouver tous ses *plats* au Sénat; по случаю охоты Наполеона, que ce serait un plaisir de voir l'empereur *chasser*. На Тюльери явилась огромная афиша: Fonds à vendre... pas cher... fabrique des *sires*. На Вандомской колоннѣ прибыли бѣшеные стихи, гдѣ говорили, что „если бы собрать всю кровь, пролитую тираномъ, на ней стоящимъ, онъ могъ бы плыть ее не наклоняясь"!

ряды республиканскихъ войскъ и сражались съ Наполеономъ въ Италіи и Египтѣ. Они были стары, изранены и, что еще болѣе, богаты, осыпаны почестями, даже въ родпѣ царямъ. Прежде каждое ядро обѣщало имъ все; теперь каждое ядро грозило лишить ихъ всего, лишая наслажденій плодами трудовъ, жизнью и ея благами. Все прикрывалось прежде побѣдою и славою, и со всего сорвалъ покрывало, все обнажилъ походъ 1812 года, противъ котораго многіе изъ нихъ столь горячо спорили. Вице-король Евгеній, благоговѣющій передъ Наполеономъ, Бертье, привыкшій повиноваться не думая, Дюрокъ, Бессьеръ, лично преданные Наполеону, не раздѣляли судьбы своей отъ его, но не такъ думали, если не всѣ, то многіе другіе. Легкомысленный Мюратъ готовъ былъ первый сдѣлаться неблагодарнымъ. «Я боленъ» говорилъ онъ Бертье, уѣзжая изъ арміи, «и что тутъ дѣлать мнѣ, королю? Провожать эту сволочь достаточно генерала какого-нибудь!»—«И я боленъ, но остаюсь!» отвѣчалъ Бертье. — «Можешь, но для меня довольно: если *ему* угодно сломить себѣ шею, пусть сломитъ ее онъ одинъ. Пусть передастъ начальство Богарне, который начальствуетъ надо мною въ Италіи: онъ мой господинъ, онъ любимецъ его!» Братья Наполеона порицали его поступки и дѣла: Іосифъ, умолявшій избавить его отъ королевства Испанскаго; Людовикъ, удалившійся въ Швейцарію, когда союзники заняли Саксонію; Іеронимъ, прогнанный изъ Россіи и съ часу на часъ ожидавшій, что Наполеонъ сниметъ съ него корону или союзники выгонятъ его изъ Вестфаліи. Вице-король втайнѣ осуждалъ своего отчима. Другіе возставали явно, и даже измѣна и заговоръ были готовы внѣдриться въ арміи Наполеона. Остались достовѣрныя извѣстія, что послѣ побѣга изъ Россіи Ней замышлялъ противъ Наполеона—Ней, «храбрѣйшій изъ храбрыхъ», честный солдатъ въ душѣ! Что жъ могли думать наглый Ожеро и ему подобные? Вотъ что Ожеро говорилъ Фуше послѣ люценской и бауценской битвъ. «Кажется, наше солнце навсегда закатилось. Похожи ли эти двѣ драки, о которыхъ онъ столько шумитъ, на прежнія наши итальянскія побѣды, когда *я* училъ Бонапарте искусству воевать, которое онъ перепортилъ! Столько труда, и что же? два марша впередъ! Мы выучили непріятелей драться!

Бессьера убили, Дюрока убили! Какая война! Намъ всѣмъ грозитъ одинакая участь. Онъ не помирится: ты знаешь его не хуже меня! Да, онъ не уступитъ, пока не сорвутъ съ него головы, а въ ожиданіи такой благодати, сорвутъ сперва головы съ насъ!» Такимъ расположеніемъ умовъ могъ ли не воспользоваться неутомимый въ изысканіи средствъ Людовикъ XVIII-й! Онъ и воспользовался имъ: ко всѣмъ значительнымъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ разосланы были письма его, гдѣ, подтверждая сказанное вообще въ прокламаціи, Людовикъ XVIII-й каждому отдѣльно подтверждалъ не только сохраненіе мѣста, чина, званія, но прибавку ко всему и награды; подобныя письма разбросаны были въ полки, и то, что возбудило бы насмѣшку и негодованіе до похода въ Россію, послѣ него было страшнѣе пушекъ, которыя сотнями готовы были загремѣть противъ Наполеона.

Когда все готово было измѣнить ему, не измѣнялъ ли самому себѣ и Наполеонъ? Несмотря на проблески генія, прежнимъ ли явился онъ въ походѣ 1812-го года? Нѣтъ, и на немъ уже лежала печать жизни и лѣтъ. Но если у него достало силъ пережить 1812 годъ и если судьба пощадила его среди бѣдствій неслыханныхъ, онъ найдетъ еще новыя силы въ самомъ себѣ; судьба пощадитъ его еще, ибо въ Наполеонѣ готовитъ она великій урокъ, вѣковое поученіе человѣчеству, и паденіе его будетъ шумно, отзовется во всѣхъ концахъ свѣта. На похороны величія его соберется вся Европа. Громоносна и кровава будетъ тризна на могилѣ славы его! Тронъ свой отдастъ онъ тогда только, когда милліонъ мечей будетъ рубить основанія его, когда отъ Наполеона всѣ отступятся, когда ближніе возстанутъ противъ него, неблагодарность къ нему будетъ заслугою, измѣна ему подвигомъ. Время, остающееся до паденія его, сокращается, какъ будто бѣжитъ поспѣшнѣе передъ Наполеономъ: семь мѣсяцевъ продолжался походъ его въ 1812 году, пять мѣсяцевъ продолжится въ 1813-мъ, въ три мѣсяца кончится въ 1814 году. Но сіи пятнадцать мѣсяцевъ заключатъ въ себѣ событія пятнадцати столѣтій.

Оставя Парижъ апрѣля 15-го, на другой день Наполеонъ былъ въ Майнцѣ и 25-го въ Эрфуртѣ. Онъ опять среди своихъ ополченій, удаленъ отъ крамолъ и сплетней дипломатики

и политики. Его опять привѣтствуютъ властителя государствъ: въ Майнцѣ примасъ Рейнскаго союза, герцоги баденскій, гессенъ-дармштадскій, нассаускій, въ Эрфуртѣ саксенъ-готскій, саксенъ-веймарскій, хотя супруга наслѣдника веймарскаго, сестра императора Александра, удалилась въ Богемію и въ день вступленія Наполеона въ Веймаръ Александръ посѣтилъ ее въ Теплицѣ. Короли баварскій и виртембергскій соединяютъ свои войска съ Наполеоновыми. Ихъ обѣщаетъ и саксонскій король, хотя столица его занята и даже многіе изъ саксонцевъ самовольно стали въ ряды непріятельскіе. Если нѣсколько князей Рейнскаго союза находятся уже въ лагеряхъ союзниковъ, другіе покорны Наполеону. Арміи его громадны, и при кликѣ ихъ, при отголоскахъ отдаленныхъ выстрѣловъ, всѣ расчеты, всѣ страсти забыты. Ней и Ожеро равно клянутся отмстить за потерянныя битвы. Мюрата нѣтъ еще, но явится и онъ. Войска Наполеона должны были составить 14 корпусовъ, считая за отдѣльный, 10-й по счету, корпусъ гарнизонъ данцигскій, подъ начальствомъ Раппа. Кромѣ Данцига, во власти Наполеона держались еще крѣпости: Глогау, Кюстринъ и Штеттинъ на Одерѣ, Модлинъ и Замостье въ Варшавскомъ герцогствѣ. *Тринадцатый* корпусъ, Даву, былъ отдѣленъ для охраненія Голландіи и Ганновера; тамъ находился при началѣ похода 1-й корпусъ, Вандама, формированный на Везелѣ; 9-й, Ожеро, былъ обсерваціонный баварскій, формированный въ Вюрцбургѣ; пять корпусовъ еще формировались: 2-й Виктора, въ Майнцѣ и на Заалѣ; 7-й, Ренье, близъ Торгау; 8-й, Понятовскаго, изъ польскихъ войскъ, пришедшихъ черезъ Австрію, послѣ Фримонова договора, и 14-й, Сенъ-Сира, изъ саксонцевъ, сформированный гораздо послѣ, въ Лузаціи и Саксоніи. Наполеонъ началъ походъ съ *шестью* корпусами: 3-мъ, *Нея*, формированнымъ во Франкфуртѣ; 4-мъ, *Бертрана*, пришедшимъ изъ Италіи; 5-мъ, *Лористона*, формированнымъ въ Магдебургѣ; 6-мъ, *Мармона*, формированнымъ въ Ганау; 11-мъ, *Макдональда*, формированнымъ на Одерѣ, и 12-мъ, *Удино*, формированнымъ въ Италіи. Кромѣ того, были у него: старая гвардія, подъ начальствомъ *Сульта*, и молодая гвардія подъ начальствомъ *Мортье*; гвардейскою кавалеріею командовалъ *Бессьеръ*. При сей главной дѣйствующей арміи было болѣе 200

пушекъ, подъ начальствомъ Сорбье; инженерами командовалъ ген. Ронья; генералъ Матьё Дюма былъ генералъ-интендантомъ; гвардейскою артиллеріею начальствовалъ Дюлолуа. Въ рядахъ французскихъ, кромѣ поляковъ, саксонцевъ, вестфальцевъ, были еще виртембергцы, баденцы, гессенцы, баварцы. При особѣ Наполеона находились *Дюрокъ* и *Коленкуръ*; *Бертье*, попрежнему, былъ начальникомъ штаба; одиннадцать генералъ-адъютантовъ Наполеоновыхъ были: Лебрюнъ, Мутонъ, Дюронель, Гогендорпъ, Бернаръ, Корбино, Друо, Флао, Дежанъ, Пацъ и Коссаковскій; полковникъ Гурго былъ главнымъ ординарцемъ, имѣя подъ начальствомъ цвѣтъ французскаго юношества, 12 молодыхъ ординарцевъ (Аремберга, Аталенъ, Мортемаръ, Лористонъ, Дезе, Лапласъ, Караманъ и проч.). Съ выѣздомъ изъ Веймара Наполеонъ сѣлъ на свою боевую лошадь и повелъ впередъ гвардію. Война 1813 года началась.

Тогдашнее положеніе союзниковъ отчасти оправдывало опасенія Кутузова, споривша го противъ обширнаго растяженія союзныхъ войскъ. Занявши великое пространство Германіи и перенося мѣсто военныхъ дѣйствій за Эльбу, союзники могли противопоставить Наполеону въ главной дѣйствующей арміи не болѣе ста тысячъ человѣкъ. Резервы ихъ были разсѣяны на пространствѣ земель до Нѣмана; часть войскъ блокировала и осаждала крѣпости; прусскія войска не всѣ еще были готовы. Наполеонъ соображалъ растянутое положеніе непріятеля отъ Гамбурга до Дрездена и на немъ основывалъ надежду побѣды. Даву велѣно было отнять Гамбургъ и принудить на рѣшительный отвѣтъ Данію. Самъ Наполеонъ предположилъ идти на Лейпцигъ и отсюда дѣйствовать какъ укажутъ обстоятельства. Онъ могъ изъ Лейпцига вторгнуться за Эльбу, разрѣзать арміи союзниковъ, и протягивалъ руки на Дрезденъ и Берлинъ. Обладая первымъ, онъ принуждалъ къ союзу Саксонію. Взятіе прусской столицы могло имѣть еще болѣе важныя слѣдствія. Вице-королю Евгенію велѣно было идти къ Лейпцигу по лѣвому берегу Заалы и Эльбы, съ войсками Виктора, Лористона, Макдональда и Латуръ-Мобура; Наполеонъ повелъ туда отъ Веймара корпуса Нея, Бертрана, Мармона и Удино. Соединенныя вмѣстѣ, всѣ сіи войска составляли до 120-ти тысячъ, но они были разъединены, при движеніи вице-короля съ

одной и Наполеона съ другой стороны. Оставя Виктора прикрывать Магдебургъ, вице-король сбилъ прусскій отрядъ Клейста въ Мерзебургѣ и заставилъ его отступать къ Лейпцигу. Ней заставилъ также отступить русскій отрядъ Ланского изъ Вейсенфельса, куда Наполеонъ прибылъ апрѣля 30-го. На другой день войска Нея двинулись далѣе. Въ Риппахѣ, на пути къ Люцену, генералъ Ланской сильно обстрѣливалъ наступающія войска, но принужденъ былъ очистить дорогу и отступить вправо, къ Пегау на Эльстерѣ. Дѣло было незначительно, но нанесло скорбь Наполеону: онъ лишился здѣсь вѣрнаго, храбраго Бессьера, въ теченіе семнадцати лѣтъ неразлучнаго своего сопутника; ядромъ съ русской батареи разорвало его, когда онъ подъѣхалъ къ цѣпи стрѣлковъ. Печальное предзнаменованіе при началѣ похода. Грустно свидѣлся вечеромъ Наполеонъ съ вице-королемъ Евгеніемъ. Войско расположилось на люценскомъ полѣ, памятномъ смертью Густава-Адольфа, павшаго здѣсь въ битвѣ, въ 1632 году. Наполеонъ былъ въ Люценѣ. Охраняя правый флангъ отъ внезапнаго нападенія русскихъ изъ Пегау, Ней занялъ селенія Рану, Кайю, Большой и Малый Гершены, вправо отъ Люцена. Войска вице-короля стояли далѣе по дорогѣ къ Лейпцигу, въ Ронштедтѣ. Ничто не предвѣщало битвы. Утромъ апрѣля 20-го (мая 2-го) войска вице-короля пошли на Лейпцигъ. Лористонъ приблизился къ Линденау, предмѣстью Лейпцига. Началась перестрѣлка. Услышавъ пальбу, Наполеонъ поѣхалъ къ мѣсту боя; съ нимъ былъ Ней. Вся дорога отъ Вейсенфельса до Лейпцига была покрыта войсками. Переѣхавъ Флоссъ-Грабенъ, гдѣ поставленъ памятникъ на мѣстѣ кончины Густава-Адольфа, Наполеонъ приближался къ Лейпцигу, могъ уже различать сраженіе у Линденау и замѣтилъ множество жителей Лейпцига на крышахъ городскихъ домовъ; они смотрѣли на битву. Былъ полдень. Внезапно раздались пушечные выстрѣлы взади, вправо отъ Люцена. Опытный слухъ и вѣрный взглядъ Наполеона мгновенно показалъ ему неожиданную опасность: начинался первый великій бой его съ Европою. Ней поскакалъ во весь опоръ назадъ; за нимъ слѣдовалъ Наполеонъ.

Вопреки мнѣнію Наполеона, союзники не были разсѣяны такъ, чтобы почитали невозможнымъ остановить его стремленіе

на Лейпцигъ. Они рѣшились, напротивъ, предупредить нападеніе и воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ, въ какомъ были Наполеоновы войска, растянутыя отъ Эрфурта до Лейпцига. Кутузова уже не было тогда въ здѣшнемъ мірѣ. Старецъ-побѣдитель тихо почилъ, оплакиваемый отечествомъ, предметъ благоговѣйнаго удивленія Россіи и Европы. Онъ скончался за три дня до Люценской битвы, въ Бунцлау, гдѣ болѣзнь принудила его остановиться. Начальство надъ союзными войсками передано было графу Витгенштейну, защитнику Петербурга въ 1812 году. Витгенштейнъ, пылкій, отважный, нетерпѣливо хотѣлъ помѣряться силами съ новыми ополченіями Наполеона. Желаніе его раздѣляли поюнѣвшій Блюхеръ, императоръ Александръ, король прусскій и всѣ войска. Быстро сдвинуты были корпуса прусскіе и русскіе между Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Наполеонъ не зналъ, что, когда онъ ночевалъ въ Люценѣ, вправо отъ него собралось 90.000 союзниковъ, и рано утромъ они готовы были ударить на корпусъ Нея, остававшійся въ селеніяхъ вправо отъ Люцена. Медленное движеніе прусскихъ войскъ замедлило начало битвы. Оно было торжественно. Оба союзные монарха прибыли на люценское поле. День былъ ясный. Блюхеръ подъѣхалъ къ Витгенштейну, преклонилъ саблю и просилъ позволенія нападать. *Съ Божіею помощью!* отвѣчалъ ему Витгенштейнъ. Пруссаки пошли въ бой съ радостнымъ кликомъ. Императоръ Александръ ѣхалъ за ними и остановился на холмѣ у Большого Гершена. Сильнымъ ударомъ заняты были оба Гершена и Рана; союзники пробивались въ Кайю, близъ Люцена.

Прибытіе Нея остановило успѣхи. Примчался Наполеонъ. Оживленные присутствіемъ его, французскія войска стали упорно. Надлежало удержаться, пока подойдутъ войска Мармона и Бертрана отъ Вейсенфельса и войска вице-короля, которымъ послано повелѣніе спѣшить отъ Лейпцига. Между тѣмъ жарко кипѣла битва. До 5-ти часовъ пополудни селенія нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Блюхеръ вводилъ постепенно болѣе войскъ въ дѣло. Наполеонъ бросался въ огонь и, осыпаемый картечами, кричалъ копскриптамъ, не выдерживавшимъ боя: «Стыдитесь, молодые солдаты! На васъ была надежда моя, на вашу храбрость, а вы уступаете!» Съ

крикомъ: Vive l'empereur! конскрипты обращались въ бой и умирали, поражаемые, громимые непріятелемъ. Начальникъ штаба Неева корпуса, генералъ Гуре, былъ убитъ подлѣ Нея. Генералъ Жираръ, жестоко раненый, не оставлялъ битвы. «Теперь настало время, когда всякій, у кого есть сердце, долженъ побѣдить или умереть!» говорилъ онъ. У Шемпно и Гилльо оторвало ноги. Бренье, Прете, Беранже были ранены. Около 5-ти часовъ пришелъ Мармонъ и сталъ справа у Старзиделя; за нимъ сталъ Бертранъ у Кельцена. Императоръ Александръ приказалъ генералу Никитину выдвинуть противъ нихъ 40 орудій. «Я самъ буду смотрѣть на дѣйствіе твоей артиллеріи!» говорилъ онъ. Витгенштейнъ прикрылъ батарею кавалеріею Винцингероде и послалъ принца Евгенія виртембергскаго обходить лѣвый флангъ непріятеля черезъ Эйсдорфъ. Тормасовъ ввелъ въ битву главную русскую армію. Бой усиливался. Въ 6 часовъ облака пыли по лейпцигской дорогѣ показали приближеніе вице-короля. Тогда Наполеонъ сомкнулъ въ карей гвардію, подкрѣпилъ ихъ восьмьюдесятью пушками и самъ повелъ на Рану и Клейнъ-Гершенъ; Мармону велѣно напирать справа, вице-королю слѣва. Принцъ виртембергскій былъ вытѣсненъ имъ изъ Эйсдорфа. Коновницынъ посланъ подкрѣпить отступавшихъ гренадерами и былъ раненъ. Шаховской принялъ начальство. Императоръ Александръ самъ прибылъ сюда. Штыки русскихъ гренадеровъ удержали вице-короля за флоссграбенскимъ ручьемъ. Но убійственная свалка шла въ центрѣ. Рану и Малый Гершенъ занимали и отбивали то французы, то союзники. Подъ Мортье убили лошадь, подъ Дюмутье также, и они едва не были смяты при паденіи солдатами. Блюхеръ былъ раненъ, но только свирѣпѣлъ болѣе; начальникъ штаба его, Шарнгорстъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ прусскихъ, вынесенъ изъ боя смертельно раненый. Принцъ мекленбургъ-стрелицкій и принцъ Леопольдъ гессенъ-гамбургскій запечатлѣли здѣсь кровью возстаніе Германіи: оба смертельно раненые, они умерли отъ ранъ, едва вынесли ихъ изъ битвы; оба они были похоронены на люценскомъ полѣ. Въ 8 часовъ вечера Малый Гершенъ и Рана остались въ рукахъ французовъ. Союзники удержались въ Большомъ Гершенѣ. Наполеонъ прекратилъ битву. Онъ оставилъ войска въ карейхъ

на главныхъ мѣстахъ битвы и самъ осматривалъ передовыя цѣпи, опасаясь внезапнаго нападенія. Опасеніе оказалось справедливо. Темнѣло, когда Наполеонъ отправился въ Люценъ и услышалъ за собою возобновившуюся перестрѣлку. Немедленно обратился онъ назадъ, но дѣло уже кончилось: нетерпѣливый Блюхеръ думалъ воспользоваться безпорядкомъ послѣ боя и атаковалъ французовъ кавалеріею. Дюмутье встрѣтилъ его сильнымъ ружейнымъ огнемъ и заставилъ отступить. У Лейпцига дѣло шло удачно. Лористонъ занялъ Лейпцигъ и отрядилъ войска на сообщенія союзниковъ.

Съ обѣихъ сторонъ хотѣли продолжать битву на другой день. Ночью Наполеонъ стягивалъ войска къ Люцену; велѣно даже Лористону оставить Лейпцигъ. Союзники не рѣшились однако жъ возобновить бой. Одною изъ причинъ былъ недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ, ибо парки отстали при быстромъ движеніи арміи. Можно было ожидать упорнаго сопротивленія французовъ. Императоръ Александръ не хотѣлъ «предоставлять случайностямъ битвы того, чего вскорѣ можно будетъ достигнуть навѣрное». Ночью союзныя войска перешли за Эльстеръ. Отступленіе ихъ дало возможность Наполеону провозгласить люценскую битву побѣдою. Она была кровопролитна и стоила союзникамъ до 260 офицеровъ и 11.000 рядовыхъ убитыми и ранеными. Два принца германскіе пали въ ней, и нѣсколько генераловъ союзныхъ было ранено и умерло отъ ранъ. Французы сдѣлали до 40 тысячъ выстрѣловъ пушечныхъ и потеряли до 15.000 человѣкъ. Одинаково храбро дрались здѣсь и конскрипты Наполеона, и прусское юношество, тѣ и другіе впервые увидѣвшіе битву. Почти равнымъ числомъ войска Наполеонъ удержалъ неукротимое стремленіе опытныхъ войскъ союзныхъ, ибо всѣ союзныя войска были введены въ битву, кромѣ корпуса Милорадовича. Стоя въ Цейцѣ и слыша гулъ битвы, горестно говорилъ онъ: «Въ первый разъ въ жизни, слыша пальбу—не сражаюсь!» Если Наполеонъ не щадилъ себя, Александръ также безстрашно стоялъ подъ пулями, и когда уговаривали его отойти, онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Эти пули не для меня!» Люценская битва, конечно, принадлежитъ къ блистательнымъ битвамъ Наполеона. Не имѣя конницы, которая дала бы ему возможность знать движенія

союзниковъ, онъ былъ захваченъ врасплохъ, смѣло удержалъ первый напоръ, быстро сдвинулъ войска и остановилъ непріятелей, одушевленныхъ надеждою побѣды.

Но люценская битва не была побѣдою: Наполеонъ только удержался. Поспѣшность, съ какою приступили къ дѣлу союзники, при чемъ Витгенштейнъ, только наканунѣ принявшій начальство, не могъ распорядиться подробностями боя, промедленіе въ движеніяхъ прусскихъ войскъ и происшедшее изъ того разстройство плана битвы способствовали неуспѣху союзниковъ. Но десять часовъ битвы, стоившей 26.000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, битвы, гдѣ Наполеонъ явилъ геній полководца и храбрость солдата, все являлось безполезнымъ;— побѣды не было,—не было и трофеевъ: ни *одна* пушка, ни *одно* знамя не достались французамъ; не было и плѣнныхъ, кромѣ подобранныхъ на полѣ битвы около тысячи человѣкъ раненыхъ. Союзники захватили 5 пушекъ и до 800 плѣнныхъ. Отступленіе союзниковъ было произвольное, и совершенно стройно и грозно.

И оно казалось достаточнымъ для начала, ибо оправдывало провозглашеніе люценскаго боя побѣдою, оживляло духъ войска, радовало Францію, устрашало враговъ Наполеона.

Онъ измѣнилъ планъ похода послѣ люценскаго сраженія, рѣшился преслѣдовать союзниковъ, занять Дрезденъ и въ немъ, а не въ Лейпцигѣ утвердить точку опоры, туда сдвинуть всѣ свои войска, итти за Эльбу и принудить непріятеля къ битвѣ рѣшительной. На другой день началось преслѣдованіе. Союзники отступали на Дрезденъ двумя колоннами. Милорадовичъ, съ 18-ю тысячами, составляя аріергардъ, защищалъ отступленіе. Главная армія союзниковъ перешла за Эльбу ниже Дрездена и стала въ Радебургѣ, Кенигсбрюкѣ и Гроссенгайнѣ, защищая переправы въ Мюльбергѣ и Мейссенѣ. Милорадовичъ бился на каждомъ шагу и отступалъ на Дрезденъ. Императоръ Александръ прибылъ въ саксонскую столицу и видѣлъ усердіе жителей, котораго не поколебала мнимая люценская побѣда. Желая доказать преданность свою, они собрались вечеромъ передъ окнами жилища императора Александра и дали серенаду съ факелами. На другой день русскіе очистили Дрезденъ, перешли за Эльбу и заняли Нейштадтъ, зарѣчное пред-

мѣстіе. Мая 7-го Наполеонъ явился съ войсками у Дрездена. Страшась гнѣва его, дрезденцы принуждены были радоваться, звонили въ колокола въ честь его прибытія, и почетная депутація встрѣтила его за городскими воротами. Онъ казался сильно разсерженнымъ: «Вы стоили бы»,—говорилъ онъ депутатамъ,—«чтобы съ вами поступать, какъ съ непріятелями! Знаю, какъ вы угощали моихъ враговъ и сколько изъ васъ записалось въ ихъ войска; знаю ругательства на меня, вами напечатанныя, которыхъ вы не успѣли сжечь, какъ не успѣли смести съ улицъ вашихъ цвѣтовъ, которыми вы усыпали путь непріятелямъ. Благословляйте вашего короля: прощаю васъ изъ любви къ нему!»

Между тѣмъ шла перестрѣлка черезъ Эльбу съ Милорадовичемъ. Часть великолѣпнаго моста дрезденскаго была подорвана Даву при выходѣ его изъ Дрездена въ мартѣ мѣсяцѣ. Наполеонъ послалъ наводить мостъ въ Призницѣ выше, другой ниже Дрездена, третій въ самомъ Дрезденѣ. Милорадовичъ открылъ канонаду съ праваго берега. На другой день французы отвѣчали сильною пальбою. Стѣны и окна дрожали отъ грома 150 пушекъ, гремѣвшихъ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ самъ распоряжался постройкою мостовъ. Гранатой взорвало подлѣ него зарядный ящикъ и осыпало его осколками; другая граната перелетѣла и лопнула сзади его; батальонъ итальянцевъ стоялъ за нимъ. Нѣсколько солдатъ оробѣли и присѣли къ землѣ. Наполеонъ оборотился къ нимъ и сказалъ смѣясь: «Ахъ, трусы! non fa male». Мосты были наведены. Милорадовичъ очистилъ Нейштадтъ мая 10-го. По отступленіи его союзники не дожидались приближенія войскъ Наполеона, переходившихъ за Эльбу, и начали дальнѣйшее отступленіе отъ Эльбы. Наполеонъ оставался въ Дрезденѣ недѣлю. Здѣсь простился онъ съ вице-королемъ Евгеніемъ, не думая, что уже не увидится съ нимъ болѣе въ здѣшнемъ мірѣ. Евгенію препоручено было формировать новыя итальянскія войска, рѣшить сомнительныя отношенія Мюрата и охранять предѣлы Италіи. При отъѣздѣ Евгенія Наполеонъ долго держалъ его въ объятіяхъ, какъ будто тревожимый мрачнымъ предчувствіемъ. Онъ подарилъ старшей дочери его (впослѣдствіи королевѣ шведской, Жозефинѣ) дворецъ въ Болоніи и герцогство Гальерское, съ титуломъ Галльерской герцогини.

Одпимъ изъ первыхъ дѣлъ Наполеопа были окончательные переговоры съ королемъ саксонскимъ. Называя его другомъ своимъ, увѣренный въ личной преданности его, Наполеонъ видѣлъ явную непріязнь саксонцевъ и понималъ затруднительное положеніе властителя ихъ. Король оставался въ Прагѣ, даже заключилъ договоръ съ Австріею, коимъ обязался соображаться съ ея рѣшеніемъ. Тильманъ, комендантъ Торгау, не впускалъ въ торгаускую крѣпость французовъ. Монтескьу былъ отправленъ къ королю и требовалъ его рѣшенія на союзъ, возвращенія въ Дрезденъ, отдачи Торгау, или, говорилъ онъ, императоръ будетъ почитать Саксонію завоеванною землею. Несчастный монархъ саксонскій принужденъ былъ довѣрить судьбу свою счастью Наполеонову. Онъ пріѣхалъ въ Дрезденъ и со слезами изъяснилъ Наполеону свое положеніе. Наполеонъ встрѣтилъ его съ большими почестями, изъявилъ ему дружбу, утѣшалъ надеждами. Торгау сдали французамъ. Тильманъ бѣжалъ и поступилъ въ русскую службу.

Пока устроивались войска, Дрезденъ, какъ главное мѣсто военныхъ дѣйствій, укрѣпляли, обносили валами, свозили въ него запасы, готовили госпитали для раненыхъ. Впереди предвидѣлись кровавыя битвы.

Графъ Бубна явился въ Дрезденѣ посломъ императора австрійскаго. Переговоры Шварценберга съ Маре ничѣмъ не кончились. Непріязнь была видна въ нихъ, но не выказывалась явно. Говоря однажды о супружествѣ Маріи-Лупзы, Маре принудилъ даже Шварценберга сказать: Ah! le mariage! la politique l'a fait, mais.... (*Ахъ! что супружество! Политика заключила его, но....*), и осторожный дипломатъ не прибавилъ ни слова, какъ ни просилъ его Море говорить рѣшительно. Не менѣе скроменъ былъ Бубна. Разсыпаясь попрежнему въ увѣреніяхъ дружбы, онъ ничего не говорилъ объ условіяхъ ея; сказалъ только одно, что Австрія не рѣшается ни на войну, ни на союзъ съ Франціею и избираетъ вооруженное посредничество, первымъ основаніемъ коего долженъ быть всеобщій миръ и первымъ условіемъ утвержденіе рода Наполеонова незыблемо на французскомъ престолѣ и что, желая всеобщаго мира, Австрія предлагаетъ собрать общій конгрессъ. Наполеонъ отвергъ перемиріе, необходимое для коп-

гресса, увѣренный, что побѣда можетъ быть самымъ убѣдительнымъ средствомъ склонить Австрію на нейтралитетъ. Союза онъ уже не надѣялся, но, продолжая войну, онъ согласился на собраніе конгресса. Бубна отправился въ Вѣну, повторяя увѣренія въ дружбѣ и союзѣ. Наполеонъ уже ничему не вѣрилъ, особливо послѣ того, что̀ узналъ онъ отъ короля саксонскаго. Онъ радъ былъ даже выиграть хоть немного времени. «Скажите императору»,—были послѣднія слова его Бубнѣ,—что я ни мало не оскорблюсь, если онъ соединится съ другими противъ меня, но пусть только онъ рѣшается скорѣе! Если захотятъ отъ меня мира на безславныхъ условіяхъ, вотъ мой отвѣтъ: какъ французъ, которому честь всего дороже, я умру съ оружіемъ въ рукахъ, но безчестнаго мира не подпишу!» Глубоко оскорбленный, онъ рѣшился на дѣло, явно несбыточное—предложить миръ самому непримиримому врагу своему, императору Александру.

Всѣ войска французскія переправились за Эльбу, союзники отступали по дорогѣ въ Лузацію и Силезію. Милорадовичъ, ведя аріергардъ, дрался ежедно съ Макдональдомъ, предводившимъ французскій авангардъ. Послѣ жаркаго дѣла у Бишофсверда, русскій аріергардъ отступилъ къ Бауцену. Здѣсь стали союзники.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена мая 18-го. Весь первый переходъ Коленкуръ ѣхалъ подлѣ него, и Наполеонъ говорилъ съ нимъ о посылкѣ его къ императору Александру. Коленкуръ долженъ былъ передать, что Наполеонъ хочетъ «заключить миръ въ пользу Россіи и Пруссіи, и наказать вѣроломство Австріи». Условія могли быть тѣ, что Пруссія получитъ Варшавское герцогство, отдастъ земли до Глогау Рейнскому союзу, но вознаградится областями Австріи. Такимъ образомъ Пруссія будетъ сильною защитою Россіи и между Россіею и Франціею ляжетъ пространство независимое на 300 льё. «Мы никогда не столкнемся съ Россіею. Хочу мира—жалѣю, если надобно будетъ драться теперь, когда все можно кончить миромъ, съ честью для Россіи. Я знаю теперь настоящихъ враговъ моихъ». Видъ пожарища на мѣстѣ Бишофсверда, сгорѣвшаго при битвѣ наканунѣ, тронулъ Наполеона. Несчастнымъ жителямъ велѣно выдать 100 тысячъ франковъ.

Передъ Наполеономъ открылись бауценскія высоты, усѣянныя штыками и пушками. Здѣсь сто тысячъ союзныхъ войскъ съ 630 орудіями ждали его.

Наполеонъ хотѣлъ прежде испытать предложеніе мира. Коленкуръ отправился на французскіе аванпосты и переслалъ Милорадовичу письмо, гдѣ просилъ его доложить императору Александру, «не угодно ли будетъ Е. И. В. сдѣлать ему честь, принять его». Отвѣтъ не замедлилъ. Милорадовичъ писалъ (черновое письмо написано было самимъ императоромъ Александромъ), что «письмо, полученное имъ, немедленно отправлено къ императору, но какъ Е. В. часто обозрѣваетъ разные корпуса войскъ своихъ, то, вѣроятно, достигнетъ къ нему на другой день, и волю Е. В. нельзя узнать прежде *завтрашняго дня вечеромъ* или даже *послѣзавтра*».

И такъ—мира нѣтъ! Александръ отвергъ его на пожарищѣ московскомъ, отвергаетъ и на высотахъ Бауцена, и не хочетъ даже видѣть посланника Наполеонова, не страшась ста пятидесяти тысячъ войскъ, поставленныхъ противъ Бауцена Наполеономъ. Оружіе рѣшитъ споръ — оставалось приняться за него.

Наполеонъ надѣялся побѣды. Внимательно осматривалъ онъ положеніе союзныхъ армій. Оно недоступно.

Бауценъ (Будиссинъ), главный городъ Саксонской Лузаціи, съ старинным замкомъ на рѣкѣ Шпреэ, въ 12 льё отъ Дрездена, находится при началѣ горныхъ лузацкихъ высотъ. Черезъ него идутъ дороги въ Богемію, Рейхенбахъ и Гохкирхенъ, памятный пораженіемъ Фридриха Великаго съ 1758 году. Отъ береговъ Шпреэ мѣстоположеніе возвышается постепенно до Гохкирхена. Передовыя войска союзниковъ занимали Бауценъ (Милорадовичъ), Буркъ (Клейстъ), Клюксъ (Чаплицъ). Летучіе отряды ихъ прикрывали фланги. Далѣе тянулась вторая линія, прикрытая 250 пушками, Блюхеръ и Іоркъ въ центрѣ (у Башюца и Креквица); налѣво Горчаковъ (у Ришена и Башюца), направо Барклай де-Толли, пришедшій за три дня до битвы, послѣ взятія имъ Торуня. Сзади второй линіи находились гвардія и гренадеры, два оплота, о которые расшибутся силы непріятеля, если бы онъ сломилъ двѣ боевыя линіи.

Осматривая позицію союзниковъ мая 19-го, Наполеонъ подходилъ къ цѣпи казаковъ такъ близко, что его отдѣлялъ только небольшой ручей. Вечеромъ возвратился онъ въ свою главную квартиру. Всю ночь отдавались приказы. Рано утромъ мая $^{8}/_{20}$, французскія войска двинулись на берегъ Шпрее, началась перестрѣлка. Въ 11 часовъ четыре корпуса, Удино, Макдональда, Мармона и Бертрана, всего 70.000, развернулись на лѣвомъ берегу Шпрее и пошли на Бауценъ и высоты за нимъ.

Битва загорѣлась жаркая. Присутствіе императора Александра одушевляло русскія войска! «Государь смотритъ на васъ!» кричалъ Милорадовичъ, разъѣзжая подъ пулями и картечами. Присутствіе Наполеона оживляло французовъ. Они лѣзли, ломились на высоты. Бауценъ былъ занятъ. Милорадовичъ и Клейстъ отступили на главную позицію. Напоръ на Милорадовича заставлялъ его уступать одно мѣсто за другимъ. Уже французы выдвинулись до Мельтейера и стали почти во флангъ главной позиціи. Усиленный свѣжими войсками, Милорадовичъ устремился неукротимо, сбилъ французовъ и занялъ крутизны мельтейерскія. Около 10-ти часовъ вечера затихъ бой, но дабы свирѣпѣе загорѣться на другой день. Наполеонъ возвратился въ Бауценъ, казался веселымъ, шутилъ и до полуночи распоряжался завтрашнею битвою. «Каждому дню свое дѣло—теперь отдохнемъ немного!» говорилъ онъ. Коленъ, одинъ изъ служителей его, подалъ ему легкій ужинъ. «А! это вы, господинъ храбрецъ!» сказалъ ему Наполеонъ. «Вообрази»,—продолжалъ онъ къ Бертье, «этотъ дьяволенокъ сегодня утромъ принесъ ко мнѣ кусокъ хлѣба и стаканъ вина подъ русскія ядра! Мѣсто было немного неудобно для завтрака и Коленъ, вѣрно, долго не забудетъ его»! — «Да, в. в. отвѣчалъ Коленъ,—не скоро забудешь гранаты, которыя лопались вокругъ васъ!»

Въ 5 часовъ утра битва возобновилась канонадою противъ Блюхера. Французы снова пошли на Милорадовича. Наполеонъ находился въ центрѣ войскъ въ Нижней Кайнѣ; императоръ Александръ былъ у Башюца. Утомленный двухдневными трудами, Наполеонъ сѣлъ подъ деревомъ, и заснулъ, не думая объ ядрахъ, жужжавшихъ кругомъ. Черезъ полчаса, часу въ

10-мъ утра, разбудили его, извѣщая о сильной пальбѣ, слышной на правомъ крылѣ союзниковъ. Онъ обрадовался. «Теперь поздравляю васъ съ побѣдою!» сказалъ онъ. Это былъ Ней, съ 40 тысячами, совершившій одинъ изъ превосходныхъ маневровъ Наполеона.

Устремляясь отъ Люцена на Дрезденъ, Наполеонъ отдѣлилъ корпусъ Нея и велѣлъ ему перейти за Эльбу въ Торгау. Цѣль была двоякая: соединить войска Нея съ отрядами Виктора и ударить на Берлинъ или оставаться въ запасѣ, если союзники рѣшатся на битву. Перейдя за Эльбу и идя на Бауценъ, Наполеонъ открылъ сообщенія съ Неемъ посредствомъ отрядовъ Лористона и подкрѣпилъ Нея войсками Ренье. Они должны были спуститься по Шпреэ отъ Штремберга, идя въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго и тѣмъ скрывая движеніе сильнаго корпуса войскъ. Движеніе не могло однако жъ укрыться вполнѣ. Донесенія о скопленіи непріятельскихъ силъ во флангъ бауценской позиціи, когда Наполеонъ двигался съ фронта ея, встревожило союзниковъ, и въ ночь на $^{7}/_{19}$ мая, Барклай де-Толли былъ отправленъ съ 22.000 узнать о непріятелѣ и, если можно, остановить и отразить его. Онъ шелъ двумя колоннами, предводя одною самъ, другую поручивъ Іорку. Въ Кенигсвартѣ встрѣтили они дивизію итальянцевъ, посланную для открытія сообщеній съ Неемъ. Не ожидая нападенія, итальянцы стояли безпечно и были схвачены и уничтожены совершенно; 4 генерала, 7 пушекъ, до 2.000 плѣнныхъ достались русскимъ. Въ то же время Іоркъ встрѣтилъ Лористона у Вейсига, былъ разбитъ, потерялъ до 3.000 и спасся только подкрѣпленіемъ Барклая де Толли. Полагая дѣло окончепнымъ, Барклай де Толли возвратился къ Бауцену. Всѣ предосторожности, какія были приняты послѣ того противъ войскъ, оставшихся за Кенигсвартою, состояли въ томъ, что Барклаю де Толли велѣно стать между Малышицомъ и Глейною, прикрывая дорогу, идущую изъ Кенигсварты на Кликсъ къ Бауцену и Гохкирхену, и защищая правый флангъ, чѣмъ линія союзниковъ растянулась почти на 12 верстъ. Напрасно Витгенштейнъ утверждалъ, когда вечеромъ мая $^{8}/_{20}$ явились отряды французскіе у Кликса, что тамъ будетъ главное нападеніе. Войска оставались въ прежнемъ положеніи.

Сильный напоръ Наполеона на Блюхера и Милорадовича, казалось, оправдывалъ мнѣніе, противное мнѣнію Витгенштейна. Тѣмъ неожиданнѣе было движеніе войскъ Барклая де Толли, замѣченное часу въ 10-мъ утра. Громада войскъ Нея ударила на него, сбила все противившееся и заняла Мальшвицъ, пока Лористонъ обходилъ союзниковъ въ тылъ на Барутъ. Оставя Пизова противъ Нея, Барклай де Толли передвинуся на Ракель, заграждая путь Лористону. Ней опрокинулъ Пизова и овладѣлъ Прейтицомъ. Въ сіи мгновенія усилены были дѣйствія съ фронта противъ Блюхера. Дважды отбивши французовъ, Блюхеръ отступалъ. Канонада гремѣла невыносимо. Положеніе союзниковъ было опасно. Къ счастію ихъ, Ней не умѣлъ исполнить повелѣнія Наполеонова. Онъ ожидалъ остальныхъ войскъ Ренье и, когда подошли они, вмѣсто предписаннаго движенія на Гохкирхенъ, чѣмъ соединялся онъ съ Лористономъ, отбрасывалъ назадъ Барклая де Толли и обходилъ съ тыла Блюхера и Милорадовича,—Ней сдвинулся къ главной арміи Наполеона. Еще хуже поступилъ Лористонъ. Видя упорное сопротивленіе небольшаго отряда Чаплицова, онъ остановился у Барута. Рѣшительная минута успѣха была потеряна. У союзниковъ оставались въ резервѣ только три полка гвардіи, около 2.000, и 3.000 кирасировъ, и Витгенштейнъ, пользуясь перемежкою битвы, перешедшей въ артиллерійское дѣло, рѣшился отступать. Дѣло было трудное: отступать днемъ въ виду Наполеона; но все совершилось въ изумительномъ порядкѣ. Пока Блюхеръ и Барклай де Толли, подъ защитою аріергардовъ, порученныхъ Ермолову и Клейсту, пошли на Рейхенбахъ черезъ Вуршенъ, Милорадовичу съ лѣвымъ крыломъ арміи велѣно идти на Лебау и Гохкирхенъ, составя потомъ въ Рейхенбахѣ авангардъ всей арміи. Не имѣя конницы, Наполеонъ преслѣдовалъ слабо своими утомленными войсками. Онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ отрѣзать Милорадовича, соединилъ всю свою конницу, ударилъ на перерѣзъ пути. Русская конная артиллерія, украинскіе уланы, самъ Витгенштейнъ, ведя въ битву гусаровъ, остановили атаку. Милорадовичъ отступилъ. До ночи продолжалась перестрѣлка аріергардовъ. Французы заняли Гохкирхенъ и Вуршенъ. Армія союзниковъ достигла Рейхенбаха.

Милорадовичъ стоялъ въ Лебау. Наполеонъ провелъ ночь въ палаткѣ, на мѣстѣ сраженія, у Вуршвица. Союзники потеряли въ два дня до 10.000 убитыми и ранеными; Наполеонъ болѣе— какъ полагали, 15-ти тысячъ, ибо войска его нападали и подвергались гибельному дѣйствію артиллеріи съ высотъ.

Не только побѣдою объявлено было бауценское сраженіе, но, находясь на полѣ битвы, Наполеонъ опредѣлилъ даже поставить памятникъ на горѣ Ценисѣ и на немъ надписать: «Императоръ Наполеонъ на полѣ вуршенской побѣды повелѣлъ воздвигнуть сей памятникъ въ знакъ благодарности его народамъ Франціи и Италіи, да передастъ онъ изъ рода въ родъ память той великой эпохи, когда въ три мѣсяца милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ взялись за оружіе, дабы охранить неприкосновенность земель французской имперіи».

Памятникъ солгалъ бы потомству: *милліонъ двѣсти тысячъ* не брались за оружіе; кто взялся за него, тѣ не охранили неприкосновенности французской имперіи, и наконецъ бауценская, или вуршенская, битва опять не была побѣдою, какъ не была побѣдою люценская. Союзники два дня выдерживали бой, уничтожили планъ Наполеона, отбили усилія войскъ его, дравшихся отчаянно, отступили въ порядкѣ, не отдали ни одной пушки, ни одной фуры, не только знамени и бились, не сдаваясь въ плѣнъ. Будемъ справедливы: бауценская битва, подобно люценской, принадлежитъ также къ блистательнымъ идеямъ генія Наполеона и служитъ доказательствомъ храбрости французовъ. Движеніе Нея, нападенія на союзниковъ, стоявшихъ въ неприступной позиціи, и двухдневная битва—событія достопамятныя. Безспорно, что если бы Ней и Лористонъ тщательно выполнили данный имъ приказъ, побѣда могла бы быть совершенная; слѣдствія битвы могли бы быть также гораздо важнѣе, если бъ у Наполеона была конница; но не говоря о причинѣ—побѣды не было. Еще разъ доказано было, что Наполеонъ не имѣлъ уже прежнихъ силъ, что союзники научились драться съ нимъ и что дни Маренго и Аустерлица не могли повториться!

«Какъ? — вскричалъ Наполеонъ, слушая донесенія вечеромъ,—послѣ такой бойни ни плѣнныхъ, ни пушекъ? Они мнѣ не оставятъ ни одного гвоздя!» Полууспѣхъ боя разсердилъ его.

Поспѣшностью движенія хотѣлъ онъ вознаградить потерянное, и ночью двинулъ, помчалъ свое войско по слѣдамъ союзниковъ. Въ три часа утра аріергардъ Ермолова уже дрался съ французами, отступая. Наполеонъ былъ недоволенъ и прискакалъ самъ въ авангардъ. «Ты ползешь, а нендешь съ войскомъ!» закричалъ онъ одному изъ своихъ генераловъ, пустилъ впередъ пушки, конницу, догналъ Милорадовича и самъ распоряжался битвою подъ выстрѣлами непріятельскими. Въ десяти шагахъ отъ него ядромъ вырвало цѣлый рядъ саксонцевъ. Послѣ остановокъ при Вейссенбергѣ, Роткретшамѣ и Шеппѣ, Милорадовичъ крѣпко сталъ у Рейхенбаха. Наполеонъ выставилъ 50 пушекъ, пустилъ вправо красныхъ гвардейскихъ гусаровъ и кирасировъ Латуръ-Мобура, слѣва саксонцевъ съ Ренье. Милорадовичъ уступилъ, но уступка была куплена смертью генерала Брюйера: не стало еще одного товарища итальянскихъ походовъ. «Эхъ! — говорили усачи наполеоновскіе,—это былъ одинъ изъ нашихъ стариковъ!» Но судьба готовила въ сей день Наполеону ударъ болѣе тяжкій. За Рейхенбахомъ опять остановились русскіе. Наполеонъ хотѣлъ ночевать въ Рейхенбахѣ, но не вытерпѣлъ и поскакалъ въ бой. Съ нимъ были Дюрокъ, Мортье, Коленкуръ и инженерный генералъ Кригенеръ. Русскіе стояли у селенія Манерсдорфа, близъ горы Ландскроны. Наполеонъ велѣлъ наступать Нею, сердился на медленность, посылалъ адъютанта за адъютантомъ. Ядро ударило въ коннаго егеря, провожавшаго Наполеона,— тѣло его отлетѣло подъ ноги Наполеоновой лошади. «Ну,— сказалъ онъ, обращаясь къ Дюроку, — намъ не счастливить сегодня!» Онъ взъѣхалъ на ближній холмъ, желая разсмотрѣть бой ближе, и отсталъ отъ другихъ на два шага. Въ то время Ней выдвинулся изъ деревни на русскихъ. Раздались три выстрѣла русскіе: ядро перелетѣло черезъ Наполеона и ударилось въ близъ стоявшее дерево. Онъ оборотился, требуя зрительной трубки у Коленкура, и увидѣлъ молодого Лебрюна. Блѣдный, встревоженный, Лебрюнъ говоритъ что-то Коленкуру. «Что такое?» спросилъ невнимательно Наполеонъ. Ему донесли, что Дюрокъ убитъ. «Дюрокъ?—вскричалъ онъ.—Быть не можетъ! Сію минуту онъ былъ подлѣ меня!» Но Лебрюнъ сказалъ правду. Ядро, ударившееся въ дерево, отлетѣло отъ

него, убило Кригенера и поразило Дюрока (замѣчательно, что съ той же русской батареи, полковника Горскаго, убитъ былъ Бессьеръ). Ларрей, Иванъ, всѣ бросились къ Дюроку; тщетная помощь: часъ Дюрока насталъ—ядро выворотило ему животъ. Раненаго перепесли въ ближайшій домъ въ Макерсдорфѣ. Гурго подъѣхалъ съ донесеніями къ Наполеону. Онъ молчалъ, ѣхалъ тихо, смотрѣлъ впередъ, какъ будто вызывая на себя роковое ядро..Черезъ полчаса велѣлъ онъ остановиться, разбить палатки у дороги, окружилъ себя кареемъ гвардіи, сѣлъ на табуретѣ у своей палатки, сложилъ руки и склонилъ голову. Дроу подошелъ къ нему, спрашивая приказаній. «Все до завтра!» мрачно отвѣчалъ онъ. Никто не смѣлъ тревожить безмолвной горести его. Маршалы собрались вдали и тихо говорили между собою. Гвардейцы, опершись на ружья шептали другъ другу, поглядывая на Наполеона: «Бѣдняжка! онъ потерялъ дитя свое!» и слезы текли по ихъ усамъ.

Чувства человѣка преодолѣли тогда въ Наполеонѣ всякое другое чувство. Не пролетала ли въ сіи минуты въ душѣ Наполеона вся жизнь его, которой Дюрокъ, другъ его, былъ неразлучнымъ свидѣтелемъ отъ Тулона до Рейхенбаха, отъ 1793 до 1813 года? Не темнѣло ли предъ нимъ неотразимою бѣдою будущее, и не ужасалъ ли его этотъ бой за славу, за вѣнецъ, за бытіе его, бой, едва начатый и уже ознаменованный смертью трехъ старыхъ товарищей: *Бессьера, Брюйера, Дюрока?* Не думалъ ли онъ, что если и успѣхъ увѣнчаетъ споръ, какими горькими потерями купитъ онъ побѣду? Онъ не зналъ, что судьба готовила ему близкія страданія горше, но и сія мысль не страшила ли души Наполеона?

Онъ хотѣлъ видѣть Дюрока. Только Коленкуръ, Бертье и Иванъ были при ихъ свиданіи. Дюрокъ забылъ свои страданія, протянулъ руку и Наполеонъ поцѣловалъ руку умирающаго друга. «Вся жизнь моя была посвящена вамъ, государь, и я не жалѣю ея, если она была хоть немного полезна!» говорилъ Дюрокъ.—«Мой другъ!» отвѣчалъ Наполеонъ, «есть еще жизнь: жди меня тамъ—мы увидимся!»—«Нѣтъ, нѣтъ! живите долго, государь, для торжества надъ врагами, для счастія отечества!» возразилъ Дюрокъ и умолялъ не забыть сироты, дочери его. Наполеонъ не плакалъ и сидѣлъ безмолвный. «Оставьте меня,

государь, оставьте и не грустите!» повторялъ Дюрокъ. «Прощайте!» воскликнулъ Наполеонъ и спѣшилъ уйти. Всю ночь не спалъ и долго ничего не дѣлалъ Наполеонъ, ходя задумчивый, сложа руки на груди. Рано утромъ донесли ему, что русскіе очистили Гёрлицъ. Онъ опомнился, послалъ Нея упорно преслѣдовать союзниковъ и занялся наградами за битву, а потомъ дѣлами съ Маре, за два дня пріѣхавшимъ изъ Парижа. Извѣстясь о кончинѣ Дюрока, онъ велѣлъ отвезти тѣло его въ Парижъ и похоронить въ Инвалидномъ домѣ. На мѣстѣ, гдѣ умеръ Дюрокъ, велѣно поставить памятникъ съ надписью: «Здѣсь Дюрокъ, герцогъ фріульскій, оберъ-гофмаршалъ императора Наполеона, умеръ на рукахъ своего государя и друга». Двѣсти наполеондоровъ выдано было хозяину дома. Домъ показываютъ путешественникамъ, но памятника въ немъ нѣтъ. Саксонское правительство впослѣдствіи вытребовало деньги, данныя Наполеономъ, и запретило исполнять волю его.

Остановка въ Макерсдорфѣ и поспѣшное отступленіе союзниковъ были причиной, что арьергардныя стшбки стали рѣже. Смерть Дюрока будто отняла на время у Наполеона обыкновенную его военную дѣятельность. Но союзники не могли воспрепятствовать движенію войскъ его и двумя колоннами отступали къ Швейдницу. Видя, что французскія войска слѣдуютъ по пятамъ за ними и, занимая прусскія владѣнія, могутъ утвердиться во многихъ мѣстахъ, важныхъ для слѣдующихъ военныхъ дѣйствій, союзные монархи рѣшились предложить своему грозному противнику перемиріе, и вслѣдствіе того статсъ-секретарь императора Александра, графъ Нессельроде, написалъ Коленкуру отвѣтъ на письмо его, оставленное безъ отвѣта передъ бауценскимъ сраженіемъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ было письмо графа Нессельроде: «Сколько ни было бы Его Императорскому Величеству пріятно увидѣться съ вами, герцогъ, и выразить чувства, лично къ вамъ сохраняемыя, но остается сожалѣть, что обстоятельства препятствуютъ ему принять васъ въ своей главной квартирѣ. По повелѣнію Его Величества, я долженъ сообщить вамъ, что если вы имѣете къ нему какія-либо порученія, то можете передать ихъ черезъ посредство австрійскаго кабинета. Императоръ принялъ посредничество австрійскаго двора, объяснилъ ему

цѣль настоящихъ своихъ усилій и свой взглядъ на вопросы, какіе могли бы представиться при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и потому только посредствомъ Австріи можетъ онъ получать сообщенія вашего двора». При этомъ письмѣ было приложено другое, заключавшее въ себѣ слѣдующія слова: «Въ ту самую минуту, когда я отправлялъ къ Вашему Сіятельству прилагаемое у сего письмо, началось сраженіе, почему и не могъ я послать его къ вамъ раньше сегодня, $^{9}/_{21}$ мая 1813». Въ то же время бывшій при союзныхъ монархахъ австрійскій министръ, графъ Стадіонъ, доставилъ маршалу Бертье слѣдующее письмо: «Генералъ графъ Бубна извѣстилъ меня, что Его Величество императоръ французовъ изъявилъ намѣреніе вступить въ переговоры о мирѣ, и я сообщилъ о томъ императору россійскому и королю прусскому. Ихъ Величества, усмотрѣвъ, что, по мнѣнію императора Наполеона, перемиріе могло бы приготовить путь къ переговорамъ, объявили мнѣ, что всегда готовы вступить въ подобныя соглашенія и послать на аванпосты своихъ уполномоченныхъ. Я почелъ бы совершеннымъ счастіемъ, если бы эти первыя слова, мною произносимыя между воюющими державами, могли вскорѣ привести къ миру, столь близкому къ сердцу моего августѣйшаго государя». Коленкуръ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ никакого дипломатическаго порученія, но долженъ былъ, воспользовавшись свиданіемъ съ императоромъ Александромъ, предложить ему перемиріе и что полномочіе на то остается при немъ и сохраняетъ свою силу. Графъ Нессельроде послалъ къ нему письмо съ графомъ Шуваловымъ, гдѣ увѣдомлялъ его, что генералъ сей уполномоченъ заключить съ нимъ перемиріе и что для той же цѣли посылается на аванпосты генералъ Клейстъ со стороны короля прусскаго.

Покуда шла переписка между дипломатами, военныя дѣйствія продолжались, и не разъ были жаркія дѣла въ обоихъ аріергардахъ союзниковъ съ наступавшими на нихъ французскими войсками. Особенно замѣчательно нападеніе, неожиданно сдѣланное Блюхеромъ на авангардъ Лористона, бывшій подъ начальствомъ генерала Мезона, при Гайнау, гдѣ французы потеряли 18 пушекъ, 36 зарядныхъ ящиковъ и 1.200 человѣкъ плѣнными. Но колонны союзниковъ продолжали отсту-

пленіе, соединились около Яуера и $^{16}/_{28}$ мая занимали лагерь у Швейдница, а $^{19}/_{31}$ вступили въ укрѣпленную позицію при деревнѣ Пульценѣ. Французы заняли Бреславль и вошли въ связь съ крѣпостью Глогау, отъ которой союзники должны были отступить. Вступленіе французовъ въ Пруссію произвело общую печаль и ужасъ въ жителяхъ, страшившихся мщенія завоевателей, шесть лѣтъ тяготѣвшихъ надъ нами. Гражданскія власти уѣзжали и увозили съ собой что могли; мирные обитатели прятали цѣнныя вещи и отгоняли стада свои, но не удалялись сами и не жгли домовъ своихъ, какъ было то въ Россіи, гдѣ французская армія подвигалась впередъ среди пожара и опустѣвшихъ деревень. Недоставало мужества встрѣтить враговъ войною на смерть!..

Коленкуръ и генералы графъ Шуваловъ и Клейстъ съѣхались $^{15}/_{27}$ мая въ Пойшвицѣ, близъ Костенблута. Сначала обѣ стороны изъявили большія требованія. Коленкуръ хотѣлъ, чтобы во время перемирія войска занимали тѣ мѣста, гдѣ будутъ находиться при подписаніи его; Шуваловъ и Клейстъ требовали, чтобы французы отошли за Эльбу. На сторонѣ Наполеона уполномоченнаго было то преимущество, что войска французскія безпрестанно подвигались впередъ, а союзники принуждены были безпрестанно отступать. Послѣ нѣсколькихъ дней спора согласились предварительно прекратить военныя дѣйствія на 36 часовъ.

Наполеонъ, находившійся во все время дѣйствій отъ Бауцена до Бреславля при центральной колоннѣ своей арміи, былъ 25 (13-го) въ Бунцлау, 27 (15-го) въ Лигницѣ и 29-го въ Росницѣ, близъ Бреславля. Почти первый вопросъ его въ Бунцлау былъ: воздвигнутъ ли тамъ памятникъ Кутузову? Услышавъ, что памятника нѣтъ, онъ сказалъ съ благороднымъ сознаніемъ великихъ достоинствъ своего противника, что готовъ самъ поставить памятникъ въ честь генералиссимуса русскихъ арміи. Какъ военный, Наполеонъ видѣлъ собрата и въ томъ полководцѣ, который нанесъ самый страшный ударъ его могуществу. Продолжая далѣе походъ свой, онъ казался спокойнымъ, даже осматривалъ разныя заведенія, наблюдалъ мѣстность, выговаривалъ солдатамъ, если видѣлъ безпорядки. Въ одномъ мѣстѣ русскіе полки остановили движеніе его войскъ,

и Бертье замѣтилъ ему, что непріятельская кавалерія приближается къ нимъ. «Такъ и мы подвинемся къ ней!» сказалъ шутя Наполеонъ. Онъ вообще бывалъ веселъ при наступательныхъ дѣйствіяхъ и любилъ самъ управлять ими, показывая необыкновенную вѣрность взгляда въ малѣйшихъ подробностяхъ. Близъ Бреславля, въ Росницѣ, онъ помѣстился въ жалкомъ домишкѣ, а свита его въ хижинахъ и частью на открытомъ воздухѣ. Придворные экипажи и фуры стояли въ тѣсномъ дворѣ, гдѣ неожиданно распространилось пламя отъ загорѣвшейся подлѣ мызы и одна фура сгорѣла съ собственными вещами Наполеона, такъ что онъ остался даже безъ бѣлья. Тутъ погибло много дорогихъ вещей: перстней, табакерокъ, а въ другой фурѣ сгорѣла императорская казна. Многіе придворные и адъютанты также понесли большія потери отъ пожара. По вступленіи въ Бреславль наскоро заказали для Наполеона необходимое бѣлье. Депутація бреславльскихъ гражданъ явилась къ нему съ привѣтствіями, и онъ принялъ ее очень благосклонно, даже сказалъ нѣсколько вѣжливостей насчетъ прусскаго короля. Гордыя мечты завоевателя разсѣивались: онъ желалъ и искалъ мира.

Предвѣстіемъ мира можно было почитать заключенное въ Пойшвицѣ перемиріе. Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ споровъ оно было подписано 23 мая (4 іюня) на шесть недѣль, то-есть до 8 іюля. Границею между воюющими была назначена Эльба отъ Гамбурга до Магдебурга, а далѣе линія черезъ города Франкфуртъ-на-Одерѣ, Глогау, Лигницъ и Грейфенбергъ до Богеміи. Бреславль, небольшое пространство между арміями и по $3^1/_2$ версты вокругъ крѣпостей Данцига, Модлина, Замостье, Штеттина и Кюстрина объявлены были нейтральными; Гамбургъ оставался во власти французовъ.

Наполеонъ безъ радости получилъ извѣстіе о подписаніи перемирія и даже съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ сказалъ притомъ: «Если союзники не искренно хотятъ мира, это перемиріе можетъ быть намъ пагубно!» Но онъ имѣлъ важныя причины для заключенія его: онъ видѣлъ во всѣхъ данныхъ имъ сраженіяхъ, отъ Люцена до Бауцена и далѣе, что войска его, набранныя наскоро, большею частью изъ юношей, неспособныхъ къ перенесенію воинскихъ трудовъ, дерутся храбро,

но не дадутъ ему рѣшительной побѣды, которая была необходима для политическихъ его цѣлей. Къ тому же у него почти вовсе не было конницы опытной, способствующей рѣшительнымъ успѣхамъ въ сраженіяхъ, и оттого онъ не могъ приводить въ исполненіе предпріятій смѣлыхъ и даже пользоваться поверхностью, которую иногда доставляла ему храбрая его пѣхота. Старыя опытныя войска, которыя вызывалъ онъ изъ Испаніи и изъ разныхъ командъ во Франціи, еще не успѣли всѣ присоединиться къ арміи, и надобно было сождать ихъ, чтобы продолжать военныя дѣйствія съ арміею, лучше устроенной и сильной въ составѣ своемъ. Войска Рейнскаго союза также еще не всѣ были готовы. Перемирія требовали и политическія соображенія: надобно было удостовѣриться, что если Австрія и не присоединитъ войскъ своихъ къ французамъ, то по крайней мѣрѣ не будетъ способствовать и союзникамъ; надобно было склонить ее къ искреннему нейтралитету, а для этого требовалось время. Наконецъ, самыя войска Наполеона и всѣ окружавшія его нетерпѣливо желали мира, и если бы онъ отвергнулъ средство, какое представляло къ тому перемиріе, то могъ опасаться громкаго неодобренія, которое имѣло бы вліяніе и на военныя дѣйствія. Такъ несчастія похода въ Россію отзывались и въ томъ грозномъ положеніи, въ какое умѣлъ послѣ нихъ поставить себя Наполеонъ: у него не было ни прежней вещественной силы, ни прежней нравственной власти даже надъ своими войсками.

Гораздо больше поводовъ къ заключенію перемирія имѣли союзники. Они не могли остановить наступательнаго движенія наполеоновыхъ армій, видѣли необходимость отойти за Одеръ, даже за Вислу, при чемъ Наполеонъ нашелъ бы въ польскихъ областяхъ новыя средства для войны и могъ скорѣе склонить на свою сторону Австрію. Перемиріе давало Россіи и Пруссіи возможность кончить свои приготовленія къ рѣшительной борьбѣ и сождать прибытія резервовъ, которые уравнивали числительную силу ихъ армій съ силами Наполеона. Но главною причиною перемирія было для союзниковъ убѣжденіе, что Наполеонъ не приметъ условій мира, ограничивавшихъ его самовластіе, и тогда Австрія присоединялась къ Россіи и Пруссіи для общихъ дѣйствій противъ врага, въ чемъ имѣли отъ нея

твердое увѣреніе. Такимъ образомъ, заключая перемиріе, Наполеонъ желалъ мира, хотя и мало надѣялся достигнуть того; а союзники желали перемирія только для того, чтобы съ новымъ ожесточеніемъ продолжать войну.

Тотчасъ по заключеніи перемирія отправлены были повелѣнія во всѣ отдѣльные корпусы и отряды о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и они прекратились на всемъ обширномъ театрѣ войны. Особымъ уполномоченнымъ назначено было оставаться въ городкѣ Неймаркѣ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, какіе могли бы встрѣтиться во время перемирія. Со стороны Россіи были назначены къ тому графъ Шуваловъ и флигель-адъютантъ Орловъ, со стороны Пруссіи—генералъ Клейстъ и полковникъ Валентини, а со стороны Франціи—генералы Дюмутье и Флао. Императоръ Александръ поселился въ замкѣ графа Штольберга Петерсвальде, близъ Рейхенбаха; король прусскій уѣхалъ въ Берлинъ, а Наполеонъ въ Дрезденъ. Императоръ австрійскій переѣхалъ изъ Вѣны въ городокъ Гичинъ, въ Богеміи.

Громы войны смолкли, но тѣмъ дѣятельнѣе начались работы въ кабинетахъ дипломатовъ и въ главныхъ квартирахъ армій. Говоря о мирѣ, всѣ готовились къ войнѣ, долженствовавшей быть окончательною. Въ русской арміи произошли многія перемѣны: графъ Витгенштейнъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго, и мѣсто его занялъ генералъ Барклай де Толли. Полки русской арміи послѣ безпрерывныхъ военныхъ дѣйствій, разстроившихъ ихъ во многихъ частяхъ, были переформированы, пополнены, снабжены исправнымъ оружіемъ; артиллерія приведена въ новую исправность, конница получила надежныхъ лошадей; казаки расписаны по корпусамъ. Все это составляло предметъ неусыпныхъ заботъ императора Александра, и къ концу перемирія онъ имѣлъ удовольствіе видѣть свою армію въ самомъ блистательномъ состояніи. Дѣйствовавшая армія состояла тогда изъ 171.222 человѣкъ русскихъ войскъ, раздѣленныхъ на силезскую и сѣверную арміи: въ первой было русскихъ около 74.000 и во второй болѣе 30.000 человѣкъ, кромѣ отдѣльныхъ корпусовъ. Сверхъ того, подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена, въ тылу арміи, находилось русскихъ войскъ польской арміи 60.000 человѣкъ, кромѣ осаждавшаго Данцигъ 30-ти тысячнаго корпуса и кромѣ рекру-

товъ и разныхъ командъ, ожидавшихся изъ Россіи. Вся эта громада войскъ была приведена въ возможно лучшее устройство. Военныя силы Пруссіи увеличились до невѣроятнаго числа: къ концу перемирія онѣ состояли изъ 230.500 человѣкъ! Это лучшее доказательство, съ какимъ единодушіемъ пруссаки становились подъ знамена отечества. Прибывшія въ половинѣ мая въ Стральзундъ шведскія войска простирались до 25.000 человѣкъ; къ нимъ были присоединены разные отряды волонтеровъ нѣмецкихъ земель, состоявшіе изъ 15.000 человѣкъ. Слѣдовательно, всѣ союзныя войска представляли къ концу перемирія слѣдующую числительную силу: русскія арміи 231.000 человѣкъ, прусскія—230.000 и шведская—40.000 человѣкъ, всего *полмилліона* войскъ!

Наполеонъ готовился къ упорной защитѣ запятыхъ имъ земель и сближалъ всѣ войска свои къ Эльбѣ. Находившіяся во власти его крѣпости были исправлены и усилены во всѣхъ частяхъ; число войскъ, которыми располагалъ онъ въ нѣмецкой землѣ, простиралось до 373.000, кромѣ 70.000 гарнизоновъ въ крѣпостяхъ. Вице-король формировалъ въ Италіи 50.000 человѣкъ, и во Франціи поступали въ комплектъ арміи, кромѣ конскриптовъ, солдаты народной стражи.

Окончательный перевѣсъ воюющимъ сторонамъ могла придать Австрія, которая имѣла къ концу іюля подъ ружьемъ: въ Богеміи 130.000, на границахъ Баваріи 24.000, въ Пресбургѣ 60.000 и сближавшихся къ границамъ Италіи 50.000 человѣкъ, всего же болѣе 260.000 человѣкъ. Наполеонъ не имѣлъ почти никакой надежды склонить ее къ союзу съ собою и желалъ только, чтобы она сохранила нейтралитетъ; союзные монархи, напротивъ, имѣли увѣренія ея, что если Наполеонъ не приметъ условій предлагаемаго ему мира, то австрійскія войска будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ союзными. Въ такомъ смыслѣ заключена была уполномоченными союзныхъ державъ и Австріи, графомъ Нессельроде, барономъ Гарденбергомъ и графомъ Меттернихомъ конвенція, подписанная въ Рейхенбахѣ 15-го іюня. Австрія обязывалась въ силу сей конвенціи объявить Наполеону войну, если до окончанія перемирія онъ не приметъ четырехъ слѣдующихъ предложеній: 1-е раздѣлить варшавское герцогство между Россіей, Австріей и Пруссіей

безъ посредничества Франціи; 2-е отдать Пруссіи Данцигъ и вывесть всѣ французскія войска изъ Пруссіи и герцогства; 3-е возвратить Австріи Иллирію; 4-е признать ганзейскіе города независимыми и уступить прежнимъ владѣтелямъ области сѣверной Германіи, называвшіяся тогда 32-ю военною дивизіей Франціи. Кромѣ того, хотѣли предложить Наполеону и упорно отстаивать еще двѣ статьи: 1-е уничтожить Рейнскій союзъ, 2-е возстановить Пруссію въ границахъ 1805 года. Но эти статьи, въ случаѣ крайняго упорства Наполеона, не могли служить препятствіемъ къ заключенію съ нимъ мира; если же онъ не принялъ бы первыхъ четырехъ статей, то Австрія немедленно открывала противъ него военныя дѣйствія вмѣстѣ съ союзниками и, начавъ войну, уже не могла заключить съ нимъ мира безъ согласія союзниковъ; тогда всѣ три союзныя державы обязывались стремиться единодушно къ достиженію послѣдствій, болѣе обширныхъ, и, кромѣ уничтоженія варшавскаго герцогства и Рейнскаго союза, кромѣ возстановленія Австріи и Пруссіи въ прежнее ихъ положеніе, хотѣли требовать независимости Голландіи, Италіи и Испаніи.

Съ такими предложеніями прибылъ въ Дрезденъ графъ Меттернихъ, первый министръ Австріи, умѣвшій сосредоточить въ портфелѣ своемъ интересы цѣлой Европы. Онъ явился во дворецъ Марколлини, гдѣ жилъ Наполеонъ, и немедленно былъ допущенъ къ нему. Наполеонъ съ циркулемъ въ рукахъ слѣдовалъ по военнымъ картамъ за движеніями союзниковъ и соображалъ будущія военныя дѣйствія. Увидѣвъ графа Меттерниха, онъ съ самою благосклонною улыбкою сказалъ ему: «Наконецъ-то вы пріѣхали, Меттернихъ! Но зачѣмъ такъ поздно, если вы желаете мира? Цѣлый мѣсяцъ потерянъ, и ваше посредничество дѣлается почти непріязненнымъ отъ такой недѣятельности. Видно, вамъ уже не нужно заботиться о цѣлости французской имперіи?» Тутъ Наполеонъ началъ жаловаться на неискренніе поступки Австріи, утверждалъ, что ему выгоднѣе было бы, если бы она просто объявила ему войну, и наконецъ сказалъ: «Послушайте, Меттернихъ; я очень хорошо понимаю, что вашъ кабинетъ хочетъ воспользоваться моимъ затруднительнымъ положеніемъ и еще увеличиваетъ его, чтобы возвратить себѣ все или часть того, чего лишились вы.

Главный вопросъ для васъ: узнать, можете ли вы обобрать меня безъ боя, или надобно открыто броситься въ ряды моихъ непріятелей; вы еще не знаете, что̀ вамъ выгоднѣе, и можетъ быть, пріѣхали за тѣмъ, чтобы пояснить себѣ это. Хорошо, посмотримъ, поговоримъ: чего хотите вы?» Онъ подвинулъ къ себѣ одну карту и взялъ циркуль. Слова его были оскорбительны по смыслу и грубы по выраженію. Несчастія еще не научили его удерживать своихъ солдатскихъ порывовъ, и онъ еще не разучился почитать себя непогрѣшительнымъ. Но явно, что онъ былъ въ заблужденіи и не понималъ новаго положенія Австріи, которая, пользуясь благопріятными для нея обстоятельствами, хотѣла безъ войны достигнуть той же цѣли, къ какой привела бы и война. Для того приняла она роль посредницы и не обольщалась частными выгодами, какія могла получить отъ союза съ Наполеономъ: она хотѣла новаго устройства дѣлъ въ Европѣ, при которомъ честолюбію Наполеона были бы поставлены непреоборимыя границы. «Императоръ, мой государь,—возразилъ графъ Меттерних,—желаетъ пріобрѣсти одну выгоду—имѣть на дѣла Европы вліяніе умѣренности, уваженія къ правамъ и къ независимости владѣтелей. Онъ хочетъ такого порядка дѣлъ, такого раздѣленія силъ, при которомъ общій миръ былъ бы обезпеченъ единодушіемъ независимыхъ государствъ». Наполеонъ притворился, будто не понимаетъ, что эти общія выраженія указывали на переворотъ во всѣхъ дѣлахъ Европы, и прерывая графа Меттерниха, сказалъ съ живостью: «Говорите яснѣе, и мы скорѣе придемъ къ цѣли; но не забудьте, что я солдатъ, и лучше умѣю разрубать, нежели сгибаться. Я предлагаю вамъ Иллирію за нейтралитетъ; довольно ли? Моихъ войскъ достаточно образумить русскихъ и пруссаковъ, и отъ васъ я желаю только нейтралитета».

Трудно было согласиться въ мнѣніяхъ, когда цѣли были такъ противоположны: графъ Меттерних желаетъ общаго переворота дѣлъ, думаетъ о европейскомъ конгрессѣ, гдѣ всѣ честолюбія и всѣ страсти умѣрялись бы общею пользою и умѣренностью посредствующей державы; Наполеонъ хочетъ только одного: войны, съ помощью ли Австріи или безъ нея, но при нейтралитетѣ съ ея стороны. «Ахъ, государь,—возра-

зилъ графъ Меттерних:—для чего же хотите вы оставаться одни въ этой борьбѣ? Для чего не удвоите своихъ силъ? Ваше величество можете это, потому что отъ васъ зависитъ располагать нашими силами. Дѣла въ такомъ положеніи, что мы не можемъ оставаться нейтральными: мы должны быть или за васъ, или противъ васъ». Наполеонъ опять спросилъ его: «Чего же хотите вы?» Графъ Меттерних началъ объяснять, что необходимъ конгрессъ, гдѣ всѣ вопросы о равновѣсіи державъ были бы рѣшены окончательно; что французская имперія, въ настоящемъ своемъ положеніи, упираясь головою въ ганзеатическіе города и ногами въ Иллирію, съ протекторствомъ въ Германіи, съ посредничествомъ въ Швейцаріи, препятствуетъ возстановленію политическаго равновѣсія. «Какъ?—закричалъ Наполеонъ:—не одну Иллирію, но и половину Италіи и возвращеніе папы въ Римъ? и Польшу, и Испанію! и Голландію, и Рейнскій союзъ, и Швейцарію! Такъ вотъ что вы называете умѣренностью, которая васъ одушевляетъ? Вы думаете только пользоваться всѣми случайностями, переѣзжаете съ вашимъ союзничествомъ изъ одного лагеря въ другой; вы только участвуете въ дѣлежѣ и говорите мнѣ объ уваженіи правъ независимыхъ государствъ! Въ самомъ дѣлѣ: вы хотите Италіи, Россія хочетъ Польши, Швеція Норвегіи, Пруссія Саксоніи, Англія Голландіи и Бельгіи. Словомъ, миръ только предлогъ. Всѣ вы стремитесь только раздѣлить французскую имперію!.. И Австрія думаетъ, что для этого стоитъ ей только объявить себя за кого-нибудь! Вы хотите здѣсь, однимъ почеркомъ пера, заставить пасть передъ вами твердыни Данцига, Кюстрина, Глогау, Магдебурга, Везеля, Майнца, Антверпена, Алессандріи, Мантуи, всѣхъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, которыхъ ключи доставила мнѣ только побѣда! И я, занимая половину Европы, подчинюсь вашей политикѣ, скомандую солдатамъ моимъ: на погребеніе, уйду за Рейнъ, за Альпы, за Пиренеи и, подписавши трактатъ, равносильный капитуляціи, отдамся какъ дуракъ моимъ непріятелямъ, подвергну всю будущность свою умѣренности тѣхъ, кого теперь побѣждаю! Знамена мои развѣваются на устьяхъ Вислы, на берегахъ Одера, побѣдительная армія моя у воротъ Берлина и Бреславля, и самъ я здѣсь, съ 300.000 человѣкъ войскъ, а вы безъ выстрѣла, не обнажая

шпаги, льститесь заставить меня подписать такія условія?.. Не обнажая шпаги! Не оскорбленіе ли такая надежда? И мой тесть принимаетъ такой проектъ! посылаетъ васъ съ нимъ ко мнѣ! Въ какое положеніе хочетъ онъ поставить меня передъ французскимъ народомъ? Онъ страшно ошибается, если думаетъ, что обрубленный тропъ можетъ быть во Франціи убѣжищемъ для его дочери и внука!..» Постепенно приходя въ гнѣвъ Наполеонъ вскричалъ наконецъ: «Ахъ Меттерниxъ! сколько Англія заплатила вамъ, что вы рѣшились играть такую роль со мною?»

При этихъ оскорбительныхъ, внезапно сказанныхъ словахъ, краска выступила на лицѣ графа Меттерниха; но онъ удержался. Бывши посломъ въ Парижѣ, онъ привыкъ къ наглостямъ гордаго завоевателя, но могъ полагать, что несчастіе образумило его и что онъ соблюдетъ приличія съ министромъ державы, располагавшей двухсоттысячною арміею. И какъ будто Наполеонъ не зналъ, что въ оскорбляемомъ имъ министрѣ сосредоточилась тогда вся европейская политика, такъ что отъ его твердости и благоразумія зависѣло дать оборотъ всѣмъ дѣламъ! Но страсти волновали Наполеона, и онъ хотѣлъ поразить силою ихъ своего собесѣдника. Въ пылу гнѣва, онъ уронилъ свою шляпу, и, по принятымъ формамъ уваженія къ вѣнценосцамъ, графъ Меттерниxъ долженъ былъ бы поднять ее—онъ не наклонился для этого. Минуту длилось молчаніе; оба они ходили по комнатѣ; Наполеонъ откинулъ ногою свою шляпу и, постепенно смягчаясь, сдѣлался наконецъ ласкателенъ. *Чего* и *какъ* не было сказано въ продолженіе этого разговора, котораго начало слышали бывшіе въ ближней комнатѣ, но потомъ Наполеонъ заперъ дверь своего кабинета ключемъ, удалился съ графомъ Меттернихомъ въ дальній кабинетъ и тамъ окончился ихъ переговоръ, продолжавшійся всего восемь часовъ. Сохраняя формы глубокаго политическаго хладнокровія, графъ Меттерниxъ оставался твердъ при своемъ предложеніи, и повторяя, что Австрія желаетъ не пріобрѣтеній, а прочнаго мира, основаннаго на равновѣсіи европейскихъ державъ, почиталъ единственнымъ средствомъ къ тому конгрессъ, на которомъ посредницею была бы Австрія. Наполеонъ не могъ поколебать его никакими софизмами, обольщеніи-

ями, даже пагостями, и наконецъ принялъ посредничество Австріи, на которое уже согласились Россія и Пруссія. Конвенція о томъ была подписана въ Дрезденѣ $^{18}/_{30}$ іюня, и мѣстомъ конгресса назначена Прага. Австрія приняла на себя обязанность склонить союзниковъ къ продолженію перемирія до 29 іюля (10 августа), потому что до окончанія прежде заключеннаго въ Пойшвицѣ оставалось слишкомъ мало времени. Императоръ Александръ съ большою неохотою согласился на продолженіе перемирія, однако жъ оно было утверждено особою конвенціею.

Наполеонъ назначилъ своими уполномоченными на прагскомъ конгрессѣ Коленкура и графа Нарбонна. Со стороны Россіи былъ назначенъ туда дѣйствительный статскій совѣтникъ Анстетъ, со стороны Пруссіи—Вильгельмъ Гумбольдтъ (извѣстный лингвистъ). Графъ Меттернихъ присутствовалъ тамъ въ качествѣ представителя посредствующей державы, и ему предлежала первая и вмѣстѣ самая затруднительная роль. Наполеонъ былъ недоволенъ выборомъ уполномоченныхъ союзниками, даже входилъ въ мелкія интриги о томъ и отправилъ своихъ уполномоченныхъ съ самыми ограниченными инструкціями и къ тому еще задержалъ Коленкура такъ долго, что онъ явился въ Прагу только за двѣ недѣли до истеченія перемирія. Потомъ начались споры о томъ, какъ вести переговоры: словесно, или письменно, то-есть сообщая посредствующему министру мнѣнія каждаго уполномоченнаго на бумагѣ. Время проходило въ такихъ пустыхъ преніяхъ, въ историческихъ ссылкахъ на тешенскій, утрехтскій и другіе конгрессы. Господа Анстетъ и Гумбольдтъ не торопились, зная тайныя намѣренія своихъ дворовъ, согласившихся на переговоры въ Прагѣ только изъ уваженія къ Австріи и больше всего желавшихъ, чтобы конгрессъ кончился ничѣмъ, ибо тогда Австрія дѣлалась ихъ союзницею. Коленкуръ, не имѣя достаточныхъ полномочій, долженъ былъ обо всемъ относиться къ Наполеону, который между тѣмъ уѣхалъ въ Майнцъ, и такимъ образомъ время летѣло, не принося никакихъ послѣдствій. Наконецъ графъ Меттернихъ, въ качествѣ посредника, знавшаго окончательную волю кабинетовъ русскаго и прусскаго, предложилъ французскимъ уполномоченнымъ условія, которыя долженъ былъ принять импе-

раторъ Наполеонъ и которыя Австрія находила столько справедливыми, что въ случаѣ несогласія его немедленно объявляла Франціи войну и обязывалась вести ее неразрывно съ союзниками. Условія, предложенныя Наполеону, состояли въ слѣдующемъ: уничтожить Варшавское герцогство и предоставить его раздѣлу между Россіею, Австріею и Пруссіею; объявить Гамбургъ и Любекъ независимыми городами; назначить границею Пруссіи Эльбу; уступить Австріи иллирійскія области; объявить независимость государствъ и, какъ естественное слѣдствіе того, уничтоженіе Рейнскаго союза; для переговоровъ съ Англіею обѣщать независимость Голландіи и Испаніи, безъ чего никогда не соглашалась она приступить къ переговорамъ.

Наполеонъ медлилъ принять такія условія, и почиталъ оскорбленіемъ, что послѣ трехъ большихъ сраженій, слѣдствіемъ которыхъ было отступленіе союзниковъ за Одеръ, ему оставляютъ *только* Францію по Рейнъ и Италію! Наконецъ онъ составилъ контръ-проектъ мира, по которому соглашался уничтожить Варшавское герцогство, по требовалъ, чтобы укрѣпленія Данцига были скрыты и онъ остался бы вольнымъ городомъ, и чтобы саксонскаго короля вознаградили землями въ Силезіи и Богеміи; соглашался уступить Иллирію, но безъ Тріеста. Притомъ онъ не отказывался отъ протекторства Рейнскаго союза и не хотѣлъ допустить никакихъ измѣненій въ Даніи, Испаніи, Голландіи и Италіи. Такого проекта не могъ даже предложить союзникамъ графъ Меттерних, связанный конвенціею Австріи съ ними; къ тому же Коленкуръ получилъ окончательное рѣшеніе Наполеона 30 Іюля, а отстрочка перемирія окончилась 29 числа въ полночь, и Анстетъ вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ немедленно извѣстили графа Меттерниха, что полномочія ихъ прекратились и они уѣзжаютъ изъ Праги; въ тотъ же часъ было отослано ими на аванпосты французской арміи полученное ими наканунѣ отъ Барклая де Толли объявленіе, что перемиріе кончилось и военныя дѣйствія вновь открываются.

Французскіе историки, раздѣляя предубѣжденія Наполеона, называютъ пражскій конгрессъ «мистификаціею», сыгранною съ Наполеономъ австрійскимъ кабинетомъ. Разсматривая собы-

тія, современныя конгрессу, и наклонность Австріи къ примиренію съ Наполеономъ, даже когда онъ былъ во Франціи въ самомъ бѣдственномъ положеніи, можно удостовѣриться, напротивъ, что Австрія дѣйствовала искренно, хотѣла общаго мира на условіяхъ прочныхъ, необходимыхъ для общаго спокойствія, и, зная непреклонность Наполеона, избрала для переговоровъ именно ту минуту, когда всѣ военныя приготовленія ея были кончены и когда она въ случаѣ его несогласія могла угрожать ему всею тяжестью своего могущества. Наполеонъ могъ быть удостовѣренъ, что дѣло шло о жизни и смерти, и не вина Австріи была, что онъ не внялъ голосу благоразумія. Если бы, напротивъ, Австрія предлагала ему общій миръ, не приготовившись къ войнѣ и не имѣя силъ придать рѣшительный перевѣсъ его противникамъ, тогда предложеніе ея было бы не только безспильно, но и двусмысленно. Величайшую славу графа Меттерниха составляютъ дипломатическія дѣйствія Австріи съ начала 1813 года, до прагскаго конгресса, когда онъ умѣлъ поставить вѣнскій кабинетъ въ такія отношенія, что отъ него зависѣла участь Европы. Графъ Меттернихъ постигъ вполнѣ, что вдругъ присоединившись къ союзникамъ, Австрія подвергала себя губительной войнѣ, безъ вѣрнаго успѣха въ будущемъ, когда, напротивъ, принимая на себя роль посредницы между воюющими державами, она извлекала изъ такого положенія всѣ пользы для себя и могла утвердить миръ безъ пролитія крови. Только упорство Наполеона заставило ее взяться за оружіе, и мы увидимъ впослѣдствіи, что до самаго окончанія войны она не думала низвергнуть Наполеона съ престола и только силою обстоятельствъ была увлечена къ гибельной для него развязкѣ великой драмы...

Но если Австрія искренно желала мира, то его не желалъ самъ Наполеонъ и еще менѣе желалъ великій соперникъ его, императоръ Александръ, сдѣлавшійся душою союза Россіи, Пруссіи и Швеціи. Наполеонъ не вѣрилъ искренности предлагаемаго ему мира и надѣялся, что новые успѣхи его оружія доставятъ ему новыя, болѣе выгодныя мирныя предложенія со стороны союзниковъ. «Коалиція никогда не предлагала мнѣ мира,—повторялъ онъ много разъ.—Я всегда *завоевывалъ* миръ: такъ было послѣ Маренго, послѣ Аустерлица и послѣ Фрид-

ланда; противники мои всегда вели войну, покуда я не побѣждалъ ихъ: и теперь только побѣда можетъ дать намъ миръ искренній и прочный».

Императоръ Александръ, напротивъ, оставался въ твердомъ убѣжденіи, что съ Наполеономъ не можетъ быть мира, покуда у него не отнимутъ всѣхъ средствъ къ войнѣ; и хотя мысль о низверженіи его съ престола еще не могла быть ясною прежде совершенной побѣды на нимъ, но Александръ рѣшился вести войну до послѣдней крайности.

Главная сила союзниковъ заключалась въ крѣпкомъ и основанномъ на взаимныхъ выгодахъ союзѣ ихъ. Конечно, тутъ вмѣшивались и личныя страсти каждаго, но почти всѣ онѣ были неблагопріятны Наполеону: кого не оскорблялъ, не унижалъ онъ во время побѣднаго своего поприща? Народы раздѣляли убѣжденіе своихъ государей и были одушевлены величайшею ненавистью къ завоевателю, не уважавшему ничьей независимости. Слѣдствіемъ такого стеченія обстоятельствъ было общее возстаніе противъ него и единодушное стремленіе уничтожить общаго врага, заглушавшее всѣ частныя и личныя отношенія.

Покуда въ Прагѣ шли переговоры, союзъ противниковъ Наполеона укрѣпился новыми узами. При императорѣ Александрѣ былъ тогда англійскій уполномоченный лордъ Каткартъ, и при королѣ прусскомъ сэръ Чарлзъ Стюартъ, братъ лорда Кастлерига. Вскорѣ должны были пріѣхать въ главную квартиру союзниковъ графъ Абердинъ съ братомъ своимъ г. Гордономъ и сэромъ Т. Ламбомъ. Усилія всѣхъ этихъ опытныхъ дипломатовъ устранили много препятствій и недоумѣній, иногда раздѣлявшихъ союзные дворы, и доставили имъ огромныя денежныя пособія. По заключеннымъ Англіею въ половинѣ іюня договорамъ съ Россіею и Пруссіею, первая получала въ продолженіе 1813 года 1.333.334 ф. стерлинговъ на военныя издержки и 500.000 ф. на содержаніе своего флота, находившагося въ Англіи, а вторая 666.666⅔ ф. стерлинговъ, и за то Россія обязывалась содержать въ предстоявшей войнѣ не менѣе 80.000 человѣкъ. Вслучаѣ объявленія войны Австріею Наполеону Англія обязывалась выплатить ей 1.200.000 ф. стерлинговъ. Такимъ образомъ устранены были всѣ препят-

ствія къ начатію Австріею войны, какъ скоро она не имѣла успѣха въ переговорахъ о мирѣ съ Наполеономъ. По окончаніи прагскаго конгресса рѣшеніе Австріи было уже извѣстно. Кромѣ того, дѣятельно, хотя тайно, ведены были переговоры объ общемъ союзѣ съ Баваріею, съ Виртембергомъ и даже съ значительнѣйшими генералами Саксоніи, потому что самъ король саксонскій былъ неразрывно связанъ съ Наполеономъ.

Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и самыхъ искусныхъ дипломатовъ императора Александра, генералъ Поццо-ди-Борго, корсиканецъ родомъ и личный врагъ Наполеона, былъ отправленъ въ главную квартиру наслѣднаго принца шведскаго для убѣжденія его прибыть въ станъ союзниковъ и составить общій планъ военныхъ дѣйствій. До сихъ поръ наслѣдный принцъ рѣшался дѣйствовать только для защиты пользъ новаго своего отечества, въ сѣверной Германіи. Сэръ Чарлзъ Стюартъ присоединился къ Поццо-ди-Борго, и наслѣдный принцъ пріѣхалъ въ Трахенбергъ, куда прибыли также императоръ Александръ и король прусскій. Тамъ, съ общаго согласія, былъ утвержденъ имп 30 іюня планъ военныхъ дѣйствій, въ которомъ содѣйствіе Австріи было принимаемо уже какъ совершившееся событіе; слѣдственно, союзники имѣли непремѣнное намѣреніе не допустить мирныхъ соглашеній на прагскомъ конгрессѣ и желали занять время переговоровъ только для того, чтобы по разрушеніи конгресса Австрія сдѣлалась неразрывною ихъ союзницею.

Операціонный планъ, утвержденный въ Трахенбергѣ, состоялъ въ томъ, чтобы всѣ силы союзниковъ, включая и австрійскія войска, были раздѣлены на три большія арміи: главную, или богемскую, подъ предводительствомъ фельдмаршала Шварценберга; силезскую, подъ начальствомъ Блюхера, и сѣверную— наслѣднаго принца шведскаго. Всѣ онѣ должны были открыть военныя дѣйствія наступательныя и взаимно помогать одна другой. Особенно замѣчательны слова плана: «Станъ непріятельскій будетъ сборнымъ мѣстомъ армій». Итакъ, не выжидать дѣйствій Наполеона рѣшались союзники, но поражать его на всѣхъ пунктахъ и подавить громадою своихъ силъ, которыя простирались тогда до 522.000 человѣкъ подъ ружьемъ, съ 1.400 орудій.

Много сдѣлалъ и Наполеонъ во время перемирія. Онъ большею частью оставался въ Дрезденѣ, въ безпрерывныхъ трудахъ и заботахъ объ увеличеніи своей арміи и поддержаніи устройства во всѣхъ частяхъ своего неизмѣримаго управленія. Любопытно, какъ было распредѣлено его время въ Дрезденѣ, о чемъ есть свидѣтельство очевидца, кабинетнаго секретаря его барона Фена. Каждый день получалъ онъ эстафету изъ Парижа которая непремѣнно привозила ему письмо отъ Маріи-Луизы, депешу Камбасереса, рапортъ полиціи, писанный рукою министра, рапортъ парижскаго губернатора, вѣдомость о всѣхъ войскахъ, находившихся въ разныхъ гарнизонахъ и депо, бюллетень префектуры полиціи, выписку изъ всѣхъ спошеній военнаго министра и всѣхъ получаемыхъ имъ свѣдѣній, записку о пришедшихъ во французскіе порты и вышедшихъ изъ нихъ корабляхъ, бюллетени биржи парижской и биржи амстердамской и ежедневную записку кассы погашенія. Тутъ же привозилось все адресованное на имя императора, даже письма частныхъ людей и, кромѣ того, письма о предметахъ политическихъ и литературныхъ отъ разныхъ лицъ, съ которыми Наполеонъ всегда переписывался втайнѣ. Библіотекарь его присылалъ къ нему всѣ литературныя новости; кромѣ писемъ и извѣстій изъ Парижа, эстафета привозила ему письма и донесенія изъ всѣхъ концовъ имперіи. Донесенія посланниковъ и агентовъ изъ иностранныхъ государствъ также приходили къ нему постоянно. На всемъ пространствѣ расположенія его войскъ, отъ Рейна до Эльбы, безпрерывно носились его адъютанты и каждый день привозили свѣдѣнія о разныхъ частяхъ, порученныхъ личному ихъ обозрѣнію. Старшій изъ всѣхъ, Гурго, былъ посредникомъ между ними и императоромъ; онъ передавалъ имъ его повелѣнія, докладывалъ о ихъ пріѣздѣ и распоряжался подробностями ихъ поѣздокъ. Адъютанты Наполеона были въ то время большею частью люди отлично образованные, знатныхъ фамилій, посвятившіе себя какой-либо части военнаго ремесла, но почти всѣ хорошо владѣли перомъ, циркулемъ, карандашомъ, шпагою и артиллерійскимъ прибойникомъ. Удивительный порядокъ соблюдался въ слѣдованіи маршевыхъ батальоновъ, которые выходя изъ своихъ депо конскриптами, приходили на берега Эльбы обученными солдатами и

послѣ смотра, произведеннаго императоромъ, отправлялись въ назначенную каждому изъ нихъ дивизію. Наполеонъ начиналъ принимать въ девятомъ часу всѣхъ, имѣвшихъ доступъ къ его двору; потомъ завтракалъ и отправлялся на смотръ войскъ каждый день и послѣ смотра обозрѣвалъ лагери и разныя военныя укрѣпленія вокругъ Дрездена. Время до вечера было посвящаемо кабинетнымъ занятіямъ; въ семь или въ восемь часовъ онъ садился обѣдать, всего чаще вдвоемъ съ Бертье, если не было у него кого-нибудь изъ членовъ королевскаго саксонскаго дома. Послѣ обѣда являлся онъ на нѣсколько времени въ театръ, гдѣ играли выписанные изъ Парижа Флёри, Тальма, г-жи Марсъ и Бургоэнь.... иногда играли итальянцы. Съ десяти часовъ вечера опять начинались занятія въ кабинетѣ, съ секретарями, и въ нихъ иногда проходила вся ночь. Безпрерывные труды не истощали здоровья Наполеона, и онъ проводилъ такъ почти все время пребыванія своего въ Дрезденѣ, кромѣ нѣсколькихъ дней, употребленныхъ на обозрѣніе нѣкоторыхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ мѣстъ и на поѣздку въ Майнцъ, куда пріѣзжала императрица Марія-Луиза. При свиданіи съ Маріею-Луизою онъ откровенно объяснилъ ей свое затруднительное положеніе, сѣтовалъ на политику ея родителя и передалъ ей нѣкоторыя распоряженія насчетъ управленія Франціею во время его отсутствія. Наполеонъ зналъ все о рейхенбахской конвенціи и военныхъ совѣщаніяхъ въ Трахенбергѣ, но не устрашаясь несоразмѣрности своихъ силъ съ силами союзниковъ, надѣялся разстроить ихъ планы, дѣйствуя изъ центральной позиціи своей въ Дрезденѣ. Къ концу перемирія число и размѣщеніе войскъ его было слѣдующее. Въ Саксоніи, подъ личнымъ предводительствомъ самого Наполеона, 122.000, въ томъ числѣ 40.000 человѣкъ гвардіи; въ Силезіи, у Левенберга и Бунцлау, корпуса Нея, Лористона, Мармона, Макдональда и кавалерія Латуръ-Мобура, 105.000 человѣкъ; у Даме и Лукау, подъ начальствомъ Удино, корпуса: его, Бертрана, Ренье и кавалерія Себастьяни, 71.000 человѣкъ; у Гамбурга, подъ начальствомъ Даву, 30.000 человѣкъ; въ крѣпостяхъ оставалось болѣе 70.000 человѣкъ, и кромѣ того въ резервной арміи Ожеро 45.000 и въ италійской у вице-короля 50.000 человѣкъ. Наполеонъ усилилъ составъ своей

арміи опытными войсками, вызванными имъ изъ Испаніи, но тѣмъ самымъ онъ ослабилъ тамошнія свои арміи, и дѣла его на полуостровѣ приняли оборотъ неблагопріятный. Одинъ Сюше оставался непобѣдимымъ и даже успѣлъ прогнать генерала Мюррея, сдѣлавшаго высадку въ Таррагонѣ, и отнялъ у него артиллерію и обозы. Веллингтонъ, зная ослабленіе французскихъ войскъ, началъ дѣйствовать смѣлѣе и преслѣдовалъ отступавшихъ непріятелей. Іосифъ оставилъ Мадридъ и находился при арміи, которая, по соединеніи всѣхъ корпусовъ, кромѣ аррагонской арміи, представляла не больше 50.000 человѣкъ. Не имѣя возможности сопротивляться Веллингтону, имѣвшему подъ начальствомъ своимъ болѣе 100.000 человѣкъ, французы отступили въ Бискаію, и 21 іюня произошло несчастное для нихъ сраженіе подъ Витторіею, гдѣ потерпѣли они совершенное пораженіе, потеряли почти всю артиллерію, обозы, и маршалъ Журданъ, начальствовавшій французами, подъ вѣдѣніемъ Іосифа, распоряжался такъ дурно, что вскорѣ англійская армія стала на границахъ Франціи. Получивъ такія печальныя извѣстія передъ самымъ окончаніемъ прагскаго конгресса, Наполеонъ отправилъ въ Испанію, для управленія тамъ военными дѣйствіями, одного изъ опытнѣйшихъ своихъ маршаловъ, Сульта, и предписалъ ему вести оборонительную войну, старался только не допускать англичанъ вторгнуться во Францію. Между тѣмъ вскорѣ должны были загремѣть громы на берегахъ Эльбы, и судьба не только Испаніи, но и цѣлаго міра могла зависѣть отъ успѣха воюющихъ тамъ державъ.

Манифестъ, изданный Австріею тотчасъ по разрушеніи прагскаго конгресса, объяснялъ побудительныя причины возстанія ея противъ Наполеона. Она торжественно объявляла, что вмѣстѣ съ союзниками не положитъ оружія, покуда не побудитъ Францію къ заключенію прочнаго мира, основаннаго на независимости государствъ. На объявленіе Австріи Наполеонъ отвѣчалъ нотою Маре къ графу Меттерниху, гдѣ, упрекая австрійскій кабинетъ въ двуличности, онъ говорилъ: «Австрія, врагъ Франціи, закрывая свое честолюбіе маскою посредничества, запутывала все и препятствовала всякому соглашенію. Но положеніе Австріи въ открытой войнѣ гораздо проще, истиннѣе. Теперь Европа ближе къ миру: однимъ затрудне-

ніемъ меньше. Вслѣдствіе того нижеподписавшійся (Маре) получилъ приказаніе предложить Австріи теперь же пріуготовить средства къ достиженію мира: открыть конгрессъ, куда будутъ приглашены всѣ державы, большія и малыя, гдѣ всѣ вопросы будутъ предложены торжественно и гдѣ не будутъ требовать, чтобы дѣло столь же трудное, сколько благодѣтельное, было кончено въ недѣлю или въ мѣсяцъ; гдѣ будутъ дѣйствовать съ необходимою въ такомъ трудѣ медленностью и съ приличною для столь великой цѣли и столь великихъ интересовъ основательностью. Переговоры могутъ и должны быть продолжительны. Развѣ въ нѣсколько дней заключены были трактаты утрехтскій, нимвегенскій, рпзвикскій, ахенскій? Въ большей части достопамятныхъ переговоровъ, вопросъ о мирѣ былъ независимъ отъ вопроса о войнѣ: переговаривались, не думая сражаться ли или нѣтъ, и какъ союзники возлагаютъ столько надеждъ на случайности битвъ, то ничто не мѣшаетъ теперь, какъ и тогда, вести переговоры и сражаться. Нижеподписавшійся предлагаетъ, признавъ нейтральнымъ какой-либо пограничный пунктъ, назначить его мѣстомъ совѣщаній; собрать тамъ уполномоченныхъ Франціи, Австріи, Россіи, Пруссіи, Саксоніи, всѣхъ воюющихъ державъ, и начать, въ такомъ высокомъ собраніи, дѣло мира, столь желаемаго всею Европою».

Австрія, связанная новымъ союзомъ своимъ, отвѣчала, что хотя императоры австрійскій и россійскій и король прусскій всегда готовы на миръ, *но не могутъ произнести рѣшенія въ дѣлѣ общемъ, не посовѣтовавшись предварительно съ своими союзниками о новомъ предложеніи Франціи.*

Наполеонъ, предугадывая такой отклонительный отвѣтъ, не дожидался его и былъ уже посреди своихъ армій. Онъ зналъ операціонный планъ, утвержденный союзниками въ Трахенбергѣ; но, полагая, что они не осмѣлятся выступить на путь его сообщеній, рѣшился двинуться навстрѣчу имъ. Оставивъ Сенъ-Сира съ корпусомъ его для защиты Дрездена, онъ приказалъ Удино съ семидесятитысячною его арміей идти на Берлинъ и вступить въ связь съ Даву, получившимъ повелѣніе также двинуться впередъ. Желая облегчить сообщеніе между ними, онъ велѣлъ генералу Жирару выступить изъ Магдебур-

га съ 12.000 человѣкъ. Самъ онъ $^{8}/_{15}$ августа съ гвардіей, корпусами Вандама, Виктора, Понятовскаго и кавалерійскимъ Келлермана вышелъ изъ Дрездена по направленію къ Герлицу, прибылъ 5 числа въ Бауценъ и велѣлъ Виктору занять Цитау, а Понятовскому—Габель, обезпечивая тѣмъ правый флангъ свой отъ австрійцевъ. Изъ Герлица могъ онъ подкрѣпить, смотря по надобности, корпуса Нея, Лористона, Макдональда, Мармона и Латуръ-Мобура, стоявшіе на Боберѣ, или идти на помощь Виктору, Понятовскому и Сенъ-Сиру, имѣя въ то же время смѣлую мысль, если бы союзники пошли въ Саксонію на путь его сообщеній, вторгнуться въ Богемію и оттуда ударить въ тылъ ихъ арміи.

Ближе другихъ непріятельскихъ армій къ нему была силезская, начавшая наступательныя дѣйствія тотчасъ по истеченіи перемирія и оттѣснившая стоявшія противъ нея французскія войска за рѣку Боберъ. Наполеонъ рѣшился обратить на нее первые свои удары и 9 числа прибылъ съ гвардіей къ Левенбергу, гдѣ тотчасъ велѣлъ наводить мосты черезъ Боберъ. Блюхеръ, узнавъ, что противъ него самъ Наполеонъ съ большими силами, уклонился отъ сраженія и ограничился только аріергардными стычками, отступая за Кацбахъ. Наполеонъ преслѣдовалъ и тѣснилъ его неослабно, въ надеждѣ найти случай разгромить силезскую армію, прежде нежели присутствіе его будетъ необходимо въ другихъ мѣстахъ. Но Блюхеръ искусно уклонялся отъ битвы, а между тѣмъ отъ Сенъ-Сира получались самыя тревожныя донесенія и Наполеонъ увидѣлъ необходимость поспѣшить къ Дрездену, защищаемому однимъ корпусомъ противъ нѣсколькихъ армій.

Въ тотъ день, когда Наполеонъ пошелъ изъ Герлица къ Левенбергу, главная армія союзниковъ выступила изъ Богеміи въ Саксонію и четырьмя колоннами подвигалась къ Дрездену, надѣясь овладѣть имъ прежде, нежели Наполеонъ успѣетъ придти на помощь туда, а овладѣвъ ключомъ операціонной линіи, непріятели намѣревались отрѣзать ему путь на лѣвый берегъ Эльбы. Дѣйствительно, только одна правая колонна, состоявшая изъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, встрѣтила упорное сопротивленіе и послѣ довольно жаркаго боя съ одною изъ дивизій Сенъ-Сира, заняла Пирну.

Другія колонны союзниковъ почти безъ выстрѣла приблизились къ Дрездену и расположились на окружающихъ его высотахъ. Сенъ-Сиръ, отбиваясь гдѣ было можно, стягивалъ войска свои къ Дрездену и запялъ выстроенные во время перемирія редуты вокругъ города. Но положеніе его было отчаянное, и онъ могъ быть поглощенъ превосходнымъ числомъ окружавшихъ его войскъ, почему посылалъ одного за другимъ гонцовъ къ Наполеону, требуя у него помощи.

Въ станѣ союзниковъ разсуждали: должно ли немедленно атаковать Дрезденъ? Императоръ Александръ желалъ этого, и съ нимъ одного мнѣнія былъ генералъ Моро, незадолго прибывшій въ Прагу и сопровождавшій русскаго императора. При имени Моро невольно вспоминаемъ, что онъ былъ нѣсколько времени соперникомъ перваго консула, имѣлъ славу первостепеннаго полководца и вслѣдствіе несчастнаго заговора Пишегрю и Жоржа Кадудала былъ изгнанъ изъ Франціи, удалился въ Америку и нѣсколько лѣтъ жилъ тамъ въ уединенномъ помѣстьѣ своемъ, на берегу Делавары. Во время аустерлицкаго похода императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе вызвать Моро и воспользоваться опытностью и дарованіями его въ первой борьбѣ своей съ Наполеономъ; но внезапное окончаніе войны помѣшало тому. Въ 1807 году, во время похода въ Пруссію также хотѣли вызвать его, но опять война кончилась слишкомъ быстро. Послѣ пораженія наполеоновской арміи въ Россіи Моро самъ вызывался составить корпусъ изъ находившихся въ плѣну французскихъ войскъ и хотѣлъ съ ними сдѣлать высадку во Францію, ручаясь за успѣхъ. Зная ближе дѣла и отношенія, императоръ Александръ признавалъ мысль Моро мечтою, но предложилъ ему прибыть въ свою армію, надѣясь руководствоваться его опытностью. Послѣ многихъ препятствій Моро прибылъ въ Европу, имѣлъ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ и пріѣхалъ въ Прагу 4-го августа, когда планъ военныхъ дѣйствій былъ уже утвержденъ и приводился въ исполненіе. Императоръ Александръ встрѣтилъ Моро съ изъявленіями самаго дружескаго расположенія, представилъ его императору австрійскому и королю прусскому и при начатіи похода оставлялъ постоянно при себѣ. Слѣдовательно еще Моро не успѣлъ принять никакого участія въ

военныхъ дѣйствіяхъ. Въ первый разъ увидѣлъ онъ французскія войска подъ Дрезденомъ, и невольно вырвалось у него восклицаніе: «Вотъ солдаты, которыхъ часто предводилъ я къ побѣдѣ!» Онъ также совѣтовалъ немедленно атаковать французовъ; но князь Шварценбергъ, облеченный въ званіе главнокомандующаго всѣми союзными арміями, не рѣшался нападать, не ожидавъ сближенія всѣхъ войскъ, отставшихъ за дурными дорогами. Атаку отложили до слѣдующаго дня и дали Наполеону возможность подоспѣть на выручку Сенъ-Сира и на защиту Дрездена. Взвѣсивъ мѣру опасности, угрожавшей Дрездену, Наполеонъ поручилъ дѣйствія противъ Блюхера Макдональду и съ корпусами Мармона, Латуръ-Мобура и гвардіей быстро обратился къ угрожаемому пункту. На пути онъ безпрестанно получалъ донесенія Сенъ-Сира и приказывалъ ему удержаться только нѣсколько часовъ, до своего прибытія. Виктору велѣлъ онъ идти за собою къ Дрездену, а Вандаму—въ Кенигштейнъ, переправиться тамъ черезъ Эльбу и занять дефилеи на дорогѣ въ Богемію. Самъ онъ также хотѣлъ переправиться черезъ Эльбу въ Пирнѣ и ударить въ тылъ союзниковъ; но, получивъ новыя донесенія объ опасности, угрожавшей Сенъ-Сиру, пошелъ прямо на Дрезденъ.

Утромъ 14 числа полтораста тысячъ войскъ стояло вокругъ Дрездена. По диспозиціи, составленной Шварценбергомъ, они должны были атаковать городъ пятью колоннами, изъ которыхъ двѣ первыя, отъ праваго фланга, состояли изъ русскихъ и прусаковъ, а три остальныя—изъ однихъ австрійцевъ. Атаку полагали начать ровно въ 4 часа пополудни. Между тѣмъ получили извѣстіе, что Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ съ нѣсколькими корпусами, и даже видѣли, какъ французскія колонны спѣшили по правому берегу Эльбы и вступали въ Нейштадтъ. Ближе другихъ стоявшій къ Эльбѣ Витгенштейнъ привѣтствовалъ ихъ ядрами съ лѣваго берега, но не могъ нанести имъ вреда. Союзники снова начали совѣщаться: должно ли произвести нападеніе теперь, когда въ Дрезденѣ уже не одинъ Сенъ-Сиръ, но стотысячная армія съ самимъ Наполеономъ? Рѣшено было отмѣнить нападеніе; но еще не успѣли увѣдомить о томъ корпусныхъ начальниковъ, когда на городской башнѣ ударило 4 часа и союзныя войска, исполняя прежнюю

диспозицію, быстро двинулись къ городу. Со всѣхъ сторонъ, на обширномъ полукружіи, загремѣла канонада, и скоро были взяты всѣ внѣшніе редуты: тѣснимые и поражаемые, солдаты Сенъ-Сира едва удерживались за палисадами города, когда вдругъ сраженіе приняло новый оборотъ.

Изъ трехъ заставъ пильницкой, пирнской и фрейбергской, одновременно высыпали французскія войска, мгновенно выстроились и устремились на нападавшихъ. Очевидцы съ какимъ-то увлеченіемъ говорятъ объ этой минутѣ, показывавшей Наполеоново искусство распоряжаться войсками *). Мортье шелъ съ двумя дивизіями гвардіи противъ Витгенштейна, Ней съ двумя другими противъ Клейста, Мюратъ атаковалъ кавалеріей лѣвое крыло, состоявшее изъ австрійцевъ. Оба фланга союзниковъ были опрокинуты и оттѣснены къ высотамъ, которыя они занимали утромъ; полная побѣда увѣнчала маневръ французовъ на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, гдѣ забрали они въ плѣнъ много австрійцевъ. Наполеонъ весь день и всюду распоряжался лично: утромъ, стоя на мосту, онъ направлялъ подходившія войска къ назначеннымъ мѣстамъ у заставъ, потомъ объѣхалъ всю окружность Дрездена, отъ лѣваго фланга до конца праваго, высматривая расположеніе союзниковъ и въ продолженіе боя не разъ скакалъ отъ одного пункта къ другому подъ градомъ пуль и картечъ. Въ полночь воротился онъ во дворецъ. Ночью полилъ дождь, поднялся вѣтеръ, но войска обѣихъ армій оставались на мѣстахъ и огни биваковъ ихъ освѣщали окрестности. Весь вечеръ продолжалась ружейная стрѣльба.

Ночью пришли къ Наполеону корпуса Виктора и Мармона. Онъ поставилъ корпусъ Виктора противъ лѣваго фланга союзниковъ, впереди кавалеріи Мюрата, а Мармона и свою гвардію—въ центрѣ; Сенъ-Сиръ былъ между Стреленомъ и Груною; Мортье съ двумя дивизіями гвардіи оставался лѣвѣе его, а на самой оконечности лѣваго фланга была кавалерія Пансути. Несмотря на проливной дождь, растворившій грязь, въ которой утопали войска, въ 7 часовъ завязалась перестрѣлка, и вскорѣ французы пошли впередъ. Въ центрѣ ихъ Мар-

*) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1815 года. I, 291.

мощь, гвардія и Сенъ-Сиръ выдвинули длинные ряды орудій и открыли сильную канонаду, на которую отвѣчали союзники не менѣе сильнымъ огнемъ. Занимая вниманіе ихъ въ центрѣ, Наполеонъ повторилъ на обоихъ флангахъ маневры, удавшіеся ему наканунѣ: Мортье послѣ жаркой битвы опрокинулъ Витгенштейна и, усиленный новыми подкрѣпленіями, овладѣлъ всѣмъ пространствомъ до Добрица и Рейка. Атака на правомъ флангѣ французовъ была еще удачнѣе: австрійцы не могли стрѣлять изъ замокшихъ ружей, отбивались прикладами и штыками отъ кавалеріи Мюрата, но были разрѣзаны на двѣ части, при чемъ генералъ Мейко, окруженный съ одной стороны Викторомъ, съ другой Мюратомъ, сдался въ плѣнъ со всею дивизіей своею въ числѣ 9 баталіоновъ и 16-ти орудій; остальныя войска лѣваго фланга союзниковъ потерпѣли совершенное пораженіе, причемъ нѣсколько генераловъ было убито и ранено. Въ центрѣ, гдѣ все дѣйствіе ограничивалось канонадою, внезапно произошло смятеніе посреди свиты, окружавшей союзныхъ государей. Наполеонъ, замѣтивъ, что одна батарея гвардейской его артиллеріи прекратила огонь, послалъ узнать причину тому и, когда ему отвѣчали, что выстрѣлы ея безполезны противъ Рекницкой высоты, съ которой батареи союзниковъ осыпали ея ядрами, онъ сказалъ: «Нужды нѣтъ; пусть стрѣляютъ! надобно поддерживать вниманіе непріятеля на этомъ пунктѣ». Батарея тотчасъ вновь загремѣла, и однимъ изъ первыхъ ея выстрѣловъ былъ пораженъ генералъ Моро: ядро оторвало у него правую ногу, пролетѣло сквозь лошадь, на которой онъ сидѣлъ, и раздробило другую его ногу. Происшествіе это было тѣмъ поразительнѣе, что Моро находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора Александра и самъ упросилъ его переѣхать на другой пригорокъ, чтобы яснѣе видѣть сраженіе. Онъ опередилъ императора нѣсколькими шагами, когда поразило его роковое ядро! Казаки отнесли раненаго на древкахъ пикъ въ ближайшую деревню, гдѣ тотчасъ совершена была ампутація ему обѣихъ ногъ; во время перевязки два французскія ядра ударили въ домъ, гдѣ лежалъ Моро, и разрушили уголъ его комнаты. Французы видѣли во всемъ этомъ возмездіе человѣку, шедшему противъ своихъ соотечественниковъ.

Войска обѣихъ армій были совершенно утомлены трудами двухдневной битвы и шедшимъ безпрерывно дождемъ, превратившимся въ бурю. Люди и лошади съ трудомъ двигались въ грязи; дождь ослѣплялъ зрѣніе и мѣшалъ различать предметы. Связь въ дѣйствіяхъ союзниковъ была разрушена пораженіемъ лѣваго фланга ихъ, послѣ чего Мюратъ обратился въ тылъ австрійскимъ войскамъ; правый флангъ отступилъ далеко, и еще можно было ежеминутно ожидать, что Вандамъ, находившійся противъ Пирны, зайдетъ въ тылъ его. Фельдмаршалъ Шварценбергъ предлагалъ начать отступленіе въ Богемію; но императоръ Александръ и король прусскій не соглашались съ нимъ и уступили настояніямъ его только тогда, какъ онъ объявилъ, что у австрійскихъ войскъ не достаетъ ни снарядовъ, ни продовольствія, ни даже обуви. Ночью всѣ корпусы снялись съ мѣстъ и по непроходимой грязи двинулись къ Богеміи нѣсколькими отдѣльными колоннами. Только Витгенштейнъ оставался на полѣ до разсвѣта. Французскія войска не могли преслѣдовать союзниковъ, потому что недоставало на то физическихъ силъ и къ тому же ненастье превратило всѣ окрестности въ грязное болото.

Наполеонъ къ ночи возвратился въ Дрезденъ, пробывши цѣлый день подъ дождемъ. Вода текла съ него ручьями; поля шляпы его, размокшія отъ дождя, лежали на его плечахъ. Но труды были увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ, и улицы Дрездена были загромождены отбитыми у австрійцевъ трофеями и плѣнными. Наутро, съ первыми лучами солнца, Наполеонъ былъ уже опять на конѣ, обозрѣвалъ все обширное полѣ битвы, приказывалъ подбирать раненыхъ, оставшихся безъ помощи, и видѣлъ на всѣхъ пунктахъ преслѣдованіе отступавшихъ своихъ противниковъ. Не доѣзжая до Пирны, онъ остановился подлѣ дороги и сѣлъ на поданный ему стулъ. Войска весело проходили мимо его, и онъ безпрестанно получалъ самыя удовлетворительныя извѣстія со всѣхъ сторонъ: Вандамъ заслонилъ дорогу союзникамъ въ Богемію, Мармонъ, Сенъ-Сиръ, Викторъ, Мюратъ преслѣдуютъ отступающихъ и уже забрали у нихъ множество плѣнныхъ и обозовъ. Вдругъ Наполеонъ почувствовалъ жестокій ознобъ, сопровождаемый самыми опасными признаками: пять сутокъ находясь въ безпрерывныхъ трудахъ,

почти безъ сна, два дня подъ проливнымъ дождемъ, онъ жестоко простудился и не могъ ѣхать далѣе; ночлегъ назначенъ былъ въ Пирнѣ, гдѣ находилась гвардія, но тяжкій недугъ одолѣлъ желѣзную природу великаго полководца, и онъ принужденъ былъ въ каретѣ возвратиться въ Дрезденъ и пробыть тамъ нѣсколько сутокъ. На другой день, $\frac{17}{29}$ августа, онъ чувствовалъ себя лучше, и уже занимался дѣлами въ своемъ кабинетѣ. По обыкновенію, множество распоряженій, приказовъ, рѣшеній по разнымъ дѣламъ его летѣло во всѣ стороны; но его безпокоило нѣсколько, что отъ Удино, Макдональда и Вандама не было рѣшительныхъ извѣстій. Безпрерывно спрашивалъ онъ о пріѣздѣ курьеровъ отъ нихъ. Извѣстія не замедлили—но какія извѣстія!

Исполняя данныя имъ повелѣнія, военачальники Наполеона открыли наступательныя дѣйствія и почти всѣ были разбиты совершенно.

Удино съ корпусами своимъ, Ренье, Бертрана и кавалерійскимъ Арриги, всего имѣя подъ начальствомъ до 80.000 человѣкъ, двинулся къ Берлину тремя колоннами, которыя шли не на одной высотѣ, и оттого, встрѣтивъ у Гроссъ-Берена армію наслѣднаго принца шведскаго, состоявшую изъ 120.000 человѣкъ, начали сраженіе безсвязно, вели его безъ одушевленія и, когда средняя колонна, Ренье, была опрокинута, саксонцы и французы побѣжали и оставили побѣдителямъ 26 пушекъ, 60 зарядныхъ ящиковъ и 2.000 плѣнныхъ. Удино отступилъ къ Виттенбергу и конечно претерпѣлъ бы гораздо большее пораженіе, если бы наслѣдный принцъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и не удовольствовался преслѣдованіемъ его только своими авангардами, которые не могли нанести непріятелю большого вреда. Зато генералъ Жираръ, вышедшій изъ Магдебурга, съ 12.000 человѣкъ, какъ мы видѣли, по повелѣнію Наполеона, для связи арміи Удино съ корпусомъ Даву, потерпѣлъ близъ Бельцига такое пораженіе, благодаря предпріимчивости генерала Чернышова, дѣйствовавшаго противъ него вмѣстѣ съ прусскимъ генераломъ Гиршфельдомъ, что потерялъ 3.500 человѣкъ плѣнными, 8 орудій, и остатокъ отряда его не могъ уже возвратиться въ Магдебургъ, а примкнулъ къ Удино подъ Виттенбергомъ. Замѣчательно, что Чернышовъ, рѣшитель побѣды надъ

нимъ, взялъ плѣнныхъ вдвое больше нежели въ отрядѣ его было людей: ихъ было 1.200 человѣкъ, а въ плѣнъ взято ими 2.255 человѣкъ!

Еще неудачнѣе исполнилъ свое дѣло Макдональдъ, оставшійся главнымъ начальникомъ надъ корпусами Лористона, Сугама, кавалерійскимъ Себастіани и своимъ, назначенными дѣйствовать противъ Блюхера, послѣ того какъ Наполеонъ возвратился въ Дрезденъ. 14 августа, когда дождь лилъ уже третій день, Макдональдъ шелъ атаковать своего противника въ Яуэрѣ, между тѣмъ какъ Блюхеръ подвигался навстрѣчу къ нему и по странной случайности самое направленіе корпусовъ каждой арміи было одинаково. Первые столкнулись Сакенъ и Іоркъ съ корпусомъ Макдональда и частью Сугамова корпуса, и мужество русскихъ войскъ, особливо гусаровъ Васильчикова, вскорѣ было увѣнчано побѣдою: въ одной атакѣ отбили они 42 орудія у непріятеля. Замѣшательство, грязь, дождь и ручьи, сдѣлавшіеся отъ дождей глубокими потоками, способствовали пораженію Макдональдовыхъ войскъ, такъ что съ 14-го августа по 19-е, покуда продолжалось преслѣдованіе за нимъ, онъ потерялъ 18.000 человѣкъ плѣнными, 103 пушки, 2 знамени, 250 зарядныхъ ящиковъ и большіе обозы. Сраженіе было названо кацбахскимъ по рѣчкѣ Кацбаху, подлѣ которой оно происходило. Изъ 80.000-ной арміи своей, Макдональдъ лишился 25.000 человѣкъ и съ остальными 55.000 возвратился въ Саксонію.

Но всего несчастнѣе было для Наполеона пораженіе, претерпѣнное Вандамомъ. Мы видѣли, что онъ съ 35.000-мъ корпусомъ заслонялъ дорогу въ Богемію, оставаясь позади знаменитой въ Семилѣтнюю войну пирнской позиціи. Находившійся противъ него графъ Остерманъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ дивизію гвардіи, 7.000 человѣкъ, лейбъ-гусарскій, лейбъ-кирасирскій и татарскій уланскій полки, съ ротою артиллеріи, 1.500 человѣкъ; 2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго, 8.000 человѣкъ, и отряды Гельфрейха и Иловайскаго, 2.000 человѣкъ, всего же 18.500 человѣкъ. При такой несоразмѣрности силъ, графъ Остерманъ, вопреки приказанію Барклая де Толли отступить къ Максену, рѣшился преградить путь Вандаму, который, если бы удалось ему перейти къ Те-

плицу, могъ стать на важнѣйшемъ пунктѣ отступленія союзной арміи, когда преслѣдовали ее Мюратъ, Викторъ, Мармонъ и Сенъ-Сиръ и она, въ безпорядкѣ пробиравшаяся по тѣснымъ непроходимымъ дорогамъ, атакованная съ фронта и съ тыла, могла быть поставлена въ гибельное положеніе: судьба похода, судьба цѣлаго міра зависѣла отъ успѣха Вандама! Съ геройскою рѣшимостью началъ исполнять свое намѣреніе графъ Остерманъ, между тѣмъ какъ Вандамъ, постигая важность пункта, къ которому стремился онъ, шелъ на проломъ по пути отъ Пирны, черезъ Петерсвальде къ Теплицу. Нѣсколько разъ удавалось ему овладѣть оспариваемою дорогою; но храбрые русскіе полки, особливо исполины гвардіи, всякій разъ сбивали его, стараясь предупредить у Теплица и дать время союзнымъ войскамъ спуститься съ горъ. Такъ продолжались кровавыя сраженія $\frac{16}{28}$ и $\frac{17}{29}$-го чиселъ, гдѣ русскіе оказали мужество и стойкость безпримѣрныя, при которыхъ не могла одолѣть ихъ вся храбрость французовъ, вдвое многочисленнѣйшихъ. Въ половинѣ дня, 17-го числа, императоръ Александръ, приблизившись съ горъ къ мѣсту сраженія, происходившему тогда подъ Кульмомъ, немедленно распорядился о подкрѣпленіи Остермана войсками, бывшими близко, и сверхъ того приказалъ генералу Клейсту, съ его корпусомъ, зайти въ тылъ Вандама и такимъ образомъ преградить ему отступленіе. Все исполнилось по предначертанію императора; ибо Вандамъ, упорствуя въ своемъ намѣреніи пробиться къ Теплицу и ожидая каждую минуту пособія отъ другихъ французскихъ корпусовъ, продолжалъ сраженіе и 18-го числа, когда громады союзныхъ войскъ поражали его съ фронта, а съ тыла явился Клейстъ. Въ отчаянномъ положеніи своемъ Вандамъ рѣшился отступить и послалъ бывшую у него конницу Корбино и одну пѣхотную дивизію опрокинуть Клейста.—Корбино пробился, но пруссаки опять сомкнули ряды свои, и сраженіе кончилось тѣмъ, что Вандамъ и съ нимъ 12.000 рядовыхъ, 4 генерала, 84 орудія, знамена и весь обозъ достались союзникамъ. Въ кровопролитныхъ бояхъ, окончившихся подъ Кульмомъ, союзники потеряли до 10.000 человѣкъ убитыми и ранеными; графу Остерману оторвало ядромъ руку.

Наполеонъ получалъ одну за другою такія печальныя ново-

сти, послѣ одержанной имъ подъ Дрезденомъ побѣды. Онъ довольно хладнокровно узналъ о пораженіяхъ Удино и Макдональда и располагался двинуться на помощь къ нимъ, ожидая только извѣстія, что главная армія союзниковъ углубилась въ Богемію. Наконецъ пришли извѣстія и о Вандамѣ: явился Корбино, раненный, покрытый кровью своею и непріятельскою... Выслушавъ всѣ подробности бѣдствія неожиданнаго и тѣмъ больше прискорбнаго, Наполеонъ недоумѣвалъ, почему Вандамъ такъ далеко ушелъ въ Богемію. «Отступающей арміи надобно навести золотой мостъ, или поставить стальную преграду; а Вандамъ не могъ быть такою преградою», сказалъ онъ. Обратившись къ Бертье и къ своему секретарю Фену, онъ велѣлъ имъ пересмотрѣть всѣ приказы и распоряженія, желая удостовѣриться, не было ли писано Вандаму чего-нибудь, что могло увлечь его въ такую пагубную ошибку. Перечитали всѣ письма, всѣ приказы, всѣ бумаги—ничего не было. Тогда, съ спокойнымъ лицомъ обратившись къ Маре, онъ сказалъ: — Вотъ что значитъ война: такъ высоко утромъ, и такъ низко вечеромъ!

Du triomphe à la chûte, il n'est souvent qu'un pas.

Онъ устремилъ глаза на лежавшую передъ нимъ карту, взялъ въ руки циркуль и, задумавшись, невольно произнесъ пришедшіе ему на память стихи:

J'ai servi, commandé, vaincu quarante années;
Du monde entre mes mains j-ai vu les destinées;
Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement
Le destin des états dépendait d'un moment.

(я служилъ, начальствовалъ и побѣждалъ сорокъ лѣтъ; видѣлъ въ рукахъ моихъ судьбу міра и узналъ, что судьба царствъ зависитъ отъ мгновенія).

Полководецъ, не столь опытный и мужественный, могъ упасть духомъ, видя себя неожиданно разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, отъ чего разстроивались всѣ соображнія, гибли всѣ прежніе успѣхи, плоды продолжительныхъ трудовъ и приготовленій. Но Наполеонъ черезъ два дня послѣ кульмскаго сраженія составилъ новый планъ дѣйствій и началъ съ успѣхомъ приводить его въ исполненіе. Виктору приказалъ онъ стать

во Фрейбергѣ, а Сенъ-Сиру въ Пирнѣ, для прикрытія Дрездена; корпусамъ Мармона и Латуръ-Мобура возвратиться отъ богемскихъ границъ и соединенно съ гвардіею идти противъ Блюхера, къ Бауцену, куда и самъ онъ не замедлилъ отправиться. При появленіи многочисленныхъ войскъ Блюхеръ началъ отступать и 24-го августа былъ уже за Квейсомъ, почему Наполеонъ, прекративъ преслѣдованіе его, поручилъ Макдональду наблюдать силезскую армію и усилилъ его корпусомъ Понятовскаго. Самъ онъ спѣшилъ къ Дрездену, которому снова угрожала опасность. Союзники, узнавъ о движеніи Наполеона къ Бауцену, раздѣлили главную армію на двѣ части, изъ которыхъ одна, состоявшая изъ 60.000 австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Шварценберга, пошла на Ауссигъ для дѣйствій во флангъ Наполеона отъ Цитау, а другая, подъ начальствомъ Барклая де Толли, вступила въ Саксонію и, охраняя Богемію, въ то же время приближалась къ Дрездену, для чего особенно былъ назначенъ Витгенштейнъ съ тремя корпусами. Онъ оттѣснилъ Сенъ-Сира, обложилъ Кёнигштейнъ и занялъ Пирну. Утромъ 28-го августа онъ готовился къ атакѣ, когда внезапно увидѣлъ передъ собою Наполеона, лично распоряжавшаго корпусомъ Сенъ-Сира и подходившими изъ Дрездена войсками *). Итакъ, Наполеонъ возвратился, далеко отодвинувъ Блюхера, и появленіе его, какъ видъ Медузиной головы, заставило Витгенштейна остановить свою атаку и даже отступить за Петерсвальде, потому что войска Наполеона обходили лѣвый флангъ его. Другіе корпуса союзниковъ также начали отступать и наконецъ сосредоточились между Кульмомъ и Теплицомъ, куда приказано было поспѣшить и Шварценбергу, ушедшему къ Цитау. Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться раздробленіемъ союзной арміи и направилъ переформированной корпусъ Вандама, поступившій подъ начальство Мутона, столбовою дорогою изъ Пирны къ Петерсвальде, между тѣмъ какъ главныя силы его шли черезъ Брейтенау и Гейерсбергъ. 29-го августа передовыя колонны французовъ уже спускались съ богемскихъ горъ, и Барклай де Толли готовился отступить за Теплицъ. Вѣроятно, не надѣясь на-

*) Описаніе войны 1813 года. II, 34.

стигнуть его на отступленіи, какъ не могъ настигнуть Блюхера, и опасаясь удаляться отъ главнаго пункта своихъ дѣйствій, когда съ фланга находилась армія Шварценберга, Наполеонъ отмѣнилъ наступленіе и возвратился въ Дрезденъ, куда пошли и всѣ войска его, кромѣ корпусовъ Мутона и Сенъ-Сира, оставленныхъ наблюдать теплицкую дорогу. По возвращеніи къ Теплицу Шварценберга союзники 2-го сентября сдѣлали усиленное обозрѣніе французскихъ войскъ, оставшихся въ Петерсвальде. Наполеонъ, предполагая какое-нибудь важное намѣреніе съ ихъ стороны, опять выступилъ изъ Дрездена съ гвардіею и другими корпусами, даже производилъ наступательныя движенія изъ Петерсвальде и, окончивъ обозрѣнія свои 6-го числа, возвратился въ Дрезденъ, удостовѣрившись, что ему нельзя атаковать союзниковъ. Онъ рѣшился выждать развитія движеній ихъ и дѣйствовать соображаясь съ тѣмъ. Во время переходовъ Наполеона отъ Дрездена къ Богеміи, Блюхеръ возобновилъ нападенія на Макдональда и заставилъ его отступить къ Бауцену, а потомъ къ Столпену. Наполеонъ опять бросился туда, опрокинулъ передовыя войска Блюхера къ Бишофсверде, но, убѣдившись, что противникъ его не приметъ генеральнаго сраженія, велѣлъ Макдональду стать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Эльбы, у Вейсига, и, воротившись въ Дрезденъ 10 сентября, сказалъ: «Не выйду болѣе отсюда — стану ждать».

Покуда съ такою дѣятельностью переносилъ онъ свои войска съ одного мѣста на другое, и всюду отодвигалъ союзниковъ назадъ, новое пораженіе нанесено было отдѣльной его арміи, бывшей противъ наслѣднаго принца шведскаго. Недовольный оплошностью Удино, который допустилъ не только разбить себя подъ Гроссъ-Береномъ, но и сдвинуть съ настоящаго пути своихъ дѣйствій, Наполеонъ поручилъ армію его Нею, приказалъ ему прежде всего перевести всѣ свои корпуса отъ Виттенберга къ Баруту, на дорогу изъ Дрездена въ Берлинъ. Ней началъ удачно, разбивъ при Цане авангардъ Тауэнцина; но, продолжая далѣе свои движеніе тремя колоннами, былъ самъ разбитъ 25 августа подъ Денневицемъ по тѣмъ же причинамъ, которыя были такъ гибельны Удино. Французскія войска не имѣли стойкости ветерановъ, погиб-

шихъ въ Россіи, а саксонскій корпусъ Ренье, обратившійся въ бѣгство подъ Гроссъ-Береномъ, бѣжалъ и подъ Денневицемъ, когда храбрыя русскія войска прибыли на мѣсто сраженія, почти проиграннаго пруссаками, и неукротимое ихъ мужество возстановило все. Сами военачальники Наполеона не ладили другъ съ другомъ и дѣйствовали не дружно. Итакъ, храбрость русскихъ, неопытность французскихъ войскъ и несогласіе ихъ предводителей — вотъ причины пораженія Нея подъ Деннеицемъ, гдѣ потерялъ онъ 80 орудій и до 10.000 плѣнныхъ. Важнѣе самой потери было то, что наслѣдный принцъ шведскій, оттѣснивъ Нея за Эльбу, имѣлъ возможность дѣйствовать на лѣвомъ берегу ея, во флангъ Наполеону, къ чему и началъ онъ готовиться, приказавъ блокировать Торгау и начать правильную осаду Виттенберга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безполезнымъ дѣлался корпусъ Даву, который съ самаго открытія похода ожидалъ успѣховъ Удино, потомъ Нея и неудачами ихъ былъ осужденъ на бездѣйствіе.

Но время проходило не напрасно для Наполеона въ Дрезденѣ. Онъ видѣлъ, что успѣхъ еще сопутствуетъ ему, но только тамъ, гдѣ находится онъ лично, и что, напротивъ, военачальники его не могутъ сопротивляться союзникамъ, пріобрѣвшимъ опытность въ войнѣ съ нимъ и уже одушевленнымъ множествомъ побѣдъ, частныхъ успѣховъ и единодушіемъ предводимыхъ ими войскъ, тогда какъ на его сторонѣ уже часто являлись упадокъ духа, неувѣренность и даже измѣна. Цѣлые полки германскихъ войскъ его арміи переходили къ союзникамъ; извѣстные генералы оставляли его знамена и находились въ рядахъ его противниковъ. Необходимо было обдумать свое положеніе, разсмотрѣть ближе не одни военныя, но и политическія обстоятельства, и начертать новый планъ дѣйствій.

Силы Франціи были еще очень велики, и арміи, составленныя изъ французовъ, еще были готовы умереть за своего знаменитаго предводителя. Но почти всю союзныя или покорныя ему страны и области уже были противъ него или готовы присоединиться къ его врагамъ. Вице-король, образовавшій 50.000-пую армію на границахъ Италіи, едва могъ оберегать границы ея, ибо при первомъ движеніи австрійцевъ въ Кро-

анію и Далмацію области сіи возстали противъ французскихъ властей, и вице-король былъ принужденъ отступить къ Изонцо, отчего потеряна была для Франціи вся Иллирія. Въ Испаніи, благодаря медлительности Веллингтона и мужеству Сульта и Сюше, всѣ успѣхи англійской арміи ограничились осадой и взятіемъ Сенъ-Себастіана. Сультъ оставался на границѣ, и если бы октябрь засталъ воюющихъ въ такомъ положеніи, то до весны нельзя было бы ожидать вторженія англичанъ во Францію, ибо зимою проходы черезъ Пиренеи бываютъ засыпаны снѣгомъ. Баварія, Виртембергъ и другія пограничныя съ Францією государства, явно вели переговоры съ союзниками и готовы были перейти на ихъ сторону. Новая потеря большого сраженія могла рѣшительно склонить ихъ къ тому, новая побѣда могла удержать шаткую ихъ вѣрность; но, полный увѣренности въ своихъ французахъ, Наполеонъ не опасался вторженія во Францію, когда еще повелѣвалъ сильными арміями на берегахъ Эльбы, и въ умѣ его былъ готовъ новый, смѣлый планъ военныхъ дѣйствій. Онъ рѣшился сосредоточить главныя силы свои у Дрездена и двинуться съ ними противъ арміи шведскаго принца, сломить его, занять Берлинъ, освободить крѣпости, обложенныя союзниками и, присоединивъ къ себѣ гарнизоны французскіе, составленные изъ опытныхъ войскъ, войти въ связь съ корпусомъ Даву и собрать такимъ образомъ многочисленную армію, съ которою намѣревался онъ дѣйствовать въ сѣверной Германіи, избравъ пунктомъ опоры Магдебургъ. Наполеонъ надѣялся, что успѣхи его въ Пруссіи разстроятъ коалицію или по крайней мѣрѣ заставятъ союзниковъ очистить его тылъ, которому угрожали они. Разобщенное положеніе армій ихъ могло представить ему случай разбить ихъ отдѣльно, и тѣмъ же ударомъ надѣялся онъ уничтожить покушенія партизановъ, которые безпрерывно дѣйствовали въ сѣверной Германіи, а самый отважный и счастливый изъ нихъ, Чернышовъ, даже завоевалъ Кассель, прогналъ изъ него короля Іеронима и уничтожилъ его вестфальское королевство.

Въ исполненіе новаго плана корпуса Мутона и Сенъ-Сира оставались въ Дрезденѣ для охраненія его: Мюратъ, съ корпусами Виктора, Лористона и Понятовскаго, выступилъ къ

Лейпцигу противъ главной арміи союзниковъ, направлявшейся туда; гвардія и корпуса Мармона, Макдональда и Сугама пошли къ Дюбену, гдѣ должны были соединиться съ корпусами Бертрана и Ренье, бывшими подъ начальствомъ Нея. Самъ Наполеонъ 25 сентября (7 октября), выѣхалъ изъ Дрездена по дорогѣ къ Дюбену, проведя всю ночь съ 24 на 25 число (ст. ст.) безъ сна въ кабинетѣ своемъ, оканчивая безчисленныя свои распоряженія. Король саксонскій сопутствовалъ ему со всѣмъ семействомъ своимъ, сопровождаемый саксонскою гвардіею и частью гвардіи баварской. Наполеонъ оказывалъ величайшее вниманіе вѣрному своему союзнику, старался предохранить его отъ всякаго неудобства въ пути и, настигнувъ около Эйленбурга саксонскія войска Ренье, остановился, подозвалъ къ себѣ офицеровъ ихъ и говорилъ о необходимости твердо стать на защиту ихъ короля и отечества, угрожаемыхъ иноплеменниками. Послѣдствія доказали, что слова Наполеона были напрасны.

Между тѣмъ союзники, исполняя принятый ими планъ военныхъ дѣйствій, снова начали наступательныя движенія. Главная армія ихъ шла въ тылъ Наполеона, но шла медленно, осторожно, $^{15}/_{27}$-го по 21-е сентября (2-е октября) достигла изъ Богеміи только до Цвикау и Хемница, гдѣ Шварценбергъ рѣшился выждать перехода Блюхера черезъ Эльбу и приближенія Бенингсена, уже вступившаго со своею польскою арміею, составленною изъ русскихъ резервовъ, въ общій кругъ дѣйствій. Блюхеръ двинулся изъ Бауцена по правому берегу Эльбы къ Виттенбергу и по переправѣ черезъ Эльбу, у Эльстера, одержалъ значительную побѣду надъ корпусомъ Бертрана, близъ Вартенбурга. Шведскій принцъ также переправился черезъ Эльбу у Акена и Рослау. Ней отступилъ къ Делицу, въ 15-ти верстахъ отъ Лейпцига, и вскорѣ соединился съ наступавшею арміею Наполеона, который имѣлъ такимъ образомъ подъ рукою до 130.000 человѣкъ. Шведскій принцъ, стоявшій у Цербига, и Блюхеръ у Дюбена, раздѣленные Мульдою, могли быть разбиты поодиночкѣ многочисленными силами Наполеона: но шведскій принцъ, знакомый съ соображеніями бывшаго своего сподвижника, убѣдилъ Блюхера соединить обѣ арміи, отодвинувшись за Заалу. Армія Блюхера

подвергалась притомъ великой опасности. Наполеонъ, убѣдившись, что нельзя разбить противниковъ каждаго отдѣльно, началъ приводить въ исполненіе свой планъ, приготовляясь къ переправѣ на правый берегъ Эльбы. Ренье занялъ Виттенбергъ, оттѣснилъ прусскаго генерала Тюмена и подвигался къ Рославу; Ней опрокинулъ Тауэнцина и занялъ Дессау. Шведскій принцъ, проникнувъ намѣреніе Наполеона идти на Берлинъ, тщетно уговаривалъ Блюхера возвратиться на правый берегъ Эльбы и одинъ съ своею арміею двинулся къ Акену, а Блюхеръ остался около Галле. Но французы уже возвращались къ Лейпцигу: Наполеонъ отмѣнилъ свое намѣреніе перенести театръ войны въ сѣверную Германію. Мысль была смѣлая и потому именно испугала она всѣхъ сподвижниковъ его, которые въ прежнія времена, въ блестящіе годы Арколы, Маренго, Аустерлица, приняли бы ее съ восторгомъ. Со всѣхъ сторонъ видѣлъ Наполеонъ неодобреніе своего плана и нарочно призывалъ на совѣщаніе о немъ опытнѣйшихъ своихъ маршаловъ: всѣ говорили, что, удаляясь въ Пруссію, онъ предаетъ союзникамъ Саксонію, Дрезденъ, и съ нимъ операціонный путь свой; что оставить такіе важные пункты въ тылу своемъ, гдѣ все готово присоединиться къ союзникамъ, значитъ открыть дорогу къ самой Франціи, которая останется безъ защиты, если армія удалится въ сѣверъ Германіи. Возраженія были неосновательны, ибо Наполеонъ избиралъ только новый операціонный путь и при успѣхѣ могъ надѣяться величайшихъ послѣдствій для своей политики, въ которой искусство его равнялось воинскому его генію: онъ зналъ своихъ противниковъ, зналъ шаткость ихъ при малѣйшей опасности и былъ увѣренъ, что занятіе Пруссіи, Берлина, освобожденіе крѣпостей отъ блокады, приближеніе къ Польшѣ—доставятъ ему желанный миръ. Но видя унылые маршаловъ и всѣхъ генераловъ, а можетъ быть и всѣхъ войскъ своихъ, помня, какъ дѣйствовали они при Гроссъ-Беренѣ, при Кацбахѣ, при Денневицѣ, онъ принужденъ былъ согласиться съ ними. Вѣроятно, прискорбно было Наполеону убѣжденіе, что онъ уже не имѣетъ прежней нравственной власти надъ своими сподвижниками и что они уже неспособны переносить тѣхъ трудовъ и лишеній, какими прежде доставили ему славу и могущество. Но эти заслуги ихъ за-

ставляли уважать ихъ мнѣніе! Такъ самый могущественный геній зависитъ иногда отъ окружающихъ его. Что сдѣлаетъ онъ одинъ? Безъ дружнаго содѣйствія самые превосходные планы неисполнимы. Наполеонъ видѣлъ, что при такомъ расположеніи умовъ нельзя надѣяться на успѣхъ, и, противъ собственной воли, приказалъ всѣмъ войскамъ сближаться къ Лейпцигу, къ которому со всѣхъ сторонъ подходили арміи союзниковъ. Медленность движеній ихъ происходила частью отъ несогласія въ планѣ самыхъ дѣйствій. Шварценбергъ, кажется, не кстати подражая знаменитому плану князя Кутузова въ русской войнѣ, хотѣлъ маневрами заставить Наполеона отступать и думалъ разстраивать его мелочными нападеніями; императоръ Александръ, бывшій душою всѣхъ дѣлъ въ великой борьбѣ съ Наполеономъ, рѣшительно не согласился съ Шварценбергомъ, и потому вмѣсто движенія влѣво на сообщенія французовъ, поставили тамъ только корпусъ Гіулая, а всѣ остальныя войска главной арміи сблизили къ Лейпцигу, по берегу Плейссы. Мюратъ, соображаясь съ движеніями союзной арміи, стягивалъ корпуса свои къ Лейпцигу, при чемъ происходили жаркія стычки; особливо замѣчательны были дѣла при Борнѣ и Грассѣ, гдѣ кавалерія союзниковъ встрѣтила старые полки французской конницы, пришедшіе изъ Испаніи и только что соединившіеся съ французской арміей, вмѣстѣ съ корпусомъ Ожеро. Въ этихъ дѣлахъ французы напомнили старую славу свою и даже имѣли преимущество надъ союзниками: Мюратъ самъ водилъ ихъ въ рубку и гарцовалъ въ виду цѣлой арміи.

Рано утромъ $^{3}/_{15}$ октября Наполеонъ прибылъ въ Лейпцигъ, и почти въ то же время вступили туда всѣ корпуса его, шедшіе изъ Дюбена. Близость главной арміи союзниковъ дала ему мысль атаковать и разбить ее прежде, нежели подойдутъ съ другихъ сторонъ Блюхеръ и шведскій принцъ. Весь день 3-го октября обозрѣвалъ онъ мѣстность вокругъ Лейпцига и приказалъ Нею, съ корпусами Мармона и Сугама, стать на дорогѣ изъ Галле, близъ Мёкерна, для предупрежденія дѣйствій Блюхера; Бертрану—охранять дорогу изъ Люцена; всѣмъ остальнымъ корпусамъ—занять пространство отъ Конневица до Либервольквица, противъ главной арміи союзниковъ. Ренье еще былъ на пути къ Лейпцигу.

Союзники, съ своей стороны, по настоянію императора Александра, поставили только наблюдательный корпусъ между Плейссою и Эльстеромъ, а главныя силы ихъ арміи были сосредоточены на правой сторонѣ Плейссы, и въ то же время посланы приказанія къ Блюхеру и Бенингсену и приглашеніе къ шведскому принцу поспѣшать къ Лейпцигу, для соединеннаго нападенія на главныя силы французовъ.

4-го числа, въ десять часовъ, французы начали сраженіе канонадою и, когда двинулись противъ нихъ войска Клейста и принца Евгенія Виртембергскаго, они отступили за Клебергъ и Вахау. То было слѣдствіемъ предначертанія Наполеона, который, вызвавъ такимъ образомъ противниковъ на ближайшее разстояніе къ главнымъ своимъ силамъ, вдругъ открылъ, съ высотъ позади Вахау, огонь изъ 100 орудій. Въ нѣсколько минутъ принцъ Евгеній Виртембергскій и Клейстъ увидѣли себя разстроенными и отступили, а между тѣмъ началось общее наступательное движеніе французовъ. Три часа продолжался исполинскій бой на всѣхъ пунктахъ, и союзники были уже ослаблены огнемъ непріятельской артиллеріи, когда противъ центра ихъ начали соединяться большія колонны кавалеріи и пѣхоты. Союзники придвинули свои резервы. Началомъ новой атаки французовъ было усиленіе убійственнаго огня противъ центра союзниковъ, и вскорѣ потомъ Латуръ-Мобуръ кинулся противъ ослабленныхъ кареевъ принца Евгенія и Клейста, сбилъ, обскакалъ ихъ, захватилъ 30-пушечную русскую батарею и разорвалъ центръ союзниковъ на-двое. Ничто не могло удержать порыва французскихъ кираспровъ и драгуновъ. Гренадеры русскіе составляли послѣдній оплотъ, уже оставшійся позади ихъ, и они приближались, опрокидывая и уничтожая все, къ плотинѣ, гдѣ стоялъ императоръ Александръ, окруженный своею свитою. Присутствіе духа русскаго императора спасло все: предусматривая ударъ французовъ, онъ велѣлъ приблизить послѣдніе свои резервы, артиллерію, и приказалъ бывшему въ конвоѣ его лейбъ-казачьему полку ринуться навстрѣчу французской кавалеріи и остановить налетъ ея. Приказанія его были исполнены быстро и мужественно: особенную славу заслужили притомъ лейбъ-казаки, подъ начальствомъ неустрашимаго вождя своего графа Орлова-Денисова, который

успѣлъ остановить порывъ французовъ, далъ время соединиться разстроенной гвардейской дивизіи русской, и роковое мгновеніе было выиграно. Со всѣхъ сторонъ подоспѣвшіе резервы остановили французскую конницу, которая лишилась между тѣмъ предводительства Латуръ-Мобура: ядро оторвало ему ногу. Упорное сраженіе продолжалось около Госсы, гдѣ по одну сторону гремѣла канонада, про которую безстрашный Милорадовичъ сказалъ, что она громче Бородинской, а по другую кипѣлъ кровавый бой между французскою и русскою гвардіею; далѣе, у Ауэнгейма, Раевскій и Викторъ не уступали одинъ другому оспариваемаго пункта. Наконецъ, подоспѣвшіе съ лѣваго берега Плейссы австрійцы придали даже нѣкоторую поверхность союзникамъ. Наполеонъ прекратилъ на время нападеніе; но узнавъ, что Блюхеръ атаковалъ Мармона у Мёкерна, рѣшился возобновить атаку на главную армію союзниковъ, дабы отбросить ее далѣе отъ Лейпцига и потомъ имѣть время управиться съ Блюхеромъ. Намѣреніе его остановили австрійцы, успѣвшіе переправиться черезъ Плейссу, на правомъ флангѣ французовъ, и уже выступавшіе изъ Делица. Наполеонъ послалъ туда старую гвардію и двѣ дивизіи пѣхоты. Австрійцы были сбиты, прогнаны за рѣку и потеряли много людей плѣнными, въ числѣ которыхъ былъ главный начальникъ ихъ, графъ Мерфельдъ. Темнота октябрьскаго вечера всюду остановила сражавшихся. Въ продолженіе дня Бертранъ удачно отбивалъ атаки Гіулая, но Мармонъ, несравненно слабѣйшій числомъ противъ Блюхера, понесъ большія потери: онъ потерялъ до 60-ти орудій и 3.000 человѣкъ плѣнными.

Наполеонъ, не успѣвши отодвинуть главной арміи союзниковъ, увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи, ибо въ слѣдующій день, когда къ нимъ должны были придти арміи шведскаго принца и Бенингсена, онъ уже не могъ надѣяться имѣть поверхность надъ ними и, напротивъ, могъ быть подавленъ многочисленностью. Вечеромъ, на бивакѣ близъ Мейсдорфа, онъ велѣлъ призвать къ себѣ Мерфельда, возвратилъ ему шпагу и поручилъ отправиться къ императору Францу съ мирными предложеніями. «Вы видите, какъ нападаютъ на меня и какъ я защищаюсь,—сказалъ Наполеонъ.—Неужели вашъ кабинетъ не хочетъ предупредить такого остервенѣнія?

Можно остановить все сегодня же вечеромъ, а завтра, быть можетъ, будетъ уже поздно, потому что кто знаетъ завтрашнія событія? Нашъ политическій союзъ разорванъ, но государь вашъ соединенъ со мной еще другимъ союзомъ, и я обращаюсь къ нему, какъ всегда увѣренный въ чувствахъ родителя моей супруги. Повторите ему то, что́ я уже говорилъ черезъ графа Бубну. На счетъ мой очень ошибаются: я хочу мира, хочу заботиться о счастіи Франціи, какъ заботился о славѣ ея...»

Послѣ продолжительныхъ объясненій, Наполеонъ сказалъ: «Знаю, что я долженъ кончить пожертвованіями, и готовъ на то». Онъ повторилъ всѣ условія, на которыя соглашался въ Прагѣ, и обѣщалъ, въ залогъ своей искренности, отступить немедленно за Рейнъ, если перемиріе будетъ заключено въ продолженіе сутокъ. «Прощайте, генералъ,—сказалъ онъ отпуская Мерфельда.—Я увѣренъ, что когда вы станете говорить обоимъ императорамъ о мирѣ, предлагаемомъ мною, вашъ голосъ пробудитъ въ нихъ краснорѣчивыя воспоминанія». Въ самомъ дѣлѣ, по странной случайности, Мерфельдъ пріѣзжалъ къ Наполеону съ предложеніями о мирѣ въ Леобенъ, былъ при заключеніи кампо-формійскаго мира, и въ Аустерлицѣ онъ же пріѣзжалъ къ Наполеону отъ австрійскаго императора.

Слѣдующій день, исключая ошибку въ арміи Блюхера, прошелъ въ бездѣйствіи, ибо союзники ожидали приближенія арміи шведскаго принца и Бенингсена, а Наполеонъ еще надѣялся получить отвѣтъ на предложеніе, посланное имъ съ Мерфельдомъ. Къ вечеру велѣлъ онъ всѣмъ войскамъ своимъ сблизиться къ Лейпцигу и распорядился выводомъ оттуда изліишней артиллеріи и обозовъ. Больные и раненые также были по возможности отправляемы въ Вейсенфельсъ, куда потянулся и корпусъ Бертрана. Всѣ остальныя войска стали полукружіемъ, отъ Парты до Плейссы. Арміи союзниковъ между тѣмъ сблизились и число ихъ возросло до громадной числительности: главная армія, по соединеніи съ польскою Бенингсена, простиралась до 180.000 человѣкъ; сѣверная заключала въ себѣ до 70.000 человѣкъ, силезская до 60.000, всего 310.000 человѣкъ. Всѣхъ войскъ со стороны Наполеона было не болѣе 170.000. Слѣдствія можно было предвидѣть; но кто

можетъ напередъ измѣрить весь успѣхъ или всю потерю огромнаго сраженія, при неизбѣжныхъ военныхъ случайностяхъ?

День 6-го октября былъ самый торжественный во всю войну. На небольшомъ пространствѣ Лейпцига съ его окружностью, полмилліона войскъ почти всѣхъ народовъ Европы и многихъ племенъ Азіи готовились сразиться за великую идею независимости народовъ, и за славу и господство одного геніальнаго человѣка надъ всѣми. Современники и потомство наименовали лейпцигскую битву—*битвою народовъ* (Bataille des nations).

Ключомъ французской позиціи были селенія Вахау и Пробстгейде, куда и обратились главныя усилія войскъ Барклая де-Толли, Витгенштейна и Клейста. Противъ нихъ были корпуса Виктора, Лористона, и позади самъ Наполеонъ съ старою гвардіею. Съ каждой стороны Пробстгейде стояло по 50 орудій. Несмотря на ужасныя опустошенія, производимыя такими батареями, и на отчаянное сопротивленіе французовъ, союзники два раза врывались въ Пробстгейде, но были окончательно отражены старою гвардіею, подъ личнымъ распоряженіемъ Наполеона. Новое наступленіе русскихъ войскъ также было отбито, и сраженіе продолжалось жестокимъ ружейнымъ огнемъ, при громѣ артиллеріи съ обѣихъ сторонъ. Въ это время поверхность, одержанная Понятовскимъ и Ожеро на правомъ флангѣ французовъ, выгнавшихъ австрійцевъ изъ Делица, заставила императора Александра остановить атаку центра и отрядить часть войскъ своихъ на подкрѣпленіе австрійцевъ. Покуда уравновѣшивалось тамъ сраженіе, армія Беннигсена и вскорѣ армія шведскаго принца начали вступать въ общую линію дѣйствій. Здѣсь тотчасъ совершились событія неожиданныя: на окопечности праваго крыла Беннигсена, два конные виртембергскіе полка перешли на сторону союзниковъ; вскорѣ потомъ, когда Беннигсенъ еще выстраивался на позиціи, изъ корпуса Ренье, бывшаго противъ него, отдѣлились саксонскія войска, въ числѣ нѣсколькихъ полковъ, съ конницею и артиллеріею, и не только перешли въ ряды союзниковъ, но тотчасъ оборотили свои орудія и начали стрѣлять во французовъ. Наполеонъ, бывшій свидѣтелемъ такого безпримѣрнаго поступка, выразилъ глубокое негодованіе, но не теряя ни минуты подкрѣпилъ Ренье кавалеріею Напсути и своею гвардіею, а Ней

послалъ туда же пѣхотную дивизію. Такимъ образомъ разрывъ линіи, который могъ сдѣлаться пагубнымъ для французовъ, былъ замѣщенъ другими войсками, и Бенингсенъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Шведскій принцъ не раньше 3-го часа занялъ назначенное для его арміи мѣсто и, отрядивъ корпусъ Бюлова на подкрѣпленіе Бенингсена, оставилъ два другіе корпуса своей арміи въ резервѣ, а отданному въ его распоряженіе Ланжерону приказалъ, во что бы то ни стало, взять Шёнфельдъ, опору лѣваго крыла непріятельской позиціи. Ланжеронъ, съ русскими войсками, три раза врывался въ селеніе, поражалъ непріятелей картечью, гранатами, ружейнымъ огнемъ, и не прежде вечера выбилъ ихъ изъ селенія; онъ потерялъ до 4.000 выбывшихъ изъ строя, но имѣлъ славу одинъ изъ всѣхъ союзныхъ генераловъ прорвать позицію Наполеона. Замѣчательно, что въ корпусахъ Мармона и Сугама, оказавшихъ такое отчаянное сопротивленіе Ланжерону, большая часть солдатъ были мальчики лѣтъ по семнадцати, даже одѣтые въ какихъ-то куртках, по недостатку въ амуниціи!.. На крайнемъ правомъ флангѣ союзниковъ, Сакенъ также нѣсколько разъ врывался въ галльское предмѣстіе, но былъ отбитъ. Бенингсенъ и Бюловъ взяли бывшее передъ ними селеніе Зеллерсгаузенъ. Темнота вечера помѣшала дальнѣйшимъ успѣхамъ наступавшихъ колоннъ, и сраженіе продолжалось до поздней ночи канонадою, на необозримомъ полукружіи битвы. Союзные монархи провели большую часть дня на холмѣ близъ Мейсдорфа, гдѣ наканунѣ долго оставался Наполеонъ. Впослѣдствіи этотъ холмъ названъ холмомъ Монарховъ (Monarchenhügel). Еще на мѣстѣ сраженія первенствующіе генералы получили приказаніе идти въ слѣдующее утро на приступъ къ Лейпцигу.

Наполеонъ провелъ почти всю предшествующую ночь и весь день съ самаго разсвѣта въ тяжкихъ трудахъ и заботахъ, переносясь съ одного мѣста на другое, часто подъ ядрами и картечами непріятелей, волнуясь впечатлѣніями громаднаго боя, въ продолженіе котораго испыталъ онъ много прискорбныхъ впечатлѣній. Когда стихла гроза сраженія, онъ слѣзъ съ коня, сѣлъ подлѣ огня своего бивака на складной стулъ, и задремалъ. Вокругъ него стояли генералы и свита, не меньше его утомленные и печальные, но ожидавшіе новыхъ распоряженій

своего повелителя. Сонъ Наполеона продолжался не болѣе четверти часа; онъ проснулся и подозвалъ къ себѣ подошедшихъ между тѣмъ начальниковъ артиллеріи, Сорбье и Дюлолуа. Они донесли ему объ истощеніи почти всего запаса боевыхъ спарядовъ: въ теченіе дня было сдѣлано девяносто пять тысячъ выстрѣловъ изъ пушекъ, а всего въ послѣдніе пять дней болѣе двухъ сотъ тысячъ выстрѣловъ. Остававшихся шестнадцати тысячъ зарядовъ едва достало бы, по такому размѣру, на два часа. Артиллерійскій паркъ остался, при быстромъ движеніи арміи, назади, и ушелъ въ Торгау, а ближайшіе депо были въ Магдебургѣ и Эрфуртѣ. Это обстоятельство заставило Наполеона немедленно распорядиться отступленіемъ всѣхъ войскъ изъ Лейпцига, и оставить нѣкоторыя изъ нихъ только для задержанія непріятельскихъ корпусовъ, покуда всѣ другія войска его, съ своими тяжестями, будутъ выступать за Эльстеръ. Возвратившись въ городъ, онъ послалъ своего министра Маре къ саксонскому королю, упросить его не выѣзжать изъ Лейпцига и предать судьбу свою союзнымъ монархамъ. Добрый король не соглашался и хотѣлъ слѣдовать за своимъ союзникомъ, но Маре изобразилъ ему невозможность помощи со стороны Наполеона и убѣдилъ его въ искренности совѣта завоевателя, покинутаго счастіемъ.

Съ утра 7-го числа союзныя войска начали подступать со всѣхъ сторонъ къ Лейпцигу и черезъ часъ втѣснили французовъ въ городъ. Только со стороны галльскаго предмѣстья Мармонъ и со стороны Розенталя Репье оказывали упорное сопротивленіе. Громада войскъ главной арміи союзниковъ прежде другихъ подошла къ Лейпцигу, и императоръ Александръ послалъ генерала Толя къ саксонскому королю сказать, чтобы онъ убѣдилъ французовъ выйти немедленно изъ Лейпцига и тѣмъ избавить богатый и цвѣтущій городъ отъ разоренія. Въ Лейпцигѣ происходила страшная суматоха. Наполеонъ выѣхалъ оттуда, незадолго отдавъ послѣднія приказанія и простившись съ вѣрнымъ союзникомъ своимъ, королемъ, когда ружейные выстрѣлы уже раздавались въ самомъ городѣ. Толь едва успѣлъ явиться къ королю и сказать нѣсколько словъ, какъ передъ самыми окнами дворца появились русскіе отряды стрѣлковъ и стоявшія тамъ войска Рейнскаго союза

перешли на ихъ сторону. Французы, отстрѣливаясь, спѣшили выходить изъ города и направлялись къ мосту черезъ Эльстеръ, гдѣ отъ безчисленнаго множества войскъ, обозовъ, артиллеріи, былъ ужасный безпорядокъ. Всѣ корпусы успѣли однакожъ перейти черезъ него, и только оставленные для прикрытія отступленія корпуса Макдональда, Лористона, Ренье и Понятовскаго, назначенные составить потомъ аріергардъ арміи, были еще въ городѣ. Въ это время, подлѣ самаго моста появились русскіе егеря и выстрѣлы ихъ раздались вслѣдъ за бѣжавшими. Приставленный къ мосту инженеръ, которому было приказано взорвать его, когда пройдутъ послѣднія французскія войска и на мосту появятся союзники, въ суматохѣ, въ дыму, въ смятеніи битвы, вообразилъ, что настала минута исполнить роковой приказъ—и мостъ съ грохотомъ взлетѣлъ на воздухъ! Это несчастное обстоятельство было причиною, что напмепованные нами корпуса, и сами начальники ихъ, увидѣли себя въ неизбѣжномъ плѣну: другого моста не было, и нѣкогда было искать переправы. Кто могъ, кидался въ рѣку; иные переплывали черезъ нее, другіе тонули. Въ числѣ первыхъ былъ маршалъ Макдональдъ, счастливо переплывшій на копѣ своемъ; въ числѣ послѣднихъ былъ Понятовскій, наканунѣ пожалованный Наполеономъ въ маршалы, и погибшій въ волнахъ Эльстера. Сопротивленіе засѣвшихъ въ домахъ и отстрѣливавшихся не могло быть продолжительно. Они сдались, въ числѣ 12.000 человѣкъ. Всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ союзниками въ четыре дня лейпцигской битвы, насчитывали до 20.000 нижнихъ чиновъ и, кромѣ того, 20.000 больныхъ и раненыхъ; убитыхъ со стороны французовъ было до 20.000 разныхъ чиновъ и нѣсколько генераловъ. Въ числѣ плѣнныхъ были король саксонскій, принцъ Эмилій дармштадтскій, корпусные начальники Ренье и Лористонъ (послѣдній посолъ Наполеона въ Петербургѣ). Трофеями были 325 пушекъ и множество обозовъ и разныхъ снарядовъ. Союзники потеряли убитыми и ранеными до 50.000 человѣкъ.

Послѣдствія такой огромной побѣды были велики и рѣшительны. Всѣ союзники Наполеона убѣдились, что счастіе оставило знамена его и что послѣ великихъ потерь, имъ понесенныхъ, и при неисчислимыхъ средствахъ коалиціи остается

только продолжать успѣхи надъ нимъ и дѣлить добычу побѣдителей. Императоръ Александръ сдѣлался лучезарнымъ солнцемъ всѣхъ германскихъ владѣтелей, и къ нему обращались они съ восторженными поздравленіями и съ просьбами принять ихъ въ общій союзъ. Столько же скромный въ дни торжества, сколько твердый въ дни бѣдствій, Александръ отклонялъ отъ себя почести, по праву принадлежавшія ему, говорилъ всегда отъ лица союзниковъ, но болѣе и болѣе отъ него зависѣло рѣшеніе европейскихъ вопросовъ. Два дня былъ онъ удержанъ въ Лейпцигѣ распоряженіями касательно дѣлъ своего государства и своихъ огромныхъ армій, а также и переговорами съ шведскимъ принцемъ, который спѣшилъ, на основаніи заключеннаго съ нимъ въ 1812 году договора, приступить къ мѣрамъ присоединенія Норвегіи къ Швеціи. Положили, что по отступленіи Наполеона за Рейнъ, шведскій принцъ, вмѣстѣ съ арміею Бенингсена, обратится противъ Даніи, принудитъ ее уступить себѣ Норвегію, и потомъ очистить отъ французовъ сѣверную Германію и Голландію. Другіе владѣтели, помня какъ шатки были они въ союзахъ во время торжествъ Наполеона и какія воспоминанія оставили ихъ поступки въ нѣкоторыхъ могущественныхъ государяхъ, страшились возмездія и полагали всѣ надежды свои на великодушіе Александра. При такомъ множествѣ разныхъ дѣлъ и отношеній Александръ не могъ предоставить и продолженія военныхъ дѣйствій своимъ союзникамъ, ибо въ два дня, проведенные имъ въ Лейпцигѣ, они почти упустили изъ виду Наполеона, и онъ безпрепятственно отступалъ къ Эрфурту. Александръ сталъ распоряжаться, даже не предупреждая главнокомандующаго князя Шварценберга, и русскіе авангарды тотчасъ опередили австрійцевъ, такъ что въ одно утро, когда Гіулай спросилъ, что́ слышно новаго о непріятелѣ, котораго онъ преслѣдовалъ, ему отвѣчали, что впереди его не французы, а русскіе. Вообще, австрійцы почитали дѣло конченнымъ и уже имѣли новые виды, чему вскорѣ увидимъ доказательства.

Между тѣмъ какъ возрастало могущество императора Александра и увеличивалось вліяніе его на всѣ дѣла Европы, Наполеонъ безпрестанно получалъ извѣстія объ отпаденіи отъ него союзниковъ. Армія его, изнуренная и истощенная тру-

дами и лишеніями всякаго рода, уменьшалась съ каждымъ днемъ и не могла остановиться нигдѣ для отдыха, потому что союзники со всѣхъ сторонъ готовы были обойти ее. Въ Эрфуртѣ получилъ онъ извѣстіе, что давній и вѣрный союзникъ его, король баварскій, не только перешелъ на сторону коалиціи, но и соединилъ свои войска съ австрійскимъ корпусомъ, на пути его отступленія. Партизаны также не давали французамъ покоя, и самый предпріимчивый изъ нихъ, Чернышовъ, шелъ между авангардомъ Наполеона и главною его арміею, уничтожая заготовленные для нея запасы и разламывая мосты. Войска Наполеона были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что нѣкоторые изъ старшихъ его генераловъ думали уже о низверженіи человѣка, который мѣшалъ спокойствію цѣлой Европы и собственному ихъ счастію, не вспоминая, что ему были они одолжены тѣмъ, что имѣли и чѣмъ сдѣлались.

Къ счастію Наполеона, безсвязность въ преслѣдованіи его, дала ему возможность безъ большихъ потерь подойти къ Ганау, гдѣ на перерѣзъ дороги его стоялъ австро-баварскій корпусъ, подъ начальствомъ Вреде, состоявшій изъ 56.000 человѣкъ, но, за откомандировкою части ихъ въ разныя стороны, имѣвшій въ совокупности немного больше 40.000 человѣкъ, къ которымъ присоединился Чернышовъ съ 4.000-мъ отрядомъ. Вреде поставилъ свой корпусъ впереди Ганау, передъ большимъ лѣсомъ, черезъ который пролегала дорога французовъ. Выбивъ изъ него передовыя войска баварцевъ, французы сождали сближенія главныхъ силъ своихъ и потомъ быстро высыпали изъ лѣса: гвардейцы строились по лѣвую сторону дороги, конныя батареи скакали впередъ, другія батареи становились на лѣвой сторонѣ дороги и тотчасъ открыли огонь изъ 50 орудій; за ними шла пѣхота. Но главный ударъ баварцамъ должна была нанести тяжелая кавалерія Нансути, которая, заѣхавъ съ правой стороны дороги, быстро обратилась противъ центра ихъ, сбила, смяла все встрѣчешное ею и разрѣзала войска союзниковъ на двѣ части. Очистивъ себѣ путь, Наполеонъ продолжалъ отступленіе, и только задніе войска его нанесли окончательные удары Вреде, который самъ былъ тяжело раненъ и потерялъ до 10.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, нѣсколько знаменъ и пушекъ. Одинъ изъ военныхъ писателей сравнилъ

Наполеона, побѣдителя при Ганау послѣ лейпцигскаго пораженія, со львомъ, тяжело раненымъ: «истекая кровью на возвратномъ пути, онъ раздавилъ непріятеля, который вздумалъ остановить его».

20 октября, на другой день послѣ сраженія при Ганау, Наполеонъ со своею арміею прибылъ во Франкфуртъ, откуда немедленно отступила баварская дивизія. 21 числа онъ былъ уже въ Майнцѣ и велѣлъ арміи своей переправляться черезъ Рейнъ. Переправа была окончена 22 числа. Корпусъ Бертрана остался въ Касселѣ и Гохгеймѣ. Шесть дней оставался Наполеонъ въ Майнцѣ для разныхъ распоряженій и 26 октября, вечеромъ, отправился въ Парижъ. Все число войскъ, переправившихся за Рейнъ, простиралось до 60.000 человѣкъ, изнуренныхъ и вскорѣ подвергшихся болѣзнямъ, отъ которыхъ большая часть ихъ погибла.

Въ то время, когда черезъ Рейнъ переходили остатки французской арміи, на берегахъ Эльбы сдавались въ плѣнъ оставленныя тамъ французскія войска. Покушенія Сенъ-Сира выйти изъ Дрездена и соединиться съ гарнизонами Виттенберга и Торгау, а потомъ идти къ Даву и пробиваться черезъ сѣверную Германію, заставили союзниковъ соединить противъ него такое число войскъ, что онъ принужденъ былъ заключить капитуляцію съ генераломъ Кленау, по которой могъ возвратиться со всѣми своими войсками во Францію, только съ обязательствомъ не служить противъ союзниковъ 6 мѣсяцевъ. На такомъ условіи сдалъ онъ Дрезденъ и уже выступилъ въ походъ, когда его извѣстили, что союзные монархи не утверждаютъ заключенной съ нимъ капитуляціи. Не имѣя никакого продовольствія, ни возможности защищаться, Сенъ-Сиръ протестовалъ противъ нарушенія договора, но принужденъ былъ сдаться военно-плѣннымъ.

Кромѣ войскъ, находившихся съ Сенъ-Сиромъ въ Дрезденѣ, Наполеонъ имѣлъ еще большія силы въ крѣпостяхъ, занятыхъ его гарнизонами, и въ отдѣльномъ корпусѣ Даву, укрѣпившемся въ Гамбургѣ. Но лишенныя всякаго сообщенія съ Франціею, не получая даже прямыхъ извѣстій о своемъ повелителѣ, войска сіи не могли долго противостоять окружавшимъ ихъ союзникамъ. По удаленіи Наполеона за Рейнъ, въ ноябрѣ и

декабрѣ мѣсяцахъ сдались, одна за другою, крѣпости Штеттинъ, Замостье, Модлинъ, Торгау, и наконецъ Данцигъ, гдѣ храбрый Раппъ держался болѣе года, но былъ принужденъ сдаться съ остальными войсками гарнизона, которыхъ число простиралось еще до 15.000 человѣкъ. Нельзя представить себѣ трудностей, голода и всякаго рода бѣдствій, какія переносилъ во время бѣдственной осады храбрый данцигскій гарнизонъ! Какъ бы въ уваженіе за то, офицерамъ его были оставлены шпаги. Всѣ войска Раппа, состоявшія изъ разнородныхъ командъ, были отправлены въ глубину Россіи. Послѣ взятія Данцига, во власти Наполеона оставались еще Гамбургъ, Магдебургъ, Кюстринъ и Глогау. 1-го января 1814 года сдался Виттенбергъ.

На главномъ театрѣ войны происходили не менѣе рѣшительныя событія. Войска главной и силезской армій приближались къ Рейну; наслѣдный принцъ шведскій послалъ одну часть своихъ войскъ занять Бремепъ и наблюдать Гамбургъ, а другою занялъ Ганноверъ. 8-й корпусъ силезской арміи, подъ начальствомъ графа Сенъ-При, занялъ Кассель. Вскорѣ всѣ важнѣйшіе города сѣверной Германіи были очищены отъ французовъ, и только Даву готовился къ упорной оборонѣ въ Гамбургѣ. Король виртембергскій, великіе герцоги баденскій и дармштадтскій приступили къ общему союзу противъ Наполеона. Обезпечивъ дальнѣйшія дѣйствія свои возстановленіемъ власти всѣхъ государей сѣверной Германіи, шведскій принцъ двинулся противъ датскихъ войскъ, отдѣлившихся отъ Даву и стоявшихъ на границахъ Шлезвига. Малочисленная ихъ армія не могла долго сопротивляться огромнымъ силамъ шведскаго принца, и вскорѣ начались переговоры съ ихъ правительствомъ о мирѣ. Данія приняла объявленныя ей условія, согласилась уступить Норвегію Швеціи и, объявляя войну Наполеону, присоединяла свои войска къ союзникамъ. Завоеванія были уже такъ легки союзникамъ, что генералъ Бенкендорфъ, съ небольшимъ отрядомъ войскъ (въ 3.500 человѣкъ), отправленный въ Голландію, встрѣчалъ всюду друзей, а не непріятелей, и спѣшилъ извѣстить о томъ своихъ начальниковъ. Города и даже крѣпости Голландіи сдавались радостно, когда вступилъ туда съ своимъ корпусомъ Бюловъ, а бывшія тамъ

французскія войска, очень немногочисленныя, оказывали сопротивленіе слабое и удалялись къ крѣпостямъ на границѣ Франціи. Въ Амстердамѣ жители присоединились къ русскимъ войскамъ и, при объявленіи независимости Голландіи, провозгласили власть древняго оранскаго дома. Вскорѣ прибылъ туда оранскій принцъ и вступилъ въ управленіе Голландіею.

Такъ разрушалось громадное зданіе могущества Наполеонова, и дѣла Европы принимали новый видъ. Успѣхи союзниковъ были велики и, повидимому, такъ неожиданны для нѣкоторыхъ изъ нихъ, что сама великость подвига какъ бы устрашала ихъ. Одинъ императоръ Александръ неуклонно слѣдовалъ первоначальной мысли своей, бывшей причиною всѣхъ торжествъ его: продолжать войну до окончательнаго сокрушенія власти Наполеона. По прибытіи во Франкфуртъ онъ начерталъ планъ для продолженія военныхъ дѣйствій во Франціи и убѣждалъ союзниковъ своихъ немедленно начать исполненіе его. Но здѣсь снова выразилась мысль вѣнскаго кабинета, о которой упоминали мы, излагая событія прагскаго конгресса. Продолжать ли войну, когда достигнута цѣль ея, т.-е. завоевана независимость Германіи, и не выгоднѣе ли предложить Наполеону миръ на условіяхъ прочной независимости государствъ, которыхъ судьба до сихъ поръ подчинялась его произволу? Таковъ былъ вопросъ, предложенный нѣкоторыми изъ союзниковъ во Франкфуртѣ. Онъ показываетъ, что война противъ завоевателя имѣла для нихъ значеніе ограниченное, и они желали достигнуть только возстановленія своей власти въ странахъ, отторгнутыхъ у нихъ насиліемъ. Какъ бы не научившись изъ дѣйствій Наполеона, что святость договоровъ для него не существовала и что онъ всегда руководствовался только личнымъ своимъ властолюбіемъ, они думали ограничить завоевательный геній новымъ торжественнымъ договоромъ! Не такъ думалъ императоръ Александръ, и хотя онъ не говорилъ ясно о низверженіи Наполеона, но къ тому вела принятая имъ система войны съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Только усильныя настоянія графа Меттерниха побудили его согласиться испытать еще разъ путь переговоровъ съ Наполеономъ; но онъ былъ убѣжденъ, что неукротимый противникъ его не приметъ безусловно предлагаемыхъ ему условій, и, желая не показать раз-

погласія своего съ мнѣніями союзниковъ, уполномочилъ ихъ дѣйствовать отъ общаго имени союза. Вслѣдствіе такого рѣшенія выписали изъ Теплица захваченнаго въ плѣнъ и отправленнаго туда бывшаго французскаго посланника въ Веймарѣ, барона Сентъ-Эньяна. Графъ Меттерних имѣлъ съ нимъ продолжительное объясненіе, при которомъ присутствовали графъ Нессельроде, лордъ Абердинъ и князь Шварценбергъ. Изложивъ передъ нимъ миролюбивыя намѣренія союзныхъ монарховъ, ему поручили отправиться къ Наполеону съ отвѣтомъ на предложенія, присланныя имъ съ графомъ Мерфельдомъ, во время лейпцигской битвы. Союзники готовы были вступить въ переговоры съ императоромъ французовъ, если онъ предварительно согласится ограничить Францію Рейномъ, Альпами и Пиренеями, возстановить въ Испаніи прежнюю династію, признать и устроить независимость Германіи, Голландіи и Италіи. На такихъ основаніяхъ сама Англія соглашалась на величайшія пожертвованія для возстановленія мира, и союзники предлагали Наполеону, если онъ приметъ сіи основанія, назначитъ городъ на правомъ берегу Рейна, чтобы немедленно отправить туда уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Все сказанное было записано барономъ Сентъ-Эньяномъ въ присутствіи переговаривавшихъ съ нимъ, и онъ немедленно отправился въ Парижъ. Наполеонъ не повѣрилъ искренности сдѣланныхъ ему предложеній, и Маре отвѣчалъ графу Меттерниху, что императоръ французовъ желаетъ назначить мѣстомъ предлагаемыхъ ему переговоровъ Мангеймъ, и почитаетъ счастливымъ предзнаменованіемъ слова, сказанныя г-ну Сентъ-Эньяну англійскимъ министромъ. Но, принимаетъ ли онъ предлагаемыя ему условія, — не было даже упомянуто. Графъ Меттернихъ старался представить ему необходимость предварительнаго согласія на предлагаемыя основанія мира, но получилъ опять отвѣтъ неопредѣленный. А между тѣмъ событія совершались быстро, и рѣшительное направленіе, данное имъ императоромъ Александромъ, предупреждало миролюбивыя намѣренія графа Меттерниха. Самъ Наполеонъ способствовалъ тому своими дѣйствіями. Его воззванія къ народу, рѣчь, произнесенная императрицею въ сенатѣ, статьи въ журналахъ, все было составляемо въ оскорбительномъ духѣ для союзниковъ, и даже многія фразы относились

къ такимъ лицамъ, которыя имѣли перевѣсъ между ними. Могла ли послѣ этого Австрія способствовать сближенію между воюющими? Министры другихъ державъ оправдывали предъ нею свои намѣренія безпрерывными указаніями на непреклонность Наполеона и имѣли право повторять: «Можетъ ли быть миръ съ ненасытнымъ властолюбцемъ?»

Присутствіе Наполеона въ Парижѣ было необходимо. Онъ опять, какъ и по возвращеніи изъ похода въ Россію, долженъ былъ создать новую армію, чтобы имѣть возможность сдѣлать отпоръ союзнымъ войскамъ, вступавшимъ во Францію, и поставить себя въ уважительное положеніе, котораго не бываетъ для государствъ безъ военной силы. Но если средства его были еще безчисленны за годъ, то въ настоящую эпоху они были уже въ крайнемъ истощеніи, и если тогда оставались у него мѣсяцы для новыхъ вооруженій, то теперь время ограничивалось недѣлями. Прежде всего надобны были деньги. Наполеонъ опять открылъ для расходовъ свои тюльерійскіе погреба и взялъ оттуда изъ собственной казны 30 милліоновъ франковъ. Дѣйствуя самовластно, онъ не соблюлъ даже формы при изданіи новаго закона, которымъ возвысилъ налоги на окна и на соль. Наполеонъ никогда не понималъ системы кредита, называя ее обманомъ, идеологіею и потому единственными финансовыми его средствами были налоги и контрибуціи; но время контрибуціи для него миновало, и онъ обременялъ новыми налогами свой народъ. Надобны были и новые конскрипты: съ небольшимъ за мѣсяцъ Марія-Луиза являлась въ сенатъ и вытребовала отъ него 250.000 конскриптовъ; черезъ нѣсколько дней потомъ 30.000 человѣкъ были набраны еще въ южныхъ провинціяхъ для защиты Пиренеевъ; теперь самъ императоръ еще требовалъ 300.000 человѣкъ въ видѣ прибавки за одиннадцать послѣднихъ годовъ конскрипціи!.. Сенатъ утвердилъ требованіе: онъ оставался по прежнему покорнымъ исполнителемъ воли императора. Но сила обстоятельствъ начинала брать верхъ и дѣйствовала на самого Наполеона. Онъ видѣлъ необходимость окружать себя не одними безмолвными слугами. Давно не любя Талейрана, онъ часто призывалъ его къ себѣ и совѣщался съ нимъ о дѣлахъ. Можетъ быть, не было ему неизвѣстно и то, что хитрый поли-

тикъ, Талейранъ, уже пріуготовлялъ новое поприще для своей дѣятельности. Ему приписываютъ знаменитую фразу, которую повторяли въ парижскихъ гостиныхъ, когда получено было извѣстіе о бѣдствіяхъ лейпцигской битвы и отступленіи французовъ на лѣвый берегъ Рейна: «C'est le commencement de la fin» (это начало окончанія), сказалъ Талейранъ. Но послѣ *окончанія* долженъ былъ устроиться новый порядокъ дѣлъ, и о немъ-то думалъ коварный царедворецъ, который, несмотря на знаки довѣренности къ нему Наполеона, былъ убѣжденъ въ невозможности поддержать его могущество, потерявшее нравственное свое основаніе. Во время республики и при началѣ имперіи коалиція дѣйствовала не дружно, и ей противилась Франція, одушевленная побѣдами, защищаемая войскомъ, закаленнымъ въ бояхъ, вспомоществуемая общимъ мнѣніемъ народа; теперь все было наоборотъ. Коалиція была уже во Франціи, съ безчисленнымъ войскомъ, съ неистощимыми средствами, одушевленная успѣхомъ, скрѣпленная союзомъ неразрывнымъ, а Франція представляла однѣ развалины недавняго своего могущества, и для защиты ея оставался геній одного великаго человѣка! Но что̀ значилъ геній Наполеона при несчастномъ его направленіи! Онъ создавалъ себѣ могущество тяжкими трудами, великими подвигами, и губилъ все самовластнымъ, противнымъ человѣчеству направленіемъ своимъ. Въ началѣ 1814 г. онъ уже стоялъ надъ бездною. Талейранъ видѣлъ, что трудно было удержать его надъ нею и гораздо легче и выгоднѣе для самой Франціи и для всего человѣчества низвергнуть униженнаго, обезсиленнаго чудными событіями героя. Къ тому и клонились всѣ дѣйствія Талейрана. Онъ никому не высказывалъ своихъ мыслей, но давалъ совѣты всѣмъ сообразно отдаленной своей цѣли: совѣтовалъ Наполеону уступать силѣ обстоятельствъ, уважать установленныя имъ самимъ власти; совѣтовалъ сенату и законодательному корпусу оказывать болѣе сопротивленія деспотизму императора; сближался съ революціонерами, съ пламенными головами республики, и явно намекалъ имъ о низверженіи Наполеона, въ то же время дѣятельно поддерживая сношенія съ г-жою Сталь, съ Б. Констаномъ, съ Бернадоттомъ, съ полковникомъ Лагарпомъ и со всѣми лицами, имѣвшими доступъ къ императору Александру,

ибо онъ очень ясно понималъ, въ комъ заключалось могущество коалиціи. Зная благосклонность императора Александра къ Коленкуру, онъ совѣтовалъ Наполеону возложить на него обязанности министра иностранныхъ дѣлъ и переговоры на новомъ конгрессѣ, о которомъ шла переписка. Наполеонъ самъ видѣлъ, что ограниченныя способности Маре недостаточны въ такую эпоху, почему и назначилъ Коленкура вмѣсто него. Для внутреннихъ сношеній онъ приблизилъ къ себѣ г-на Моле, тогда директора путей сообщенія, но имѣвшаго отъ императора личныя и весьма важныя порученія въ сношеніяхъ съ сенатомъ и съ разными сословіями. Благородныя манеры, пріятная рѣчь и просвѣщенный умъ г-на Моле дѣлали его безцѣннымъ человѣкомъ для такихъ сношеній.

Вскорѣ представился случай, гдѣ Наполеонъ увидѣлъ всю великость перемѣны, произведенной обстоятельствами въ умахъ его подданныхъ, и въ отношеніяхъ съ людьми, бывшими до тѣхъ поръ безмолвными исполнителями его волп. По внушенію тайнаго совѣта своего, гдѣ Талейранъ имѣлъ уже большое вліяніе, Наполеонъ, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса, велѣлъ сообщить ему всѣ документы, относившіеся къ переговорамъ о мирѣ. Сенатъ и законодательный корпусъ должны были отвѣчать на такое сообщеніе, для чего и составлены были комитеты: въ сенатѣ изъ Талейрана, Сенъ-Марсапа. Бернонвиля, Барбе-Марбуа и Фонтана, а въ законодательномъ корпусѣ—изъ Ренуара, Лене, Фложерга, Галлуа и Менъ де Бирапа. Донесеніе сената, составленное въ комитетѣ его Фонтаномъ, какъ и всегда, было наполнено блестящими, громкими фразами и сопровождалось адресомъ къ императору, гдѣ выражалась въ немногихъ словахъ вся мысль, развитая въ донесеніи. «Мы будемъ сражаться за наше драгоцѣнное отечество, между могилами нашихъ отцовъ и колыбелями нашихъ дѣтей», говорилъ сенатъ. «Государь! пріобрѣтите миръ послѣднимъ усиліемъ, достойнымъ васъ и французовъ, и пусть рука ваша, столько разъ побѣдоносная, опуститъ мечъ, подписавши успокоеніе цѣлаго мира». Наполеонъ отвѣчалъ на эту рѣчь благородными словами чувства, какія умѣлъ онъ произносить въ торжественныхъ случаяхъ.

Совсѣмъ иначе, нежели сенатъ, поступилъ законодательный

корпусъ. Члены комитета его, избранные сильнымъ большинствомъ, были люди безпокойные, принадлежавшіе къ оппозиціи, которая долго молчала подъ желѣзною рукою императора и обрадовалась случаю сказать нѣсколько парламентскихъ фразъ. Во время самыхъ совѣщаній комитета, собиравшагося у Камбасереса, подъ предсѣдательствомъ Реньё, выходили неприличные споры, и въ адресѣ императору были помѣщены такіе намеки, которыхъ не могла перенести гордая его душа. «Бѣдствіе, самый справедливый совѣтникъ государей», говорили депутаты; «необходимо сдѣлать войну народною, а для этого надобно тѣснѣе соединить народъ и монарха». Вообще, весь адресъ былъ проникнутъ духомъ осужденія Наполеонова деспотизма, ниспровергнувшаго конституцію Франціи. Разумѣется, узнавъ о томъ, Наполеонъ не дозволилъ напечатать адреса, велѣлъ уничтожить его и распустилъ весь законодательный корпусъ. Онъ хотѣлъ даже бросить въ тюрьму членовъ комитета его, но выраженіемъ строгости своей только обратилъ общее вниманіе на уничтоженный адресъ и сдѣлалъ извѣстнымъ имя редактора его, Лене, котораго начали прославлять какимъ-то героемъ свободы и оппозиціи, тогда какъ въ существѣ весь подвигъ его состоялъ въ сплетеніи нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, не кстати сказанныхъ. Но общее мнѣніе было за Лене, за депутатовъ, и это особенно огорчало Наполеона.

Въ первый день новаго 1814 года, когда въ Тюльери собрались всѣ государственныя сословія съ обычными поздравленіями, Наполеонъ былъ задумчивъ, важенъ, даже печаленъ. Спокойно и торжественно отвѣчалъ онъ на привѣтствія; но, замѣтивъ толпу членовъ законодательнаго корпуса, поспѣшно подошелъ къ нимъ, смѣрялъ ихъ глазами и началъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей своихъ, какія вырывались у него въ минуты сильныхъ движеній души и бывали иногда слѣдствіемъ разсчета, иногда просто выраженіемъ чувства. «Вы могли сдѣлать много добра и сдѣлали только зло,—сказалъ онъ депутатамъ.—Одиннадцать изъ двѣнадцати между вами хорошіе люди, остальные возмутители. Чего надѣетесь вы, начиная оппозицію? Присвоить себѣ власть? А какія у васъ средства? Развѣ вы представители народа? Я представитель его, я, да, я! (онъ сдѣлалъ сильное движеніе) понимаете

ли? Четыре раза былъ я призванъ народомъ, и четыре раза было за меня по пяти милліоновъ голосовъ. У меня санъ, у васъ нѣтъ его; вы только депутаты департаментовъ. Что сдѣлали бы вы въ теперешнихъ обстоятельствахъ, когда надобно отражать непріятеля? Стали бы вы командовать арміями? Достало бы у васъ силы переносить тягость заговоровъ? Они подавили бы васъ, и вы были бы поглощены предмѣстіями Сентъ-Антуанскимъ и Сентъ-Марсо (онъ указалъ на оба эти предмѣстія, и глаза его снова воспламенились). Неужели вы сильнѣе Конституціоннаго собранія и Конвента? А что сдѣлалось съ Гваде и Верньо? погибли!.. таковъ былъ бы и вашъ жребій. Какъ могли вы одобрить неприличный адресъ ко мнѣ? Непріятели уже ступили на землю вашего отечества, а вы стараетесь отдѣлить отъ меня народъ! Развѣ вы не знаете, что войну ведутъ противъ меня одного? Конечно, это почесть, что противъ меня направлены усилія нашихъ непріятелей, которые знаютъ, что если сломятъ меня, то у нихъ будутъ большія преимущества надъ народомъ, отдѣленнымъ отъ своего повелителя. А вы не видите яснаго для близорукихъ и пособляете нашимъ непріятелямъ! Да, вы пособили имъ!» Онъ опять остановился и посреди глубокаго молчанія всѣхъ окружающихъ, пылая гнѣвомъ, произнесъ: «Я знаю все: знаю духъ вашего комитета. Г-нъ Лене—заговорщикъ, агентъ Англіи; онъ въ перепискѣ съ нею черезъ адвоката Десеза; другіе—возмутители; я буду слѣдить за г-мъ Лене: онъ злой человѣкъ. И за что желаете вы столько бѣдствій Франціи? Вы требуете отъ меня, чего не требуютъ и непріятели наши. Если бы они требовали Шампаніи, вы желали бы, чтобы я отдалъ имъ Ла-Бри. Ваше донесеніе коварно и неблагонамѣренно. Двѣ битвы, проигранныя въ Шампаніи, не столько сдѣлали бы зла. А вы могли бы сдѣлать много добра; я ожидалъ отъ васъ утѣшенія. Природа надѣлила меня сильнымъ характеромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордымъ, но мнѣ нужны были утѣшенія. Для блага Франціи я пожертвовалъ своими страстями, гордостью, честолюбіемъ. Я ожидалъ за то вашей признательности и когда былъ готовъ сдѣлать всѣ пожертвованія, то надѣялся, что вы не допустите меня до пожертвованій, несовмѣстныхъ съ честію народа. Напротивъ, въ своемъ донесеніи вы помѣстили крова-

вую пасмѣшку на ряду съ упреками. Вы говорите, что бѣдствіе дало мнѣ спасительные совѣты: можете ли вы укорять меня моими несчастіями? Я перенесъ ихъ съ честію, потому что у меня сильный и гордый характеръ; и если бы не было въ душѣ моей этой гордости, то я не возвысился бы на первый тронъ во Вселенной». Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ началъ опять: «Да, мнѣ нужны были утѣшенія, и я ожидалъ ихъ отъ васъ. Вы хотѣли кинуть въ меня грязью; но я изъ тѣхъ людей, которыхъ можно убить, но не обезчестить. Не упреками ли своими думали вы возвысить блескъ трона? И что такое тронъ? Позолоченные куски дерева, покрытые бархатомъ. Тронъ—самъ народъ, и нельзя отдѣлить меня отъ народа, не повредивши ему, потому-что я нуженъ ему, нежели онъ мнѣ. Что сдѣлаетъ онъ безъ путеводителя, безъ главы?.. Повторяю, ваше донесеніе коварно и вѣроломно... Когда надобно отражать непріятеля, вы требуете новыхъ учрежденій!» Долго еще говорилъ Наполеонъ въ такомъ тонѣ, подтверждалъ свои слова примѣрами изъ самыхъ событій, и въ заключеніе сказалъ: «Черезъ три мѣсяца будетъ миръ; непріятели будутъ прогнаны съ нашей земли, или я умру! Я умру! Да господа, я умру! Средствъ у насъ больше, нежели вы думаете. Непріятели никогда не побѣждали насъ, никогда не побѣдятъ, и будутъ прогнаны скорѣе, нежели пришли. Жители Эльзаса и Франшъ-Конте одушевлены лучше васъ: они просятъ оружія, и я даю имъ оружіе, посылаю адъютантовъ предводить ими въ партизанской войнѣ».

Рѣчь Наполеона, гдѣ было много декламаціи, преувеличеній, но и много истины, много высокаго, вполнѣ выражала состояніе его души. Онъ точно былъ готовъ на всякія пожертвованія, но готовъ и на отчаянную борьбу за честь своего народа и славу своего имени. Постепенно дѣлая болѣе и болѣе разныхъ уступокъ, онъ вдругъ припялъ въ декабрѣ мѣсяцѣ два рѣшенія, которыхъ не могли прежде исторгнуть у него кровавая война и нравственная сила всего католическаго міра. Онъ заключилъ съ плѣнникомъ своимъ Фердинандомъ VII, все еще содержавшимся въ Валансе, договоръ, которымъ признавалъ его королемъ Испаніи и обѣихъ Индій, обязывался очистить Испанію отъ французскихъ войскъ и, съ своей сто-

ропы, облзывалъ его удалить изъ Испаніи англійскія войска не уступать Англіи Магона и Цеуты, защищать морскія права и обезпечить королевское содержаніе родителей его. Фердинандъ съ радостью подписалъ все и спѣшилъ только возвратиться въ свою столицу, зная, что вынужденный договоръ не бываетъ обязательнымъ. Другой договоръ былъ заключенъ Наполеономъ съ папою Піемъ VII, которому онъ возвращалъ не только свободу, но и Римъ съ его легаціями. Такими уступками онъ хотѣлъ показать Франціи и еще болѣе союзнымъ державамъ, что умѣренность точно не чужда ему въ настоящемъ его положеніи. Но не было ли это вмѣстѣ сознаніемъ въ несправедливости прежнихъ поступковъ его съ папою и съ Фердинандомъ VII? Не было ли это тяжкимъ обвиненіемъ самого себя передъ Франціею, которой лучшіе сыны погибли въ Испаніи, во время продолжительной, кровавой войны за наслѣдіе, столько же пагубное для Испаніи, сколько и для Франціи? И для чего были пролиты рѣки крови, усѣяны костями поля Испаніи, опустошены лучшіе области и города ея, растрачены, брошены неисчислимые капиталы? Чтобы однимъ почеркомъ пера привести все въ прежнее положеніе!

Но всѣ уступки Наполеона производили дѣйствіе противное тому, какого ожидалъ онъ по внушеніямъ Талейрана. Союзники медленно приступали къ переговорамъ съ нимъ о мирѣ, выжидали новыхъ событій и безпрерывно увеличивали свои силы и средства побѣды. Когда, въ началѣ декабря, получено было письмо Колепкура къ князю Меттерниху, гдѣ объявлялъ онъ, что Франція принимаетъ основанія, сообщенныя съ баропомъ Сентъ-Эньяномъ, и готова сдѣлать всѣ требуемыя уступки, князь Меттернихъ отвѣчалъ уклонительно, потому что политика императора Александра уже первенствовала въ совѣтѣ союзниковъ. Желая по крайней мѣрѣ объяснить передъ цѣлымъ свѣтомъ намѣренія союзныхъ державъ и цѣль предпринятой ими войны, князь Меттернихъ составилъ знаменитую въ исторіи декларацію, вполнѣ одобренную императоромъ Александромъ, гдѣ ясно сказано, что «союзныя державы ведутъ войну не противъ Франціи, но противъ перевѣса въ могуществѣ, которымъ Наполеонъ, къ несчастію Европы и Франціи, уже слишкомъ долго пользовался внѣ предѣловъ им-

періи». Далѣе франкфуртская декларація заключаетъ въ себѣ ободрительныя для Франціи слова: «Союзные монархи желаютъ видѣть Францію великою, сильною и благополучною, потому что могущество Франціи составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ опоръ въ общемъ составѣ государствъ; союзныя державы утверждаютъ Франціи такое пространство предѣловъ, какого она и при короляхъ не имѣла. Но и онѣ желаютъ быть свободны, благополучны, спокойны, желаютъ мира, который благоразумнымъ распредѣленіемъ силъ и справедливымъ равновѣсіемъ ихъ предохранялъ бы на будущее время народы отъ безчисленныхъ бѣдствій, двадцать лѣтъ тяготѣющихъ надъ Европою».

Объявленіе союзниковъ не оставляло Наполеону никакой надежды на миръ, сколько-нибудь сообразный прежнему его величію, и онъ убѣдился, что единственнымъ средствомъ для сохраненія политическаго существованія имперіи остается продолжать войну, которая оборотомъ счастія могла доставить ему болѣе выгодныя расположенія со стороны союзниковъ. Онъ спѣшилъ открыть новый походъ уже въ самой Франціи; но приготовленія его еще не были кончены, а средства къ продолженію войны безпрерывно уменьшались. Съ одной стороны, союзники вступали во Францію, съ другой— послѣдній его союзникъ, родственникъ, облагодѣтельствованный имъ и столько разъ подвергавшій за него жизнь, Мюратъ, король неаполитанскій, не только отдѣлился отъ него и приступилъ къ коалиціи, но даже открылъ воѣнныя дѣйствія противъ французскихъ войскъ. Это событіе, странное и невольно поселяющее отвращеніе къ характеру знаменитаго наѣздника, совершилось въ началѣ 1814 года. Послѣ переписки съ Наполеономъ, гдѣ онъ убѣждалъ его заключить общій миръ, Мюратъ оскорбился, что бывшій повелитель его и въ несчастіи не удостоиваетъ его даже отвѣта. Между тѣмъ онъ уже заключилъ съ Австріею договоръ, которымъ была обезпечена независимость и неприкосновенность его государства; вскорѣ согласился онъ, по предложенію союзниковъ, двинуть войска свои *на освобожденіе Италіи отъ ига французовъ* и занялъ Римъ. Тамъ, обольщенный блестящими предложеніями, союзомъ съ первыми державами Европы, и, можетъ быть, даже

плѣненный англійскими субсидіями, онъ надѣялся стать въ рядъ древнихъ, знаменитыхъ царственныхъ домовъ и объявилъ войну Франціи! Вице-король Евгеній принужденъ былъ тогда оставить линію Адижа и отступилъ за Минчіо.

Между тѣмъ союзныя арміи уже далеко прошли внутрь Франціи. Какъ прежде, по плану, принятому въ Трахенбергѣ, они двигались впередъ тремя огромными арміями. Главная армія шла черезъ Базель, между Вогезскими горами и Юрою, на Везуль и Лангръ, гдѣ оставалась нѣсколько времени квартира императора Александра. Армія Силезская, подъ начальствомъ Блюхера, переправилась черезъ Рейнъ тремя колоннами: подъ Мангеймомъ, при Каубе и подъ Кобленцомъ. Сѣверная армія, за отсутствіемъ шведскаго наслѣднаго принца, была подъ начальствомъ нѣсколькихъ корпусныхъ командировъ и дѣйствовала сообразно получаемымъ изъ главной квартиры распоряженіямъ. Почти нигдѣ не встрѣчали союзныя войска рѣшительнаго сопротивленія, и слабые французскіе корпуса отступали передъ ними на всѣхъ пунктахъ. Во время пребыванія императора Александра въ Лангрѣ, когда покорена была почти безъ сопротивленія четверть всей Франціи, австрійскій кабинетъ снова предложилъ вопросъ: «Должно ли вступить въ переговоры съ Наполеономъ о мирѣ, или продолжать войну до низверженія его съ престола?» Императоръ Александръ разрѣшилъ сей вопросъ яснымъ изложеніемъ цѣли войны, предпринятой не для низверженія Наполеона, а для упроченія независимости Европы и освобожденія ея отъ пагубнаго вліянія императора французовъ; слѣдовательно нельзя прекратить войны, покуда Франція еще оказываетъ сопротивленіе, можетъ надѣяться на успѣхи и тѣмъ самымъ поддерживаетъ власть Наполеона; надобно продолжать войну, которая представляетъ всѣ надежды къ побѣдѣ и, сообразно успѣхамъ ея, стремиться къ цѣли. «Все это не касается перемѣны династіи,— прибавлялъ императоръ Александръ; — но если Провидѣніе обратитъ обстоятельства и самого Наполеона въ орудія разрушенія политическаго его существованія, паденіе его не будетъ противно ни справедливости, ни выгодамъ Европы».

При такомъ взглядѣ на вопросъ не было препятствія къ открытію переговоровъ, и князь Меттерних извѣстилъ Ко

ленкура, что онъ можетъ пріѣхать въ Шатильонъ, куда немедленно прибудутъ и уполномоченные союзныхъ державъ. Между тѣмъ въ главную квартиру союзниковъ пріѣхалъ первый министръ Англіи, лордъ Кастельриг, и, по совѣщаніи съ нимъ, были составлены правила, на которыхъ уполномочили вступить въ переговоры о мирѣ съ Франціею: со стороны Россіи графа Разумовскаго, со стороны Австріи графа Стадіона, отъ Пруссіи барона Гумбольдта, и со стороны Англіи лордовъ Каткарта, Эбердина и Стюарта. Почти въ одно время открылись засѣданія шатильонскаго конгресса и начались кровопролитныя битвы на равнинахъ Шампаніи.

Наполеонъ безпрестанно получалъ извѣстія объ успѣхахъ союзниковъ. Блюхеръ былъ уже на берегахъ Марны и вошелъ въ сообщеніе съ арміею Шварценберга, которая занимала все пространство отъ Труа до Сенъ-Дизье; Сѣверная армія также подвигалась къ Марнѣ, и казачьи разъѣзды появлялись даже въ окрестностяхъ Фонтенбло. Тогда рѣшился Наполеонъ, даже не кончивши всѣхъ распоряженій къ войнѣ, начать походъ съ тѣми войсками, какими могъ онъ располагать. Число ихъ простиралось едва до 120.000 человѣкъ, не включая армій вице-короля въ Италіи, Сульта на испанской границѣ и разныхъ гарнизоновъ и депо, которые были совершенно отдѣльны и имѣли свое назначеніе, такъ что подъ рукою Наполеона было немного болѣе ста тысячъ человѣкъ, большею часть малоопытныхъ, неодушевленныхъ упоеніемъ побѣдъ, тогда какъ противъ нихъ шло болѣе 400.000 союзныхъ войскъ, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Выгоды на сторонѣ Наполеона были только тѣ, что онъ находился посреди своихъ средствъ, получалъ всѣ пособія и извѣстія отъ преданныхъ ему жителей и могъ дѣйствовать совокупно противъ одной которой-либо изъ союзныхъ армій, то-есть, слѣдуя своей системѣ, могъ разбить одну изъ нихъ и потомъ обратиться противъ другой, тогда какъ онѣ по необходимости были разсѣяны на обширномъ пространствѣ.

Рѣшившись оставить Парижъ, Наполеонъ откровенно объяснилъ свое положеніе министрамъ и другимъ довѣреннымъ лицамъ, окружавшимъ его. Опасность велика, но все можетъ поправить побѣда, въ которой онъ не отчаивается. На время

своего отсутствія онъ учреждаетъ регентство и ввѣряетъ его супругѣ своей Маріи-Луизѣ, назначая также брата своего Іосифа намѣстникомъ своимъ. Министры получили отъ него наставленія важныя, твердо сказанныя. Лица всѣхъ выражаютъ грусть, и онъ одинъ борется съ грозными опасеніями, ободряетъ, обнадеживаетъ въ успѣхѣ. Только иногда печальная улыбка мелькаетъ на губахъ его: это въ тѣ минуты, когда онъ глядитъ на своего сына.

Наканунѣ отъѣзда своего, онъ производилъ смотръ войскамъ, отправлявшимся къ арміи, и послѣ того осматривалъ парижскую національную гвардію, незадолго учрежденную имъ. По окончаніи смотра войска отправились въ походъ, а офицерамъ національной гвардіи велѣно было идти во дворецъ. Наполеонъ вышелъ къ нимъ, ведя за руку маленькаго своего сына, прелестное дитя трехъ лѣтъ, одѣтаго въ мундиръ національной гвардіи. Наполеонъ объявилъ имъ, что отправляется къ арміи и прибавилъ: «Оставляю вашимъ попеченіямъ, вашей защитѣ то, что послѣ Франціи для меня драгоцѣннѣе всего въ мірѣ: оставляю вамъ супругу мою и сына. Можетъ случиться, что вслѣдствіе моихъ военныхъ маневровъ, непріятели подойдутъ къ нашей столицѣ: помните, что вскорѣ явлюсь и я на освобожденіе васъ. Будьте единодушны и не слушайте никакихъ внушеній, которыми станутъ поселять въ васъ разномысліе. Ввѣряя столицу и семейство мое вамъ, я не буду безпокоиться о нихъ». Онъ взялъ малютку-сына на руки и обошелъ съ нимъ всѣхъ офицеровъ національной гвардіи. Восторженные крики были выраженіемъ ихъ чувствъ.

На другой день все было готово къ отъѣзду; всѣ распоряженія и приказанія отданы; остальное время дня и вечера Наполеонъ посвятилъ своему семейству, своей любви къ сыну и супругѣ и долго не могъ разстаться съ милымъ для него ребенкомъ. Поднявъ глаза къ небу, онъ благословилъ его и велѣлъ унести. При немъ осталась тоскующая Марія-Луиза. Наполеонъ не былъ разговорчивъ, но въ каждомъ словѣ его выражалась искренняя привязанность къ ней и глубокая грусть. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что навсегда разстается съ милыми его сердцу.

$^{12}/_{24}$ января, въ четыре часа утромъ, онъ выѣхалъ изъ На-

рижа съ обыкновеннымъ своимъ дворомъ и вечеромъ, къ обѣду, пріѣхалъ въ Шалонъ. Итакъ, въ девятнадцать часовъ онъ былъ уже въ виду непріятелей, посреди своихъ войскъ. Между Шалономъ и Витри были корпуса Нея, Виктора и Мармона; правое крыло Мортье было въ Труа; Макдональдъ шелъ изъ Мезьера къ Шалону. Ожеро находился въ Ліонѣ; Мезонъ защищалъ сѣверные предѣлы Франціи. Немедленно велѣлъ Наполеонъ начать дѣйствія наступательныя и, соединивъ силы свои, хотѣлъ отдѣльно разбить корпуса главной и Силезской армій, разобщенные на значительномъ пространствѣ. Первые удары его пали на Блюхера; онъ втѣснилъ его въ Бріенъ, гдѣ во время жаркаго сраженія едва не были захвачены въ плѣнъ самъ фельдмаршалъ и русскій генералъ Сакенъ. На другое утро французы вошли въ Бріенъ—Бріенъ, мѣсто воспитанія Наполеона! Сколько воспоминаній должно было пробудить въ душѣ его мѣсто, гдѣ образовался его умъ, гдѣ созрѣвали его способности, впослѣдствіи изумившія цѣлый міръ!.. Видя опустошеннымъ городъ и замокъ, столь драгоцѣнные для него по воспоминанію, Наполеонъ хотѣлъ возстановить прежнюю школу свою въ лучшемъ, новомъ видѣ, хотѣлъ употребить милліоны и сдѣлать бріенскій замокъ мѣстомъ образованія будущихъ защитниковъ отечества; но предположеніе его осталось неисполненнымъ: обстоятельства требовали другихъ попеченій и налагали на него другія заботы. Армія Блюхера успѣла соединиться съ арміею Шварценберга, и тогда перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ. Въ большомъ сраженіи, послѣдовавшемъ черезъ нѣсколько дней подъ Бріенномъ и Ларотьеромъ, французскія войска потерпѣли значительное пораженіе и потеряли съ бою 73 пушки и 1.000 человѣкъ плѣнныхъ. Они отступали къ Труа, и при ненастной погодѣ при испортившихся дорогахъ нѣмецкіе авангарды потеряли ихъ изъ виду, такъ что нѣсколько дней даже не знали, куда и по какой дорогѣ отступаютъ французы. Императоръ Александръ настоятельно требовалъ, чтобы союзныя арміи быстро двинулись къ Парижу и овладѣли имъ. Къ удивленію, доводы его были отклоняемы не однимъ Шварценбергомъ, но и министрами Австріи, Англіи и Пруссіи, которые больше нежели прежде упорствовали въ необходимости окончить войну. Въ это самое время Коленкуръ

увѣдомилъ князя Меттерниха, что Франція готова принять всѣ условія, объявленныя ей на шатильонскомъ конгрессѣ, если немедленно будетъ заключено перемиріе. Министры союзныхъ державъ письменно изложили свои мнѣнія, заключавшіяся въ томъ, что цѣль союза ихъ достигнута и что для успокоенія Европы настало время заключить съ Наполеономъ миръ, почему они и просятъ императора Александра приказать графу Разумовскому подписать, вмѣстѣ съ другими уполномоченными, мирный договоръ. Императоръ Александръ отвѣчалъ также письменно на мнѣніе ихъ, гдѣ ясно доказывалъ необходимость продолжать войну, впрочемъ не прекращая переговоровъ въ Шатильонѣ. Это породило жаркія пренія между нимъ и первенствующими министрами другихъ державъ. Наконецъ, видя, что разномысліе доходитъ до крайней степени и даже угрожаетъ разрушеніемъ союза, императоръ Александръ 3-го февраля повелѣлъ графу Разумовскому подписать миръ на условіяхъ, предложенныхъ французскому уполномоченному при открытіи конгресса. Спасенъ ли Наполеонъ и достигнута ли цѣль, къ которой съ такими усиліями стремились всѣ, не желавшіе его гибели? Нѣтъ! новая улыбка фортуны еще разъ ослѣпила, увлекла его, и онъ отвергъ единственный случай, когда во время похода въ 1814 году могъ заключить уважительный, хотя и тягостный для него миръ!..

Въ то время, когда политическія совѣщанія и пренія о войнѣ или мирѣ происходили между министрами союзныхъ державъ и императоромъ Александромъ, Наполеонъ успѣлъ одержать нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ Блюхеромъ. Послѣ сраженія подъ Брienномъ, когда главная армія медленно подвигалась къ Сенѣ и Ножану, Блюхеръ, по распоряженію императора Александра, шелъ къ Шалону для соединенія съ остальными своими корпусами и для слѣдованія съ ними на Парижъ. Получивъ извѣстіе, что Іоркъ вытѣснилъ изъ Шалона главный паркъ французской арміи, прикрываемый корпусомъ Макдональда, Блюхеръ рѣшился отрѣзать Макдональда кратчайшимъ путемъ и, приказавъ Іорку слѣдовать за нимъ, послалъ корпусъ Сакена на Монмираль, Олсуфьева—на Шам, поберъ, а самъ почти безъ войскъ остался въ Вертю, ожидая корпусовъ Клейста и Капцевича. Извѣстія о томъ, что къ

Наполеону, когда онъ былъ въ самомъ тяжкомъ расположеніи духа. Появленіе передовыхъ войскъ главной союзной арміи у Сапса, Немура, появленіе отряда Чернышева около Суассона и движеніе Силезской арміи на Мо сильно встревожили Парижъ, и тамъ уже готовились вывозить казну, драгоцѣнности и важнѣйшія дѣла министерствъ. Въ то же время Макдональдъ донесилъ о своемъ отступленіи, и Коленкуръ прислалъ объявленныя ему условія, на которыхъ министры союзныхъ державъ соглашались подписать миръ. «Франція въ границахъ 1792 года!» воскликнулъ Наполеонъ, прочитавъ донесеніе Коленкура. «А что скажутъ республиканцы мои, когда откажусь отъ границы нашей на Рейнѣ? Могу ли повелѣвать ими, когда лишу Францію и тѣхъ пріобрѣтеній, которыя сдѣланы не мною? Никогда не подпишу такого договора!» Убѣжденія Маре, бывшаго при немъ и нѣсколько часовъ размышленія, наконецъ, склонили гордаго повелителя: онъ велѣлъ приготовить отвѣтъ къ Коленкуру, уполномочивавшій его съ нѣкоторыми ограниченіями заключить миръ. Пока изготовляли бумаги, привезены были новыя извѣстія о разобщенномъ движеніи Блюхера. Маре явился съ бумагами, но Наполеонъ уже не хотѣлъ подписать ихъ. «Прежде я разобью Блюхера, а потомъ увидимъ!» сказалъ онъ. Быстро составилъ онъ планъ дѣйствій и привелъ его въ исполненіе. Оставивъ противъ главной арміи корпуса Виктора и Удино, самъ онъ съ гвардіей и корпусами Мармона, Нея и Мортье, пошелъ по непроходимымъ дорогамъ на Сезанъ и оттуда на Шампоберъ. 29 января внезапно приблизились французскія войска къ корпусу Олсуфьева, ослабленному сраженіемъ подъ Бріенномъ до того, что въ немъ оставалось около 3.700 человѣкъ съ 24 орудіями и не было кавалеріи. Послѣ храбраго сопротивленія корпусъ Олсуфьева былъ уничтоженъ и только половина его успѣла уйти. Въ числѣ плѣнныхъ захвачены были корпусный командиръ Олсуфьевъ и генералъ Полторацкій, съ которымъ Наполеонъ долго разговаривалъ, хвалился успѣхомъ и въ досадѣ, что ничего не могъ вывѣдать отъ Полторацкаго, вскричалъ: «Вотъ вашъ пьяница Блюхеръ! зналъ ли онъ, что я здѣсь! а гдѣ я, тамъ сто тысячъ больше!» 30-го января обратился Наполеонъ противъ Сакена и послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Монмиралемъ, заставилъ его

отступить за Марну съ большою потерей людей. Между тѣмъ Блюхеръ, сождавъ Канцевича и Клейста, атаковалъ бывшаго противъ него Мармона и преслѣдовалъ до Вошана, гдѣ присоединился Мармонъ къ арміи Наполеона и дѣла приняли другой оборотъ. Скоро Блюхеръ самъ принужденъ былъ къ отступленію, окруженъ, едва ли не взятъ въ плѣнъ и только храбрость русскихъ войскъ спасли его. Онъ потерялъ 6.000 выбывшихъ изъ строя, 15 пушекъ и одного генерала.

Силезская армія была разбита *) и отброшена за Марну. Разстроивъ общій планъ дѣйствій союзныхъ армій, Наполеонъ имѣлъ возможность обратиться противъ Шварценберга. Но эти выгоды, неожиданныя и очень важныя, послужили только къ гибели Наполеона, ибо породили въ немъ новую мечту одолѣть всѣхъ своихъ противниковъ. Въ такомъ расположеніи писалъ онъ къ Коленкуру, приказывая не спѣшить миромъ, а только стараться новыми требованіями замедлить переговоры. Преувеличивая одержанные надъ Блюхеромъ успѣхи, онъ даже обманывалъ Коленкура небылицами и въ концѣ письма приписалъ собственноручно: «Не подписывайте, не подписывайте ничего! (Ne signez rien, ne signez rien!)» Это безразсудное рѣшеніе довершило его гибель.

Покуда Наполеонъ управлялся съ Блюхеромъ, главная армія союзниковъ подвинулась къ Ножану, Бре и Монтро. Императоръ Александръ встрѣтилъ притомъ величайшія затрудненія въ нежеланіи союзниковъ своихъ продолжать войну. Достовѣрно, что Шварценбергъ даже имѣлъ предписаніе отъ своего двора не переходить черезъ Сену, и оттого дѣйствія его были чрезвычайно медленны и для многихъ непостижимы. Почти противъ воли его, Платовъ съ казаками овладѣлъ Немуромъ, Фонтенбло и жилъ нѣсколько дней въ увеселительномъ дворцѣ королей французскихъ, а Сеславинъ далеко проходилъ въ западную Францію. Между тѣмъ Наполеонъ успѣлъ уже обратиться противъ главной арміи и нанесъ ей значительныя пораженія при Монмарѣ, Бре и Монтро. Сраженіе при взятіи имъ Монтро особенно достопамятно тѣмъ, что Наполеонъ подвергался въ немъ величайшей опасности и не только стоялъ

*) Описаніе похода во Францію въ 1814 году, стр. 134.

подъ выстрѣлами, но даже самъ наводилъ орудія и, когда его просили удалиться, онъ отвѣчалъ: «Еще не вылито ядро, которое убьетъ меня». Слѣдствіемъ дѣятельныхъ его нападеній на главную армію было отступленіе ея къ Труа, послѣ чего она опять соединилась съ Силезскою арміей, и частные успѣхи Наполеона не принесли ему никакой выгоды; можно сказать даже, что они были вредны ему, потому что вскорѣ побудили союзниковъ живѣе продолжать войну и разрушить шатильонскій конгрессъ. Сраженіе при Баръ-сюръ-Объ воскресило мужество ихъ и прекратило отступленіе, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ опять двинулся съ главными силами своими противъ Блюхера, оставивъ противъ союзной арміи Макдональда. Успѣхи Наполеона заставили было союзниковъ предложить ему перемиріе, о которомъ и шли переговоры въ Люзиньи; но послѣ Баръ-сюръ-обскаго сраженія былъ заключенъ въ Шалонѣ договоръ, неразрывно соединившій монарховъ, ибо они убѣдились, что только единодушіе можетъ доставить имъ успѣхъ. Они обязывались не заключать отдѣльно мира съ Наполеономъ и если онъ въ продолженіе десяти дней не приметъ предложенныхъ ему въ Шатильонѣ условій, то они возобновляли на двадцать лѣтъ договоръ, имѣвшій цѣлью возстановить политическое равновѣсіе и для продолженія войны обязывались каждый содержать по 150.000 человѣкъ войска. Послѣ такого договора частные успѣхи не могли спасти Наполеона и участь его была рѣшена.

Шалонскій договоръ имѣлъ непосредственнымъ слѣдствіемъ объявленіе Коленкуру, чтобы онъ принялъ условія мира или черезъ десять дней послѣ сего объявленія почиталъ конгрессъ разрушеннымъ. Мы видѣли, что въ это самое время Наполеонъ велѣлъ ему уклоняться отъ окончательнаго рѣшенія, не подписывать ничего и роковые десять дней миновались 26-го февраля. Въ этотъ день онъ представилъ контръ-проектъ, сообразный франкфуртскимъ предложеніямъ; но уполномоченные союзниковъ объявили, что если немедленно онъ не подпишетъ предлагаемыхъ ему условій, то они почитаютъ конгрессъ конченнымъ. Еще нѣсколько дней длились споры между министрами; но какъ обѣ стороны имѣли положительныя инструкціи, отъ которыхъ не могли отступить, то конгрессъ и былъ закрытъ

3-го марта. Коленкуръ отправился въ главную квартиру Наполеона. Оставалось рѣшить судьбу Франціи силою оружія.

Справедливо сказалъ одинъ изъ писавшихъ о войнѣ Наполеона во Франціи, что въ продолженіе ея онъ какъ будто носилъ армію у себя въ карманѣ. Въ самомъ дѣлѣ: нѣсколько разъ видимъ его съ главными силами то противъ Силезской, то противъ главной арміи союзниковъ. Если сообразимъ, что дѣйствія происходили въ началѣ весны, въ распутицу, въ ужасную погоду, то нельзя не отдать справедливости быстротѣ его, неутомимости его войскъ и многимъ воннымъ соображеніямъ, напоминавшимъ дни его славы. Но къ чему служили его побѣды, когда потеря каждаго солдата была для него почти невознаградима, потеря каждаго сраженія возвышала духъ его противниковъ и уничтожала его нравственно? Наконецъ, не могъ онъ всюду побѣждать безчисленныя войска противниковъ, и нѣсколько проигранныхъ сраженій положили конецъ этой кровавой, слишкомъ продолжительной драмѣ.

Обратившись противъ Блюхера, Наполеонъ не успѣлъ однакожъ воспрепятствовать ему присоединить къ себѣ корпуса Винцингероде и Бюлова, которые между тѣмъ уже овладѣли Суассономъ и тѣмъ облегчили переправу Силезской арміи за Эпъ. Наполеонъ шелъ по слѣдамъ ея, но передъ Суассономъ узналъ, что Блюхеръ, отъ присоединенія къ нему корпусовъ Сѣверной арміи, можетъ противопоставить ему болѣе ста тысячъ человѣкъ. Желая усилить свои средства, Наполеонъ объявилъ войну народною, вооружалъ жителей и велѣлъ имъ наносить всевозможный вредъ союзникамъ. Приказавъ Мармону и Мортье взять Суассонъ, защищаемый Рудзевичемъ, самъ онъ пошелъ за Блюхеромъ, къ Бери-о-Баку. Здѣсь вскорѣ произошли кровавыя сраженія подъ Краономъ, гдѣ увѣнчалъ себя славою русскій генералъ графъ Воронцовъ, и подъ Лаономъ, гдѣ Мармонъ потерпѣлъ жестокое пораженіе и потерялъ 45 орудій. Тѣмъ кончилось предпріятіе Наполеона противъ Блюхера, только изнурившее войско его, удалившее его отъ главнаго театра войны и стоившее ему 12.000 человѣкъ. Онъ отступилъ къ Суассону, намѣреваясь опять дѣйствовать противъ главной арміи; но, узнавъ, что Реймсъ занятъ русскими войсками графа Сенъ-При, рѣшился взять его для обезпеченія

своего фланга и для возстановленія духа своихъ войскъ. Внезапно произведенное нападеніе на Реймсъ доставило ему легкую побѣду, при чемъ графъ Сенъ-При былъ смертельно раненъ. Пробывъ три дня въ Реймсѣ, Наполеонъ быстро двинулся на Арсисъ, гдѣ произошло жаркое сраженіе, послѣ котораго Наполеонъ со всѣми войсками, какія могъ собрать, двинулся на Витри и Сенъ-Дизье, то-есть на сообщенія союзныхъ армій, какъ бы предоставляя имъ свободно идти въ Парижъ. Его побудила къ тому невозможность оставаться посреди двухъ сильныхъ армій, бывшихъ въ полномъ соединеніи, невозможность и отступать на Парижъ, потому что приближеніе туда показало бы слабость его; онъ надѣялся притомъ, что союзники не осмѣлятся оставить его въ тылу своемъ и послѣдуютъ за нимъ къ Рейну. Тогда онъ отвлекъ бы ихъ отъ центра Франціи, усилилъ бы свою армію бывшими въ разныхъ городахъ и крѣпостяхъ войсками и придалъ бы новый видъ войнѣ. Совершилось все иначе.

По настоянію императора Александра, союзники немедленно рѣшились идти къ Парижу, а для слѣдованія за Наполеономъ послали одинъ корпусъ Винценгероде. Армія силезская и главная выступили разными дорогами на путь, уже знакомый имъ. Подъ Феръ-Шампенуазомъ встрѣтили они корпуса Мармона и Мортье, шедшіе на соединеніе съ Наполеономъ. Въ обоихъ корпусахъ ихъ было 22.000 человѣкъ, которые, разумѣется, не могли противиться встрѣченнымъ ими громадамъ войскъ, были разбиты и съ величайшею потерею въ страшномъ безпорядкѣ начали отступать. Въ то же время былъ разбитъ отрядъ генераловъ Аме и Пакто. Остатки корпусовъ Мармона и Мортье защищались, гдѣ могли, на своемъ отступленіи, но не представляли препятствія для торжественнаго шествія союзныхъ армій до самаго Парижа.

17 марта союзныя войска были уже въ виду Парижа, гдѣ единственными защитниками оставались разстроенные корпуса Мармона, Мортье и разные отряды, при появленіи союзниковъ отступившіе къ столицѣ по разнымъ дорогамъ. Даже со включеніемъ національной гвардіи и сборныхъ командъ, бывшихъ въ Парижѣ, число защитниковъ столицы не простиралось до 50.000 человѣкъ, тогда какъ противъ нихъ шли двѣ побѣдо-

носныя арміи, составленныя изъ войскъ, закаленныхъ въ бояхъ, предводимыхъ искусными, опытными полководцами. Опасность была такъ велика, что регентша-императрица собрала совѣтъ, гдѣ присутствовали: Іосифъ Бонапарте, Талейранъ, Камбасересъ, Лебрёнъ, Моле и всѣ министры. Предложенъ былъ вопросъ: «Можетъ ли Парижъ защищаться и не должна ли императрица со своимъ сыномъ выѣхать изъ столицы, при видѣ угрожающей ей опасности?» Послѣ многихъ безтолковыхъ мнѣній, гдѣ уже проглядывали идеи старыхъ республиканцевъ, Камбасересъ, согласно волѣ Наполеона, изъявленной имъ на случай подобнаго обстоятельства, объявилъ, что императрица выѣдетъ со своимъ сыномъ въ Рамбулье. Іосифъ, какъ намѣстникъ императора, оставался верховнымъ повелителемъ. 18-го марта начали подступать къ Парижу *сыны снѣговъ*, пришедшіе

От Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Французы защищались храбро, и даже молодые воспитанники политехнической школы оказали отчаянное сопротивленіе, но все пало передъ мужествомъ союзныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ здѣсь, какъ и вездѣ въ продолженіе великой войны противъ Наполеона, русскіе дѣйствовали болѣе всѣхъ другихъ. Можно судить по тому, что въ сраженіи подъ Парижемъ выбыло изъ строя русскихъ 7.100 человѣкъ, пруссаковъ — 1.840 человѣкъ и виртембергцевъ — 153. Вечеромъ начаты были переговоры о сдачѣ Парижа, и ночью подписана капитуляція французской столицы со стороны французовъ маршаломъ Мармономъ, со стороны союзниковъ флигель-адъютантомъ Орловымъ. Французскія войска получили позволеніе отступить по дорогѣ, какую изберутъ сами; національная гвардія и другія команды, непринадлежавшія къ арміи, оставались въ Парижѣ во власти союзниковъ. На другой день послѣдовало торжественное вступленіе въ Парижъ союзныхъ войскъ подъ личнымъ предводительствомъ союзныхъ монарховъ.

Когда совершались эти вѣковыя событія въ Парижѣ, что дѣлалъ между тѣмъ недавній повелитель Франціи и большей части Европы? Мы видѣли, что онъ, надѣясь отвлечь союзниковъ

отъ центра Франціи, обратился къ Сенъ-Дизье; но вскорѣ увидѣлъ онъ, что за нимъ идутъ только легкія войска Виттингероде. Тогда, постигнувъ опасность своего положенія, онъ атаковалъ и разбилъ Виттингероде при Сенъ-Дизье и со всею возможною поспѣшностью двинулъ свои войска къ Парижу, надѣясь еще во-время придти на помощь къ своей столицѣ. Но путь, избранный имъ, былъ по необходимости не самый краткій, потому что всѣ главныя дороги были заняты союзными войсками, и когда, приказавъ своей арміи спѣшить къ Парижу, самъ онъ на почтовыхъ лошадяхъ прискакалъ къ Фонтенбло, сраженіе подъ Парижемъ уже оканчивалось. Онъ проѣхалъ до Жювизи, но на пути, получивъ самыя тревожныя извѣстія, узналъ, что ему уже нельзя проѣхать въ столицу и что Марія-Луиза съ его сыномъ, дворъ и министры удалились въ Рамбулье. Да и что могъ сдѣлать онъ безъ войскъ, оставшихся далеко позади его? Наполеонъ приказалъ встрѣченнымъ имъ отрядамъ собираться въ Эссонѣ, а самъ возвратился въ Фонтенбло.

Онъ занялъ тамъ не великолѣпные парадные апартаменты, а нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, направо отъ входа. При немъ находилось немного вѣрныхъ приверженцевъ его, но онъ узналъ отъ нихъ всѣ подробности послѣднихъ событій. Бельяръ, египетскій сподвижникъ, описалъ ему послѣднее сраженіе, тревожное состояніе умовъ въ Парижѣ, и козни вѣроломныхъ слугъ, которые унижались передъ императоромъ во время его могущества и первые называли его виновникомъ всѣхъ бѣдствій Франціи, когда счастіе оставило своего любимца. Наполеонъ не медлилъ рѣшеніемъ: онъ отправилъ Коленкура въ станъ союзниковъ, съ полномочіемъ, не только подписать проектъ мира, предложенный ему въ Шатильонѣ, но, если будетъ необходимо, согласиться на большія уступки.

Коленкуръ поѣхалъ въ Бонди въ то самое утро, когда союзники готовились вступить въ Парижъ. Онъ просилъ допустить его къ императору Александру и былъ принятъ великодушнымъ побѣдителемъ снисходительно. Болѣе часа провелъ онъ у Александра, который былъ милостивъ лично къ Коленкуру, но не объявилъ ему никакого рѣшительнаго намѣренія. «Вы видите, любезный Коленкуръ, въ какихъ мы хлопотахъ,—

сказалъ онъ ему въ заключеніе: поѣзжайте въ Парижъ, и тамъ мы поговоримъ о порученныхъ вамъ выгодахъ». Но въ Парижѣ послѣдовало уже величайшее измѣненіе въ направленіи дѣлъ, пріуготовленное Талейраномъ, который, какъ искусный актеръ, разыгрывалъ заранѣе изученную роль. Когда рѣшено было, что императрица и съ нею дворъ и всѣ министры удалятся въ Рамбулье, въ Туръ, въ Блуа, Талейранъ вмѣстѣ съ другими сдѣлалъ всѣ приготовленія къ отъѣзду и въ нѣсколькихъ экипажахъ поѣхалъ къ заставѣ; тамъ остановили его карету, требуя паспорта, и онъ, высунувъ голову изъ кареты, сказалъ окружавшимъ его: «Требованіе справедливо; безъ паспорта нельзя выѣхать изъ столицы; воротимся домой». И онъ воротился! Вечеромъ, когда происходили переговоры о капитуляціи Парижа, онъ отправился въ Бонди, видѣлся тамъ съ графомъ Нессельроде и былъ такъ счастливъ, что императоръ Александръ, въ изъявленіе своей довѣренности къ нему, согласился остановиться въ Парижѣ въ его домѣ и дѣйствительно послѣ вступленія войскъ въ столицу пріѣхалъ въ его прелестный домъ, въ улицѣ Сенъ-Флорентенъ, близъ Елисейскихъ полей. Такой знакъ благосклонности величайшаго изъ монарховъ, побѣдителя Наполеона, рѣшителя судебъ Европы, придалъ громкую значительность Талейрану, особливо въ глазахъ высшихъ сановниковъ французскихъ. Къ нему спѣшили, у него собирались всѣ политическія знаменитости тогдашней Франціи, оставшіяся въ Парижѣ, большею частью люди ограниченнаго ума, или ненавистники Наполеона. Легко было управлять страстями ихъ человѣку, несравненному, неистощимому въ политическихъ интригахъ и знавшему наизусть всѣхъ, кого онъ видѣлъ вокругъ себя. Съ простодушіемъ невинности объявилъ онъ имъ, что великодушный побѣдитель не желаетъ вмѣшиваться во внутреннее устройство Франціи и предоставляетъ сенату, какъ высшему правительственному мѣсту, устроить будущую судьбу Франціи. Талейранъ требовалъ мнѣнія сенаторовъ, зная, что въ числѣ бывшихъ налицо нѣтъ ни одного приверженца Наполеонова, и политическій крикунъ, аббатъ Грегуаръ, громко выразилъ старинную свою мысль о низверженіи Наполеона съ престола, занятаго имъ, какъ говорилъ онъ, вопреки всѣхъ правъ. Талейранъ немедленно созвалъ къ

себѣ всѣхъ сенаторовъ, находившихся въ Парижѣ, и предложилъ на разсужденіе ихъ слѣдующую декларацію, обнародованную императоромъ Александромъ черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи въ Парижъ:

«Арміи союзныхъ державъ заняли столицу Франціи. Союзные государи пріемлютъ желаніе французскаго народа и объявляютъ,

«Что, если условія мира должны были заключать въ себѣ сильныя обезпеченія, когда надлежало обуздать честолюбіе Наполеона Бонапарте, они должны быть благопріятнѣе, когда Франція обращается къ благоразумному управленію собою и тѣмъ уже сама ручается за свое спокойствіе.

«Вслѣдствіе того, союзные государи объявляютъ,

«Что они не войдутъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ Бонапарте и членами его фамиліи;

«Что они уважаютъ неприкосновенность старинной Франціи, какъ была она *при законныхъ королях*ъ: сдѣлаютъ даже болѣе, всегда признавая основаніе, что для блага Европы Франція должна быть велика и сильна;

«Что они признаютъ и обезпечатъ конституцію, какую составитъ себѣ французскій народъ.

«Вслѣдствіе того, они приглашаютъ сенатъ назначить временное правительство, которое занялось бы потребностями правленія, и пріуготовило бы конституцію, приличную французскому народу.

«Выраженныя здѣсь намѣренія раздѣляютъ со мною всѣ союзныя державы.

«Парижъ, 31 (19) марта 1814, 3 часа пополудни.

«Александръ».

На такое объявленіе могло быть отвѣтомъ только безпрекословное согласіе, и сенатъ въ тотъ же вечеръ назначилъ временное правительство, а членами его Талейрана, Бёрпонвилля, Дальберга, Жокура и аббата Монтескіу. Ничтожность товарищей представляла обширное поприще ловкому уму Талейрана, и онъ быстро совершилъ преднамѣренный имъ переворотъ. Само назначеніе временнаго правительства было уже указаніемъ, что власть Наполеона прекращается во Франціи; надлежало избрать другую, къ которой временное правитель-

ство было только переходомъ. Въ засѣданіе слѣдующаго дня, по предложенію отвратительнаго Грегуара, Наполеонъ (странная насмѣшка судьбы—Наполеонъ, по предложенію Грегуара!) былъ провозглашенъ лишеннымъ трона; армія и народъ освобождены отъ присяги въ вѣрности ему. Два сенатора: Шасслу-Лоба и де-Ташеръ, вышли изъ собранія; всѣ остальные утвердили предложеніе единогласно и явились благодарить императора Александра. Законодательный корпусъ подтвердилъ рѣшеніе сената. Начались унизительныя объявленія временнаго правительства, гдѣ обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ Франціи того человѣка, которому прежде не находили достаточныхъ похвалъ. Газеты наполнились похвалами союзникамъ; въ театрахъ пѣли похвальные куплеты союзнымъ монархамъ, и вѣтреный народъ ликовалъ и радовался, забывая свое униженіе и тяготѣвшія надъ нимъ бѣдствія.

При такомъ направленіи дѣлъ Коленкуръ не могъ имѣть успѣха въ своемъ порученіи и, явившись въ Парижѣ къ графу Нессельроде, онъ получилъ въ отвѣтъ, что, согласно съ желаніемъ Франціи, союзники объявили о прекращеніи всякихъ сношеній съ Наполеономъ и не войдутъ въ переговоры съ нимъ. Благородный Коленкуръ обратился къ великодушію императора Александра и предложилъ ему новый оборотъ вопроса объ устройствѣ дѣлъ во Франціи: «Если всѣ отношенія къ Наполеону прекращены, то нельзя сказать того же о сынѣ его и естественной регентшѣ во время малолѣтства наслѣдника, Маріи-Луизѣ». Эту мысль, какъ извѣстно было императору Александру, раздѣляли почти всѣ маршалы и высшіе сановники французской имперіи: при регентствѣ они сохраняли всѣ званія и выгоды своего положенія, тогда какъ при перемѣнѣ династіи жребій ихъ дѣлался загадочнымъ; сверхъ того, по удаленіи Наполеона опасеніе новыхъ войнъ и вооруженій не могло существовать, и Бурбоны, которыхъ имя было въ устахъ однихъ приверженцевъ ихъ и глашатаевъ толпы, не были необходимостью для Франціи. Всѣ эти соображенія склонили императора Александра къ тому, что онъ согласился на отреченіе Наполеона въ пользу его сына, и Коленкуръ спѣшилъ отправиться къ своему несчастному повелителю съ новымъ предложеніемъ.

Негодованіе выразилось во всѣхъ чертахъ Наполеона, когда Коленкуръ высказалъ ему роковыя слова: *отречься отъ престола*; но отречься въ пользу сына—смягчило великость требуемой отъ него жертвы. Коленкуръ возвратился въ Фонтенбло почью на 3 апрѣля (н. ст.), и до самаго разсвѣта длились переговоры его съ императоромъ. Утромъ 3-го числа Наполеонъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на аванпосты своей арміи, которой собралось вокругъ Фонтенбло около 50.000 человѣкъ, осматривалъ войска и удостовѣрился въ неизмѣнной привязанности ихъ нему: Но не таково было расположеніе другихъ сподвижниковъ его: маршалы и старшіе генералы, находившіеся при немъ, съ ужасомъ говорили о междоусобной войнѣ, о новыхъ кровопролитіяхъ. Такъ прошелъ цѣлый день въ нерѣшимости—цѣлый день, когда были дороги минуты! Съ 3-го на 4-е число было получено опредѣленіе сената о лишеніи Наполеона престола. Это произвело новое колебаніе умовъ, уже потрясенныхъ удивительными событіями. Но Наполеонъ съ презрѣніемъ назвалъ мятежнымъ объявленіе сената и объяснилъ беззаконность дѣйствій его. 4-го числа онъ отдалъ приказаніе о перемѣщеніи главной квартиры изъ Фонтенбло между Понтьери и Эссономъ. Когда кончился парадъ въ этотъ день (парады происходили по прежнему каждый день во дворѣ замка), маршалы и старшіе генералы пошли за императоромъ во дворецъ. Главнѣйшими изъ нихъ были: Бертье, Ней, Лефевръ, Удино, Макдональдъ, Бертранъ и министры Коленкуръ и Маре. Какъ бы по общему соглашенію завязался разговоръ о положеніи дѣлъ и продолжился до поздняго вечера. Всѣ явно требовали отъ Наполеона отреченія въ пользу сына его; онъ противился убѣжденіямъ и настояніямъ ихъ, но, пораженный совершеннымъ упадкомъ духа старыхъ, храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, увидѣлъ наконецъ, что нравственная сила его потеряна, а безъ нея преданность немногихъ храбрыхъ послужила бы только къ безполезному кровопролитію. Онъ взялъ перо и написалъ нѣсколько благородныхъ строкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *перваго отреченія его* въ пользу сына. Вотъ смыслъ ихъ, выражаемый нами въ переводѣ, близкомъ къ подлиннику:

«Союзные государи объявили, что императоръ Наполеонъ

единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Вѣрный своей присягѣ, императоръ Наполеонъ объявляетъ, что онъ готовъ сойти съ трона, оставить Францію и даже свою жизнь для блага отечества, нераздѣльнаго съ правами его сына, регентствомъ императрицы и соблюденіемъ законовъ имперіи. 4-го апрѣля 1814 года, во дворцѣ нашемъ Фонтенбло.

«Наполеонъ».

Съ этимъ отреченіемъ своимъ онъ приказалъ Коленкуру немедленно отправиться въ Парижъ и, для большей твердости въ новыхъ переговорахъ, присоединилъ къ нему, какъ представителей арміи, маршаловъ Нея, Макдональда и Мармона. Мармонъ не былъ при совѣщаніи въ Фонтенбло, потому что находился въ Эссонѣ, на передовой линіи войскъ. Наполеонъ назначеніемъ его хотѣлъ показать особый знакъ довѣренности своему старинному адъютанту, осыпанному милостями его, и надѣялся, что онъ лучше другихъ будетъ защищать его пользы. Но онъ запретилъ уполномоченнымъ своимъ вступать въ какія бы ни было сношенія съ сенатомъ, признавая его мятежнымъ нарушителемъ всѣхъ законовъ имперіи. «Обратитесь къ императору Александру и съ нимъ ведите переговоры», сказалъ онъ въ заключеніе своихъ наставленій.

Но три дня, проведенные Наполеономъ въ нерѣшимости, были пагубны для него во всѣхъ отношеніяхъ. Маршалъ Мармонъ получилъ отъ князя Шварценберга 3-го апрѣля искреннее письмо, съ приложеніемъ офиціальныхъ объявленій и прокламацій о низведеніи Наполеона съ престола, и приглашалъ маршала присоединиться къ соотечественникамъ, желающимъ блага и спокойствія Франціи. Маршалъ Мармонъ отвѣчалъ готовностью согласиться на приглашеніе, если обезпечатъ войскамъ его военныя почести и безопасное отступленіе, а Наполеону независимую будущность. Шварценбергъ обѣщалъ все, написалъ нѣсколько вѣжливостей маршалу и прислалъ требуемое имъ обезпеченіе. Мармонъ отправился въ Парижъ, оставивъ начальство надъ своими войсками генералу Сугаму, и уже тамъ присоединился къ уполномоченнымъ Наполеона. Между тѣмъ дѣятельность Талейрана всюду распространила мысль о возведеніи на престолъ Франціи Бурбоновъ и провозглашеніи королемъ Людовика XVIII. Онъ умѣлъ искусно

выставить министрамъ союзныхъ державъ необходимость возстановленія прежнихъ, *законныхъ* королей Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, можно было принять за общее выраженіе бѣлыя кокарды, бѣлые платки, бѣлые значки всякаго рода, безпрестанно попадавшіеся на глаза, и эти клики и возгласы, которые слышны были на площадяхъ и гремѣли въ газетахъ и безчисленныхъ брошюрахъ. Шатобріанъ явился со своими фразами (De Bonaparte et des Bourbons), Б. Констанъ съ подогрѣтымъ восторгомъ (de l'Esprit de Conquête), г-жа Сталь съ острымъ словомъ (Napoléon est le Robespierre à cheval) и даже Прадтъ, безтолковый враль, по котораго слова уважались тогда, называлъ Наполеона *Юпитеромъ-Скапиномъ!* Басня *о раненомъ львѣ* разыгрывалась въ лицахъ. Политики разсказывали за новость, что Наполеонъ *издержалъ* въ свое царствованіе 2.137.000 конскриптовъ и довелъ Францію до гибели, забывая, что недавно Франція играла первую роль въ мірѣ, чего нельзя было достигнуть безъ великихъ пожертвованій и отъ чего были въ восхищеніи тѣ люди, у которыхъ готовы фразы на всѣ возможные случаи.

Въ цѣломъ мірѣ одинъ человѣкъ безпристрастно глядѣлъ на Наполеона—то былъ великій противникъ его, императоръ Александръ. Убѣжденный въ необходимости вырвать у Наполеона власть, которую употреблялъ онъ только на удовлетвореніе своего ненасытнаго честолюбія, Александръ въ то же время умѣлъ цѣнить великій геній Наполеона, отдавалъ справедливость многимъ превосходнымъ его качествамъ и, можетъ быть, не могъ забыть дружбы, нѣкогда соединявшей его съ побѣжденнымъ завоевателемъ. Какъ скоро была достигнута цѣль, къ которой стремился онъ столько лѣтъ и съ такими пожертвованіями; какъ скоро Наполеонъ былъ лишенъ власти, Александръ не отказывался сдѣлать многое для великаго человѣка и героя. Онъ милостиво принялъ представителей его, вошелъ въ сужденія съ ними о привезенномъ ими предложеніи, и почти несомнѣнно, что династія Наполеона была бы утверждена на его престолѣ. Но въ то самое время, когда маршалы увѣряли въ приверженности всей арміи, даже всего народа французскаго къ имени и династіи Наполеона, Александръ получилъ офиціальное донесеніе о переходѣ всѣхъ

войскъ, бывшихъ въ Эссонѣ подъ начальствомъ Мармона, на сторону временнаго правительства. Съ изумленіемъ обратился онъ къ Мармону и сказалъ: «Что же значатъ всѣ увѣренія ваши, господа? Ваше войско, г. Мармонъ, переходитъ на сторону временнаго правительства въ то самое время, когда вы увѣряете меня въ приверженности его къ прежнему повелителю!» Мармонъ опѣшѣлъ, не понимая этой несчастной случайности, и просилъ позволить ему собрать ближайшія свѣдѣнія; оставшіеся маршалы продолжали защищать пользы своего государя. Въ словахъ и поступкахъ каждаго выражался его характеръ. Макдональдъ показалъ непзмѣнную преданность къ прежнему повелителю, тѣмъ больше достойную упоминанія, что онъ не могъ похвалиться ни дружбою, ни особенными милостями Наполеона; онъ на поляхъ сраженій получилъ всѣ награды свои, завоевалъ ихъ у подозрительнаго ко всѣмъ друзьямъ Моро императора, но теперь являлся самымъ жаркимъ защитникомъ его и горячо спорилъ и шумѣлъ съ Талейраномъ, который, улыбаясь, безпрестанно повторялъ: «Бурбоны! Бурбоны! въ нихъ закоппость; все остальное только дымъ и интрига!» Ней, безстрашный въ бояхъ, не находилъ словъ и почти соглашался съ Талейраномъ. Коленкуръ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, съ увлекательностью чистаго сердца, но доводы его казались слабы передъ очевидностью и непзмѣнною волею императора Александра дѣйствовать сообразно съ сенатомъ, единственнымъ органомъ Франціи въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Коленкуръ и маршалы увидѣли, что это рѣшеніе невозвратно и что имъ остается защитить только личныя пользы Наполеона. Тутъ Александръ явился вполнѣ великодушнымъ: онъ желалъ, чтобы Наполеонъ сохранилъ свой императорскій титулъ, имѣлъ небольшое, отдѣльное владѣніе и всѣ принадлежности своего высокаго сана, дворъ, даже войско или, лучше сказать, избранныхъ охранителей, а для издержекъ нѣсколько милліоновъ франковъ изъ государственныхъ доходовъ Франціи. Но непремѣннымъ условіемъ притомъ было совершенное и безусловное отреченіе за себя и за наслѣдниковъ своихъ отъ всѣхъ прежнихъ правъ. Коленкуръ еще колебался, но Ней съ солдатскою откровенностью воскликнулъ: «Надобно же, что-

бы Наполеонъ согласился возвратить миръ и спокойствіе Франціи!»

Трое уполномоченныхъ отправились въ Фонтенбло съ тяжкимъ возложеннымъ на нихъ порученіемъ.

Въ самую ночь отъѣзда маршаловъ и Коленкура въ Парижъ Наполеонъ получилъ донесеніе о внезапномъ удаленіи Мармона отъ своихъ войскъ: это было, когда маршалъ отправлялся въ Парижъ, по приглашенію князя Шварценберга. Наполеонъ сначала не хотѣлъ вѣрить такому извѣстію; но, удостовѣрившись, что Мармонъ оставилъ войска и даже обѣщалъ за нихъ, что они перейдутъ на сторону временнаго правительства, онъ пробылъ нѣсколько минутъ въ грустномъ безмолвіи и наконецъ воскликнулъ: «Неблагодарный!.. онъ будетъ несчастливъ мной!..» Въ приказѣ по арміи, отданномъ 5-го апрѣля, Наполеонъ предалъ осужденію потомства бывшаго своего любимца.

Въ оправданіе Мармона можно сказать, что, согласившись на предложеніе князя Шварценберга, онъ думалъ сдѣлать лучшее для самого Наполеона, когда обезпечивалъ вмѣстѣ съ жребіемъ арміи и его жребій: мы видѣли, что непремѣннымъ условіемъ поставилъ онъ безопасность и спокойствіе Наполеона. По пріѣздѣ въ Парижъ Коленкура и маршаловъ онъ искренно присоединился къ нимъ и отстаивалъ новыя предложенія Наполеона; но между тѣмъ Сугамъ, оставшійся послѣ него начальникомъ войскъ, почелъ себя освобожденнымъ отъ присяги императору и, думая только исполнить желаніе своего начальника, перешелъ со всѣмъ своимъ корпусомъ въ станъ союзниковъ. Это несчастное для Наполеона событіе побудило императора Александра къ окончательному требованію отъ него безусловнаго отреченія, потому что въ тогдашнемъ положеніи Франціи все казалось измѣною и интригою, которымъ такъ усердно помогалъ Талейранъ, и онъ же первый указывалъ и открывалъ ихъ союзнымъ государямъ и ихъ министрамъ. Надобно было создать новую будущность для Франціи и ее думали найти въ призваніи Бурбоновъ на конституціонный тронъ возстановляемаго королевства.

Наполеонъ былъ тягостно изумленъ извѣстіями, какія привезли ему [illegible] его. «Измѣна!»—вскричалъ онъ.—Не-

довольно и моего отреченія: надобно еще, чтобы я отрекся за императрицу и за моего сына?» Онъ хотѣлъ знать, гдѣ они и окружающіе ихъ. Ему разсказали, что императрица съ сыномъ своимъ и сопровождавшими ее министрами удалилась въ Блуа, что она твердо поддерживаетъ свой характеръ, что она издала прокламацію о занятіи Парижа непріятельскими войсками и требовала повиновенія только издаваемымъ отъ нея повелѣніямъ, потому что завоеванный городъ не можетъ имѣть никакой власти и всѣ объявляемыя въ немъ распоряженія ничтожны. Но въ то же время Наполеонъ узналъ, что вокругъ императрицы нѣтъ войскъ и она отдѣлена отъ Парижа и Фонтенбло цѣпью непріятельскихъ отрядовъ, что робость и предательство готовы обнаружиться въ Блуа, какъ обнаружились они въ Парижѣ, и что все потеряно невозвратно. Ней и Макдональдъ, тотъ самый Макдональдъ, который съ такой пылкостью защищалъ права Наполеона передъ Александромъ, сказали по пріѣздѣ въ Фонтенбло, что «Имперія кончилась». Коленкуръ старался смягчить тяжкое извѣстіе, описывая заботливость русскаго императора о будущей участи Наполеона, но это было слишкомъ неумѣстно въ томъ положеніи, въ какомъ находился бывшій повелитель полуміра. «Отложимъ сужденія наши до завтра, —сказалъ Наполеонъ, какъ будто утомленный сильными, испытываемыми имъ впечатлѣніями.—Я хочу еще разъ поговорить съ моими войсками». Онъ видѣлъ въ войскахъ приверженность, готовность пролить кровь свою за него, но къ чему послужило бы это? А между тѣмъ маршалы и высшіе сановники уже не скрывали своей неохоты слѣдовать за его погибшею судьбою, иные говорили о томъ явно, другіе не имѣли духу говорить, но подъ разными предлогами удалялись въ Парижъ и не возвращались оттуда. Силы Наполеона, особливо послѣ удаленія Мармонова корпуса, были такъ малочисленны, что съ ними можно было только отступать къ корпусамъ, оставшимся еще въ разныхъ частяхъ Франціи: Сультъ былъ подъ Тулузою съ 30.000 человѣкъ, Сюше велъ изъ Каталоніи тысячъ 10; въ Италіи у вице-короля и около Ліона у Ожеро были довольно значительныя арміи; во многихъ крѣпостяхъ еще оставались гарнизоны; но *ему*, двигавшему еще недавно стотысячными арміями, ему, рѣшавшему свои походы однимъ ударомъ,

одною побѣдою, ему вести партизанскую войну, уклоняться отъ непріятеля, сторожить его врасплохъ, наконецъ возжечь междоусобную войну, почти неизбѣжную при тогдашнемъ разъединеніи умовъ, которое видѣлъ онъ въ самихъ окружавшихъ его,—нѣтъ, такая мысль была ниже гордой души его! Маршалы его ужасались уже всякаго военнаго дѣйствія, страшась потерять вмѣстѣ съ нимъ блестящее положеніе свое, а молодыя, горячія головы рѣшались даже на междоусобную войну, пылая рвеніемъ умереть за любимаго полководца. Но мысль о междоусобной войнѣ была противна сердцу Наполеона и можетъ быть она всего больше заставила его принять окончательное рѣшеніе. Въ послѣдній разъ, 6 апрѣля, окруженный маршалами и сановниками своими, онъ разсуждалъ о разныхъ средствахъ выйти изъ своего тогдашняго положенія, хотѣлъ внезапно ударить на Парижъ, надѣясь, что союзники не примутъ сраженія, имѣя въ тылу многолюдную столицу, гдѣ всѣ жители присоединятся къ знаменамъ его; хотѣлъ идти въ Италію, соединиться съ вице-королемъ и оттуда открыть новыя военныя дѣйствія; но видя печальныя лица, слыша робкія возраженія, онъ громко и твердо сказалъ: «Итакъ, вы хотите спокойствія?.. Вы будете имѣть его! Но вы не знаете сколько прискорбій и опасностей ожидаетъ васъ на пуховыхъ вашихъ постеляхъ!.. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ миръ будетъ заплаченъ головами многихъ изъ васъ, чего не было бы при самой отчаянной войнѣ *)».

Онъ подошелъ къ своему бюро и написалъ на клочкѣ бумаги:

«Союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ—единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Вѣрный своей присягѣ, императоръ объявляетъ, что отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи и что нѣтъ жертвы, даже самою жизнію, которой не былъ бы онъ готовъ принесть на пользу Франціи. 6-го апрѣля 1814, во дворцѣ Фонтенбло.

Наполеонъ».

---

*) Наполеонъ вполнѣ зналъ, до какой степени судьба возвеличенныхъ имъ людей была связана съ его судьбою: вскорѣ погибли Бертье, Мюратъ, Неи, Брюнъ, Серрюрье и множество другихъ, жившихъ только имъ или при немъ.

Таково содержаніе *второго*, окончательнаго *отреченія* его отъ престола! Оно было тысячу разъ напечатано на всѣхъ языкахъ и извѣстно по вѣрнымъ снимкамъ (facsimile) съ него. Это пять строчекъ, написанныхъ на клочкѣ бумаги, такъ связно, что съ трудомъ можно прочитать ихъ; посрединѣ большое чернильное пятно. Первыя слова: *Союзныя державы объявили*, подчеркнуты какъ будто Наполеонъ хотѣлъ означить тѣмъ, что уступаетъ союзникамъ, побѣдѣ ихъ, а не опредѣленію своего сената который не переставалъ онъ почитать мятежнымъ рабомъ своимъ. Слова: *за себя и своихъ наслѣдниковъ* приписаны наверху; послѣднія слова также приписаны. Глядя на эти строки, быстро написанныя, кажется, видите волненіе встревоженной его души и негодованіе оскорбленнаго его сердца.

Коленкуръ и съ нимъ Мей и Макдональдъ снова отправились въ Парижъ, уже съ безусловнымъ отреченіемъ Наполеона, заключить трактатъ о личныхъ выгодахъ его и семейства его.

Но едва уѣхали уполномоченные его, какъ онъ изъявилъ сожалѣніе, что далъ торжественное отреченіе, котораго не было нужно. «Я побѣжденъ,—говорилъ онъ,—и желаю только не быть военнопленнымъ: всякое другое условіе для меня унизительно. Я могъ бы вести переговоры о выгодахъ Франціи, но не желаю вести ихъ о собственныхъ выгодахъ». Онъ послалъ къ Коленкуру нѣсколько курьеровъ, требуя, чтобы ему возвратили его отреченіе; но Коленкуръ привезъ договоръ, заключенный съ министрами союзныхъ монарховъ о будущемъ жребіи Наполеона и всего семейства его. Рѣшительный отказъ ратификовать договоръ былъ отвѣтомъ Наполеона.

Сильная душа его была въ тяжкомъ волненіи. Уже нѣсколько дней замѣчали, что онъ часто начиналъ говорить о великихъ мужахъ древности, которые въ такомъ положеніи, какъ его, лишали себя жизни. Хладнокровно оспаривалъ онъ противоположные примѣры и съ какою-то страшною улыбкой объявилъ, что онъ радъ своему одиночеству, радъ, что императрицу не допустятъ къ нему... Ночью съ 12-го на 13-е число необыкновенное движеніе въ коридорахъ дворца разбудило всѣхъ. Немедленно потребованы были къ императору докторъ Иванъ, Коленкуръ, Бертранъ, Маре. Они нашли Наполеона лежащимъ въ постели, въ страшныхъ мученіяхъ отъ принятаго

имъ яда... Еще отправляясь въ роковой походъ свой въ Россію, онъ велѣлъ лейбъ-хирургу Ивану приготовить пріемъ того тонкаго яда, который изобрѣлъ Кабанисъ и которымъ отравился Кондорсе. Ядъ въ видѣ порошка носилъ онъ на груди своей на случай, что если бы захватили его въ плѣнъ, онъ избавилъ бы себя отъ плѣна мгновенною смертью. Послѣ онъ спряталъ ядъ въ тайный ящикъ своего несессера и принялъ его въ эту ночь, когда, повидимому, несчастіе одолѣло желѣзную твердость его и онъ не хотѣлъ пережить своего униженія. Рыданія вѣрныхъ слугъ пробудили усыпленныя его чувства. «Ахъ, государь, что вы сдѣлали»!—воскликнулъ Маре, упадая на одно колѣно передъ постелью страдальца. Но холодный потъ, покрывавшій лицо Наполеона показывалъ, что опасность миновалась: ядъ не подѣйствовалъ со всей силою своею и только произвелъ тяжкія страданія. Чувствуя постепенное облегченіе, Наполеонъ сказалъ: «Видно Богу не угодно, чтобы я умеръ!» Онъ не хотѣлъ, чтобы это происшествіе было извѣстно, и оно долго оставалось тайною между одними свидѣтелями его. Вѣроятно пріемъ яда былъ недостаточенъ или ядъ потерялъ свою силу отъ времени.

Нѣкоторые писатели вовсе отрицаютъ описываемое нами событіе; но о немъ свидѣтельствуютъ баронъ Фенъ, бывшій тогда при Наполеонѣ, и другіе писатели, достойные вѣры. Горестно видѣть слабость великаго человѣка! Онъ, всегда безстрашно подвергавшій опасностямъ жизнь свою, былъ слабъ передъ конечнымъ своимъ бѣдствіемъ! Но это событіе показываетъ мѣру скорби, какая лежала тогда на душѣ его.

На другой день, 13-го числа, Наполеонъ всталъ и одѣлся по обыкновенію. На лицѣ его не было слѣдовъ страданій тѣлесныхъ, а душевныя страданія таились подъ непроницаемою наружностью хладнокровія, даже безстрастія. Одинъ изъ первыхъ дѣлъ его было, что онъ ратифицировалъ привезенный Колленкуромъ трактатъ.

Главныя условія трактата заключались въ томъ, что Наполеонъ отрекся отъ престоловъ Франціи, Италіи и отъ всѣхъ соединенныхъ съ ними правъ; но союзные монархи утверждали за нимъ императорскій титулъ, предоставляли во владѣніе его островъ Эльбу близъ Италіи, въ Средиземномъ морѣ, пре-

доставляли въ распоряженіе и собственность его корветъ и обезпечивали ему 2.000.000 франковъ ежегоднаго дохода. Всѣ родственники его сохраняли титулъ принцевъ и принцессъ и получали огромные доходы. Марія-Луиза, съ сыномъ Наполеона, переселилась на время къ императору, родителю своему; но по трактату предоставлялись ей и сыну ея герцогства Парма, Піаченца и Гвасталла. Доходы императрицы Жозефины ограничивались милліономъ франковъ; вице-королю Евгенію обѣщано приличное устройство внѣ Франціи. Изъ частныхъ имѣній Наполеона предоставлялось ему получить 2.000.000 франковъ для раздачи своимъ приближеннымъ. Для сопровожденія его въ проѣздъ черезъ Францію предоставили ему избрать до 1.500 человѣкъ своихъ гвардейцевъ и изъ нихъ 400 человѣкъ взять съ собою; а для составленія двора могъ онъ назначить приближенныхъ своихъ, которымъ и дозволено остаться при немъ.

Наполеонъ глядѣлъ на всѣ эти преимущества глазами человѣка, не соединявшаго съ ними никакой важности. Въ самомъ дѣлѣ, что значили для него почести и деньги, когда еще недавно онъ управлялъ судьбами Европы и однимъ почеркомъ пера уничтожалъ и дарилъ царства! Прочитавъ статью о своихъ доходахъ, онъ сказалъ: «Это теперь слишкомъ много для меня! Я—солдатъ, и не привыкъ издерживать для себя столько».

Прошло нѣсколько дней, покуда пріѣхали назначенные сопровождать его комиссары союзныхъ державъ. Эти дни проводилъ Наполеонъ какъ частный человѣкъ, гулялъ въ небольшомъ саду подлѣ дворца, отбиралъ себѣ книги изъ библіотеки, приготовлялся къ мирной, тихой, но и трудолюбивой кабинетной жизни. Спокойствіе его нарушали безпрерывныя измѣны людей, которыхъ любилъ онъ и надѣялся отъ нихъ бо̀льшей привязанности. Мало того, что осыпанные благодѣяніями его Камбасересъ, Ней, Мортье, Удине, Нансути и множество другихъ, имъ возвеличенныхъ, спѣшили со своею преданностью къ новому правительству, отрекались отъ *Наполеона Бонапарте*, въ разныхъ словоизлитіяхъ выражали восторгъ при имени Бурбоновъ... Мало всего этого!.. Бертье, неразлучный съ нимъ во всѣхъ походахъ, возведенный имъ на вершину почти дер-

жавныхъ почестей, другъ его и родственникъ царей, также послалъ изъ Фонтенбло свою просьбу о присоединеніи къ новому правительству и уѣхалъ въ Парижъ подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ. Наполеонъ ожидалъ, что онъ воротится, что онъ дождется по крайней мѣрѣ отъѣзда бывшаго своего повелителя и благодѣтеля и былъ глубоко опечаленъ грубымъ эгоизмомъ Бертье. Не меньше язвительна была ему измѣна человѣка, не важнаго въ чиновной іерархіи, но бывшаго неотлучно при немъ съ самаго Египта: Рустанъ, неотступный отъ него мамелюкъ, скрылся изъ Фонтенбло наканунѣ отъѣзда своего благодѣтеля. Въ журналахъ, которые прочитывалъ Наполеонъ внимательно, также были потоки ругательствъ, оскорбленій, клеветъ, направленныхъ противъ него людьми, изъ которыхъ многимъ былъ онъ благодѣтелемъ. Но это не оскорбляло его, а только вырывало у него улыбку. Встрѣтивъ въ одной газетѣ оскорбительную статью, подписанную *Лакретель*, онъ спокойно сказалъ: «Лакретелей два: который написалъ эту гадость? неужели *мой?*» Къ счастію, это былъ другой, для котораго Наполеонъ почти ничего не сдѣлалъ.

Ему не преграждали сношеній съ Маріей-Луизой, и между Фонтенебло и Рамбулье безпрестанно переѣзжали генералъ Флао, полковникъ Монтескіу и баронъ Боссе съ письмами и разными порученіями отъ Наполеона къ супругѣ его и отъ нея къ нему. Безпрепятственно являлись къ нему также всѣ генералы и офицеры; но число ихъ было не велико. Полковникъ Монтолонъ привезъ ему извѣстія съ Верхней Луары и съ увлеченіемъ юности говорилъ о привязанности къ нему народа и арміи, о возможности соединить войска и идти противъ непріятеля. «Слишкомъ поздно,—отвѣчалъ Наполеонъ.—Это была бы междоусобная война, а я ни за что въ мірѣ не начну ея». Послѣднее пріятное впечатлѣніе произвело на него извѣстіе о подвигахъ маршала Сульта, который пять мѣсяцевъ защищалъ границы Пиренеевъ отъ многочисленной арміи Веллингтона, отступалъ шагъ за шагъ до Тулузы и когда бѣлое знамя уже развѣвалось въ Бордо, онъ не колебался дать сраженіе и съ честью выдержалъ его. Наконецъ, когда получены были извѣстія о событіяхъ въ Парижѣ, о паденіи имперіи, маршалъ Сультъ послѣдній присоединился къ новому правительству, не

желая оставаться мятежникомъ. Наполеонъ оживился, говоря о вѣрномъ ему Сультѣ, который своими дѣйствіями напомнилъ геройскія времена Франціи.

Наконецъ пріѣхали комиссары союзныхъ монарховъ и торжественная минута отъѣзда приблизилась. Комиссарами были избраны люди образованные, достойные славнаго для нихъ порученія: со стороны Россіи графъ Шуваловъ, который уже сопровождалъ Марію-Луизу изъ Блуа до Орлеана; со стороны Австріи генералъ Коллеръ, отъ Пруссіи генералъ Вальдебургъ и отъ Англіи полковникъ Кемпбелль. Имъ приказано было обращаться къ Наполеону какъ къ императору и принимать его приказанія. Онъ назначилъ свой отъѣздъ утромъ 20-го апрѣля и сдѣлалъ всѣ окончательныя распоряженія.

20-го апрѣля (н. ст.), около полудня, дорожные экипажи стояли передъ крыльцомъ фонтенблоскаго дворца. По обѣимъ сторонамъ отъ крыльца была построена императорская гвардія, въ полной формѣ, подъ ружьемъ. Наполеонъ вышелъ, сопровождаемый немногими вѣрными, оставшимися при немъ отъ самаго многочисленнаго въ Европѣ двора: то были министръ Маре, генералы Бельяръ, Фуле, полковники Бюсси, Монтескіу, Гурго, графъ Тюренпь, баронъ Мегрипьи, Лапласъ, Лелорпь-д'Идевилль, подполковникъ Аталенъ, Жуанпь, кабинетный секретарь Фенъ, польскіе генералъ Коссиковскій и полковникъ Вапсовичъ, большею частью военные, принадлежавшіе къ штабу императора *). Наполеонъ пожалъ руку каждому изъ нихъ, сошелъ съ крыльца, опираясь на руку генерала Бельяра и приблизился къ гвардіи; онъ самъ былъ въ любимомъ своемъ конно-егерскомъ мундирѣ и казался собратомъ старыхъ своихъ сослуживцевъ. По знаку его все умолкло и онъ громко, торжественно сказалъ:

«Солдаты моей старой гвардіи, прощайте! Двадцать лѣтъ, всегда видѣлъ я васъ на пути чести и славы. Вы никогда не переставали быть образцомъ храбрости и вѣрности! Съ такими людьми, какъ вы, я еще могъ бы сражаться противъ вооруженной на насъ Европы; но часть нашихъ войскъ уступила

*) Коленкуръ и генералъ Флао были въ отсутствіи по порученіямъ Наполеона.

инымъ выгодамъ и я жертвую собою для успокоенія Франціи. Не хочу междоусобной войны, потому что она была бы бѣдствіемъ для нашего отечества. Продолжайте служить ему при новомъ государѣ, избираемомъ Франціею. Счастіе отечества было и остается единственнымъ обѣтомъ моимъ. Я уѣзжаю, но не жалѣйте обо мнѣ: я буду счастливъ, когда услышу, что вы счастливы. Я остаюсь жить опять для вашей славы... Прощайте, друзья мои!.. Въ лицѣ вашего начальника цѣлую васъ всѣхъ (онъ обнялъ и поцѣловалъ генерала Пети)... Поднесите ко мнѣ знамя ваше...» Это было исполнено; Наполеонъ поцѣловалъ знамя 1-го полка гвардіи и какъ бы обращаясь къ орлу на древкѣ его, прибавилъ: «Драгоцѣнный орелъ! прощай! пусть поцѣлуй мой тебѣ отзовется въ сердцахъ всѣхъ моихъ храбрыхъ!.. Еще разъ, дѣти мои: прощайте!..»

Генералъ Пети невольно оставался на мѣстѣ съ знаменемъ въ рукахъ и оно осѣняло голову великаго полководца. Сцена эта сдѣлалась наконецъ невыносима: впечатлѣніе ею было слишкомъ глубоко! Старые усачи, закаленные въ болхъ, пережившіе тысячи смертныхъ опасностей, рыдали какъ дѣти... всѣ окружавшіе Наполеона не находили словъ, цѣловали его руки и задыхались отъ всхлипываній... онъ поспѣшилъ сѣсть въ карету, гдѣ уже былъ генералъ Бертранъ, оставшійся при Наполеонѣ въ качествѣ оберъ-гофмаршала. Поѣздъ экипажей двинулся въ сопровожденіи избранныхъ императоромъ гвардейцевъ, которые были бы рады всѣ сопровождать его.

Первый переѣздъ былъ до Монтаржиса на собственныхъ лошадяхъ Наполеона; дальше на всѣхъ станціяхъ были приготовлены лошади для шести каретъ, въ которыхъ ѣхалъ онъ со свитою своею, и для сопровождавшаго его конваго прикрытія. Народъ во многихъ мѣстахъ привѣтствовалъ его обычнымъ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Войска на бывшихъ по пути карауллахъ становились въ ружье и отдавали ему честь барабаннымъ боемъ. Императоръ хорошо спалъ на первомъ ночлегѣ и утромъ долго разговаривалъ съ полковникомъ Кемпбелемъ, котораго пригласилъ къ своему завтраку. Путешествіе продолжалось безъ поспѣшности и Наполеонъ почти всюдѣ встрѣчалъ знаки искренняго участія и сожалѣнія, особливо отъ военныхъ. Около Вальнса встрѣтилъ онъ маршала Ожеро и

больше полчаса разговаривалъ съ нимъ, взявши его подъ руку и расхаживая подлѣ большой дороги. Наполеонъ упрекалъ его за изданную имъ прокламацію; Ожеро говорилъ, что онъ подписалъ ее не читая и съ республиканскою грубостью упрекалъ его въ бѣдствіяхъ Франціи. Кажется, они разстались непріязненно.

Послѣ Валанса надобно было проѣзжать черезъ такія области, гдѣ не любили Наполеона и гдѣ народъ былъ озлобленъ противъ него за погибшихъ сродниковъ своихъ и за многолѣтнія обремененія, которыхъ не оправдывали для этихъ людей великія дѣла бывшаго императора. Появленіе Наполеона пробудило злобу и ожесточеніе ихъ и, не умѣя уважать несчастія, они встрѣчали его ругательствами. При каждой перемѣнѣ лошадей увеличивались крики, угрозы и наконецъ самая жизнь Наполеона была въ опасности. Въ Авиньонѣ спасло его только присутствіе духа провожатыхъ; но въ маленькомъ городѣ Оргонѣ изступленные жители окружили карету его и несмотря на приказанія начальниковъ своихъ, несмотря на сопротивленіе провожатыхъ, разбили стекла кареты, разломали сторы, плевали въ бывшаго своего повелителя, кидали каменьями и даже сорвали съ него крестъ Почетнаго Легіона... Еще нѣсколько минутъ и онъ былъ бы растерзанъ на части... Русскій комиссаръ, графъ Шуваловъ, явился въ блестящемъ своемъ мундирѣ посреди неистовой толпы и грозно закричалъ: «Не стыдно ли вамъ оскорблять недавняго повелителя міра, когда теперь онъ въ рукахъ вашихъ! прочь!» Въ то же время какой-то кавалеръ св. Людовика уговаривалъ народъ на провинціальномъ его нарѣчіи, и толпа раздвинулась, кареты поскакали дальше.

Наполеонъ былъ въ глубокомъ унынія не отъ того, чтобы страшился смерти, но отъ сознанія въ униженіи своемъ, отъ мысли умереть подъ ножами и дубинами разъяренныхъ мужиковъ и площадныхъ бабъ. По настоятельному совѣту провожавшихъ его комиссаровъ, онъ сталъ переодѣваться въ разные костюмы: иногда ѣхалъ въ австрійскомъ мундирѣ генерала Коллера, иногда въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и круглой шляпѣ и на одну станцію пріѣхалъ въ видѣ передового курьера. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ожидали большой опасности, останавливались въ глубокую ночь и выѣзжали незамѣтно для жителей.

Вездѣ встрѣчали поѣздъ его неистовыми криками, ругательствами, простонародными бранями.

Такъ проѣхали почти весь Провансъ, гдѣ каждое ощущеніе легко переходитъ въ страсть и гдѣ люди такъ же способны любить какъ и ненавидѣть. Наконецъ остановились въ уединенномъ замкѣ Буилльду: тамъ ожидала Наполеона сестра его, Полина Боргезе, славная своею красотою, своею вѣтренностью и безграничною привязанностью къ знаменитому своему брату. Наполеонъ также любилъ ее, несмотря на всѣ ея слабости и свиданіе ихъ въ такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ было трогательно. Онъ со слезами на глазахъ разсказывалъ ей о послѣднихъ событіяхъ, объ опасностяхъ, какимъ подвергался во время своего путешествія. Она не хотѣла съ нимъ разстаться и сопровождала его на всемъ остальномъ пути, гдѣ, впрочемъ, уже не представлялось опасностей. Черезъ Сенъ-Максименъ, Бриніоль, Лелюкъ прибыли во Фрежюсъ, гдѣ, въ небольшой гавани ожидалъ Наполеона англійскій фрегатъ *Неустрашимый*, назначенный для переѣзда его на островъ Эльбу. Сколько воспоминаній должно было промелькнуть въ душѣ его, когда онъ опять увидѣлъ этотъ Фрежюсъ, куда присталъ по возвращеніи своемъ изъ Египта и откуда началъ новое, необычайное, безпримѣрное поприще, которое опять оканчивалось во Фрежюсѣ!

28 апрѣля взошелъ онъ на фрегатъ, гдѣ капитанъ встрѣтилъ его почтительно, снявъ шляпу, а экипажъ привѣтствовалъ троекратнымъ восклицаніемъ. Наполеонъ говорилъ, что такой пріемъ былъ ему пріятнѣе самой изящной лести, какую слыхалъ онъ во множествѣ случаевъ своей жизни. Во все время переѣзда онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, любовался ловкими дѣйствіями англійскихъ моряковъ и не разъ удивлялъ начальника фрегата своими познаніями въ морскомъ дѣлѣ. Онъ сказалъ ему о своемъ безуспѣшномъ усиліи преобразовать французскій флотъ, о неумѣньи французскихъ офицеровъ внушить духъ подчиненности матросамъ и жалѣлъ, что не могъ привести флотъ свой въ лучшее устройство. Искусство его обращаться съ людьми было таково, что англійскіе матросы тотчасъ полюбили его и обходились съ нимъ какъ любящіе подчиненные. Онъ оказывалъ особенное расположеніе полковнику Кемпбел-

лю, говорилъ съ нимъ о политическихъ событіяхъ, о неблагодарности многихъ приближенныхъ своихъ и даже не разъ повторялъ, что Бурбоны не сумѣютъ управиться съ французами. Комиссары русскій и прусскій откланялись ему во Фрежюсѣ, и онъ проводилъ время въ разговорахъ съ комиссарами англійскимъ и австрійскимъ, съ капитаномъ фрегата, съ своими адъютантами. Приближаясь къ острову Эльбѣ, онъ съ любопытствомъ разсматривалъ въ трубу новое свое владѣніе, которое уже зналъ какъ нельзя лучше, посвятивши нѣсколько дней въ Фонтенбло изученію всѣхъ географическихъ его подробностей. 3-го мая фрегатъ бросилъ якорь передъ островомъ, отселѣ знаменитымъ въ исторіи.

Островъ Эльба находится прямо противъ береговъ Тоскан ы. Окружность его составляетъ около шестидесяти миль; онъ усѣянъ небольшими горами, но воздухъ въ немъ вообще здоровый, кромѣ немногихъ мѣстъ, покрытыхъ соляными болотами. Въ горахъ есть желѣзные рудники, славные еще во времена Виргилія и дающіе до 500.000 франковъ ежегоднаго дохода. Растительность въ долинахъ превосходная, какъ въ лучшихъ мѣстахъ Италіи, и Эльба красуется посреди моря живописными видами. Внутренность ея мало оживлена небольшимъ народонаселеніемъ, оригинальнымъ, но почти полудикимъ. Философъ могъ бы тамъ найти уединеніе, спокойствіе и, можетъ быть, счастіе; но не такого счастія искалъ Наполеонъ на поляхъ громадныхъ сраженій и посреди оглушительныхъ торжествъ: для него Эльба должна была казаться тѣсною и душною тюрьмою. Итальянская природа его могла на короткое время поддаться временнымъ, дневнымъ впечатлѣніямъ новаго положенія; но могъ ли думать онъ самъ, могли ли предполагать и заточавшіе его въ эту ссылку, что бывшій повелитель Европы, въ полной силѣ своего мужества, при безпримѣрномъ развитіи всепожирающихъ страстей, окончитъ жизнь свою какъ смиренный затворникъ?

Когда, при отреченіи его, избирали для него мѣсто ссылки, всѣ виды и расчеты противниковъ его ограничивались Средиземнымъ моремъ. Думали отдать во владѣніе его Корсику; но

онъ самъ не хотѣлъ того, и тому же противился генералъ Поццо-ди-Борго, корсиканецъ, уже занимавшій значительное мѣсто вблизи императора Александра. Мысль объ удаленіи Наполеона въ Америку, въ Индію, казалась какою-то невозможностью, потому что еще не могли отвыкнуть видѣть въ немъ императора, хотя и развѣнчаннаго, но великаго и могучаго духомъ, достойнаго царственныхъ почестей въ самомъ несчастіи своемъ. Вскорѣ событія показали, что нерѣшительныя мѣры съ такимъ человѣкомъ были гибельны для него самого и для спокойствія цѣлой Европы.

Кипучая дѣятельность его нашла себѣ занятіе сначала въ обозрѣніи острова, въ осмотрѣ разныхъ заведеній его, даже рудниковъ, которые осмотрѣлъ онъ во всѣхъ подробностяхъ; потомъ занялся онъ устройствомъ себѣ дворца въ городкѣ Порто-Ферраіо, главномъ на островѣ. Назначенный для него домъ составляли два павильона, соединенные галлереею; онъ надстроилъ надъ нею новый этажъ, самъ распредѣлилъ комнаты, самъ назначилъ убранство для каждой; отдѣлалъ разные флигели вокругъ, срылъ мельницы и домы, заслонявшіе горизонтъ; занимался устройствомъ сада, и все это дѣлалось у него такъ быстро, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жилище было достойно своего великаго хозяина. Когда прибыли 100 избранныхъ имъ гвардейцевъ, онъ встрѣтилъ ихъ радостно, далъ имъ всѣ удобства помѣщенія и содержанія; занимался ученьемъ этой горсти ветерановъ, какъ прежде образованіемъ цѣлыхъ армій. Въ то же время онъ безпрестанно ѣздилъ по острову то въ экипажѣ, то верхомъ и, встрѣчаясь съ жителями, обходился съ ними какъ добрый баринъ, помогалъ многимъ и со всѣми разговаривалъ дружески. Сначала они дичились новаго повелителя своего но вскорѣ привыкли видѣть въ немъ простодушнаго добряка, который, казалось, заботился только о ихъ счастіи. Отъ начала существованія острова не бывало на немъ такой [illegible]тельности, какая оживила его при царственномъ поселенцѣ. [illegible]мѣ придворныхъ, войскъ и разныхъ людей, принадлежавшихъ [illegible] двору его, безпрерывно пріѣзжали на островъ путе[illegible] купцы и всюду странствующіе англичане. Од[illegible] [illegible] видѣть новаго Діоклетіана, об[illegible] [illegible] по дѣламъ про-

мышленности, которая внезапно возникла на Эльбѣ: многіе, особливо военные французы и итальянцы, хотѣли только поклониться своему бывшему повелителю. Не всѣхъ безъ разбору допускалъ къ себѣ Наполеонъ, но охотно и привѣтливо принималъ очень многихъ. И все это имѣло видъ невинности, простодушія, которыя не возбуждали ни малѣйшихъ подозрѣній.

Можно полагать, что въ первое время пребыванія своего на Эльбѣ Наполеонъ точно хотѣлъ навѣки отдѣлиться отъ своего прошедшаго, искалъ мирныхъ занятій частнаго человѣка и располагался описывать свои подвиги, принадлежавшіе исторіи. Но скоро пламенная душа его и всеобъемлющій умъ не находили пищи, тосковали о погибшемъ и невольно обращались къ тому, что можно было бы еще сдѣлать. Современныя событія также способствовали новому расположенію его, и онъ невольно вращалъ въ умѣ своемъ великія предпріятія, какія еще могъ совершить при тогдашнемъ направленіи дѣлъ въ Европѣ. Въ числѣ посѣщавшихъ его были многіе подсылные преданныхъ ему людей, оставшихся во Франціи и въ Италіи наблюдателями, праздными, но тѣмъ больше внимательными. Послѣдствія доказали, что ему были извѣстны всѣ подробности событій въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Неаполѣ, вездѣ, гдѣ таились какія-нибудь отношенія къ нему и къ Франціи. Онъ не былъ въ перепискѣ, но былъ въ сношеніяхъ съ Маре, съ Гортензіею Богарне, извѣстною тогда подъ именемъ герцогини Сенъ-Лё, и съ Мюратомъ, которые посылали къ нему вѣрныхъ своихъ наперсниковъ. Всѣ событія складывались такъ, что возвращеніе его во Францію было возможно и вскорѣ могло сдѣлаться необходимымъ. Когда мысль о томъ утвердилась въ умѣ Наполеона, домашнія занятія его на островѣ Эльбѣ сдѣлались уже только призракомъ, скрывавшимъ истинныя его намѣренія. Наконецъ къ нему пріѣхали Полина Боргезе и мать его, Летиція. Первая поселилась въ одномъ изъ павильоновъ его дворца, и продолжительные разговоры съ нею еще больше убѣдили его въ привязанности къ нему французовъ, въ нестройномъ направленіи дѣлъ во Франціи, и слѣдовательно въ надеждѣ схватить тамъ опять бразды правленія. Таинственный пріѣздъ одной польской дамы, бывшей въ связи съ Наполеономъ во время прейсиш-эйлаускаго похода и теперь посе-

ливнейся въ отдаленной части острова, также имѣлъ политическую цѣль. Удивляться можно одному: какъ мало обращали вниманія союзные монархи на сношенія своего узника. Если бы желали способствовать его отдаленнымъ намѣреніямъ, то немного могли бы сдѣлать для него больше! Французскіе крейсеры, назначенные наблюдать за Эльбою, являлись тамъ только для виду, не имѣя неусыпнаго наблюденія; изъ комиссаровъ оставался одинъ Кемпбелль; генералъ Коллеръ уѣхалъ въ Вѣну, и Наполеонъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ: «Возвращайтесь ко мнѣ съ императрицею Маріею-Луизою и королемъ римскимъ: я приготовлю для нихъ дворецъ, съ прекрасными садами, и надѣюсь усладить свои дни семейною жизнью». Полковникъ Кемпбелль безпрестанно отлучался въ Ливорно, гдѣ была одна любимая имъ особа, и видя съ нѣкотораго времени, что Наполеонъ не оказываетъ ему прежней искренности, только на время возвращался на островъ. Къ тому и отношенія его были довольно странны: онъ не былъ стражемъ Наполеона, не былъ и уполномоченнымъ при немъ, такъ что не могъ дѣлать никакихъ представленій независимому владѣтелю, который принималъ его больше изъ личной благосклонности, нежели по условной обязанности. Между тѣмъ къ нему допускали всѣхъ, и онъ могъ быть въ сношеніяхъ съ цѣлою Европою. Не было у него недостатка въ глубокой скрытности, и беззаботная, повидимому, жизнь его, простодушные разговоры еще болѣе ослѣпляли недальновидныхъ людей, приближавшихся къ нему. Онъ разговаривалъ съ ними о себѣ, какъ о человѣкѣ, кончившемъ свое поприще; и хладнокровно, искренно разсуждалъ о современныхъ событіяхъ. Въ примѣръ такихъ разговоровъ приведемъ одинъ, бывшій у него съ англійскимъ путешественникомъ лордомъ Эбрингтономъ, который самъ описываетъ свиданіе свое съ Наполеономъ такимъ образомъ: «6-го Декабря 1814 года, въ 8 часовъ вечера, какъ назначилъ мнѣ оберъ-гофмаршалъ, явился я въ Порто-Ферраіо во дворецъ и былъ введенъ въ комнату, гдѣ находился императоръ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ обо мнѣ и моемъ семействѣ, онъ вдругъ съ живостью сказалъ:—«Вы только что изъ Франціи: скажите мнѣ откровенно: довольны ли они тамъ?»—Такъ и сякъ, отвѣчалъ я. «И не можетъ быть иначе», возразилъ онъ. «Миръ

слишкомъ унизилъ ихъ. Назначеніе герцога Веллингтона посломъ и особенное вниманіе къ нему короля оскорбляютъ армію. Я съ удовольствіемъ принялъ бы его и оказалъ бы ему достойное уваженіе, еслибы онъ пріѣхалъ въ Парижъ какъ путешественникъ; но какъ посланникъ, онъ былъ бы мнѣ непріятенъ. Бурбонамъ надобно было бы теперь молодую, хорошенькую, остроумную женщину для укрощенія французовъ: она была бы ангеломъ мира. Духовные захватили у нихъ слишкомъ много власти, да и герцогъ беррійскій, говорятъ, надѣлалъ дурачествъ. Для Англіи было бы всего лучше раздѣлить Францію; но вы оставили ей всѣ средства сдѣлаться снова грозною, и въ то же время унизили суетность французовъ, раздражили ихъ, такъ что если не будетъ имъ случая показать себя внѣ Франціи, то рано или поздно это кончится революціею или междоусобною войною. Впрочемъ,» прибавилъ онъ, «мнѣ не изъ Франціи пишутъ о томъ, потому что до меня доходятъ вѣсти только черезъ газеты или черезъ путешественниковъ. Но я хорошо знаю характеръ французовъ: французъ не гордъ, какъ англичанинъ, но гораздо больше тщеславенъ. Суетность—у него основаніе всего, и суетность дѣлаетъ его способнымъ на все. Солдаты естественно были привязаны ко мнѣ, какъ къ своему товарищу. Я много успѣвалъ съ ними, и они знали, что я щедро награждалъ ихъ, а теперь они чувствуютъ, что не значатъ ничего. Теперь во Франціи 700.000 человѣкъ, бывшихъ воинами, и послѣдніе походы только показали имъ, какъ они выше своихъ непріятелей. Они отдаютъ справедливость мужеству вашихъ войскъ, но презираютъ всѣ остальныя».

Наполеонъ не упускалъ случая польстить англичанамъ, и, говоря далѣе о системѣ конскрипціи, перешелъ къ мысли своей объ истинномъ дворянствѣ. «Я всегда желалъ возстановить благородныя фамиліи въ первобытномъ ихъ блескѣ, и въ арміяхъ моихъ было много молодыхъ людей старинныхъ фамилій, которые хорошо служили; многихъ принялъ я и ко двору своему; но тутъ надобно было дѣйствовать съ большою осторожностью, потому что лишь только я касался этой струны, они вздрагивали, какъ конь, котораго пришпорили. Франціи была необходима аристократія, но для установленія ея надобно время и воспоминанія историческія. Я надѣлалъ князей, герцоговъ

и надѣлилъ ихъ большими имѣніями, но я не могъ создать изъ нихъ дворянъ, потому что происхожденіе ихъ низкое: этому старался я пособить брачными союзами ихъ съ древними фамиліями, и если бы мнѣ дали еще двадцать лѣтъ для устройства Франціи, я сдѣлалъ бы многое; къ несчастію, судьба расположила иначе. Королю надобно было бы слѣдовать тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ я, а не фаворитствовать людямъ, которые двадцать лѣтъ плѣсневѣли на лондонскихъ чердакахъ. Почему королю не имѣть друзей? но надобно соображаться съ обстоятельствами, и Парижъ стоитъ католической обѣдни. Въ Англіи государь можетъ слѣдовать личнымъ склонностямъ, приближая къ себѣ людей: тамъ онъ только часть правительства, и пусть будетъ онъ больной, даже безумный—дѣла пойдутъ своимъ чередомъ, потому что обсуживаются министерствомъ и парламентомъ. Во Франціи король—источникъ всего, и малѣйшее дѣйствіе его важно. Тутъ онъ въ хрустальномъ дворцѣ и всѣ глядятъ на него. Я почитаю вашу Верхнюю Палату великимъ оплотомъ Англіи, и конституція ваша погибла бы, какъ скоро могли бы составить другую такую же палату. Но во Франціи я сдѣлаю имъ сорокъ палатъ перовъ, точно такихъ же, какъ нынѣшняя, и все-таки они будутъ безсильны».

Нельзя было не удивляться тонкости сужденій Наполеона и глубокому его познанію элементовъ, изъ которыхъ создается каждое государство. Говоря о большей части памфлетовъ, изданныхъ послѣ его отреченія, онъ сказалъ: «Въ однихъ называютъ меня измѣнникомъ, въ другихъ трусомъ; но французы знаютъ, что я не измѣнникъ и не трусъ. Бурбоны поступили бы всего умнѣй, если бы въ отношеніи ко мнѣ молчали, такъ же какъ я молчалъ о нихъ».

Нѣтъ надобности доказывать его пристрастія и односторонности; но любопытно видѣть, какъ онъ представлялъ себя неподкупнымъ судьей и старался говорить какъ будто неучаствующій въ современныхъ страстяхъ и увлеченіяхъ. Всего больше хотѣлъ онъ, чтобы его почитали покорнымъ судьбѣ своей, убѣжденнымъ, что поприще его кончилось невозвратно. Не шутя говорилъ онъ, что намѣренъ назвать Порто-Ферраіо *Космополемъ*, то-есть всемірнымъ городомъ, и высказывалъ множество подобныхъ намѣреній, доказывавшихъ повидимому, что

онъ почитаетъ Эльбу прочнымъ, окончательнымъ своимъ мѣстопребываніемъ, не имѣя больше никакихъ честолюбивыхъ плановъ.

Но въ умѣ его уже созрѣлъ новый планъ, довольно смѣлый, основанный на тогдашнемъ положеніи Франціи и Европы. Для объясненія себѣ этого положенія необходимо намъ обратиться къ событіямъ, совершившимся въ Европѣ со времени отреченія Наполеона.

Всѣ историческія свидѣтельства доказываютъ, что ни французы, ни союзные монархи не желали возстановленія Бурбоновъ на престолѣ ихъ предковъ, и даже подъ стѣнами Парижа вопросъ о томъ былъ еще не рѣшенъ окончательно. Но интриги Талейрана и соединившейся вокругъ него партіи умѣли представить необходимымъ и желаннымъ это возстановленіе, а союзники, или, вѣрнѣе, императоръ Александръ, первенствовавшій въ совѣтѣ царей, объявили, что хотятъ, и дѣйствительно хотѣли, только сообразоваться съ общимъ желаніемъ французовъ. И все это было окончено такъ скоро, такъ нежданно для многихъ, что толпа уже ревѣла въ Парижѣ привѣтствія Бурбонамъ, а милліоны французовъ не имѣли и мысли о томъ: король прусскій только соглашался съ каждымъ рѣшеніемъ Александра, а императоръ австрійскій даже не былъ тогда въ Парижѣ, запашный восиною бурею въ Дижонъ, откуда пріѣхалъ онъ уже послѣ провозглашенія Людовика XVIII королемъ Франціи, почему даже Наполеонъ имѣлъ поводъ говорить, что если бы императоръ Францъ находился при главной квартирѣ союзныхъ армій, то поддержалъ бы его и убѣдилъ бы союзниковъ своихъ оставить на престолѣ его самого или по крайней мѣрѣ сына его.

Дѣйствія Людовика XVIII не могли быть удачны. Больше двадцати лѣтъ не видалъ онъ Франціи и, возвратившись въ нее дряхлымъ старикомъ, воображалъ ее такою же, какою была она прежде революціи, между тѣмъ какъ въ ней измѣнилось все: и люди, и мнѣнія, и отношенія. Онъ думалъ встрѣтить прежнихъ поклонниковъ двора, посредствомъ которыхъ французскіе короли управляли Франціей, тогда какъ революціонныя идеи проникли во всѣ сословія, и уже два-три поколѣнія возросло посреди бурь и волненій, пріучившихъ весь народъ къ впечатлѣніямъ сильнымъ, къ страстямъ, увлеченіямъ

новыми. Сами рабы Наполеона, способствовавшіе его паденію, не осмѣлились приступить иначе къ образованію новаго правительства, какъ ограничивъ власть короля конституціей. Людовикъ, готовый на всѣ уступки для возвращенія себѣ власти, почелъ однако же необходимымъ не принять предложенной ему конституціи, а дать ее (octroyer) отъ себя, какъ бы свободнымъ дѣйствіемъ своей воли. Такое начало показывало его направленіе, и съ первыхъ шаговъ всѣ дѣйствія его нашлись въ противорѣчіи съ умоначертаніемъ и потребностями народа. Къ несчастію, окруженный робкими и низкими ласкателями или закоренѣлыми въ интригахъ и козняхъ революціонерами, умный и добрый Людовикъ XVIII не могъ видѣть и понять своего положенія. Онъ возстановилъ дворъ, этикетъ, всѣ обычаи стараго правительства и почиталъ конституцію только необходимымъ зломъ, которое надобно уменьшать сколько можно. Наполеонъ, уничтожавшій во Франціи всякую свободу, вознаграждалъ ее, по крайней мѣрѣ, блескомъ неслыханныхъ побѣдъ, баснословными своими подвигами и, останавливая народные порывы желѣзною силою своею, заставлялъ умолкать все передъ необъятнымъ своимъ геніемъ. Въ совершенствѣ понимая свой народъ, зная, какъ говорилъ онъ самъ, что суетность и тщеславіе составляютъ основный его характеръ, Наполеонъ льстилъ французамъ успѣхами по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности и во многихъ отношеніяхъ былъ дѣйствительно благодѣтелемъ своихъ подданныхъ. Все склонялось передъ безпримѣрнымъ его могуществомъ и несравненною силою его генія. Но и при немъ была уже оппозиція, были проблески воли и потребностей народа. Революціонный огонь не потухъ, а только тлѣлъ скрытно и по временамъ вспыхивалъ даже и при немъ, не въ близорукихъ и пошлыхъ заговорахъ легитимистовъ, не въ парадныхъ возгласахъ Шатобріана и г-жи Сталь съ братіею, а въ жалобахъ промышленнаго класса, въ заговорѣ Мале, въ напоминаніяхъ законодательнаго корпуса, въ мнѣніяхъ народа, напрасно задушаемыхъ управленіемъ Савари. Но когда исчезли и очарованіе славы и блеска, и угнетающая сила генія, когда Франція была облита рѣками крови, унижена во всѣхъ чувствахъ народной гордости, король снова хотѣлъ возвратиться къ прежнему порядку дѣлъ, окружилъ

себя недоступнымъ этикетомъ, любимцами-аббатами, швейцарскою стражею и оставлялъ въ пренебреженіи одинъ изъ главныхъ элементовъ тогдашней Франціи—военную силу, милліонъ солдатъ, вдругъ очутившихся безъ занятія, безъ всѣхъ выгодъ своего положенія. Сотни тысячъ ихъ возвратились изъ плѣна, изъ крѣпостей и госпиталей, и всѣ они, подвергавшіе жизнь свою тысячѣ смертей, испытанные всѣми трудами военной жизни, недавніе повелители въ завоеванныхъ земляхъ и любимыя дѣти своего императора, увидѣли себя въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ, и не находили ни успокоенія, ни пристанища. И между тѣмъ какъ закаленные въ бояхъ, загорѣлые во всѣхъ климатахъ и у огней биваковъ, подлѣ которыхъ провели они годы, ветераны Наполеоновы оставались почти безъ хлѣба и крова, вокругъ короля щеголяли и важничали *черные* и *сѣрые мушкетеры*, *легко-конные* (chevaux-legers), слишкомъ старые или слишкомъ молодые, напоминавшіе идею умершую и времена невозвратимыя. И посреди этихъ смѣшныхъ воиновъ, никогда не видавшихъ огня, сдѣлавшихся воинами только по мундиру, некстати блестящему, являлся король, дряхлый подагрикъ, въ бархатныхъ сапогахъ, не имѣвшій силъ сѣсть на коня и съ балкона смотрѣвшій на свое войско, въ которомъ не умѣлъ онъ находить ни достоинствъ, ни недостатковъ, самъ не бывши военнымъ. Какая противоположность съ недавнимъ прошедшимъ, съ героемъ-полководцемъ, съ обаятельнымъ полубогомъ войны! И въ глазахъ чьихъ?—людей, воспитанныхъ, состарѣвшихся въ воинскомъ станѣ, посреди военныхъ упражненій, посреди лагерей, порохового дыма и грома невиданныхъ прежде битвъ! Гвардія Наполеонова была не распущена, но выслана изъ Парижа; большая часть офицеровъ (около 20.000 человѣкъ) получили увольненіе отъ службы; въ полкахъ оставлены только кадры, и прославленныя ими трехцвѣтныя знамена и кокарды были замѣнены давно чуждымъ для Франціи бѣлымъ знаменемъ. Людовикъ XVIII ласкалъ войска въ своихъ приказахъ, но дѣйствія его оскорбляли, унижали ихъ, и, несмотря на газетные возгласы и корыстныя изъявленія приверженности къ Бурбонамъ нѣкоторыхъ генераловъ, армія была чужда, непріязненна королю и мечтала только о своемъ великомъ полководцѣ-императорѣ.

Людовикъ не понялъ или не хотѣлъ понять также, что партія, больше всего способствовавшая возведенію его на престолъ, состояла изъ революціонеровъ, которыхъ Талейранъ увлекъ искусными увѣреніями въ томъ, что король, имъ обязанный престоломъ, будетъ невольно зависѣть отъ нихъ и соображаться съ ихъ желаніями. Событія вскорѣ показали противное. Людовикъ не могъ приближать къ себѣ людей, осудившихъ на смерть его брата. Постепенно были отстранены не только всѣ члены конвента, но и тѣ, кто раздѣлялъ мнѣнія ихъ.* Убійцъ Людовика XVI презирали и оказывали такое отвращеніе отъ самыхъ именъ ихъ, что гг. Грегуаръ, Гара, Карно, Камбасересъ были исключены даже изъ числа членовъ института! Напротивъ, король приближалъ къ себѣ людей, ничтожныхъ умомъ и не ознаменовавшихъ себя ничѣмъ, кромѣ привязанности къ его фамиліи.

Къ числу или, лучше сказать, къ толпѣ недовольныхъ присоединилось еще безчисленное множество чиновниковъ всякаго рода, занимавшихъ разныя должности не только въ областяхъ, составлявшихъ французскую имперію и отдѣленныхъ отъ нея послѣднимъ парижскимъ трактатомъ, но и въ другихъ государствахъ, бывшихъ подъ ея вліяніемъ. При Наполеонѣ Италія, Испанія, нѣмецкія земли, Польша и множество разныхъ мѣстъ въ Европѣ были наполнены французскими чиновниками и агентами, которые вдругъ всѣ лишились своихъ мѣстъ и, возвратившись во Францію, только умножили число противниковъ новаго правительства. Наконецъ, самъ народъ, не принадлежавшій ни къ числу бонапартистовъ, ни къ числу революціонеровъ, ни къ тѣмъ политическимъ промышленникамъ, которые пользовались прежнимъ порядкомъ дѣлъ, народъ французскій вообще не могъ не видѣть и не чувствовать своего униженія, тягостей, наложенныхъ на него побѣдою союзниковъ, безпорядка, необходимаго при общемъ переворотѣ дѣлъ, и невольно приписывалъ все это Бурбонамъ, которыхъ возвращеніе было какъ будто условіемъ униженія и бѣдствій Франціи и искупленіемъ прежнихъ торжествъ ея. Завоеваніе, униженіе отечества и Бурбоны, чужеземцами возведенные на престолъ французскій,—вотъ что нераздѣльно соединялось въ умахъ французовъ.

Людовикъ XVIII былъ человѣкъ ума необыкновеннаго, но почти вся жизнь его прошла въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ, и много лѣтъ, проведенныхъ имъ въ изгнаніи, съ одними требованіями на державную власть, пріучили умъ его къ теоріямъ, къ логическимъ тонкостямъ, къ составленію плановъ, очень пріятныхъ въ теоріи, но не примѣнимыхъ къ исполненію. Не зная ни Франціи, ни различныхъ партій, раздѣлявшихъ ее, ни отношеній ея къ другимъ державамъ, онъ думалъ дѣйствовать очень умно, наблюдая умѣренность, не спѣша ни въ чемъ и не производя никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, но слѣдуя своимъ убѣжденіямъ и понятіямъ, укоренившимся въ немъ цѣлою жизнью. Терпѣніе, постоянство, упорство въ одной мысли доставили ему престолъ, и онъ не отказался отъ него ни для выгодныхъ предложеній Наполеона, ни подъ гнетомъ самыхъ тягостныхъ испытаній, ни при встрѣчѣ съ противными его душѣ ограниченіями. Занявъ престолъ, къ которому стремился такъ упорно и постоянно почти всю жизнь свою, онъ думалъ достигнуть исполненія и другихъ предположеній своихъ прежнею умѣренностью, уступчивостью, постоянствомъ. Онъ принялъ конституцію, но по-своему: не распустилъ ни арміи, ни гвардіи Наполеоновой, но уменьшилъ ее и оставилъ въ пренебреженіи; не прогналъ открыто революціонеровъ и интригановъ, но удалялъ и выживалъ ихъ понемногу; соглашался со всѣми, но дѣлалъ многое по-своему. Приличенъ ли былъ такой образъ дѣйствій въ тогдашнихъ обстоятельствахъ? События шли исполинскими шагами, а онъ измѣрялъ ихъ мѣрою пигмеевъ! Надобно было хватать на лету событія, а онъ писалъ стихи, говорилъ острыя слова, разбиралъ Горація̀вы оды, всего ожидая отъ времени! Онъ раздражилъ умы и внушилъ приближавшимся къ нему мысль, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ нерѣшительнымъ, слабымъ. Когда власть, въ эпохи революціонной горячки, внушаетъ о себѣ такую мысль—она погибла: дерзость противниковъ найдетъ средство наложить ей. Общее недовольство выразилось вскорѣ въ насмѣшливыхъ пѣсняхъ, въ нападеніяхъ журналовъ и въ смѣлыхъ революціонныхъ брошюрахъ. Однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ явленій въ этомъ родѣ была брошюра извѣстнаго генерала Карно, изданная подъ заглавіемъ: Mémoire ad-

ressé au roi en juillet 1814, гдѣ съ безпримѣрною дерзостью оправдывалъ онъ не только всѣ правила революціи, всѣ кровавыя явленія ея, но и самое осужденіе Людовика XVIII, обвиняя во всѣхъ бѣдствіяхъ Франціи прежнее правительство и эмигрантовъ. Рѣзкій, сильный языкъ придавалъ необыкновенную значительность дерзкимъ мыслямъ Карно, который явно возставалъ противъ короля. Брошюра его имѣла успѣхъ необычайный и зажгла много умовъ. Кромѣ тихихъ отдѣльныхъ сочиненій, оппозиція имѣла свои журналы, гдѣ постоянно декламировали противъ новаго порядка дѣлъ. Многіе извѣстные литераторы принимали въ нихъ участіе. Въ палатахъ явилась также сильная оппозиція, и предводителями ея были извѣстные и уважаемые люди. Сатиры, насмѣшливые куплеты, карикатуры,—все сдѣлалось оружіемъ противъ Бурбоновъ и ихъ правительства. Сколько сдѣлала имъ зла простодушная, повидимому, пѣсня Беранже, гдѣ, подъ именемъ *Маркиза Карабаса*, насмѣшливый пѣсенникъ выставилъ короля, дворъ его, мнѣнія и оканчивалъ каждый куплетъ припѣвомъ.

„Chapeau bas! chapeau bas!
Gloire au marquis de Carabas!“

Самою могущественною изъ всѣхъ партій, раздѣлявшихъ тогда Францію, была партія бонапартистовъ, къ которой принадлежала конечно половина королевства. Выраженіемъ ея въ большомъ свѣтѣ были модные парижскіе салоны бывшихъ вельможъ и знати Наполеонова двора. Все умное, молодое, пылкое соединялось въ нихъ. Таковы были салоны Маре, г-жъ Лаллеманъ, Жюно, Амленъ и особливо Гортензіи, гдѣ собирались не одни наполеоновскіе генералы и придворные, но и всѣ остроумные писатели, знаменитые иностранцы и даже легитимисты, скучавшіе въ чопорныхъ и скучныхъ гостиныхъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Тамъ былъ арсеналъ острыхъ словъ, карикатуръ и пѣсенъ противъ Бурбоновъ, такъ же какъ у Маре было средоточіе политическихъ плановъ, мыслей, даже сношеній всѣхъ бонапартистовъ между собою и съ эльбскими собраніями. У французовъ дѣлается модою и общимъ увлеченіемъ все, что обращаетъ на себя вниманіе; а тогда оппозиція Бурбонамъ была главнымъ дѣломъ, увлече-

ніемъ величайшаго большинства: отличаться дерзостью въ насмѣшкахъ противъ нихъ сдѣлалось общею модой. Были явленія, постижимыя только въ Парижѣ: блистательные офицеры Наполеоновы явились однажды толпами въ кофейную Тортони за тремя изъ своихъ собратовъ, наряженныхъ дряхлыми, тощими маркизами, которые, опираясь на костыли, спросили себѣ полчашки кофе на троихъ, проглотили его съ кусочкомъ хлѣба и запѣли хоромъ: «Gloire au marquis de Carabas!» Другіе явно говорили о возвращеніи Наполеона, котораго называли въ полкахъ и казармахъ старымъ его именемъ le petit caporal и новымъ—le père la violette.

И правительство Бурбоновъ терпѣло всѣ такія явленія, не имѣя ни силъ, ни рѣшительности, ни искусства прекратить ихъ!.. Неспособность министровъ, избранныхъ Людовикомъ XVIII, была такова, что они даже не принимали никакихъ мѣръ противъ возмутителей и противниковъ правительства, съ аристократическимъ презрѣніемъ отзываясь о ихъ дерзкихъ и явныхъ усиліяхъ ниспровергнуть существующій порядокъ. Не понимая могущества противниковъ своихъ, они не хотѣли и сблизиться съ ними, укротить ихъ милостями, льготами и почестями новаго правительства; они только раздражали и удаляли ихъ отъ себя оскорбительными отзывами въ своихъ журналахъ и непріязненностью въ сношеніяхъ. Ближайшимъ совѣтникомъ и любимцемъ короля былъ добрый, но ничтожный герцогъ Блага; министрами были Дамбре, Феррапъ, аббатъ Монтескіу (умный только тѣмъ, что при немъ былъ тогда юный г. Гизо), Бёпье, Дандре, Прадръ, Бурьенпь, Дюпопъ—смѣсь именъ разныхъ эпохъ, разныхъ цвѣтовъ, но почти равно напоминавшихъ неспособность и ничтожество. Дюпонъ вскорѣ былъ замѣненъ однимъ изъ славнѣйшихъ Наполеоновыхъ маршаловъ—Сультомъ; другіе оставались. Передъ глазами неспособныхъ министровъ Людовика XVIII бонапартисты, интриганы, какъ Фуше, и революціонеры готовили переворотъ, которому способствовали и другія обстоятельства. Парижскій трактатъ, заключенный союзными державами (30 мая 1814 года) съ Людовикомъ XVIII, по возвращеніи его въ столицу своихъ предковъ, возстановилъ Францію въ границахъ 1792 года и даже съ небольшимъ увеличеніемъ земель на сѣверныхъ и

восточныхъ границахъ. Но всѣ завоеванныя ею во время республики и имперіи области и даже государства отпали отъ нея, съ народонаселеніемъ 15.360.000 душъ. Италія, Голландія, Бельгія, Рейнскій союзъ, уничтоженный самыми событіями, Саксонія и зависѣвшее отъ нея Варшавское герцогство, тысячи вознагражденій, перемѣнъ, новое устройство всѣхъ отношеній, ниспровергнутыхъ событіями послѣднихъ 25-ти лѣтъ, требовали общаго обдумыванія, совѣщанія цѣлой Европы, для чего и былъ назначенъ конгрессъ въ Вѣнѣ осенью 1814 года. Съ октября мѣсяца съѣхались туда государи почти всей Европы, множество царственныхъ фамилій, вельможъ, генераловъ и дипломатовъ, которымъ паставала блестящая, но и трудная эпоха. Очень естественно, что между государями занималъ первое мѣсто императоръ Александръ, побѣдитель Наполеона, умиритель Европы, душа всѣхъ великихъ событій, измѣнившихъ видъ Европы, и стараніе его отдать первенство императору австрійскому оставалось только возвышенною скромностью. Судьба Европы опять зависѣла отъ его рѣшеній. Съ нимъ соединенъ былъ душою и всѣми выгодами король прусскій. Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ каждый день были великолѣпныя празднества, обѣды, балы, и казалось, что всѣ заняты только увеселеніями, дипломаты уже начали важныя совѣщанія, и принцъ де Линь несправедливо сказалъ одно изъ безчисленныхъ своихъ острыхъ словъ: «Le congrés danse et ne marche pas» (Конгрессъ танцуетъ, но пейдетъ впередъ). Новыя отношенія разныхъ державъ вскорѣ обозначились ясно. Вмѣстѣ съ другими европейскими дипломатами явился на конгрессъ и Талейранъ, министръ французскаго короля, уполномоченный для совѣщаній въ Вѣнѣ. Съ нимъ было еще трое французскихъ уполномоченныхъ: гг. Ноайль, Латуръ дю-Пенъ и герцогъ Дальбергъ, но они оставались уполномоченными только для приданія большей представительности хитрому министру, виновнику возстановленія Бурбоновъ. Повидимому, Франціи не о чемъ было совѣщаться въ Вѣнѣ послѣ парижскаго трактата, гдѣ опредѣлены были всѣ отношенія ея къ другимъ державамъ, а по смыслу договора, заключеннаго союзниками въ Шомонѣ 1-го марта 1814 года, они предоставляли себѣ устройство дѣлъ въ Европѣ безъ всякаго вмѣшательства Фран-

ціи. Но именно этого не хотѣлъ допустить Талейранъ, какъ представитель Франціи, оставшейся первостепенною державою послѣ всѣхъ ограниченій, предписанныхъ ей. Отчужденіе ея отъ семьи другихъ европейскихъ государствъ могло имѣть гибельныя послѣдствія для общаго устройства дѣлъ, и эту мысль выразилъ онъ ясно въ нѣсколькихъ сообщеніяхъ своихъ конгрессу. «Шомонскій договоръ не можетъ имѣть силы послѣ счастливаго возстановленія Бурбоновъ во Франціи», говорилъ Талейранъ. «*Союзъ* могъ существовать противъ Наполеона, какъ объявляли сами воевавшіе противъ него государи, но при новомъ порядкѣ дѣлъ не можетъ существовать *союза* противъ дружественной державы, и Франція имѣетъ право голоса во всѣхъ общихъ европейскихъ совѣщаніяхъ, -право, естественно принадлежащее ей по важности мѣста, какое всегда занимала и занимаетъ она въ кругу другихъ европейскихъ державъ. Словомъ, шомонскій договоръ былъ заключенъ непріятелями Наполеона, а не Бурбоновъ и относился къ французской имперіи, а не къ королевству, составляющему непремѣнную часть великаго европейскаго семейства».

Сначала, представленія Талейрана были безплодны и оставались безъ отвѣта; но когда, при взаимныхъ совѣщаніяхъ между державами, выразились разныя требованія ихъ, лордъ Кастльре первый началъ поддерживать Францію, находя ее необходимою для равновѣсія въ мнѣніяхъ. Два главные вопроса занимали вѣнскій конгрессъ: судьба Варшавскаго Герцогства и участь саксонскаго короля. Россія хотѣла образовать Польское Царство подъ державою Императора Александра, а Пруссія присоединить Саксонію къ своимъ владѣніямъ за небольшое вознагражденіе королю ея. Австрія и Англія находили въ томъ разныя затрудненія, и Талейранъ, занявъ важное мѣсто въ кругу дипломатовъ, присоединился къ мнѣнію Австріи и Англіи. Искусно внушая мысль о противоборствѣ могуществу Россіи, неразрывной въ союзѣ съ Пруссіею, Талейранъ умѣлъ поселить холодность между дипломатами, дѣйствовавшими до тѣхъ поръ единодушно, и вскорѣ они разъѣлились въ мнѣніяхъ о многихъ предметахъ. Императоръ Александръ не могъ быть доволенъ ни Талейраномъ, сдѣлавшимся изъ преданнаго совѣтника противникомъ его, ни Бурбонами,

которые едва заняли престолъ Франціи, и уже противились выгодамъ той державы, которой были одолжены своимъ новымъ положеніемъ. Холодность его къ Бурбонамъ выразилась и въ томъ, что онъ отвергалъ совѣты объ изгнаніи Мюрата изъ Неаполя, объ удаленіи Наполеона на Азорскіе острова или на островъ св. Елены и, напротивъ, оказывалъ искреннюю благосклонность благородному Евгенію Богарне, пасынку Наполеона, и съ негодованіемъ говорилъ, что Франція не исполняетъ фонтенблоскаго договора, ничего не платя Наполеону въ число назначенныхъ ему отъ нея 2.000.000 франковъ ежегоднаго дохода. Переговоры о Саксоніи, о необходимости удалить Наполеона изъ Европы, объ отказѣ въ вознагражденіи всѣмъ его родственникамъ, вопросъ о Польшѣ и нѣсколько другихъ вопросовъ были поводомъ къ безконечнымъ дипломатическимъ спорамъ, замедлявшимъ рѣшеніе дѣлъ и приведшимъ наконецъ нѣкоторые дворы въ недоумѣніе, близкое къ явному разрыву. По увѣдомленіямъ Талейрана, Людовикъ XVIII предписалъ своему военному министру приготовиться къ случайностямъ, которыя могутъ имѣть слѣдствіемъ войну, а самого Талейрана уполномочилъ заключить *оборонительный союзъ* съ Австріею и Англіею, который и былъ утвержденъ между ними договоромъ 3 февраля 1815 года. Договоръ былъ подписанъ гг. Меттернихомъ, Кастльре и Талейраномъ. Итакъ, во время самихъ переговоровъ о мирномъ устройствѣ дѣлъ, уже опять думали о войнѣ!.. Ни одна изъ главныхъ европейскихъ державъ не уменьшала своихъ армій; напротивъ, всѣ онѣ поддерживали ихъ на военной ногѣ, и нѣкоторыя заботились даже объ увеличеніи ихъ. Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ кончилось бы это неожиданное положеніе дѣлъ въ Европѣ, если бы на горизонтѣ ея вновь не явился тотъ страшный метеоръ, который имѣлъ силу соглашать тѣ страсти, всѣ отношенія, и устремлять ихъ на уничтоженіе и гибель свою.

Наполеонъ зналъ все, что происходило во Франціи и въ Вѣнѣ. Онъ безпрерывно получалъ доказательства приверженности къ нему французовъ; зналъ недовольство ихъ подъ правленіемъ Бурбоновъ и удостовѣрился, что армія вся объявитъ себя за него при первомъ его появленіи во Франціи. Не меньше извѣстны были ему несогласія, возникшія между со-

юзниками въ Вѣнѣ, и онъ надѣялся воспользоваться тѣмъ для разъединенія ихъ силъ въ свою пользу. Когда рѣшился онъ возвратиться во Францію? Отвѣчать на это довольно трудно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до окончательнаго рѣшенія приготовлялъ онъ къ тому всѣ обстоятельства. Для него закупали оружіе въ Ливорно; преданные ему безпрестанно переѣзжали между островомъ Эльбою и Тосканою, Римомъ, Неаполемъ; Мюратъ почти явно призывалъ его, въ чемъ удостовѣряли перехваченныя его письма; наконецъ, подъ видомъ отпуска, Наполеонъ отправилъ во Францію 300 своихъ гвардейцевъ, которые должны были приготовить умы товарищей къ появленію его между ними.

Можетъ быть, не такъ скоро привелъ бы онъ въ исполненіе свое намѣреніе, если бы два полученныя имъ извѣстія не заставили его поспѣшить. Первое было изъ Парижа, гдѣ ярко изложено было раздраженіе противъ Бурбоновъ, дошедшее до того, что революціонная партія была готова поднять знамя бунта и произвести новую революцію, предводителемъ которой могъ сдѣлаться первый смѣльчакъ. Имя императора было драгоцѣнно солдатамъ: но если бы не явился онъ, то революція могла совершиться и безъ него, въ пользу кого-нибудь другого (при чемъ упоминали имена Евгенія Богарне, Бернадотта и даже герцога Орлеанскаго). Сверхъ того, при первомъ извѣстіи о возстаніи Франціи, сообщенія острова Эльбы съ нею сдѣлались бы невозможны, и англійскій флотъ содержалъ бы островъ въ блокадѣ. Извѣстіе изъ Вѣны говорило о близкомъ рѣшеніи союзниковъ переселить эльбскаго императора на островъ св. Елены, что и было бы исполнено, если бы неожиданныя недоумѣнія не остановили многихъ рѣшеній конгресса. «Всѣ случайности теперь въ пользу вашего намѣренія», писали Наполеону, «но черезъ нѣсколько времени можетъ исчезнуть всякая возможность исполнить его».

Нѣсколько дней обдумывалъ и соображалъ Наполеонъ полученныя имъ извѣстія съ вѣроятностями успѣха, и рѣшился исполнить предпріятіе, самое удивительное изъ всѣхъ, какими не разъ изумлялъ онъ современниковъ. Но напрасно полагали, что одна дерзость и живость характера увлекли его. Никогда не былъ онъ легкомысленъ, и обыкновенно обдумывалъ зрѣло

всѣ свои предпріятія; только рѣшившись исполнялъ ихъ быстро и неуклонимо. Онъ вѣрилъ счастью и своей судьбѣ, но имѣлъ въ томъ опредѣленныя правила и не принималъ великихъ рѣшеній безъ глубокаго расчета и безъ увѣренности въ успѣхѣ. Судьба царствъ зависитъ иногда отъ мгновенныхъ случайностей, и самыя мудрыя соображенія обращаются въ ничто; но нельзя отрицать соображеній и размышленій геніальнаго человѣка, которыя одни даютъ ему успѣхъ. Предпріятіе можетъ быть смѣло, даже дерзко, но расчетъ вѣренъ и глубоко обдуманъ, и если не приводитъ предпріятія въ исполненіе ужасаясь только огромности его, то геніальные люди заключились бы въ границы обыкновенныхъ дѣлъ холоднаго ума.

Вотъ расчетъ Наполеона: нельзя было сдѣлать высадку въ Провансѣ, потому что народъ тамъ не любилъ его, даже ненавидѣлъ его власть; нельзя было и въ Тосканѣ, потому что это нарушило бы нейтралитетъ, далo бы поводъ къ вооруженію всей Европы, удалило его отъ Франціи, и онъ могъ быть настигнутъ австрійскими войсками, стоявшими вблизи. Надобно было выити на берегъ въ одномъ изъ заливовъ, образуемыхъ послѣдними отраслями Альповъ, явиться посреди жителей, приверженцевъ революціи и владѣльцевъ національныхъ имѣній, слѣдовательно соединенныхъ съ нимъ выгодами; посреди ихъ безопасно можно было достигнуть Гренобля, гдѣ уже были войска, давшія обѣщаніе присоединиться къ своему императору, и примѣръ ихъ могъ увлечь всѣ другія, расположенныя далѣе. На картахъ атласа Кассини Наполеонъ отмѣтилъ даже всѣ переходы свои до Ліона, и назначилъ дни, когда быть въ какомъ мѣстѣ. Итакъ, онъ дѣйствовалъ почти навѣрное, зная расположеніе жителей, духъ войскъ и составъ почти каждаго отряда на пути своемъ. Успѣхъ первоначальный зависѣлъ только отъ счастливаго переѣзда до береговъ Франціи, а окончательный—отъ политическихъ и военныхъ случайностей, которыми Наполеонъ умѣлъ пользоваться. Много было загадочнаго, смѣлаго въ его предпріятіи, но не было безумія, какъ утверждали пристрастные современники.

26 февраля войска острова Эльбы получили приказаніе быть готовыми къ походу, а капитанъ брига *Непостоянный*—быть готовымъ къ отплытію. Больше не было сказано ничего,

и войска, не зная, куда хотятъ отправлять ихъ, собрались въ три часа пополудни у пристани Порто-Ферраіо, подъ начальствомъ генераловъ Бертрана, Друо и Камброна. На лицо было 400 гренадеровъ гвардіи, 300 пѣхотинцевъ разныхъ полковъ, 100 польскихъ кавалеристовъ и нѣсколько сотъ корсиканскихъ и эльбскихъ стрѣлковъ, тайно набранныхъ, всего же 1.100 человѣкъ. Въ пять часовъ явился посреди нихъ Наполеонъ, съ яснымъ, веселымъ лицомъ, и велѣлъ садиться на корабли: 400 гвардейцевъ помѣстились на бригъ, и Наполеонъ взошелъ на него самъ, при чемъ сказалъ, какъ Цезарь: «Жребій брошенъ!» Другія войска размѣстились на перевозныя суда. Наполеонъ велѣлъ объявить жителямъ, что отправляется противъ варварійцевъ. Вечеромъ былъ назначенъ балъ у принцессы Полины, куда приглашены были почетнѣйшіе жители. При наступленіи ночи раздался пушечный выстрѣлъ, и небольшая флотилія вышла изъ гавани. Въ открытомъ морѣ капитанъ брига распечаталъ отданный ему прежде пакетъ и прочиталъ приказаніе—плыть въ заливъ Жюанъ, къ берегамъ Франціи. Тогда узнали всѣ назначеніе похода. Наполеонъ громко сказалъ: «Офицеры и солдаты моей гвардіи! мы идемъ во Францію!»—«Да здравствуетъ императоръ!» было восторженнымъ отвѣтомъ. Наполеонъ вмѣшался въ толпу солдатъ, началъ разговаривать съ ними, шутить, напоминать имъ о прежнихъ и будущихъ опасностяхъ.

Когда обогнули эльбскій мысъ св. Андрея, вѣтеръ ослабѣлъ, и къ разсвѣту отошли только на шесть лье отъ острова. Не воротиться ли въ Порто-Ферраіо? говорили нѣкоторые съ безпокойствомъ. «Какое ребячество!» воскликнулъ Наполеонъ. «Мы почти достаемъ шпагами до Франціи, и воротимся! Лучше кинуть въ море все лишнее, чтобы облегчить суда». Въ 4 часа, на высотѣ Ливорно, показался въ пяти лье подъ вѣтромъ, фрегатъ, подъ флагомъ съ лиліями, и прошелъ въ отдаленіи. Вскорѣ военный бригъ *Зефиръ*, какъ нарочно, приблизился къ *Непостоянному*, и капитанъ брига спрашивалъ, здоровъ ли Бонапарте? Императоръ самъ отвѣчалъ ему въ рупоръ: «Совершенно здоровъ!» Но передъ тѣмъ онъ велѣлъ гренадерамъ спрятать свои мохнатыя шапки и лечь на палубѣ.

Вскорѣ вѣтеръ скрѣпчалъ, и флотилія быстро понеслась къ.

берегамъ Франціи, которые и завидѣла 29 числа вечеромъ. Общіе крики радости огласили воздухъ и волны Средиземнаго моря. Наполеонъ во все время пути занимался составленіемъ прокламацій къ войску и жителямъ и окончилъ ихъ въ виду Франціи. Онъ созвалъ моряковъ и, глядя на карту, спрашивалъ ихъ мнѣнія, гдѣ удобнѣе пристать къ берегу; они единогласно отвѣчали, что надобно удалиться отъ укрѣпленій Антибы и пристать около Канъ, въ небольшомъ Жюанскомъ заливѣ. 1 марта, въ 3 часа пополудни, флотилія вошла туда, и первый выступилъ на берегъ генералъ Друо, съ частію гренадеровъ. Вскорѣ причалила шлюпка, изъ которой выпрыгнулъ Наполеонъ, и покуда привязывали ее къ оливковому дереву, онъ указалъ на оливныя вѣтви и сказалъ окружавшимъ: «Вотъ и счастливое предзнаменованіе!» Къ вечеру окончилась высадка, и бивачные огни запылали посреди небольшого отряда, какъ бывало въ славные дни Аустерлица и Ваграма; но какъ перемѣнились обстоятельства!

Судьба всего предпріятія зависѣла отъ первыхъ успѣховъ, и Наполеонъ не медлилъ вступить въ борьбу съ препятствіями. Первымъ распоряженіемъ его было послать 25 человѣкъ въ укрѣпленіе Антибу, безъ оружія, въ видѣ дезертировъ съ острова Эльбы. Они должны были вступить въ сношеніе съ гарнизономъ и увлечь его; но комендантъ антибскій, генералъ Корсенъ, велѣлъ взять подъ арестъ дезертировъ. Пришли товарищи ихъ съ прокламаціями императора, но уже мосты были подняты, и комендантъ угрожалъ стрѣлять изъ пушекъ. Надобно было отказаться отъ попытки и идти до новой встрѣчи съ войсками, посреди жителей горъ, гдѣ нѣтъ значительныхъ городовъ до самаго Гренобля. Правда, эти жители были ревностными приверженцами революціи и имперіи и ненавидѣли Бурбоновъ, старинныхъ гонителей своего протестантскаго исповѣданія; но бѣдные и малочисленные, они не могли доставить Наполеону никакого перевѣса, и онъ шелъ далѣе, встрѣчая больше изумленія, нежели привѣтствій и радости. Путь былъ затруднителенъ, и многіе солдаты, отъ безпрерывнаго похода, по дорогамъ едва проходимымъ, искололи себѣ ноги: такихъ несли на носилкахъ; зато молодые и бодрые бѣжали впередъ и опережали другъ друга. Между тѣмъ много-

численные приверженцы Наполеона распространяли слухъ, что онъ заключилъ союзъ съ Австріею, что Бурбоны лишены престола, что Мюратъ идетъ по слѣдамъ императора съ 80.000 человѣкъ и что по возстановленіи его не будетъ больше ни войнъ, ни конскрипціи. Такимъ образомъ слухъ, что императоръ идетъ возстановить власть свою на новыхъ началахъ, предшествовалъ ему.

Изъ Систерона онъ послалъ одну роту занять проходъ въ Сольсѣ, гдѣ десять человѣкъ могли бы остановить цѣлую армію. Въ Гапѣ, главномъ городѣ департамента, онъ остановился на нѣсколько часовъ напечатать заготовленныя прокламаціи и пустить ихъ въ народъ. Между тѣмъ лазутчики извѣстили полковника Лабедойера, бывшаго съ полкомъ своимъ въ Шамбери, что императоръ приближается съ эльбскими выходцами, и по соглашенію, напередъ сдѣланному, Лабедойеръ, спѣшилъ идти навстрѣчу къ нему. Но прежде него долженъ былъ Наполеонъ встрѣтить войска, посланныя изъ Гренобля генераломъ Маршаномъ, начальникомъ бывшей тамъ дивизіи. Услышавъ о необычайномъ появленіи императора, Маршанъ послалъ батальонъ пѣхоты, роту инженеровъ и батарею артиллеріи сдѣлать обозрѣніе, но потомъ возвратиться въ Гренобль. Близъ Визилля встрѣтили они передовыхъ гвардейцевъ Камброна, но, не входя ни въ какіе переговоры съ ними, по приказанію своего начальника, отступили. Камбронъ, въ отчаяніи отъ такой холодной встрѣчи, послалъ извѣстить о ней Наполеона. Лицо завоевателя Европы омрачилось отъ ничтожной неудачи, но онъ провидѣлъ слѣдствія ея и рѣшился во что бы то ни стало увлечь первыя встрѣченныя имъ войска, отъ которыхъ зависѣло расположеніе многихъ, если не всѣхъ другихъ. Нимало не раздумывая, онъ бросился впередъ къ солдатамъ, имѣвшимъ повелѣніе удалиться отъ него, и тамъ, посреди альпійской природы, въ прежнемъ видѣ побѣдителя аустерлицкаго и дрезденскаго, приблизился къ старымъ своимъ гренадерамъ. «Товарищи!» закричалъ онъ имъ. «Узнаете ли вы меня?» — «Узнаемъ, государь!» отвѣчали солдаты въ нерѣшимости. — «Вы узнаете вашего императора? Стрѣляйте въ меня, какъ вамъ приказываютъ, стрѣляйте, если смѣете, въ вашего отца — вотъ грудь моя!» Онъ разстегнулъ мундиръ, но солдаты уже

рыдали и бросились передъ нимъ на колѣни съ восклицаніемъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Тотчасъ явились на шапкахъ ихъ трехцвѣтныя кокарды, посреди нихъ трехцвѣтное знамя, и отрядъ Наполеона вдругъ увеличился вдвое тѣми солдатами, которыхъ выслали противъ него. Между тѣмъ Лабедойеръ съ полкомъ своимъ уже прошелъ Гренобль и въ виду его встрѣтилъ колонну императорскихъ войскъ: тутъ началась сцена изумительнаго восторга, который служилъ вѣрнымъ обезпеченіемъ всѣхъ будущихъ успѣховъ Наполеона. Солдаты съ восклицаніями бѣжали другъ къ другу навстрѣчу, привѣтствовали своего великаго полководца кликами радости, падали на колѣна передъ нимъ, цѣловали его руки, одежду, между тѣмъ какъ юный, блестящій, пламенный Лабедойеръ, не помня себя отъ радости, палъ на грудь Наполеона и долго не могъ выговорить ни слова, не могъ оторваться отъ обожаемаго императора. Наполеонъ также не могъ удержать своего восхищенія: онъ видѣлъ осуществленіе надеждъ, которыя почиталъ до тѣхъ поръ сомнительными. Примѣръ Лабедойера, извѣстнаго въ цѣлой арміи, былъ неизмѣримо важенъ: онъ могъ увлечь самыхъ нерѣшительныхъ людей.

Но генералъ Маршанъ и префектъ гренобльскій Фурье (извѣстный ученый авторъ предисловія къ *Описанію Египта*) хотѣли остаться вѣрными присягѣ, данной ими королю. Генералъ велѣлъ запереть городскія ворота, собралъ гарнизонъ и уговаривалъ его не слушать льстивыхъ обѣщаній пришельца. Солдаты слушали своего генерала съ насмѣшливою улыбкою и молчали: другіе даже не скрывали своего намѣренія оставить его. Тогда Маршанъ сложилъ съ себя командованіе, а Фурье уѣхалъ изъ города. Но городскія ворота были заперты, когда къ нимъ приближался Наполеонъ. Онъ велѣлъ отворить ихъ; но ключи были у коменданта. «Маршанъ упрямится,» сказалъ императоръ, «но мы обойдемся и безъ него». Онъ расхаживалъ подлѣ городской стѣны и нюхалъ табакъ, между тѣмъ какъ разрубали ворота, и вскорѣ толпа войскъ хлынула въ нихъ, встрѣченная радостными кликами гарнизона и жителей.

Наполеонъ вступилъ въ Гренобль ночью и не поѣхалъ въ префектуру, а остановился въ гостинницѣ *Бѣлаго коня*, кото-

рую содержалъ отставной гвардеецъ. Къ нему явились городскіе чиновники и офицеры гарнизона. «А что же Фурье?» спросилъ онъ. «Неужели сдѣлался бурбонистомъ? Вотъ любопытно!» Но онъ сердился на Маршана, стараго своего сподвижника; потомъ онъ спросилъ, нѣтъ ли кого, кто могъ бы замѣнить ему секретаря и писать подъ его диктовку. По требованію явился г. Шамполліонъ-Фижакъ, извѣстный археологъ, бывшій тогда городскимъ библіотекаремъ. Наполеонъ началъ съ нимъ разговоръ о расположеніи умовъ въ Греноблѣ и, соображая отвѣты г-на Шамполліона съ тѣмъ, что̀ видѣлъ и слышалъ на дорогѣ, убѣдился, что его встрѣчаютъ не какъ завоевателя, но какъ диктатора республики, съ идеями 1789 и 1792 годовъ. Для успѣха было необходимо льстить такому направленію и, затаивая въ душѣ всѣ будущіе помыслы, явиться представителемъ республики. Тогда несомнѣнно было паденіе Бурбоновъ, принявшихъ представительное правленіе съ аристократическими ограниченіями, и партія такъ называемыхъ *патріотовъ* могла упрочить успѣхъ, который до тѣхъ поръ давала Наполеону только армія, безусловно и безгранично къ нему приверженная.

Новое убѣжденіе его выразилось въ прокламаціяхъ, изданныхъ имъ въ Греноблѣ, и въ рѣчахъ, произнесенныхъ къ явившимся къ нему съ поздравленіями сословіямъ города. Онъ называлъ французовъ уже не подданными своими, а гражданами, говорилъ о правахъ народа, о свободѣ и равенствѣ. Смѣшно, если не было бы грустно, видѣть такія обманчивыя слова отъ человѣка, задушившаго всякую свободу и всѣ права во Франціи! Онъ уже показывалъ шаткость новой своей власти, необходимость прибѣгать къ ложнымъ мѣрамъ; онъ самъ подрывалъ въ основаніи силу, которою прежде завоевалъ Европу. Вмѣсто того, чтобы смѣло объявить себя диктаторомъ, призваннымъ вновь возвести Францію на прежнюю степень ея могущества, онъ прибѣгалъ къ ухищреніямъ, льстилъ народнымъ страстямъ, самъ отрекался отъ славнаго своего прошедшаго.

Извѣстіе о появленіи его во Франціи произвело странное впечатлѣніе въ Парижѣ, особливо при дворѣ. Приверженцы Бурбоновъ почти обрадовались «безумному предпріятію Бона-

парте», поздравляли другъ друга, что онъ самъ отдастся въ руки королю, и будетъ наказанъ за то, уже какъ бѣглецъ и возмутитель. «Надобно только просить короля, чтобы онъ не былъ милосердъ къ нему», говорили одни. «И чтобы онъ опять не оставилъ ему титула императора, доходовъ и княжества», прибавляли другіе. Только немногіе, знавшіе лучше Наполеона, думали иначе. Когда герцогъ беррійскій, съ ребяческою веселостью, говорилъ полковнику своего полка, Талуэ, что они пойдутъ схватить разбойника Бонапарте, тотъ отвѣчалъ ему: «Ваше высочество! Я знаю императора Наполеона, потому что имѣлъ честь служить при немъ десять лѣтъ: высадка его дѣло важное, и я очень опасаюсь, чтобы она не привела насъ къ бѣдственному перевороту». Такъ думали всѣ благоразумные люди, съ честью служившіе при Наполеонѣ, и послѣ отреченія его искренно перешедшіе подъ власть короля. Вообще, маршалы и многіе генералы, были недовольны появленіемъ Наполеона, предвидя новое и странное свое положеніе при успѣхѣ его, въ которомъ почти не сомнѣвались; къ тому же они были утомлены войною и бурною жизнью, и въ немолодыхъ, многіе уже въ старыхъ лѣтахъ своихъ хотѣли наслаждаться заслуженными почестями, богатствами и спокойствіемъ. Появленіе Наполеона во Франціи вновь ставило ихъ въ загадочное положеніе. Не радовались возвращенію его и многія партіи, существовавшія тогда во Франціи. Чистые республиканцы ненавидѣли Бурбоновъ, желали низложенія ихъ, но боялись грознаго деспотизма Наполеонова, который былъ не меньше страшенъ искреннимъ приверженцамъ новаго образа правленія, конституціонистамъ, и той устарѣлой партіи, къ которой принадлежалъ Лафаэттъ и подобные ему несчастные мечтатели.

Различіе мнѣній выразилось и въ различіи мѣръ, какія принимали противъ вторженія Наполеона. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Монтескіу, разослалъ предписаніе къ префектамъ тѣхъ департаментовъ, гдѣ могъ явиться Наполеонъ, чтобы они поддерживали общую преданность народа къ королю и собрали національную гвардію, готовую «ловить бѣглеца». Но онъ почиталъ столько неважнымъ все это «происшествіе», что десять дней оставалось у него нераспечатаннымъ извѣстіе о по-

кушепіи противъ Антибы!.. Принцы королевскаго дома всѣ рѣшились ѣхать, какъ на ловлю дикаго звѣря, на поимку Наполеона, потому что почитали это чѣмъ-то въ родѣ облавы или травли, которыя искони любилъ версальскій дворъ. Графъ д'Артуа отправился въ Ліонъ, и ему придали герцога орлеанскаго и маршала Макдональда; герцогъ и герцогиня ангулемскіе были тогда въ Бордо, и герцогиня осталась тамъ возбуждать патріотизмъ жителей и войскъ, а герцогъ отправился въ Марсель, центръ ненавидѣвшей Наполеона южной Франціи, гдѣ военнымъ начальникомъ былъ маршалъ Массена; герцогъ беррійскій, котораго особенно не любили войска, потому что онъ вовсе не зналъ военнаго ремесла и раздражалъ старыхъ ветерановъ своимъ хвастовствомъ, былъ посланъ въ Фонтенебло для образованія резерва; даже разслабленный тѣломъ и душою, дряхлый герцогъ Бурбонъ (Конде), получилъ назначеніе—ѣхать въ Вандею. Но всѣ они были только представителями королевской власти, потому что начальниками войскъ оставались прежніе, наполеоновскіе генералы. Нѣкоторые изъ маршаловъ получили новое назначеніе: Мортье долженъ былъ завѣдывать войсками въ сѣверной Франціи, а Ней отправиться для командованія войсками, ближайшими къ пути, по которому шелъ Наполеонъ. Имъ обоимъ король оказывалъ особую довѣренность. Ней, славный своею храбростью въ битвахъ, но ограниченный умомъ и худо образованный, изъявлялъ какое-то бѣшенство противъ Наполеона и на отпускной аудіенціи у короля сказалъ: «Я привезу вамъ Бонапарте въ желѣзной клѣткѣ». Людовикъ XVIII, отличавшійся высокимъ чувствомъ приличія, тогда же замѣтилъ старымъ своимъ царедворцамъ: «Что это услышалъ я отъ маршала Нея: какъ можно ему выражаться такъ о старомъ *своемъ товарищѣ*; право нехорошо что-то!» Оно и вышло нехорошо.

Конституціонисты предлагали и принимали свои мѣры. Ихъ предводителемъ былъ тотъ Лене, который за годъ назадъ явился съ неумѣстными напоминаніями Наполеону. Какъ президентъ палаты депутатовъ, онъ присовѣтовалъ королю созвать палаты, назначить большое число новыхъ пэровъ, набрать новыхъ депутатовъ, и вообще думалъ противоборствовать пришельцу (какъ почиталъ онъ Наполеона) силою конституціи-

наго правленія. Вокругъ него шумѣли и давали совѣты г-жа Сталь, г. Констанъ, герцогъ Броль, Ланжюйне. Они совѣтовали перемѣнить нѣкоторыхъ министровъ. Наконецъ, по ихъ внушеніямъ, король объявилъ Бонапарте лишеннымъ покровительства законовъ (какъ будто имѣлъ на то право!), и приказывалъ ловить его какъ дикаго звѣря, какъ безумца, сорвавшагося съ цѣпи! Это повелѣніе только дало поводъ къ злымъ карикатурамъ, гдѣ подагрика, дряхлаго, тучнаго Людовика XVIII изображали гоняющимся за бодрымъ, мужественнымъ Наполеономъ.

Когда приверженцы короля и разномысленныя партіи такъ неловко и нескладно приготовлялись встрѣтить страшную грозу, которую почитали они только мимолетнымъ облачкомъ, бонапартисты дѣйствовали дружно, смѣло и осторожно. Центромъ собраній ихъ была гостиная герцогини Сенъ-Лё, и, независимо отъ Наполеона, они приводили въ исполненіе свой планъ. Большая часть войскъ оставалась въ сѣверной Франціи и въ тамошнихъ крѣпостяхъ. Приверженцы Наполеона рѣшились собрать полки и гвардію вокругъ трехцвѣтнаго знамени и ринуться на Парижъ. Нѣкоторыя войска уже двинулись туда, подъ предводительствомъ генераловъ Лефевра-Денуэтта, Друэ, и приближались къ Компьеню, когда намѣреніе ихъ открылось и многіе воспротивились ему. Солдаты не знали куда ведутъ ихъ, а заговорщики еще не смѣли произнести волшебнаго имени Наполеона, и планъ ихъ разстроился. Предводители разбѣжались. Новое доказательство, что только Наполеонъ могъ произвести общее возстаніе и соединить всѣ страсти. Но это внезапное возстаніе бонапартистовъ и появленіе Наполеона, а потомъ быстрый переходъ его до Гренобля, гдѣ передались ему цѣлые полки, возбудили наконецъ живѣйшія опасенія въ королевскомъ правительствѣ. Тамъ начали видѣть заговорщиковъ уже въ тѣхъ, кто благородно исполнялъ свою обязанность. Такъ подвергся подозрѣнію маршалъ Сультъ, бывшій военнымъ министромъ. Его упрекали, что онъ расположилъ армію отрядами отъ Бургоніи до самаго Гренобля, и видѣли въ томъ намѣреніе способствовать успѣхамъ Наполеона, тогда какъ маршалъ исполнялъ только распоряженіе короля, который, готовясь къ войнѣ, какъ мы видѣли, и особенно опасаясь ея со

сторопы Мюрата, велѣлъ приблизить войска къ Альпамъ. Но Сультъ, оскорбленный несправедливымъ подозрѣніемъ, сложилъ съ себя должность военнаго министра и былъ замѣненъ Кларкомъ, долго занимавшимъ эту должность при Наполеонѣ.

Такъ въ первые дни, и даже въ первыя двѣ недѣли послѣ высадки Наполеона въ Каннахъ, королевское правительство и приверженцы его мало заботились о бѣглецѣ и говорили о немъ съ презрѣніемъ, но потомъ стали опасаться, и вскорѣ все пришло въ неописанное смятеніе и ужасъ, при чемъ уже не принимали никакихъ мѣръ, и все, что рѣшались дѣлать, оказывалось безсильнымъ. Какъ огонь въ изсушенныхъ степяхъ распространялось возстаніе въ пользу Наполеона, и успѣхи его изумили, привели въ недоумѣніе не одну Францію, но и всю Европу.

Послѣ великолѣпнаго смотра въ Гренобльѣ, гдѣ у него было уже больше 6.000 человѣкъ подъ ружьемъ, артиллерійскій паркъ, нѣсколько ротъ пижеперовъ и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, Наполеонъ продолжалъ походъ къ Ліону, принимавшій видъ какого-то торжественнаго шествія, а не труднаго завоеванія. Впереди его появилось множество приверженцевъ, скрывавшихся до тѣхъ поръ: они разглашали вѣсть о приближеніи императора, внѣдрялись въ казармы, говорили тамъ о *капральчикѣ* и *дядѣ-фіалкѣ*, возбуждали умы; всѣ бонапартисты были готовы встрѣтить своего полубога: фрачники являлись съ фіалками въ петлицѣ (общій знакъ ихъ соединенія), а военные надѣвали трехцвѣтныя кокарды и вынимали изъ тайныхъ мѣстъ побѣдоносные орлы, съ которыми проходили они нѣкогда Европу. Все готовилось къ встрѣчѣ императора, какъ къ торжеству, и изъ всѣхъ городовъ выходили къ нему за нѣсколько верстъ съ изъявленіями шумной, искренней радости. Городовыя начальства, соображаясь съ общимъ расположеніемъ обывателей и войскъ, почти вездѣ являлись къ Наполеону и въ высокопарныхъ поздравленіяхъ изъявляли радость о возвращеніи его. Таково было расположеніе и всей Франціи, кромѣ немногихъ областей, гдѣ жители были легитимистами, какъ въ Вандеѣ, или ненавидѣли Наполеонову власть, какъ въ южныхъ департаментахъ. Конечно, одни солдаты и жаркіе приверженцы императора шумѣли и кричали; но и без-

пристрастные мирные граждане больше любили его, нежели Бурбоновъ, охладившихъ къ себѣ всѣ поколѣнія, возросшія безъ нихъ.

Наполеонъ почиталъ очень важнымъ увидѣть изъявленіе привязанности къ себѣ отъ жителей Ліона, второго города Франціи, многолюднаго, населеннаго по большей части промышленнымъ классомъ народа. Къ тому же въ немъ находилось много войскъ; въ немъ были графъ д'Артуа, герцогъ орлеанскій, маршалъ Макдональдъ; въ немъ надѣялись дать отпоръ эльбскому императору. Но сомнѣніе было непродолжительно съ обѣихъ сторонъ: несмотря ни на какія увѣщанія и фразы графа д'Артуа, несмотря на усилія Макдональда удержать солдатъ въ повиновеніи королю, они явно выражали привязанность свою къ Наполеону, и чѣмъ ближе былъ онъ, тѣмъ шумнѣе и грознѣе становился радостный ихъ говоръ. На послѣднемъ смотру, который производилъ войскамъ графъ д'Артуа, онъ хотѣлъ, чтобы они кричали: «Да здравствуетъ король!» Они молчали. Напрасно онъ и Макдональдъ напоминали солдатамъ о вѣрности присягѣ, о повиновеніи: глубокое молчаніе было отвѣтомъ. Наконецъ, графъ д'Артуа сошелъ съ лошади, приблизился къ одному ветерану, украшенному нѣсколькими знаками отличія, и сказалъ ему: «Ты храбрый солдатъ и вѣрно закричишь: да здравствуетъ король!»—«Нѣтъ», отвѣчалъ солдатъ, «я закричу: да здравствуетъ императоръ: онъ нашъ отецъ, и противъ него не пойдетъ никто». Въ самомъ дѣлѣ, не одни войска, но и жители думали такъ же. Послѣ смотра принцы выѣхали изъ города въ сопровожденіи одного драгуна, потому что почетный караулъ, изъ гражданъ, не согласился даже проводить ихъ *). Маршалъ Макдональдъ еще старался удержать солдатъ въ повиновеніи, когда въ городѣ показались два эскадрона гусаръ; при видѣ ихъ, войска бросились къ нимъ навстрѣчу, съ восклицаніями: «Да здравствуетъ императоръ!» и Макдональдъ едва имѣлъ время ускакать съ своимъ адъютантомъ. Весь городъ покорствовалъ Наполеону прежде, нежели онъ былъ въ стѣнахъ его. Въѣздъ его въ Ліонъ былъ истиннымъ тріумфомъ, и

*) Наполеонъ поступилъ умно и благородно, когда узналъ о томъ: онъ наградилъ вѣрнаго драгуна знакомъ отличія, и съ презрѣніемъ отослалъ отъ себя почетную стражу, когда она явилась къ нему.

онъ съ императорскою пышностью остановился въ архіепископскомъ домѣ.

Онъ удостовѣрился наконецъ въ совершенномъ успѣхѣ смѣлаго своего предпріятія. Радостная покорность Ліона и всѣхъ войскъ въ немъ не оставляла сомнѣнія, что ему остается только достигнуть Парижа, чтобы вновь принять власть надъ цѣлою Франціею. Въ томъ утверждали его не одни видимыя явленія, но и всѣ извѣстія, полученныя имъ. Но тѣ же извѣстія единогласно говорили о совершенной перемѣнѣ въ направленіи умовъ. Народъ былъ радъ возстановить на престолѣ Франціи своего героя, показавшаго безпримѣрный геній по всѣмъ частямъ и отраслямъ правленія; но онъ не хотѣлъ болѣе войны, не хотѣлъ завоеваній и разрыва просвѣщенныхъ сношеній съ другими народами; онъ желалъ сохранить представительное правленіе; народъ и всѣ руководители его желали этого. Необходимо было сдѣлать уступку большинству и польстить революціонерамъ, называвшимъ себя патріотами.

Повинуясь такому направленію, Наполеонъ въ смыслѣ его говорилъ рѣчь представлявшимся ему ліонскимъ начальствамъ и издалъ нѣсколько декретовъ, гдѣ подтверждалъ снова свои и невозвратно опредѣлялъ свой собственный путь. Важнѣйшіе декреты, обнародованные имъ въ Ліонѣ, 13-го мая, были слѣдующіе: 1-й, палата пэровъ и палата депутатовъ распускаются. «Избирательныя коллегіи департаментовъ соберутся въ Парижѣ въ продолженіе мая мѣсяца для открытія чрезвычайнаго майскаго собранія, гдѣ будутъ приняты должныя мѣры къ исправленію и измѣненію нашихъ постановленій, сообразно пользамъ и волѣ народа; въ то же время представители *будутъ присутствовать при коронованіи императрицы, нашей вселюбезнѣйшей супруги, и нашего возлюбленнаго сына*»; 2-й декретъ, объ изгнаніи эмигрантовъ, возвратившихся во Францію послѣ 1-го января 1815 года; 3-й декретъ, объ уничтоженіи дворянства и всѣхъ феодальныхъ титуловъ; 4-й, объ исключеніи изъ службы всѣхъ генераловъ и офицеровъ изъ эмигрантовъ или изъ неслужившихъ во время республики и имперіи.

Соображая ліонскіе декреты, видимъ мысль Наполеона возстановить свою власть съ необходимыми уступками обстоятельствамъ, но не почитать ея продолженіемъ власти Бурбо-

новъ; все сдѣланное ими или при нихъ отмѣняется или измѣняется. Но управится ли самъ Наполеонъ съ гидрою революціи, которую невольно пробуждалъ онъ? Не поглотятъ ли и его вѣроломныя и кровожадныя партіи ея, какъ поглотили они многихъ его предшественниковъ? Увидимъ. Достойно замѣтить также, что Наполеонъ возвѣщалъ о коронованіи своей супруги и сына, подтверждая такимъ образомъ, хотя и косвенно, свою выдумку, что Австрія дѣйствуетъ согласно съ нимъ и что Марія-Луиза и сынъ его скоро пріѣдутъ къ нему изъ Вѣны. Еще нѣсколько декретовъ, объявленныхъ въ Ліонѣ, возстановляли всѣхъ чиновниковъ, занимавшихъ гражданскія должности во время Наполеонова отреченія; всѣ перемѣны, сдѣланныя Бурбонами въ назначеніи государственныхъ имѣній, уничтожались; военный дворъ короля и швейцарскіе полки получали увольненіе; ордена королевскіе также уничтожались.

На пути къ Парижу ожидало его еще одно торжество, впрочемъ уже неудивительное послѣ того, что случилось. Маршалъ Ней, съ такою пылкостью обѣщавшій королю привезти Наполеона въ желѣзной клѣткѣ, терялъ духъ и бодрость по мѣрѣ того, какъ приближался къ нему. Онъ видѣлъ, что всѣ войска пламенно привязаны къ императору, что префектъ оксеррскій готовится встрѣтить его съ торжествомъ и что всѣ генералы перейдутъ къ нему по первому знаку. Въ такомъ расположеніи Ней не думалъ ни о какихъ военныхъ мѣрахъ, тосковалъ и былъ въ нерѣшимости. Когда Наполеонъ пріѣхалъ въ Оксерръ, то, принимая городскія начальства, какъ бы съ удивленіемъ спросилъ у префекта, почему не видитъ онъ маршала Нея?— и, по первому призыву его, Ней явился, упалъ въ восторгѣ передъ императоромъ и опять былъ готовъ отдать за него свою жизнь. Войска и генералы послѣдовали его примѣру.

Наполеонъ былъ доволенъ своими успѣхами и принималъ въ Оксеррѣ многихъ, пріѣхавшихъ къ нему съ разными извѣстіями и свѣдѣніями изъ Парижа. Любопытны разговоры его въ Оксеррѣ, потому что въ нихъ выражается живой умъ его: онъ обращалъ вниманіе на все, хотѣлъ все знать. «Ну, попрежнему ли въ Тюильри?» спросилъ Наполеонъ у присланнаго къ нему отъ Маре. — Ничего не измѣнено, государь: даже орлы остаются на своихъ мѣстахъ.— «Видно, имъ понравилось!»—

Вѣроятно, государь. Я слышалъ, что графъ д'Артуа былъ въ удивленіи, въ первый разъ осматривая Тюильри. — «Вѣрю. А что̀ мои картины?»—Нѣкоторыя сняты; но картина аустерлицкой битвы по прежнему въ залѣ совѣта.—«А театръ?»—Къ нему и не прикасались. — «Что̀ дѣлаетъ *Тальма?*» — Какъ всегда, собираетъ дани удивленія и рукоплесканій.—«Съ удовольствіемъ увижу его! Были ли вы при дворѣ?»—Да, государь, я былъ представленъ.—«Говорятъ, всѣ они похожи на разбогатѣвшихъ мѣщанъ: не умѣютъ слова сказать, не умѣютъ ступить кстати. Видѣли вы ихъ въ парадные дни?»—Нѣтъ, но могу увѣрить ваше величество, что въ Тюильри теперь обходятся безъ церемоній, являются въ нечищенныхъ сапогахъ, во фракѣ, круглой шляпѣ.—«Но куда же дѣваютъ деньги эти старые колпаки? Вѣдь имъ все отдали! Ну, а каковъ король?»—Голова его прекрасна. —«Красивы ли его монеты?»—Ваше величество можете судить сами. Вотъ 20-тифранковая монета. — «Какъ? луидоры прежніе? удивляюсь! (повертывая монету). Ну, онъ не похожъ на умирающаго съ голоду! Посмотрите, однакожъ: вмѣсто Dieu protège la France они помѣстили: Domine, salvum fac regem! Вотъ таковыми они были всегда: ничего для Франціи, и все для нихъ!.. Гдѣ Маре? гдѣ Коленкуръ? гдѣ Лавалеттъ? гдѣ Фуше?»—Всѣ въ Парижѣ, государь.—«А Моле?»—Тамъ же. Недавно видѣлъ я его у королевы Гортензіи.—Наполеонъ началъ бранить Гортензію за то, что она являлась въ суды, приняла титулъ герцогини, добилась сыну титула герцога Сенъ-Лё и пэра Бурбоновъ. «Ей надобно было просто называться: г-жа Бонапарте. Это имя стоитъ всякаго другого». Потомъ онъ разспрашивалъ объ императорѣ Александрѣ. «Въ самомъ ли дѣлѣ его такъ много привѣтствовали въ Парижѣ?» спросилъ онъ наконецъ.—Да, государь, на него было обращено вниманіе всѣхъ: другіе казались адъютантами его.—«Онъ точно сдѣлалъ много для Парижа. Безъ него англичане ограбили бы нашу столицу, а пруссаки сожгли бы ее. Онъ дѣйствовалъ хорошо...» Улыбнувшись Наполеонъ прибавилъ: «Если бы я не былъ Наполеонъ, то желалъ бы быть Александромъ».

Императоръ Александръ, Тюильри, дворъ короля Людовика XVIII, Фуше и Тальма—все занимало его и рождало въ немъ новыя идеи и соображенія.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ, въ торжествѣ и уже сопровождаемый сильною арміею, выѣхалъ 18 числа изъ Оксерра, навѣрное располагаясь прибыть къ вечеру въ Фонтенебло, король и его правительство еще разсуждали о мѣрахъ, какія надобно было принять. Но уже все было въ такомъ безпорядкѣ и разстройствѣ, что дѣйствія министровъ, палатъ и разныхъ умниковъ, являвшихся съ совѣтами, походили на какую-то печальную комедію. Наскоро собранныя палаты разсуждали и придумывали безплодные проекты; бонапартисты смѣялись надъ палатами, уже распущенными ліонскимъ декретомъ Наполеона; мерзавецъ Фуше, который былъ во все это время въ сношеніяхъ и съ Талейраномъ, и съ Наполеономъ, и съ королемъ, какъ зловѣщая птица являлся всюду, продавалъ преданность свою тому, кто больше дастъ, совѣтовалъ принять революціонныя мѣры и объявить намѣстникомъ короля герцога Орлеанскаго. Министры не вѣрили другъ другу, а назначенный префектомъ полиціи, Бурьенъ, предлагалъ взять подъ стражу главныхъ бонапартистовъ, Маре, герцогиню Сенъ-Ле, и по собственному рѣшенію хотѣлъ захватить Фуше, который однакожъ успѣлъ скрыться. Король, сопровождаемый всѣми принцами, явился торжественно въ палату депутатовъ: и онъ, и всѣ клялись тамъ умереть за конституціонную хартію, вслѣдствіе чего король, который имѣлъ претензію на авторство, самъ составилъ и обнародовалъ прокламацію, гдѣ призывалъ всѣхъ къ защитѣ отечества... Но уже Наполеонъ былъ въ Фонтенебло, и всѣ войска, собранныя тамъ подъ начальствомъ герцога Беррійскаго, передались ему... Тогда безпорядокъ между роялистами дошелъ до крайней степени. Король хотѣлъ остаться въ Парижѣ и увидѣть *Бонапарте* лицемъ къ лицу, остановить, возбудить въ немъ совѣсть своими сѣдыми волосами... Но вѣкъ патетическихъ сценъ тогда уже прошелъ, и почтенному старцу объяснили съ должнымъ уваженіемъ, что Бонапарте просто велитъ взять его подъ стражу или, еще хуже, пошлетъ взводъ гренадеровъ выпроводить его за границу. Другіе проекты были не лучше: Блакá совѣтовалъ своему монарху торжественно ѣхать въ парадной каретѣ, въ сопровожденіи министровъ, палатъ, всей придворной свиты—навстрѣчу Бонапарте и объявить его лишеннымъ покровительства закона.

Смѣтливый Витролль опровергъ это простымъ замѣчаніемъ: «Бонапарте дастъ вамъ свободу ѣхать изъ Парижа, а самъ войдетъ въ него: вы только напрасно прогуляетесь, и воротитесь къ нему или уѣдете подальше». Маршалъ Мармонъ предлагалъ укрѣпиться въ Тюильри и въ случаѣ нужды защищаться тамъ, какъ будто Тюильри былъ неприступная крѣпость! Наконецъ, большая часть предлагала королю выѣхать изъ Парижа къ границамъ Франціи. Король, который все-таки былъ умнѣе другихъ и больше сохранилъ присутствія духа, объявилъ, что онъ ѣдетъ въ Лиль и только по крайней необходимости удалится за границу. Ночью 19-го числа марта онъ отправился туда, сопровождаемый министрами, дворомъ и небольшимъ прикрытіемъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Лиллѣ, гдѣ также не было безопасности, онъ выѣхалъ изъ Франціи и поселился въ Гентѣ, объявляя, что тамъ находится правительство короля, покуда не будутъ усмирены возмутившіяся войска, прельщенныя дерзкимъ похитителемъ власти.

Когда король оставлялъ Парижъ и бѣжалъ за границу, Наполеонъ, уже повелитель всѣхъ войскъ и почти всей Франціи, принималъ въ Фонтенебло старыхъ своихъ сослуживцевъ, весело расхаживалъ съ ними по залamъ дворца, за годъ оставленнаго имъ въ такомъ грустномъ расположеніи и въ два часа 20 марта поскакалъ занять свой императорскій тронъ въ Тюильри. Почти на всякомъ шагу встрѣчалъ онъ войска, привѣтствовавшія его кликами радости, и онъ выходилъ изъ кареты пожать руку генераламъ, сказать нѣсколько волшебныхъ словъ солдатамъ, поклониться ихъ знаменамъ; на всякой станціи ожидали его чиновники, съ поздравленіями, съ донесеніями, такъ что не прежде 9 часа вечера въѣхалъ онъ въ Парижъ. Быстро промчавшись по улицамъ столицы, экипажи его, окруженные блестящею свитою генераловъ и офицеровъ, скакавшихъ по сторонамъ, были принуждены почти остановиться при въѣздѣ во дворъ Тюильри, гдѣ собраны были войска и гдѣ тѣснилось безчисленное множество генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ всякаго рода, кромѣ непроходимыхъ толпъ народа. Карета Наполеона не могла подъѣхать ко дворцу, и, когда онъ хотѣлъ выйти изъ нея, восторженные офицеры и солдаты подхватили его на руки и перенесли къ крыльцу, гдѣ блестящіе придвор-

ные уже давно стояли въ ожиданіи. Лѣстница и всѣ залы Тюльри было ярко освѣщены тысячами свѣчъ, какъ въ самые торжественные дни имперіи, и Наполеонъ увидѣлъ тамъ весь свой прежній дворъ, камергеровъ, кавалеровъ, дамъ, въ парадныхъ нарядахъ, въ золотѣ, въ кружевахъ, съ букетами фіалокъ: всѣ цѣловали его руки, платье, плакали отъ радости, восклицали, всѣ тѣснились видѣть, слышать его, увѣриться въ его присутствіи. Наполеонъ казался тронутымъ при видѣ такихъ знаковъ приверженности, и не нужно прибавлять, какъ умѣлъ онъ говорить въ такихъ случаяхъ. Но онъ спѣшилъ отдѣлаться отъ всѣхъ привѣтствій и въ тотъ же вечеръ призвалъ къ себѣ тѣхъ, кого желалъ видѣть для дѣлъ. Одинъ за другимъ входили въ кабинетъ его прежніе министры. Почти всѣ они изъявляли приверженность свою къ нему, но иные неохотно принимали на себя прежнія обязанности. Кто могъ бы повѣрить, что даже Камбасересъ, даже Маре, главный дѣйствователь въ пользу Наполеона во все время его отсутствія, съ робостью и съ какимъ-то недоумѣніемъ приступали къ своему повелителю и просили дать имъ какое-нибудь новое назначеніе. Почти вся ночь прошла въ переговорахъ съ ними, и на слѣдующее утро были утверждены министрами: Коленкуръ иностранныхъ дѣлъ, Камбасересъ юстиціи, Гюденъ финансовъ, Мольенъ казначейства. Савари отказался рѣшительно отъ министерства полиціи и былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ жандармовъ, а на мѣсто его назначенъ Фуше! Это назначеніе была одна изъ самыхъ несчастныхъ ошибокъ Наполеона; но онъ почиталъ нужнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ ласкать тигра, имѣвшаго большія связи и тѣсно сблизившагося съ Маре, который заступался за него и ручался въ его усердіи. Военное министерство было отдано маршалу Даву; на мѣсто Бертье, не допущеннаго во Францію, былъ назначенъ маршалъ Сультъ.

Такъ, утромъ 21 марта, то-есть на другой день по возвращеніи Наполеона, имперія казалась возстановленною, и государственная машина снова начала свои дѣйствія. Замѣчательны строки, напечатанныя въ тотъ же день въ *Монитерѣ*, извѣщавшія о самомъ необычайномъ историческомъ событіи какъ о дневномъ происшествіи: «Король и принцы уѣхали ночью. «—Е. в. императоръ прибылъ вечеромъ въ свой тюльрійскій

«дворецъ. Онъ вступилъ въ Парижъ съ тѣми самими войска-«ми, которыя утромъ были посланы заградить ему путь. Армія, «составившаяся вокругъ него со времени высадки, не могла «идти дальше Фонтенебло. По дорогѣ его величество осматри-«валъ многіе корпуса. Во все время окружало императора мно-«жество народа, всюду выходившаго навстрѣчу къ нему».

Все это было справедливо; но безчисленныя заботы и непреодолимыя препятствія ожидали Наполеона на новомъ его поприщѣ. Для уразумѣнія ихъ надобно перенестись намъ въ Вѣну, гдѣ были тогда монархи почти всей Европы.

Мы видѣли, въ какомъ положеніи были дѣла на вѣнскомъ конгрессѣ: возникшія тамъ несогласія и недоумѣнія заставляли главныя державы готовиться къ явному разрыву. Арміи ихъ не только не были распущены или уменьшены, но оставались въ полномъ комплектѣ, и еще въ лучшемъ порядкѣ, нежели были при окончаніи кровавой борьбы съ Наполеономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мудрость и высокая душа Александра, увѣренность другихъ монарховъ въ чистотѣ предпамѣреній его и наконецъ дипломатическое искусство такихъ государственныхъ мужей, какъ князь Меттернихъ, князь Гарденбергъ, графъ Нессельроде, восторжествовали бы надъ интригами Талейрана и своекорыстіемъ нѣкоторыхъ другихъ дипломатовъ. Уже приходили къ окончанію многія затрудненія, когда вдругъ получено было извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Сначала не хотѣли вѣрить тому и больше досадовали на снисходительность свою къ плѣнному, нежели тревожились отъ новаго предпріятія его, которое почитали отчаяннымъ безумiемъ. Но съ каждымъ днемъ получались новыя извѣстія объ успѣшной высадкѣ его и о походѣ, наконецъ о переходѣ къ нему всѣхъ встрѣченныхъ имъ войскъ въ Греноблѣ. Тогда негодованіе соединилось съ безпокойствомъ, и всѣ союзныя державы увидѣли, что Наполеонъ явился во Францію не какъ отчаянный бѣглецъ; что, конечно, онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія и что въ такомъ случаѣ опять необходима будетъ общая война противъ Франціи, воспламененной новымъ воинскимъ жаромъ при голосѣ ея любимаго вождя. Желая предупредить такія событія, покуда еще успѣхи его были невелики и не увлекли всѣхъ, даже несмѣлыхъ и нерѣшительныхъ, союзныя державы

рѣшились торжественно объявить его врагомъ общаго спокойствія и предохранить тѣмъ Францію отъ новыхъ бѣдствій, а Европу отъ новыхъ потерь и затрудненій въ борьбѣ съ него. Всего нужнѣе было убѣдить Францію и Европу, что союзъ государей европейскихъ неразрушимъ и что они дѣйствуютъ единодушно. Тѣмъ необходимѣе было такое объявленіе, что Наполеонъ распространялъ слухъ о тайномъ союзѣ съ нимъ Австріи, о помощи, которой ожидаетъ отъ нея, и представлялъ возвращеніе свое какъ бы желаннымъ для многихъ. Въ собраніи уполномоченныхъ всѣхъ союзныхъ державъ, 12 марта, князь Меттерних изложилъ сущность неожиданныхъ событій во Франціи и прибавилъ, что союзные монархи видятъ себя въ необходимости подтвердить торжественно союзъ, заключенный ими въ Парижѣ съ законнымъ королемъ, предложить ему средства помощи противъ возмутителя общаго спокойствія и наконецъ объявить цѣлому свѣту, что они никогда и ни при какихъ событіяхъ не перестанутъ стремиться къ упроченію общаго спокойствія, такъ счастливо ими возстановленнаго. Всѣ присутствовавшіе единогласно подтвердили мнѣніе, изложенное австрійскимъ министромъ, и вслѣдствіе того былъ составленъ актъ, извѣстный подъ именемъ *вѣнской деклараціи* и обнародованный 13 марта. Онъ такъ важенъ для исторіи Наполеона, что мы помѣщаемъ его здѣсь вполнѣ:

«Союзныя державы, подписавшія парижскій договоръ, въ собраніи своемъ на вѣнскомъ конгрессѣ извѣстившись о побѣгѣ Наполеона Бонапарте и вступленіи его во Францію съ оружіемъ въ рукахъ, почитаютъ сообразнымъ съ ихъ достоинствомъ и необходимымъ для пользы общественнаго порядка торжественно изъявить чувства, возбужденныя въ нихъ таковымъ событіемъ.

«Поступкомъ своимъ Бонапарте разрушилъ конвенцію, утвердившую его на островѣ Эльбѣ, и уничтожилъ единственный законный титулъ, съ которымъ соединено было его существованіе. Вновь явившись во Францію съ возмутительными и разрушительными намѣреніями, онъ самъ лишилъ себя покровительства законовъ и предъ лицомъ цѣлаго свѣта показалъ, что съ нимъ не можетъ быть ни мира, ни примиренія.

«Вслѣдствіе того союзныя державы объявляютъ, что Напо-

леонъ Бонапарте поставилъ себя внѣ общественныхъ и гражданскихъ сношеній и, какъ врагъ и нарушитель спокойствія цѣлаго міра, предалъ себя общественной мести.

«Въ то же время онѣ объявляютъ, что, твердо рѣшившись поддержать неприкосновеннымъ парижскій договоръ, заключенный 30 мая 1814 года, и изъясненныя въ немъ распоряженія, равно какъ и тѣ, которыя приняты или впредь будутъ приняты ими для дополненія и упроченія его, онѣ употребятъ всѣ свои средства и соединятъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы общій миръ, предметъ желаній Европы и постоянная цѣль ихъ трудовъ, не былъ вновь возмущенъ и оставался безопасенъ отъ всякаго покушенія, угрожающаго вновь повергнуть народы въ безпорядокъ и несчастія революціи.

«Хотя всѣ монархи Европы убѣждены въ душѣ, что Франція нераздѣльно соединится вокругъ своего законнаго государя и скоро уничтожитъ послѣднее покушеніе преступнаго и безсильнаго безумія, однакожъ, одушевляясь тѣми же чувствами и руководствуясь тѣми же правилами, они объявляютъ, что если бы, сверхъ всякаго ожиданія, могла явиться изъ означеннаго событія какая-либо существенная опасность, то они готовы доставить королю Франціи и французскому народу или всякому другому угрожаемому правительству, по требованію ихъ, необходимыя пособія для возстановленія общественнаго спокойствія и идти какъ за общее дѣло противъ всѣхъ, кто рѣшился бы нарушить его.

«Настоящая декларація, внесенная въ протоколъ вѣнскаго конгресса 13 марта 1815 года, будетъ обнародована.« Слѣдуютъ подписи уполномоченныхъ восьми державъ, по азбучному ихъ порядку: *Австріи*—князь Меттерныхъ, баронъ Вессенбергъ; *Испаніи*—Гомецъ, Лабрадоръ; *Франціи*—князь Талейранъ, герцогъ Дальбергъ, Ла Туръ-дю-Пенъ, графъ А. Ноалль; *Великобританіи*—Веллингтонъ, Кланкарти, Каткартъ, Стюартъ; *Португаліи*—Пальмелла, Салданья, Лобо; *Пруссіи*-князь Гарденбергъ, баронъ Гумбольдтъ; *Россіи*—графъ Разумовскій, графъ Стакельбергъ, графъ Нессельроде; *Швеціи*—Левенгѣмъ.

Такое торжественное объявленіе доказывало, что всѣ частныя несогласія, раздѣлявшія мнѣнія и даже намѣренія союзниковъ на вѣнскомъ конгрессѣ (что было необходимо при

множествѣ различныхъ интересовъ, которые настоятельно согласить тамъ), всѣ мелкія отношенія исчезли и дали мѣсто одному, общему направленію. И какъ страшно обратились на гибель Наполеона эти самыя несогласія, на которыхъ частію онъ основывалъ свои надежды! Для поддержанія дипломатическихъ переговоровъ, арміи почти всѣхъ европейскихъ державъ оставались въ грозномъ видѣ и по первому знаку были готовы выступить въ походъ — теперь уже для подавленія общаго врага! Англія, которую могли обвинять, что слабое наблюденіе ея за эльбскимъ плѣнникомъ дало ему средства такъ легко переплыть во Францію и что она хотѣла вновь воспламенить Францію для какихъ-нибудь политическихъ своихъ видовъ, Англія первая рѣшалась начать военныя дѣйствія противъ Наполеона, и герцогъ Веллингтонъ немедленно отправился изъ Вѣны въ Нидерланды принять тамъ начальство надъ войсками англійскими и ближайшихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Императоръ Александръ объявилъ, что не только двинетъ онъ всѣ войска свои, сосредоточенныя тогда въ Польшѣ и на границахъ Россіи, но, въ случаѣ надобности, увеличитъ число ихъ до полумилліона человѣкъ. Австрія также располагала употребить противъ общаго врага всѣ свои военныя средства, которыя были тогда очень огромны. Пруссія вновь одушевилась непримиримою враждою къ многолѣтнему притѣснителю своему и, по мановенію своего монарха, была готова воскресить одушевленіе 1813 года. Всѣ второстепенныя державы воспламенились не меньшимъ жаромъ и увлекали съ собою мелкія княжества и даже города Германіи. Вся Европа дружно и единодушно возставала противъ опасности, встревожившей ее такъ неожиданно.

Покуда эта страшная и неотклонимая гроза готовилась противъ Наполеона въ отдаленіи, вблизи и даже вокругъ него безпрестанно являлись затрудненія и препятствія, какихъ прежде не зналъ онъ или преодолѣвалъ ихъ одною непреклонною своею волею. Мы видѣли, что почти съ самаго вступленія во Францію онъ убѣдился въ необходимости говорить о конституціонныхъ правахъ народа и даже льстить страстямъ революціонеровъ. По прибытіи его въ Парижъ новое направленіе умовъ выразилось еще яснѣе. Съ боязнію приступали къ нему самые искренніе приверженцы, и тотчасъ послѣ образованія

министерства Камбасересъ представилъ ему адресъ, гдѣ министры говорили о необходимости утвердить во Франціи свободу законность, тишину внѣ и внутри государства. Почти такой же адресъ представилъ ему государственный совѣтъ, и всѣ сословія имперіи и Парижа, представлялись, говорили ему то же! Наполеонъ отвѣчалъ благосклонно на ихъ слова, обѣщалъ все, конечно надѣясь впослѣдствіи дать всему свое направленіе; но такой образъ дѣйствій тяготилъ и стѣснялъ его. Въ искреннемъ разговорѣ съ Моле онъ сказалъ: «Да, они хотятъ разрушать то, что я буду создавать; а дѣлать нечего: не я полновластный повелитель — увлекаюсь противъ воли!» Такъ чувствовалъ и говорилъ тотъ, кто двадцать лѣтъ не зналъ границъ своему полету, и дѣйствуя на просторѣ цѣлаго міра, еще не удовлетворялся обширностью своихъ дѣйствій!

Но если искренніе приверженцы затрудняли его новымъ своимъ направленіемъ, небывалою прежде осторожностью и даже недовѣрчивостью, то гораздо больше вредили ему интригапы, подобные Фуше, и открытые противники въ мнѣніяхъ, революціонеры. Фуше, сдѣлавшись министромъ полиціи, имѣлъ цѣлію только утвердить свое положеніе, изхвативъ въ руки свои всѣ тайныя пружины общественнаго мнѣнія, дѣйствовалъ прежде всего въ свою пользу. Онъ хотѣлъ сдѣлаться необходимымъ для Наполеона, такъ же какъ для Бурбоновъ и для всякой другой власти, отъ которой зависѣла бы судьба Франціи. Революціонеры искренніе, какъ напримѣръ Карно, безпрестанно внушая и распространяя свои идеи, такъ же ослабляли и подрывали власть Наполеона, уже не сосредоточивая въ немъ одномъ блага и спасенія Франціи. Его почитали полководцемъ, необходимымъ для командованія войсками, сильнымъ характеромъ, полезнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Франціи, но не хотѣли, чтобы онъ сдѣлался диктаторомъ, и при первой неудачѣ были готовы замѣнить его власть другою больше сообразною новой необходимости.

Временнымъ затрудненіемъ для Наполеона было сопротивленіе ему роялистовъ на югѣ Франціи. Въ Бордо герцогиня ангулемская образовала явное возстаніе и повелѣвала нѣсколькими линейными полками; въ Марсели герцогъ ангулемскій, при содѣйствіи Массены, собралъ значительный корпусъ войскъ

и выступилъ съ нимъ къ Ліону; въ Тулузѣ изворотливый Витролль хотѣлъ устроить полное правительство, созвать обѣ камеры и сопротивляться всѣмъ распоряженіямъ столицы; Вандея бушевала, хотя герцогъ Бурбонъ-Конде ничего тамъ не дѣлалъ. Наполеонъ, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Парижъ, спѣшилъ подавить всѣ эти сопротивленія, желая не развлекать себя междоусобною войною, когда надобно было готовиться противъ внѣшнихъ непріятелей, и еще больше желая показать Европѣ, что Франція вся единодушно признаетъ его своимъ повелителемъ. Онъ скоро достигъ своей цѣли, безъ особенныхъ усилій. Генералу Груши поручилъ онъ усмирить возстаніе юга, генералу Клозелю велѣлъ покорить Бордо. Клозель отправился немедленно, безъ войскъ, и при появленіи его на всемъ пути присоединялись къ нему полки, до тѣхъ поръ еще остававшіеся вѣрными королю. При голосѣ Наполеонова генерала являлись у нихъ трехцвѣтныя кокарды и знамена; воздухъ оглашался привѣтствіями императору. По переходѣ черезъ Луару Клозель имѣлъ уже значительный корпусъ войскъ. Приблизившись къ Бордо, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ бывшими самъ войсками: они обѣщали по первому знаку присоединиться къ нему. Удостовѣрившись въ ихъ расположеніи, Клозель послалъ приказаніе городу отворить ворота и принять уполномоченныхъ императоромъ начальниковъ. Несмотря на всѣ старанія герцогини ангулемской удержать войска и городъ въ повиновеніи королю, они не внимали ей, и она принуждена была сѣсть на корабль и отправиться въ Англію. Тогда власть Наполеона возстановилась въ Бордо немедленно. Больше затрудненій, казалось, могло представить покушеніе герцога ангулемскаго, который съ многочисленными войсками, состоявшими изъ разныхъ полковъ и національной гвардіи, сбилъ у Дрома отрядъ императорскихъ войскъ и уже овладѣлъ Валансомъ. Генералъ Груши спѣшилъ изъ Ліона остановить успѣхи его, и полки герцога начали переходить на сторону Груши при первыхъ встрѣчахъ съ нимъ, а жители толпами сбѣгались и помогали Наполеонову генералу окружить герцога со всѣхъ сторонъ такъ, что вскорѣ былъ прегражденъ ему путь отвсюду. Въ такомъ положеніи герцогъ послалъ къ начальнику авангарда Груши, генералу Жилли, заключить капитуляцію, по которой онъ могъ свободно выѣхать

изъ Франціи, обезпечивъ всепрощеніе оставшимся при немъ войскамъ. Эта капитуляція была немедленно сообщена въ Парижъ посредствомъ телеграфа; но Груши отказался утвердить ее, задержалъ герцога ангулемскаго и сообщилъ о томъ новое извѣстіе въ Парижъ. Говорятъ, что, по первому извѣщенію, Наполеонъ велѣлъ ратификовать капитуляцію и отпустить герцога; но, получивъ второе, велѣлъ задержать его и что будто бы второе повелѣніе, отъ тайной снисходительности кабинетнаго министра, Маре, было задержано нѣсколько часовъ, такъ что герцогъ имѣлъ время удалиться и былъ уже въ безопасности, когда Груши получилъ повелѣніе не выпускать его. Какъ бы ни было, этимъ кончились всѣ попытки роялистовъ, потому что безсильная дѣятельность Витролля въ Тулузѣ уничтожалась сама собою, а Конде уѣхалъ на островъ Джерзей, не сдѣлавъ ничего въ Вандеѣ. Къ 10 апрѣля получены были извѣстія въ Парижѣ о совершенной покорности всей Франціи императору, и пушечные выстрѣлы извѣстили о томъ парижанъ. Трехцвѣтное знамя развѣвалось вновь, на всемъ пространствѣ отъ Альповъ до Рейна и отъ Средиземнаго моря до Ламаншскаго пролива.

Наполеонъ ожидалъ успѣха и въ другомъ стремленіи своемъ—сохранить миръ съ союзными державами. Изъ Ліона онъ уже писалъ къ своему брату Іосифу, жившему въ Швейцаріи, и поручалъ ему сообщить бывшимъ тамъ посланникамъ Россіи, Австріи, Англіи и Пруссіи о мирныхъ своихъ намѣреніяхъ. Герцогиня Сенъ-Лё предупреждала о томъ же государей, оказывавшихъ ей особенную благосклонность въ Парижѣ. По возвращеніи Наполеона въ свою столицу, Коленкуръ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, пытался войти въ мирныя сношенія съ бывшими еще тамъ посланниками русскимъ, австрійскимъ и писалъ лорду Кастельре въ Лондонъ, что императоръ имѣетъ единственною цѣлью сохраненіе мира для блага народовъ. Послапники русскій и австрійскій объявили, что не имѣютъ полномочій входить въ сношенія съ новымъ правительствомъ Франціи и что они были аккредитованы только при Людовикѣ XVIII. Лордъ Кастельре отвѣчалъ, получивъ второе письмо отъ Коленкура, при которомъ было приложено письмо Наполеона къ принцу Регенту, что его высочество по-

велѣлъ ему отправить въ Вѣну письмо Наполеона. Тѣмъ ограничились всѣ сообщенія иностранныхъ дворовъ съ Франціей. Грозное молчаніе ихъ вскорѣ пояснилось *вѣнскою декларацією отъ 13 марта*, полученною въ Парижѣ въ то время, когда уже тамъ властвовалъ Наполеонъ. Она могла произвести страшное потрясеніе въ умахъ, объявляя Францію враждебною цѣлому міру, отвергая всякія сношенія съ нею, покуда останется повелителемъ Наполеонъ, и обѣщая способствовать королю усмирить мятежниковъ всѣми силами Европы. Французское министерство спѣшило предупредить дѣйствіе такого объявленія и торжественно извѣщало французовъ, что распространяемая въ народѣ декларація есть подложный актъ, привезенный изъ Гента и составленный враждебными Франціи Бурбонами; что союзные монархи никогда не составляли и не составятъ подобнаго акта, противнаго всѣмъ условіямъ просвѣщенныхъ обществъ и нравственности.

Давая такое истолкованіе вѣнской декларації, Наполеонъ ожидалъ отвѣта на свои письма къ союзнымъ государямъ, отправленныя къ нимъ съ курьерами и содержавшія въ себѣ изъясненіе необходимости, призвавшей его во Францію, и мирныхъ намѣреній, которыми онъ руководствуется; въ то же время Коленкуръ писалъ ко всѣмъ посольствамъ французскимъ при иностранныхъ кабинетахъ, чтобы, сообщивъ извѣстія о послѣднихъ событіяхъ во Франціи, они подтвердили непремѣнное намѣреніе императора сохранить миръ со всею Европою Гораздо важнѣе было покушеніе его привлечь на свою сторону Талейрана, для чего былъ отправленъ въ Вѣну близкій къ нему человѣкъ, г. Монтронъ, съ самыми щедрыми и даже неограниченными предложеніями: зная продажную душу Талейрана, Наполеонъ надѣялся заставить его прибавить еще одну измѣну ко всѣмъ прежнимъ. Но вскорѣ увидѣлъ онъ неудачу всѣхъ своихъ покушеній. Большая часть посланниковъ французскихъ были преданы Бурбонамъ, да къ нимъ и не доѣхали курьеры Наполеоновы, такъ же какъ и тѣ курьеры, которые были отправлены къ союзнымъ государямъ. Ихъ захватывали на границѣ Франціи и только для свѣдѣнія отправляли въ Вѣну отобранныя у нихъ бумаги. Попытка обольстить Талейрана не удалась: хитрый министръ съ улыбкой выслушалъ предложенія,

привезенныя г. Мортономъ, но сказалъ ему, что властвованіе Наполеона непрочно и надобно поскорѣе уничтожить его. Другое покушеніе Наполеона — увезти изъ Вѣны Марію-Луизу и маленькаго короля римскаго—было открыто и послужило только къ строжайшему надзору за ними. Все это не замедлилъ узнать Наполеонъ, а между тѣмъ безпрестанно получалъ онъ извѣстія о собираемыхъ противъ него союзныхъ арміяхъ.

«Итакъ, вездѣ непріязнь или измѣна!» съ горькимъ чувствомъ сказалъ онъ, удостовѣрившись, что нѣтъ надежды сохранить миръ. «Будемъ же думать не о мирѣ, а о войнѣ!»

Онъ немедленно велѣлъ предложить на разсужденіе государственнаго совѣта своего вѣнскую декларацію, которую, уже только для приличія, Фуше сообщилъ какъ подложную, сочиненную въ Гентѣ. Совѣтъ рѣшилъ составить и обнародовать отвѣтъ на нее. Наполеонъ самъ написалъ отвѣтъ отъ имени совѣта и выразилъ въ немъ все негодованіе и прискорбіе, долго скрывавшіяся въ душѣ его. «Допросы, сдѣланные курьерамъ, и всѣ собранныя свѣдѣнія», сказано въ отвѣтѣ государственнаго совѣта, «заставляютъ полагать, что декларація 13 марта дѣйствительно составлена въ Вѣнѣ. Но какъ могло быть, что люди, достойные уваженія по положенію своему, осмѣлились лишить покровительства законовъ государя? Почему не называютъ они Наполеона императоромъ? Они подписали парижскій трактатъ и не должны ли признавать его коронованнымъ государемъ? Французскій министръ въ Вѣнѣ отрекся, измѣнилъ Франціи, предалъ ее оружію чужеземцевъ. Призывъ къ смертоубійству отвергаютъ 25 милліоновъ французовъ, отвергаютъ бельгійцы, итальянцы, народы германскіе и даже англичане. Наполеонъ, независимый государь, въ войнѣ съ Людовикомъ XVIII. Это дѣйствіе свободное. Онъ поступилъ съ Бурбонами великодушно; могъ удержать въ плѣну—и отпустилъ. Кто нарушилъ фонтенеблоскій договоръ? Кто не допустилъ императрицу Марію-Луизу къ Наполеону? Кто окружилъ императора убійцами въ Оргонѣ? Марія-Луиза и король римскій до сихъ поръ не получили герцогства Пармы и Піачепцы, имъ обѣщаннаго; Евгенію Богарне не дали вознагражденія въ Италіи; капиталы въ Монте-Наполеоне расхищены. Наполеону никогда не платили назначеннаго содержанія и уже назначали тюрь-

мою для него островъ св. Елены или св. Люціи; приготовляли и другія несправедливости. Послѣ столькихъ обидъ и оскорбленій Наполеонъ взялся за оружіе. Отрекшись отъ престола въ 1814 году, онъ надѣялся, что новое правительство утвердитъ права французскаго народа; напротивъ, оно нарушило ихъ всѣ, и старинныя феодальныя названія готовы были появиться, когда желаніе народа призвало императора. Цѣлый народъ несъ его на рукахъ, и походъ отъ жюанскаго залива до Парижа подтверждаетъ могущественную волю Франціи сохранить владѣтеля, ею избраннаго. Въ новыхъ отношеніяхъ съ Европою трактаты были бы соблюдены; Наполеонъ хотѣлъ на основаніи ихъ сохранить миръ; но если заставляютъ его сражаться, то мужественная нація возстанетъ вся, какъ въ великія эпохи; а извѣстно, какъ тогда оканчивались коалиціи».

Наполеонъ хотѣлъ такимъ объявленіемъ сообщить всему народу собственное свое негодованіе противъ союзниковъ и надѣялся воспламенить тотъ же патріотизмъ, какимъ ознаменовала себя Франція во время первыхъ коалицій противъ нея. Но уже время и обстоятельства совершенно перемѣнились.

Въ годъ, протекшій безъ него, Бурбоны уменьшили армію до 90.000 человѣкъ, хотя по спискамъ еще считалось въ ней до 140.000 человѣкъ. Старые солдаты, которыхъ возвратилось изъ плѣна больше 200.000 человѣкъ (въ томъ числѣ изъ Россіи около 100.000 опытныхъ старыхъ ветерановъ), были оставлены въ небольшомъ числѣ, а полки укомплектованы новобранцами. Въ началѣ 1815 года, когда, по извѣщеніямъ Талейрана, надобно было готовиться къ войнѣ, маршалъ Сультъ усилилъ армію до 100.000 человѣкъ и привелъ ее въ лучшее устройство. Она-то встрѣтила и вознесла на щитахъ Наполеона. Но что могли сдѣлать 100.000 человѣкъ въ борьбѣ съ милліономъ союзныхъ армій? И потому Наполеонъ посвящалъ дни и ночи увеличенію и устройству своихъ военныхъ силъ. Прежде всего онъ возстановилъ нумера всѣхъ прежнихъ своихъ полковъ и увеличилъ пѣхотные полки кадрами третьихъ и четвертыхъ батальоновъ, а кавалерійскіе — третьими и четвертыми эскадронами, призывая на службу всѣхъ отставныхъ солдатъ и офицеровъ. Артиллерію усилилъ онъ тридцатью новыми батальонами и надѣялся вскорѣ имѣть до ты-

сячи орудій, снабженныхъ всѣми принадлежностями. Онъ образовалъ двадцать полковъ молодой гвардіи изъ волонтеровъ, и двадцать морскихъ полковъ изъ опытныхъ матросовъ. Старая гвардія была увеличена новыми полками. Кромѣ того, для защиты крѣпостей, береговъ и для сохраненія внутренняго порядка во всѣхъ городахъ составилась національная гвардія.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ посвящалъ все время свое и безпримѣрные труды на созданіе средствъ къ защитѣ отечества, теоретики и составители конституцій работали съ своей стороны неутомимо. Какъ будто не зная, что къ границамъ Франціи идетъ милліонъ чужеземныхъ войскъ, которыя могутъ поглотить ее, они думали только объ ограниченіи власти императора, о своихъ конституціонныхъ правахъ, о свободныхъ выборахъ и совѣщаніяхъ. Забывая, что не только права ихъ, но и самое существованіе Франціи было въ опасности, они безпрестанно присылали въ Тюильри новыя конституціи, противорѣчившія одна другой.

Наполеонъ велѣлъ отложить все до времени: даже знаменитое *Майское поле*, о которомъ давно извѣщалъ онъ и которое было назначено въ маѣ мѣсяцѣ, отложили до 1-го іюня. Онъ хотѣлъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ внутреннихъ требованій и прежде всего кинуться на поле битвъ.

Но прежде, нежели начались желанныя битвы, онъ долженъ былъ испытать еще нѣсколько крайнихъ огорченій.

Со времени своего возвращенія во Францію Наполеонъ не былъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Мюратомъ; зная слабый его характеръ и ограниченный умъ, неспособный понять взаимныя ихъ отношенія, онъ желалъ только чтобы Мюратъ оставался неподвижно въ своемъ королевствѣ, и грознымъ положеніемъ своимъ развлекалъ силы Австріи. Но безразсудный сподвижникъ его почиталъ себя сильнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ, и, имѣя 50-тысячную армію, думалъ, что настало время упрочить свою власть и твердо занять мѣсто въ кругу европейскихъ государей. Онъ давно желалъ увеличить свое владѣніе многими областями Италіи, а между тѣмъ слышалъ, что на вѣнскомъ конгрессѣ не разъ упоминали о низверженіи его съ престола, о невозможности оставить обладателемъ лучшей части Италіи зятя и слугу Наполеонова. Вѣсть о высадкѣ

Наполеона во Францію была какъ будто знакомъ для возстанія его, и онъ безъ всякаго объявленія войны двинулъ свою армію къ сѣверу, занялъ Римскую область и заставилъ папу съ дворомъ его искать спасенія въ бѣгствѣ, наконецъ, встрѣтившись съ передовыми войсками Австріи, онъ разсѣялъ ихъ, и 31-го марта въ Римини издалъ воззваніе ко всѣмъ народамъ Италіи, гдѣ призывалъ ихъ подъ свои знамена, обѣщая освобожденіе отъ чужеземнаго ига и образованіе независимаго, могущественнаго государства. Несчастный не понималъ, что только внезапность была причиной легкихъ его успѣховъ! Но Австрія, уже озабоченная войною съ Наполеономъ, предлагала ему миръ и даже увеличеніе владѣній всѣми землями до Папской области. Ослѣпленный наѣздникъ не слушалъ никакихъ предложеній и уже овладѣлъ незначительною частью верхней Италіи, когда встрѣтила его наконецъ значительная австрійская армія, и послѣ перваго неуспѣха на рѣкѣ По онъ началъ отступать и очистилъ Парму, Реджіо, Модену, Флоренцію и всю Тоскану. Живо преслѣдуемый, онъ принужденъ былъ къ сраженію при Толентино и послѣ двухдневнаго боя, 2 и 3 мая, совершенно разбитый (хотя и показалъ притомъ обычную свою отчаянную храбрость), бросился въ такомъ безпорядкѣ въ свои владѣнія, что потерялъ почти всю армію, обозы, артиллерію и, приказавъ остальнымъ сподвижникамъ своимъ запереться въ Капуѣ, прискакалъ въ свой неаполитанскій дворецъ только съ четырьмя уланами. Тутъ узналъ онъ, что жители Калабріи возстали противъ него и англійскій флотъ съ высадными войсками явился въ неаполитанскомъ заливѣ. Тогда, совершенно потерявъ голову, онъ, переодѣтый, сначала укрылся на островѣ Искіи, а оттуда приплылъ въ Канны, во Францію, и написалъ Наполеону о своихъ приключеніяхъ. «Мюрату суждено вредить намъ всѣми способами,—воскликнулъ Наполеонъ:—прежде, когда онъ объявилъ себя противъ насъ, а теперь, когда рѣшился воевать въ нашу пользу!» Въ самомъ дѣлѣ, послѣ уничтоженія арміи и власти Мюрата въ Италіи, Австрія не имѣла надобности содержать тамъ многочисленную армію и могла обратить ее противъ Наполеона.

Другимъ непріятнымъ для него событіемъ была почти деклa-

рація вѣнскаго конгресса, подписанная уполномоченными министрами всѣхъ державъ, съ прибавленіемъ и министра *короля Обѣихъ Сицилій*, который уже былъ признанъ королемъ не одной Сициліи, но и Неаполя, вмѣсто Мюрата. Новая вѣнская декларація была составлена 12-го мая, какъ бы въ опроверженіе объявленія французскаго государственнаго совѣта, отвергавшаго декларацію 13-го марта, какъ несправедливую и незаконную. Новая декларація вѣнскаго конгресса была написана очень искусно, подъ руководствомъ князя Меттерниха, извѣстнымъ политическимъ писателемъ Генцомъ. Вотъ какъ опровергала она обвиненія Наполеоновы: «Человѣкъ, употребившій во зло великодушіе монарховъ, нарушилъ торжественный договоръ, возжегъ бѣдственную междоусобную войну во Франціи, мирной и счастливой, и заставилъ Европу взяться вновь за оружіе въ то время, когда она заботилась объ упроченіи мира послѣ продолжительныхъ и кровавыхъ опустошеній. Такой человѣкъ есть непримиримый врагъ общаго блага, и декларація 13-го марта излагала событія въ существенномъ ихъ значеніи. Послѣ фонтенеблоскаго договора Наполеонъ уже не былъ императоромъ французовъ и приписываетъ себѣ такой титулъ произвольно. Событія, приведшія его въ Парижъ и на время давшія ему тамъ верховную власть, конечно измѣнили его положеніе противъ того, въ какомъ онъ находился при вступленіи своемъ во Францію; но какъ слѣдствіе преступныхъ сношеній, военныхъ заговоровъ и отвратительныхъ измѣнъ, они не доставляютъ ему никакихъ правъ, они ничтожны передъ правомъ законности. Предложеніе Наполеона подтвердить парижскій трактатъ нисколько не перемѣняетъ отношеній союзныхъ державъ къ нему. Никогда не согласились бы онѣ заключить съ нимъ такихъ условій, какія подписали съ Бурбонами, которые представляютъ собою залогъ прочности и твердости, и при нихъ не нужны тѣ обезпеченія, которыя были бы необходимы съ прежнимъ правительствомъ Франціи. Это составляетъ главное основаніе парижскаго трактата, и отклонить его значитъ уничтожить самый трактатъ. Согласіе французскаго народа возстановить Бонапарте на престолѣ равносильно объявленію войны цѣлой Европѣ, потому что миръ между Европою и Франціею существовалъ только

по парижскому трактату, а этотъ трактатъ несовмѣстенъ съ властвованіемъ Бонапарте».

Что оставалось дѣлать послѣ такого объявленія тѣмъ больше торжественнаго, что оно было слѣдствіемъ спокойной, обдуманной рѣшимости? Декларацію 13 марта можно еще было почитать вспышкою гнѣва и гордости, которые могли измѣниться отъ послѣдующихъ впечатлѣній и успѣховъ Наполеона потому что, по свидѣтельству правдиваго очевидца *) «Въ Вѣнѣ, при извѣстіи о высадкѣ Наполеона, произошло настоящее оцѣпенѣніе умовъ, и *многіе сомнѣвались въ успѣхѣ войны*, потому что узы, соединявшія въ прошедшемъ году державы отчасти ослабли на конгрессѣ, гдѣ требованія и желанія многихъ остались не удовлетворенными». Но послѣ новой вѣнской декларации Наполеону оставался одинъ путь — путь битвъ и надежда на побѣду, которая, впрочемъ, могла скорѣе назваться мечтою, нежели надеждою. Увидимъ далѣе изъ исчисленія войскъ и средствъ союзниковъ, что раньше или позже Наполеонъ долженъ былъ пасть подъ тяжестью силы и что даже побѣда могла доставить ему только временную отсрочку, когда союзники твердо рѣшились и торжественно объявляли рѣшимость свою — не мириться съ нимъ и вести войну до истребленія его. Франція, несмотря на свои безчисленныя средства, не могла выдержать такой борьбы. Наполеонъ разсчитывалъ, что двѣ, три блестящія побѣды его вновь поселятъ разномысліе въ союзникахъ, и на томъ основывались всѣ надежды его. Но посреди союзниковъ былъ Императоръ Александръ, и его твердая воля, его искусство соглашать всѣ требованія и устранять всѣ препятствія были тѣми твердынями, о которыя суждено было разрушиться всѣмъ надеждамъ и мечтамъ Наполеона.

И онъ зналъ все это; но, какъ мы сказали, истощивъ средства примиренія, онъ спѣшилъ взяться за оружіе. Въ Парижѣ оставалось ему разыграть послѣдній актъ комедіи, которую началъ онъ съ французскими конституціонистами и патріотами.

Больше мѣсяца производились работы на Марсовомъ полѣ: тысячи работниковъ устроивали тамъ великолѣпную эстраду,

---

*) См. Записки 1814 и 1815 годовъ, А. Михайловскаго-Данилевскаго, 4 е изданіе, 1841 г., стр. 68 и 67-я.

окруженную множествомъ мѣстъ для представителей народа и для многочисленной публики. Деревянныя постройки были обиты разноцвѣтными тканями, украшены золотомъ, гирляндами, орлами и трехцвѣтными знаменами, такъ что все вмѣстѣ это представляло видъ великолѣпный. Тамъ-то было назначено открыть знаменитое Майское поле *), о которомъ Наполеонъ возвѣщалъ такъ давно и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала легкомысленная толпа. Многіе были увѣрены, что тамъ явится Марія-Луиза съ своимъ сыномъ; другіе думали, что Наполеонъ предложитъ народу избрать повелителемъ Франціи достойнѣйшаго, и вообще не многіе понимали, что такое совершится на Марсовомъ полѣ.

1 іюня, съ утра, были собраны тамъ всѣ находившіяся въ Парижѣ войска, грозными рядами окружившія средину поля, гдѣ были воздвигнуты алтарь, тронъ и множество помѣщеній для двора и высшихъ сановниковъ; безчисленные зрители занимали не только всѣ устроенныя для нихъ мѣста, но все окружающее пространство и даже крыши домовъ. Выстрѣлы изъ пушекъ возвѣстили прибытіе Наполеона: онъ пріѣхалъ въ парадной каретѣ и явился на возвышеніи въ какомъ-то театральномъ костюмѣ, въ шляпѣ съ перьями и брильянтами, въ пурпуровой мантіи, окруженный братьями Іосифомъ, Луціаномъ и Жеромомъ, одѣтыми въ бѣлую тафту. Дворъ, состоявшій, кромѣ множества военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, изъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, пажей, и даже дамъ, окружилъ его золотымъ своимъ сіяніемъ, потому что все это блистало золотомъ. Начался духовный обрядъ, который совершалъ архіепископъ съ высшимъ духовенствомъ; потомъ приступили къ повѣркѣ голосовъ, собранныхъ по всей имперіи для утвержденія новаго образа правленія. Нечего было спрашивать какъ собирали голоса и какъ повѣряли ихъ слѣдствіемъ было провозглашеніе, что *вся Франція* единодушно присягаетъ императору и объявленному имъ *Дополнительному акту*. Затѣмъ одинъ изъ пятисотъ присутствовавшихъ депутатовъ говорилъ рѣчь, наполненную громкими возгласами о независимости, свободѣ,

*) Напомнимъ читателямъ, что *Майскимъ полемъ* называлось при началѣ французской монархіи общее собраніе народа, гдѣ король ежегодно объявлялъ новые законы, выслушивалъ жалобы, примирялъ ссорившихся вассаловъ и наконецъ дѣлалъ смотръ войскамъ. Наполеонъ любилъ подражать Карлу Великому.

закопности, и иногда выраженія его были такъ неумѣстны, что Наполеонъ хмурилъ брови. Наконецъ, самъ императоръ сказалъ рѣчь къ народу, гдѣ, несмотря на искаженіе многихъ истинъ и на высокопарность выраженій, были и вспышки всегдашняго его воинскаго или какого-то римскаго краснорѣчія.

Наполеонъ роздалъ знамена линейнымъ войскамъ и національной гвардіи и, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Солдаты національной гвардіи, сухопутныхъ и морскихъ войскъ! ввѣряю вамъ народные орлы и трехцвѣтныя знамена. Клянетесь ли защищать ихъ цѣною вашей крови противъ враговъ отечества и моего трона? Клянетесь ли соединяться всегда подъ этими знаменами и орлами? Вы клянетесь?» — Клянемся! — было единодушнымъ откликомъ, похожимъ на эхо грома.

Эта сцена оживила нѣсколько принужденность и театральность всего другого. Когда затѣмъ полки начали проходить мимо императора съ военною музыкою и барабаннымъ боемъ, всѣ присутствовавшіе, казалось, готовы были ринуться на смерть по одному слову своего повелителя.

Наставало время открыть военныя дѣйствія. Наполеонъ зналъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, что союзники располагаютъ болѣе нежели милліономъ войскъ и что, по взаимнымъ обязательствамъ, они согласились выставить:

Россія	300.000	человѣкъ.
Австрія, кромѣ 150,000 чел. въ Италіи	150.000	„
Пруссія, кромѣ войскъ въ сѣверной Германіи	200.000	„
Баварія	60.000	„
Виртембергъ	40.000	„
Баденъ	20.000	„
Данія	16.000	„
Саксонія	14.000	„
Испанія	36.000	„
Португалія	30.000	„
Англія, вмѣстѣ съ Нидерландами, Ганновером и сѣверными нѣмецкими князьями	80.000	человѣкъ.
Другія мелкія государства и города Германіи	64.000	„
Всего	1.010.000	человѣкъ.

Всѣ сіи войска, означенныя приблизительно къ настоящимъ ихъ силамъ, прежде всего раздѣлялись на три, такъ сказать, перед[illegible] арміи: 1-я верхне-рейнская, подъ [illegible] Шварценберга, состоявшая [illegible] человѣкъ, и была расположена между Франкфуртомъ и Базелемъ; 2-я, нижне-рейнская, изъ 153.000 пруссаковъ, уже прошла Саксонію и была подъ начальствомъ князя Блюхера; 3-я, англо-голландская, состояла изъ 80 тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Веллингтона, и была въ Бельгіи. Во всѣхъ трехъ арміяхъ, а особливо въ Веллингтоновой, было много и нѣмецкихъ войскъ разныхъ владѣтелей. За ними, какъ грозная туча, приближалась русская армія, состоявшая изъ 225 тысячъ воиновъ, подъ предводительствомъ фельдмаршала Барклая де Толли, и, кромѣ того, имѣвшая цѣлую армію резервовъ, подъ [illegible] имперіи оставалось еще 300 тысячъ человѣкъ войска. Но не столько громадная многочисленность, сколько отличное устройство и испытанное мужество русскихъ войскъ заставляли почитать ихъ главными силами союзниковъ, и на дѣйствіи русскихъ основывался весь планъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. Планъ былъ почти тотъ же, что и въ предшествовавшемъ году: три передовыя арміи готовились единовременно вторгнуться во Францію и, находясь въ связи одна съ другою, должны были стремиться къ Парижу. Если бы Наполеонъ напалъ на одну изъ нихъ всѣми своими силами, то ближайшая должна была подкрѣпить ее, и, въ случаѣ неуспѣха, обѣ могли отступить и опереться на русскую армію, которая въ началѣ іюня не могла еще приблизиться къ Рейну, хотя шла туда почти безостановочно. Это необходимое и неизбѣжное замедленіе заставляло передовыя арміи медлить вторженіемъ во Францію, и на медленіи ихъ основалъ Наполеонъ весь свой операціонный планъ.

Онъ видѣлъ, что арміи Блюхера и Веллингтона уже почти въ самой Франціи, а русская армія еще далеко не вошла въ линію съ ними, и австрійская, находясь на верхнемъ Рейнѣ, не можетъ подать имъ руки. Онъ рѣшился напасть отдѣльно на Блюхера и Веллингтона, разбить каждаго изъ нихъ по

одиночкѣ и потомъ обратиться противъ австрійцевъ и русскихъ. Но какими силами могъ располагать онъ? 1 іюня военный министръ Даву представилъ ему подробной списокъ всѣхъ войскъ. Число ихъ простиралось до 285 тысячъ человѣкъ, но за исключеніемъ трети оставшихся въ разныхъ командировкахъ, въ госпиталяхъ, въ рекрутскихъ депо, гдѣ формировались новыя войска, налицо было только 175.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 140.000 пѣхоты и 35.000 кавалеріи. Къ несчастію, вторженіе непріятельское обнимало такое пространство, что необходимо было отдѣлить часть изъ этихъ войскъ на нѣкоторые пункты. Такъ, подъ названіемъ *Альпійской арміи*, было двѣ дивизіи у маршала Сюше со стороны Савоіи и Піемонта; съ ними соединялся 4-хъ тысячный отрядъ генерала Лекурба, бывшій въ Бельфорѣ; три дивизіи генерала Раппа, подъ названіемъ *Рейнской арміи*, находились въ Эльзасѣ; 11.000 человѣкъ превосходныхъ войскъ было отряжено въ Вандею, гдѣ непримиримые враги революціи опять возставали и уже собирались цѣлыми партіями; генералу Ламарку поручено было усмирить ихъ и потомъ немедленно присоединиться къ арміи; въ Бордо, въ Марселли, въ Тулузѣ, вездѣ необходимы были войска, такъ что, за исключеніемъ всѣхъ этихъ обсерваціонныхъ и оберегательныхъ отрядовъ, оставалось въ главной арміи Наполеона не больше 120.000 человѣкъ войскъ, превосходныхъ, опытныхъ; но что могли сдѣлать они противъ безчисленныхъ силъ союзниковъ? Потому-то Карно, генералъ опытный и осторожный, совѣтовалъ начать войну оборонительную и даже представилъ планъ ея, основанный на томъ, что къ сентябрю мѣсяцу французская армія увеличится до 500,000 человѣкъ, съ которыми можно будетъ начать наступательныя дѣйствія. Но какъ провести іюнь, іюль и августъ? И куда не пройдутъ въ это время союзники со своими громадными арміями, которыя къ 1-му числу іюля могли всѣ вступить въ линію? Развѣ не научились они дѣйствовать дружно, не раздробляя силъ? Развѣ не поспѣшатъ они къ Парижу? Къ тому же Наполеонъ зналъ духъ французскихъ солдатъ: они удивительны для наступательныхъ дѣйствій; но не въ характерѣ ихъ вести нѣсколько мѣсяцевъ методическую, оборонительную войну, которая ослабитъ ихъ характеръ и заставитъ даже

оставлять знамена, единственно отъ нетерпѣнія и унынія, въ какое впадаетъ французскій солдатъ, когда не ведутъ его въ громъ и пылъ битвы. Къ тому же, гдѣ защищаться на открытыхъ поляхъ Шампаніи? Въ пограничныхъ крѣпостяхъ? Но онѣ могутъ быть обложены союзниками, которыхъ силы отъ того почти не убавятся. Все это заставило Наполеона отвергнуть планъ оборонительной, выжидательной войны и рѣшиться открыть наступательныя дѣйствія, при которыхъ нравственная сила войскъ его могла удвоиться, а побѣда — слѣдствіе быстроты, внезапности, высокихъ соображеній, могла поколебать и нравственную силу союзниковъ. Не такъ ли одерживалъ онъ много разъ побѣды надъ союзниками, и потомъ разстраивалъ всѣ ихъ планы?

Вслѣдствіе такой рѣшимости онъ соединилъ въ главной или *великой* арміи 5 корпусовъ: 1-й генерала Друэ (д'Эрлонъ), 20.000 человѣкъ; 2-й генерала Рейлля, 22.000 чел.; 3-й генерала Вандама. 16.000 чел.; 4-й генерала Жирара, 15.000 чел.; 5-й генерала Лобау (Мутона) 12.600 чел.; въ гвардіи, старой и молодой, было 14.000 чел. пѣхоты и 4.000 кавалеріи, кромѣ резервной кавалеріи, состоявшей изъ 16.000 всадниковъ. Все это составляло превосходную армію изъ 120.000 человѣкъ, при 350 орудіяхъ. Наполеонъ сдѣлалъ что только было возможно; но есть предѣлы возможности, и никакія усилія, никакіе труды и заботы его не могли создать въ два мѣсяца армію больше - многочисленную. Готовиться долѣе было нельзя: арміи союзниковъ уже облегали Францію почти на всемъ протяженіи сѣверо-западныхъ ея границъ.

Но почти больше, нежели числительныхъ силъ, недоставало Наполеону тѣхъ отличныхъ генераловъ, которыхъ имена были соединены съ именами славнѣйшихъ его побѣдъ: у него не было Макдональда, Мармона, Виктора, Удино, Сенъ-Сира и многихъ другихъ, которые или удалились изъ Франціи, или подъ разными предлогами не хотѣли участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Не было и неразлучнаго съ нимъ Бертье: должность начальника штаба принялъ на себя маршалъ Сультъ, генералъ первостепенный, столько же отличный на полѣ битвы какъ и въ управленіи войскомъ, но по самобытности своей уже не столь способный замѣнить Бертье, бывшаго вѣрнымъ

зеркаломъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей воли Наполеоновой. Новые корпусные начальники были генералы храбрые, но непривычные командовать массами въ большихъ битвахъ. Груши, возведенный въ маршалы за успѣшныя дѣйствія противъ герцога ангулемскаго, и Ней, находившійся въ какомъ-то изступленномъ расположеніи, должны были получить главныя командованія. Солдаты не видѣли *своихъ*, старыхъ предводителей и не успѣли ознакомиться съ новыми начальниками. Все отзывалось поспѣшностью, къ которой побуждала Наполеона необходимость.

Приготовляясь къ отъѣзду въ армію, онъ составилъ временное правительство изъ министровъ своихъ. 11-го іюня имѣлъ онъ послѣднее совѣщаніе съ министрами и слушалъ приготовленныя ими сообщенія палатамъ о состояніи Франціи и политическихъ отношеніяхъ ея. Онъ одобрилъ донесенія министровъ; но, замѣтивши въ отчетѣ Фуше двусмысленность, сказалъ: «Какъ люди, готовые умереть, не станемъ скрытничать: если паду я, патріоты падутъ вмѣстѣ со мною. Вы худо разъиграете свою роль, если измѣните мнѣ. Послѣ меня всѣ вы, революціонеры, пропадете съ Бурбонами: я вашъ послѣдній диктаторъ. Обдумайте слова мои».

Утромъ 12-го іюня онъ отправился изъ Парижа и завтракалъ уже въ Суассонѣ. Онъ ѣхалъ въ армію, которой лѣвое крыло опиралось на правый берегъ Саамбры, центръ былъ въ Батонѣ, а правое крыло впереди Филиппвилля. Когда войска увидѣли его посреди рядовъ своихъ, восторженныя восклицанія ихъ огласили воздухъ. Онъ привѣтствовалъ ихъ напоминаніемъ о прежнихъ подвигахъ ихъ, благодарилъ за усердіе въ сборѣ и вооруженіи и возвѣщалъ близкія встрѣчи съ непріятелемъ, гдѣ побѣда должна была рѣшить участь Франціи. Съ шумною радостью войска его удвоили шаги.

Отъѣздъ Наполеона изъ Парижа и быстрое движеніе арміи его были такъ неожиданны, что Веллингтонъ и Блюхеръ узнали о нихъ не прежде, какъ передовыя войска ихъ встрѣтились съ французами. Говорятъ что Веллингтонъ зналъ о приближеніи французской арміи и самого Наполеона: но для чего оставлялъ онъ свои войска разбросанными почти по всѣмъ городамъ Бельгіи, такъ, что для соединенія ихъ требовалось

нѣсколько дней? Его спасло только вѣрное исполненіе плана, въ которомъ они согласились съ Блюхеромъ; планъ состоялъ въ слѣдующемъ: когда Наполеонъ нападаетъ на одного изъ нихъ, онъ долженъ принять битву и въ случаѣ неудачи отступить, между тѣмъ какъ другой, извѣщенный во время, поспѣшитъ на помощь къ нему и ударитъ во флангъ Наполеона. И съ тѣмъ и съ другимъ случилось это; но Блюхеръ показалъ больше рѣшимости и быстроты въ движеніяхъ.

Наполеонъ сосредоточилъ свою армію близъ Шарльруа, на берегахъ Мааса, и ему оставалось воспользоваться разобщеннымъ положеніемъ союзныхъ армій. Зная характеръ обоихъ противниковъ своихъ, онъ справедливо заключилъ, что если обратится онъ противъ Веллингтона, то осторожный англійскій полководецъ начнетъ отступать, стараясь соединить свою армію, и между тѣмъ Блюхеръ, быстрый и рѣшительный, немедленно обратится на правый флангъ французской арміи, такъ что ей придется имѣть дѣло вдругъ съ обоими, когда каждый изъ нихъ былъ почти равенъ ей силами. Въ англійской арміи было около 100.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 22.000 человѣкъ пѣхоты, 10.500 кавалеріи и 5.000 артиллеристовъ чистыхъ англичанъ и частью шотландцевъ и ирландцевъ, 42.000 нѣмцевъ, 16.000 ганноверцевъ и 6.000 брауншвейгцевъ. Въ арміи Блюхера было до 120.000 чистыхъ пруссаковъ, воспламененныхъ энтузіазмомъ, но изъ числа ихъ 30-тысячный корпусъ Клейста оставался назади. Обѣ арміи имѣли прямое сообщеніе по дорогѣ изъ Брюсселя въ Намюръ, ибо въ первомъ изъ этихъ городовъ была главная квартира Веллингтона, въ другомъ главная квартира Блюхера. Наполеонъ постигъ, что для воспрепятствованія соединенію ихъ необходимо занять средоточный пунктъ на брюссельскомъ шоссе, бывшій въ Катръ-Бра (четыре руки) и названный такъ потому, что тутъ сходятся четыре дороги и *четыре руки* указываютъ на нихъ. Рѣшившись атаковать Блюхера въ увѣренности, что онъ не откажется отъ битвы, Наполеонъ рѣшился въ то же время занять Катръ-Бра, чтобы воспрепятствовать Веллингтону придти на помощь къ пруссакамъ.

15-го іюня, въ 7 часовъ вечера, когда Наполеонъ находился уже за Шарльруа, при распаденіи дорогъ къ Брюсселю и Фле-

русу, къ нему явился маршалъ Ней, только что прибывшій къ арміи. «Здравствуй, Ней,—сказалъ Наполеонъ.—Радъ видѣть тебя! Сейчасъ надобно приниматься за дѣло. Ты примешь начальство надъ 1-мъ и 2-мъ пѣхотными корпусами; генералъ Рейль находится на маршѣ къ Госсели; Друэ долженъ сегодня ночевать въ Марніень-о-Понъ; они и еще легкая кавалерійская дивизія Пире поступаютъ подъ твое начальство. Даю тебѣ еще два полка егерей и улановъ моей гвардіи; но ихъ не вводить въ дѣло. Завтра присоединится къ вамъ тяжелая кавалерія Келлермана. Гони, преслѣдуй непріятеля и утвердись въ Катръ-Бра».

Послѣ такого словеснаго приказа Наполеонъ въ ту же ночь повторилъ его письменно, располагая сообразно тому нападеніе на Блюхера, ожидавшаго французовъ въ твердой позиціи у Линьи. Но здѣсь начались недоумѣнія, которыхъ до сихъ поръ не объяснила исторія. Вмѣсто быстраго движенія впередъ Ней оставался нѣсколько часовъ почти неподвижно и пошелъ впередъ съ осторожностью — онъ, который прежде рвался въ битвы и почелъ бы наградою и счастьемъ такое порученіе, какое далъ ему Наполеонъ! Защитники его говорятъ, что онъ получилъ приказаніе слишкомъ поздно, что оно было неопредѣленно и что, едва прибывши къ арміи, онъ не зналъ ни генераловъ, ни войскъ, ввѣряемыхъ ему, и долженъ былъ прежде всего осмотрѣться въ новомъ своемъ положеніи. Но движеніе его было медленно не только вечеромъ 15 числа: и на другой день онъ потерялъ много времени, такъ что покуда медлилъ онъ, голландская дивизія принца Оранскаго уже прибыла въ Катръ-Бра и за нею слѣдовали другія войска Веллингтона. Слѣдствіемъ было безуспѣшное, хотя и блестящее нападеніе на Катръ-Бра, окончившееся отбитіемъ и пораженіемъ Нея, который къ вечеру долженъ былъ отступить, когда безпрерывно прибывавшія войска Веллингтона сдѣлались гораздо превосходнѣе числомъ. Неудача Нея была несчастнѣе еще тѣмъ, что она имѣла большое вліяніе на главную битву, происходившую въ то же самое время подъ предводительствомъ самого Наполеона.

Поручивъ Нею лѣвую колонну своей арміи, Наполеонъ поручилъ правую колонну ея маршалу Груши, также *словесно*

приказавъ ему еще 15 числа пройти до Сомбрёффа, гдѣ было главное расположеніе прусскихъ войскъ. Но Груши встрѣтилъ на пути своемъ упорное сопротивленіе отъ непріятеля и не въ силахъ былъ далеко отодвинуть его, потому что корпусъ Вандама, входившій въ составъ его командованія, былъ затрудненъ въ движеніи своемъ по дурнымъ дорогамъ, а съ однимъ корпусомъ Жерара онъ не могъ оказать полнаго успѣха.

Знаменитый военный историкъ баронъ Жомини, называя первоначальный планъ и открытіе похода въ 1815 г. одними изъ достопамятнѣйшихъ дѣйствій и соображеній Наполеона, вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «Но для успѣха необходимо было съ утра 16 числа живо и быстро вознаградить все неисполненное наканунѣ: къ несчастію Наполеона, тутъ не было той неслыханной дѣятельности, которая обыкновенно отличала его. Кто зналъ его, для тѣхъ непостижимо, что онъ дѣлалъ утромъ 16 числа! Не полагалъ ли онъ, что Ней и Груши сами исполнятъ вмѣстѣ съ восходомъ солнца словесный приказъ его пробиться къ Катръ-Бра и Сомбрёфу, и не думалъ ли, что между тѣмъ онъ можетъ заняться устройствомъ множества другихъ дѣлъ въ своей главной квартирѣ? Кажется такъ, потому что съ самаго утра онъ опредѣлилъ окончательное раздѣленіе арміи на двѣ главныя массы и на резервъ: Груши назначенъ командиромъ праваго крыла, состоявшаго изъ пѣхотныхъ корпусовъ Вандама и Жерара и кавалеріи Пажоля, Эксельмана и Мильо; Ней имѣлъ подъ своею командою лѣвое крыло, составленное изъ корпусовъ Рейлля и Эрлона, съ кавалеріею Келлермана и Лефевра-Денуэтта. Корпусъ Лобау и гвардія составляли резервъ въ числѣ 28.000 человѣкъ».

Между тѣмъ какъ медленность и безсвязность въ дѣйствіяхъ разстраивали превосходный планъ Наполеона, союзные генералы оказали дѣятельность необыкновенную. Говорятъ, что первое извѣстіе о близости Наполеона получилъ Блюхеръ отъ барабанщика старой гвардіи, который дезертировалъ къ пруссакамъ; а присутствіе старой гвардіи всегда показывало, что съ нею былъ Наполеонъ и главныя его силы. Немедленно приказалъ Блюхеръ передовымъ войскамъ Цитена отступать, сражаясь, къ Флерусу, корпусу Пирха сбираться въ Сомбрёффѣ, Тильману спѣшить изъ Динана къ Намюру, а Бюлову соеди-

нить свой корпусъ въ Гапутѣ. Движенія эти еще не были приведены въ исполненіе, какъ уже Наполеонъ перешелъ черезъ Самбру и войска Груши гнали Цитена; но мы видѣли, что частію своихъ силъ онъ не могъ совершенно опрокинуть его, и это обстоятельство было одною изъ причинъ, замедлившихъ движеніе Нея къ Катръ-Бра. Слыша вправо, позади себя, сильную канонаду, онъ остановился, боясь имѣть въ тылу своемъ непріятеля и опасаясь смѣлымъ движеніемъ впередъ подвергнуться участи Вандама подъ Кульмомъ: такъ прежнія пораженія отзывались и въ настоящемъ походѣ! Между тѣмъ Веллингтонъ, узнавъ о переходѣ французовъ черезъ Самбру, употребилъ [illegible] поспѣшность къ сбору своихъ войскъ, [illegible] въ разныхъ мѣстахъ. Утромъ 16 числа онъ [illegible] къ Катръ-Бра, нашелъ тамъ часть одной бельгійской дивизіи и бригаду принца Саксенъ-Веймарскаго и, ободривъ ихъ увѣреніемъ, что безпрестанно будутъ подходить новыя войска, также верхомъ прискакалъ въ Бри, къ Блюхеру, и нашелъ его готовымъ къ бою. Онъ обѣщалъ ему, что къ вечеру въ Катръ-Бра будетъ уже до 35.000 человѣкъ изъ его арміи и они будутъ способствовать дѣйствіямъ праваго крыла пруссаковъ. Въ 3-мъ часу пополудни онъ возвратился къ своимъ войскамъ.

Наполеонъ посылалъ повторительныя приказанія Нею спѣшить къ Катръ-Бра и оттуда отдѣлить 8.000 человѣкъ вправо, во флангъ пруссакамъ, потому что въ это время Сомбрефъ будетъ уже занятъ войсками Груши, и Нею останется имѣть дѣло только съ отдѣльными отрядами, поспѣшавшими изъ Брюсселя. Но Наполеонъ самъ не зналъ еще, что противъ Груши была вся армія Блюхера, которую полагалъ онъ далѣе, и удивился, когда, прибывъ около полудня къ Флерусу, увидѣлъ, что прусскія войска утвердились въ крѣпкой позиціи, образуемой ручьемъ Линьи и шестью деревнями. Опытный взглядъ его увидѣлъ, что для полнаго успѣха надъ пруссаками, необходимо будетъ содѣйствіе Нея, и въ два часа пополудни послалъ ему новое приказаніе, отодвинувъ стоявшія передъ нимъ войска, обратиться вправо, для содѣйствія колоннѣ Груши. Въ то же время послалъ онъ приказаніе корпусу Лобау, оставшемуся далеко позади, спѣшить къ мѣсту сраженія. Въ поло-

вшѣ третьяго часа былъ данъ знакъ къ нападенію, и лѣвое крыло Вандамъ двинулось къ деревнѣ Сентъ-Аманъ, центръ, корпусъ Жерара, пошелъ къ Линьи, гвардія устроилась за ними, а кавалерія Груши развернулась вправо, противъ лѣваго крыла пруссаковъ. Вандамъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе, взялъ Сентъ-Аманъ, но былъ вытѣсненъ оттуда второю линіею пруссаковъ. Графъ Жераръ также съ большимъ трудомъ пробивался въ деревню Линьи. Такое сопротивленіе показало вновь необходимость въ содѣйствіи Нея, и въ четвертомъ часу Наполеонъ отправилъ къ нему приказаніе двинуться со всѣми войсками, какія можетъ онъ отдѣлить для этого, къ Бри и Сентъ-Аману. Зная притомъ, что корпусъ Эрлона былъ еще назади, Наполеонъ послалъ туда генерала Лабедойера, предъявить генералу Эрлону для исполненія приказъ, отданный маршалу его. Между тѣмъ сраженіе продолжалось съ усиливающимся жаромъ: Вандамъ, при помощи дивизіи Жерара, вновь овладѣлъ Сентъ-Аманомъ, но вскорѣ былъ вновь вытѣсненъ оттуда, когда Блюхеръ двинулъ противъ него свои резервы, при чемъ генералъ Жираръ былъ убитъ. Деревня Сентъ-Аманъ только переходила изъ рукъ въ руки. Не съ меньшимъ ожесточеніемъ сражались въ Линьи; но тамъ графъ Жераръ принужденъ былъ отдѣлить дивизію Гюло вправо, для наблюденія лѣваго крыла пруссаковъ, и съ 10.000 человѣкъ выдерживалъ бой противъ 25.000. На правомъ флангѣ французовъ кавалерія ихъ маневрировала успѣшно. Въ такомъ положеніи были дѣла, и Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ исполненія послѣднихъ приказаній, отправленныхъ къ Нею. Онъ хотѣлъ ввести въ дѣло свою гвардію, когда въ 5½ часовъ Вандамъ донесъ ему, что онъ обезсиленъ отступленіемъ дивизіи Жирара, потерявшей своего начальника, и что сзади показалась сильная колонна, повидимому непріятельская. Атака была остановлена, и цѣлый часъ прошелъ, покуда удостовѣрились, что мнимая непріятельская колонна была—корпусъ графа Эрлона! Онъ сбился съ пути и подходилъ не оттуда, откуда ожидали его; но, какъ все отзывалось безпорядкомъ и смущеніемъ во французской арміи, то и теперь, когда онъ былъ въ виду, не сдѣлали никакого распоряженія, куда идти ему. Наполеонъ полагалъ, что вслѣдъ за нимъ идутъ и другія войска Нея, по-

чему въ 6½ часовъ повелъ рѣшительную атаку и выступилъ изъ Линьи съ дивизіею гвардіи, частью пѣхоты Жерара, конною гвардіею и кирасирами Мильо. Пруссаки сражались храбро почти цѣлый день, но въ это самое время, когда гвардія производила движеніе отъ Сентъ-Амана и сосредоточивалась у Линьи, Блюхеръ почелъ, что французы отступаютъ, и устремился къ Сентъ-Аману со всѣми сподручными войсками, думая, что настала минута преслѣдовать непріятеля. Центръ его оставался безъ подкрѣпленія и былъ сломленъ напоромъ отборныхъ французскихъ войскъ: все бѣжало и сдавалось тамъ, когда Блюхеръ увидѣлъ свое заблужденіе и спѣшилъ остановить этотъ бурный потокъ съ небольшимъ числомъ кавалеріи. Но что значитъ личная храбрость главнокомандующаго при общемъ разстройствѣ? Ружейнымъ выстрѣломъ была убита лошадь подъ Блюхеромъ, и старый главнокомандующій прусскій лежалъ нѣсколько времени посреди несшихся мимо его французскихъ кирасировъ! Къ счастью, въ пылу боя они не замѣтили, какой знаменитый плѣнникъ былъ въ рукахъ ихъ, и адъютантъ его, Постицъ, успѣлъ спасти своего генерала. Но побѣда была на сторонѣ французовъ, и только наступившая ночь помѣшала имъ больше воспользоваться своимъ успѣхомъ.

Для полнаго понятія о взаимныхъ отношеніяхъ непріятелей необходимо узнать подробности дѣйствій Нея. Не раньше двухъ часовъ пополудни 16 числа прибылъ онъ въ Катръ-Бра съ тремя слабыми дивизіями корпуса Рейлля, легкою кавалерійскою дивизіею Пире и бригадою кирасировъ Келлермана. До трехъ часовъ происходила у него безполезная перестрѣлка съ непріятелемъ и, только услышавъ громъ канонады у Сентъ-Амана, началъ онъ рѣшительную атаку. Но уже было слишкомъ поздно. Кромѣ 9.000 человѣкъ, собравшихся подъ начальствомъ принца Оранскаго, англійская дивизія Пиктона и за нею дивизія герцога брауншвейгскаго приближались отъ Брюсселя. Атака французскихъ дивизій Фуа, Башлю и потомъ Жерома Бонапарте была такъ стремительна, что союзники принуждены были отступить съ значительною потерею: но прибытіе брауншвейгскихъ войскъ возстановило сраженіе. Въ отчаянномъ бою герцогъ брауншвейгскій палъ, пронзенный нѣсколькими пулями. У Нея не оставалось ни одной роты въ

резервѣ, когда привезли ему извѣстіе, что корпусъ Эрлона получилъ другое направленіе; онъ видѣлъ въ то же время, что силы непріятеля безпрестанно увеличиваются. Но онъ не смутился, подскакалъ къ Келлерману и сказалъ ему: «Дѣло идетъ о судьбѣ Франціи, и необходимы усилія крайнія: бросьтесь съ вашею кавалеріею въ средину англійской арміи и сломите ее: я поддержу васъ кавалеріею Пире!» Келлерманъ блистательно исполнилъ порученіе: сбилъ пѣхоту, захватилъ батареи и проникъ до самой мызы Катръ-Бра; но стоявшіе тамъ резервы приняли его такимъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, что, потерявъ много людей и лошадей и самъ едва не попавшись въ плѣнъ, Келлерманъ спѣшилъ присоединиться къ своимъ. Несмотря на то, атака его воспламенила пѣхоту и она вновь бросилась впередъ. Въ эту рѣшительную минуту прибытіе дивизіи англійской гвардіи и дивизіи Альтена дало такое числительное превосходство Веллингтону, что самое сопротивленіе было невозможно. Ней безпрестанно посылалъ приказанія графу Эрлону, чтобы онъ спѣшилъ къ нему на помощь, но Эрлонъ былъ слишкомъ далеко, и маршалъ началъ отступать къ Франу. Въ этотъ день потерялъ онъ 4.000 человѣкъ выбывшихъ изъ строя; союзники потеряли до 5.000 человѣкъ.

Такъ дѣйствія маршала Нея были не только не въ помощь Наполеону, но еще и разстроили его соображенія. Корпусъ Эрлона, то-есть четыре дивизіи превосходныхъ войскъ, переходилъ съ одного мѣста на другое, не доставивъ рѣшительной побѣды ни Наполеону, ни Нею. Онъ даже сдѣлалъ вредъ, ослабивъ Нея и остановивъ на время рѣшительную атаку императора. Все было ознаменовано какимъ-то особымъ предопредѣленіемъ, при которомъ оказывались тщетны усилія храбрыхъ войскъ. Если бы Ней съ утра двинулся рѣшительно къ Катръ-Бра, онъ легко занялъ бы его и могъ защищать небольшимъ числомъ войскъ, отдѣливъ остальныя въ правый флангъ пруссаковъ, что доставило бы Наполеону полную и совершенную побѣду.

Конечно, Наполеонъ и безъ того одержалъ побѣду при Линьи: но она не имѣла никакихъ послѣдствій и не разстроила прусской арміи. Тѣмъ славнѣе была эта побѣда, что Наполеонъ одержалъ ее съ 60-ю тысячами противъ 90 тысячъ пруссаковъ.

Причиною тому, кромѣ неоспоримой храбрости французовъ, были два обстоятельства: присутствіе французской кавалеріи на правомъ флангѣ, удержавшее цѣлый день 25-ти тысячный корпусъ Тильмана въ бездѣйствіи, и некстати произведенная Блюхеромъ атака на лѣвый флангъ французовъ, когда Наполеонъ обратилъ всѣ усилія противъ центра пруссаковъ и прорвалъ его. Пруссаки были разбиты, когда приготовлялись преслѣдовать отступающаго непріятеля. Они потеряли въ оба дня до 20 тысячъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ и больше 10 пушекъ. Но армія ихъ въ порядкѣ отступила.

Военные историки утверждаютъ, что Наполеонъ могъ продолжать преслѣдованіе пруссаковъ даже ночью и пріобрѣсти гораздо больше трофеевъ, не подвергая своихъ войскъ ни малой опасности. Но и на другой день утромъ онъ послалъ только легкую кавалерію по разнымъ направленіямъ, а самъ ожидалъ извѣстій отъ Нея и изъ Парижа, гдѣ сильно высказывались многія непріязненныя дѣйствія палатъ и дерзость революціонеровъ. Потомъ онъ занялся осмотромъ войскъ, поѣхалъ на поле битвы, и дѣлалъ распоряженія о раненыхъ, которые оставались безъ помощи, потому что лазареты были назади. Говорятъ, что притомъ онъ самъ былъ нездоровъ, и между тѣмъ погода сдѣлалась ужасная: дождь лилъ ливмя. Но если припомнимъ себѣ удивительную дѣятельность его подъ Дрезденомъ въ 1813 году, подъ Шампобером и Монмиралемъ въ 1814-мъ, почти въ такихъ же обстоятельствахъ, то медленіе его послѣ побѣды при Линьи кажется непостижимымъ. Съ самаго утра надобно было преслѣдовать пруссаковъ, не упускать ихъ изъ виду, не давать имъ времени одуматься и устроиться, или обратиться со всѣми силами противъ Веллингтона, котораго послѣдніе войска только ночью подошли къ нему и были крайне утомлены и разстроены сдѣланными ими переходами. Онъ даже не зналъ еще о пораженіи Блюхера, потому что посланный къ нему офицеръ заблудился и былъ убитъ.

Наконецъ генералъ-адъютантъ Флао привезъ Наполеону подробныя извѣстія отъ Нея, а Наполь сообщилъ объ отступленіи пруссаковъ къ Вавру. Только тогда, въ 11 часовъ утра 17 числа, Наполеонъ сдѣлалъ окончательныя распоряженія и рѣшился со своимъ резервомъ идти на соединеніе съ Неемъ,

противъ англичанъ, а Груши, съ семью дивизіями пѣхоты и двумя корпусами кавалеріи, предписалъ живо преслѣдовать пруссаковъ, не допуская ихъ до соединенія съ англичанами. Здѣсь встрѣчается обстоятельство чрезвычайно важное, рѣшившее участь всего похода и до сихъ поръ не разрѣшенное исторіею. Наполеонъ утверждалъ самъ впослѣдствіи и приверженцы его старались доказать, что Груши получилъ словесное приказаніе не только *не терять пруссаковъ изъ виду*; но и *держаться постоянно между ихъ арміею и Брюссельскою дорогою*, къ которой обращался императоръ, чтобы, раздѣляя такимъ образомъ непріятельскія арміи, обѣ колонны французскія оставались въ постоянномъ сообщеніи и могли помогать одна другой. Груши, не выполнившій этого послѣдняго условія, за что пало на него обвиненіе въ гибели французской арміи, утверждалъ, напротивъ, печатно и словесно, что онъ получилъ прямое приказаніе преслѣдовать пруссаковъ къ Намюру и Маасу, и когда осмѣлился замѣтить, что это удаляло его отъ главной арміи, то Наполеонъ съ досадой спросилъ у него: *не думаетъ ли онъ учить его?* Сверхъ того Груши говорилъ, что въ медленіи потеряли все утро, не знали навѣрное, куда направлялись пруссаки, и что онъ принужденъ былъ буквально исполнять приказанія императора, который предоставилъ себѣ всѣ подробности передвиженія войскъ. Какъ бы ни было, но здѣсь заключалось начало бѣдственнаго для французовъ оборота дѣлъ.

Почти въ одно время двинулись съ мѣста оба отдѣленія арміи, но Груши вскорѣ получилъ новое приказаніе: идти къ Жамблу, слѣдовательно нѣсколько лѣвѣе предназначеннаго ему пути. Это одно могло бы вразумить его, что первоначальное распоряженіе должно было измѣняться сообразно обстоятельствамъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, несмотря на безпрерывный дождь, совершенно испортившій дороги, прибылъ къ Женапу, гдѣ настигъ англійскія войска. Они спѣшили уходить, защищаясь своею кавалеріею. Къ вечеру французы достигли Планшенуа и расположились тамъ биваками, потому что рѣки дождя и наступавшая ночь мѣшали всякому движенію.

Въ 3 часа утромъ, 18 числа, Наполеонъ осмотрѣлъ непріятельскую позицію и удостовѣрился, что передъ нимъ не одинъ

арріергардъ, какъ полагалъ онъ, но вся англійская армія. Онъ изъявилъ радость, что англичане даютъ ему средство разбить себя отдѣльно отъ пруссаковъ, какъ пруссаки дали себя разбить отдѣльно отъ англичанъ. Въ восемь часовъ, воротившись въ свою палатку завтракать, онъ объяснялъ собравшимся вокругъ него генераламъ свой планъ, ободрялъ ихъ надеждою на успѣхъ, почти вѣрный, и между прочимъ сказалъ Нею: «У насъ девяносто вѣроятностей въ успѣхѣ, а у непріятеля только десять».

Главную надежду на успѣхъ основывалъ онъ на томъ, что позиція, избранная Веллингтономъ, впереди селеній Ватерлоо и Монъ-Сенъ-Жанъ, была хороша для обороны, но могла сдѣлаться гибельною въ случаѣ неудачи. Образуя собою небольшое возвышеніе, она была выгодна для дѣйствія артиллеріи и спереди была прикрыта деревнями Брень и мызою Гугомонъ на правомъ флангѣ, въ центрѣ мызою Ла-Ге-Сентъ, и на лѣвомъ флангѣ деревнею Фришермонъ; нѣсколько холмовъ могли скрывать отъ непріятеля движенія войскъ. Невыгоды этой позиціи состояли въ томъ, что позади ея былъ большой лѣсъ, черезъ который проходило только одно узкое шоссе къ Ватерлоо и Брюсселю и были еще двѣ небольшія проселочныя дороги. Но расчетъ Веллингтона былъ вѣренъ: онъ условился съ Блюхеромъ непремѣнно соединиться тутъ въ назначенные часы, и слѣдовательно ему надобно было только удержать французовъ до прибытія своихъ союзниковъ; а онъ надѣялся на стойкость своихъ войскъ, и зналъ что какъ скоро во флангѣ французовъ появятся войска Блюхера, тогда дѣло приметъ иной оборотъ, и несоразмѣрное превосходство силъ непремѣнно дастъ побѣду союзникамъ.

Наполеонъ, съ своей стороны, предвидѣлъ такой оборотъ дѣлъ, и еще ночью послалъ къ Груши приказаніе сблизиться къ правому его флангу и какъ можно поспѣшнѣе занять дефилею Сенъ-Ламберъ, гдѣ могъ онъ угрожать англичанамъ и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ пруссаковъ соединиться съ ними. Это приказаніе было послано въ Вавръ, гдѣ, по расчету Наполеона, долженъ былъ находиться Груши; но Груши подвигался впередъ съ непостижимою медленностью и, пришедши въ Жамблу въ 5 часовъ пополудни, остановился тамъ ночевать. И

такъ приказъ, посланный въ Вавръ, не могъ дойти до него; его повторили и послали на дорогу изъ Жамблу. Груши отрицалъ впослѣдствіи всѣ эти подробности; но едва ли возможно, чтобы Наполеонъ оставилъ безъ вниманія такое важное обстоятельство. Мы увидимъ, что онъ надѣялся во время сраженія увидѣть Груши на своемъ правомъ флангѣ, слѣдовательно имѣлъ какое-нибудь основаніе ожидать его.

Французская армія была утомлена быстрыми переходами и всякаго рода трудностями, а всего болѣе ужасною погодою. Къ утру дождь прекратился, но земля была такъ сыра, что орудія увязали въ ней по ступки колесъ. Наполеонъ желалъ дать отдохнуть своимъ солдатамъ, но для него была дорога каждая минута, и онъ предполагалъ, управившись съ Блюхеромъ и Веллингтономъ, поспѣшить въ Лотарингію, куда подвигалось 300 тысячъ другихъ непріятелей. Но, рѣшившись дать сраженіе, почему не началъ онъ его съ самаго утра? Тогда, можетъ быть, успѣлъ бы онъ кончить его до прибытія пруссаковъ. Онъ говорилъ, что надобно было дать землѣ хоть немного окрѣпнуть послѣ дождя; но для этого не было бы достаточно и цѣлой половины дня.

Планъ сраженія былъ составленъ превосходно, и генералъ Жомини говоритъ, что Наполеонъ смѣло можетъ представить его критикѣ знатоковъ военнаго искусства. Онъ рѣшилъ, что паденіе на правое крыло англичанъ не имѣло цѣли и было затруднительно по крѣпости ихъ позиціи тамъ; паденіе на лѣвый флангъ сближало его съ Груши, но въ случаѣ неудачи лишало пути отступленія и могло быть гибельно въ сенъ-ламберской долинѣ, изрытой оврагами и рытвинами. Оставалось лучшее и вѣрное средство: послѣ сильной атаки на лѣвое крыло англичанъ, сдѣлать рѣшительное паденіе на центръ ихъ и прорвать его. Впрочемъ, это былъ тотъ же маневръ, который употребилъ Наполеонъ при Ваграмѣ и Бородинѣ. Какъ бы для большаго сходства съ бородинскою битвою первые выстрѣлы раздались на крайнемъ лѣвомъ флангѣ французовъ, противъ замка Гугомонъ: тамъ Жеромъ Бонапарте пылко старался захватить этотъ укрѣпленный замокъ, какъ войска вице-короля захватили Бородино. Въ то же время двинулись четыре дивизіи корпуса графа Эрлона, подъ предводительствомъ маршала Нея,

противъ лѣваго крыла англичанъ, и кавалерія строилась правѣе ихъ. Послѣ сильной канонады и величайшихъ усилій при переходѣ черезъ [illegible] около полудня Ней построилъ свои колонны [illegible] на непріятеля, когда вправо, [illegible] Ламбера, замѣтили въ отдаленіи сильныя колонны. То могъ быть непріятель, могъ быть и Груши. Наполеонъ велѣлъ остановить атаку и послалъ генерала д'Омона съ 3 тысячами легкой кавалеріи узнать, кто приближается къ нимъ. Вскорѣ привели пруссака гусара съ письмомъ, найденнымъ у него: онъ объявилъ, что принадлежитъ къ войскамъ Бюлова, который подходитъ съ 30-ти тысячнымъ своимъ корпусомъ. Итакъ пруссаки успѣли ускользнуть отъ Груши, и вмѣсто ожидаемой отъ него помощи надобно еще сражаться и съ ними! Обратившись къ Нею, Наполеонъ сказалъ: «Поутру у насъ было девяносто вѣроятностей къ успѣху; это уменьшаетъ ихъ вдругъ тридцатью; но если Груши поправитъ свою ужасную оплошность тѣмъ, что придетъ по слѣдамъ пруссаковъ, то побѣда наша сдѣлается еще блистательнѣе: сжатые между его и нашими войсками, пруссаки погибнутъ при общемъ пораженіи союзковъ.» Немедленно приказалъ онъ корпусу Лобау, бывшему резервомъ центра, который состоялъ изъ корпуса Рейлля, перейдти къ Планшенуа и стать фронтомъ къ пруссакамъ, опираясь лѣвымъ флангомъ на тылъ Нея, такъ что французская армія представляла въ это время почти прямой уголъ. Въ то же время Наполеонъ приказалъ Нею начать предположенную атаку надѣясь сломить англичанъ до прибытія главныхъ силъ пруссаковъ и еще не отчаяваясь, что Груши явится помочь его усиліямъ. Сто орудій французскихъ гремѣли противъ центра англійской арміи, когда, въ часъ пополудни, колонны Нея, невзирая на смертоносный огонь, которымъ отвѣчали непріятели, невзирая на препятствія мѣстности и размокшей почвы, съ мужествомъ пошли впередъ, подступили къ первой линіи англичанъ и опрокинули бельгійскую бригаду Биланда. Встрѣченные стоявшею во второй линіи англійскою дивизіею Пиктона, они не могли выдержать убійственнаго ружейнаго огня, который производила она развернутымъ фронтомъ въ густыя французскія колонны. Генералъ Пиктонъ палъ, пораженный смертельно, но

войска его сражались твердо и вскорѣ были поддержаны кавалеріею лорда Оксбрайджа. Безпорядокъ оказался въ рядахъ французовъ, и англійская кавалерія даже пробилась до артиллеріи резерва Неева, изрубила тамъ канонеровъ и увела лошадей артиллерійскихъ. Тогда Наполеонъ двинулъ противъ нея кирасировъ Мильо и бригаду улановъ: въ нѣсколько минутъ непріятельская кавалерія была опрокинута, истреблена, и въ числѣ убитыхъ былъ предводившій ею генералъ Понсонби. Произведенная въ то же время Неемъ атака на мызу Ла-Ге-Сентъ была отбита съ урономъ.

Жеромъ Бонапарте, или, лучше сказать, управлявшій его войсками генералъ Гильеминно, успѣлъ занять паркъ вокругъ Гугомона; но всѣ усилія его противъ самого замка были тщетны: Веллингтонъ подкрѣпилъ защищавшія замокъ войска частью англійской гвардіи. Видя, что всѣ главныя усилія французовъ обращены противъ лѣваго его крыла и центра, англійскій полководецъ стянулъ туда войска, бывшія на правомъ его флангѣ. Но вскорѣ вокругъ Гугомона вновь загорѣлся отчаянный бой, когда генералъ Фуа двинулся на подкрѣпленіе Жерома; тогда Веллингтонъ самъ привелъ новыя подкрѣпленія храбрымъ защитникамъ замка. Противъ Фуа двинулась также линія англійскихъ и брауншвейгскихъ войскъ, и французскій генералъ, потерявъ много людей и получивъ самъ жестокую рану въ плечо, принужденъ былъ ограничиться перестрѣлкою.

Въ это время Ней произвелъ вторую атаку противъ Ла-Ге-Сентъ. Его поддерживали карасиры Келлермана слѣва по шоссе, и пѣхотная бригада Кіо справа. Послѣ геройскихъ усилій, въ четыре часа пополудни онъ овладѣлъ оспариваемою мызою. Наполеонъ находился при этомъ подъ градомъ ядеръ и гранатъ. Генералъ Дево, начальникъ гвардейской и резервной артиллеріи, былъ убитъ подлѣ него. Но взятіе Ла-Ге-Сентъ и почти въ то же время Паплота (на лѣвомъ флангѣ англичанъ) было успѣхомъ столь значительнымъ, что побѣда явно склонялась на сторону фращузовъ, когда Наполеонъ получилъ извѣстіе, что Бюловъ выступилъ изъ фришермонскаго лѣса со всѣмъ своимъ корпусомъ и уже оттѣснилъ Лобау къ самому Планшенуа. Это совершенно измѣняло видъ дѣлъ, и Наполеонъ убѣдился, что Груши не слѣдуетъ за пруссаками. Оставивъ мысль о побѣдѣ,

великій полководецъ рѣшился по крайней мѣрѣ съ честію выйдти изъ неравной борьбы и, приказавъ Нею удерживать занятыя имъ мѣста, хотѣлъ сильнымъ ударомъ опрокинуть, разстроить Бюлова, и потомъ обратить послѣднія усилія противъ Веллингтона. Онъ приказалъ генералу Дюгему съ молодою гвардіею и генералу Морапу съ частію старой гвардіи идти на подкрѣпленіе Лобау; а какъ у него не было пѣхоты для поддержанія Нея, то онъ отрядилъ къ нему кирасировъ Мильо. Между тѣмъ Веллингтонъ, ободренный прибытіемъ пруссаковъ, въ 5 часовъ пополудни двинулъ новыя подкрѣпленія къ Гугомону и послалъ ганноверскій корпусъ отнять у французовъ Ла-Ге-Септъ. Въ это самое время кирасиры Мильо шли въ атаку и, встрѣтивъ ганноверцевъ, изрубили одинъ полкъ ихъ, разбили каре германскаго легіона и захватили всю артиллерію, стоявшую по фронту непріятеля. Но другія каре производили столь убійственный огонь, что французскіе кирасиры, атакованные въ то же время кавалеріею лорда Соммерсета, принуждены были отдалиться. Наполеонъ приказалъ Келлерману произвести съ своей стороны атаку по шоссе и отдалъ въ распоряженіе Нея тяжелую гвардейскую кавалерію. Мильо возобновилъ при этомъ свою атаку. Такъ около 10 тысячъ отборныхъ всадниковъ рпнулось противъ центра англичанъ: они произвели тамъ страшное опустошеніе, захватили 60 пушекъ, изрубили два каре; но огонь второй линіи англичанъ остановилъ ихъ, и, не подкрѣпляемые пѣхотою, атакованные въ то же время всею кавалеріею, какую могъ собрать лордъ Оксбрайджъ, они принуждены были оставить захваченныя орудія, отскакали на нѣкоторое разстояніе и, опять обратившись противъ англійской кавалеріи, прогнали ее къ самой пѣхотѣ. «Надобны самыя поэтическія, выраженія и формы эпопеи»—говоритъ генералъ Жомини,—«чтобы сколько нибудь выразить геройство французской кавалеріи и безстрастную стойкость ея противниковъ. Можно судить, каковы были бы слѣдствія этихъ блистательныхъ атакъ, если бы корпусъ Лобау и молодая гвардія могли слѣдовать за кирасирами, а не отбивать въ это время нападенія пруссаковъ у Планшенуа! Очевидцы свидѣтельствуютъ о безпорядкѣ, начинавшемся въ войскахъ Веллингтона, и объ ужасѣ, который распространился до Брюсселя, гдѣ ежеминутно ожидали

появленія французовъ» *). Самъ Веллингтонъ впослѣдствіи говорилъ не разъ, что во все время продолжительнаго своего военнаго поприща онъ не видалъ ничего удивительнѣе десяти или двѣнадцати атакъ, произведенныхъ французскими кирасирами при Ватерлоо.

Около 7½ часовъ пополудни былъ оттѣсненъ и Бюловъ соединенными усиліями Лобау, Дюгема и Морапа. Тогда Наполеонъ рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе противъ Веллингтона съ своею гвардіею. Если бы побѣда на этомъ пунктѣ не была рѣшительна, то по крайней мѣрѣ она дала бы ему средство къ дальнѣйшимъ свободнымъ дѣйствіямъ. Но когда храбрая кавалерія и за нею гвардія строились къ атакѣ, вдругъ еще на двухъ дорогахъ показались прусскія колонны: то былъ самъ Блюхеръ, шедшій отъ Огена съ корпусомъ Цитена, и корпусъ Пирха, подступавшій отъ Лана на соединеніе съ Бюловомъ. Такое несоразмѣрное превосходство силъ непріятельскихъ показало Наполеону всю мѣру его бѣдствія, и мгновенно произвело колебаніе въ корпусѣ Эрлона, составлявшемъ правый его флангъ. Въ резервѣ оставалось только нѣсколько батальоновъ гвардіи. Наполеонъ взялъ четыре изъ нихъ и самъ повелъ ихъ на подкрѣпленіе остатковъ Эрлонова корпуса; Ней съ обнаженною шпагою бросился съ ними противъ непріятеля. Принцъ Оранскій (нынѣшній король нидерландскій), видя ударъ, готовимый послѣднимъ усиліемъ французовъ, повелъ въ огонь нассаускій полкъ и на первыхъ шагахъ былъ пораженъ пулею, но между тѣмъ брауншвейгская дивизія и бельгійская бригада Шассе двинулись къ тому же пункту, и храбрые гвардейцы Наполеоновы, поражаемые со всѣхъ сторонъ, тотчасъ были отбиты и отошли за возвышеніе, стоившее столько крови. Наполеонъ хотѣлъ подкрѣпить ихъ другими шестью баталіонами, призванными имъ съ разныхъ пунктовъ, но въ это время правое крыло его было уже совершенно разстроено. Бюловъ, подкрѣпленный цѣлымъ корпусомъ Пирха, около 9 часовъ одолѣлъ всѣ усилія корпуса Лобау и молодой гвардіи, а Цитенъ, подошедшій къ правому флангу Эрлона, сбилъ его и отдѣлилъ отъ Лобау и гвардіи, которые такимъ образомъ очутились окруженными со всѣхъ сторонъ, ибо кор-

*) Précispolitique et militaire de la campagne de 1815, p. 212.

пусъ Пирха уже подходилъ къ Планшенуа. Сбитые, разстроенные французскіе солдаты побѣжали, и въ ужасной свалкѣ генералы Дюгемъ и Барруа были жестоко ранены, а Лобау захваченъ въ плѣнъ, когда онъ старался собрать бѣжавшихъ своихъ солдатъ. Сопротивленіе разстроенныхъ десяти или двѣнадцати тысячъ противъ шестидесяти тысячъ было невозможно тѣмъ болѣе, что пруссаки шли съ возвышенія и своею артиллеріею поражали бѣжавшія передъ ними толпы. Такъ все правое крыло и загнутый уголъ его были почти совершенно уничтожены... Между тѣмъ Наполеонъ дѣлалъ послѣднія усилія противъ Веллингтона, который, видя успѣхи пруссаковъ, быстро перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Онъ двинулъ всю свою кавалерію на обезсиленные полки Рейлля и Эрлона, между тѣмъ какъ прусская кавалерія заѣзжала въ тылъ ихъ. Тщетны были усилія послѣднихъ батальоновъ старой гвардіи, которые послалъ Наполеонъ: поражаемые картечью, ружейнымъ огнемъ, угрожаемые со всѣхъ сторонъ кавалеріею, они вскорѣ смѣшались со всѣми другими бѣжавшими полками. Наполеонъ оставался подъ непріятельскими выстрѣлами почти до послѣдней минуты: онъ, казалось, искалъ смерти... Но маршалъ Сультъ посреди этого ужаснаго смятенія подошелъ къ нему и сказалъ: «Государь! не оставайтесь здѣсь: непріятель и такъ слишкомъ счастливъ!» Черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ поворотилъ свою лошадь и поѣхалъ въ сопровожденіи только своего штаба къ Женапу... Вокругъ него не оставалось уже ни одного батальона. Еще раздавались выстрѣлы впереди, еще боролись остатки храбрыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; но появленіе пруссаковъ въ тылу вскорѣ заставило всѣхъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Настала ночь, и смѣшанныя толпы разбитой арміи, еще за нѣсколько часовъ представлявшей такую грозную силу, въ безпорядкѣ стремились къ Женапу. Тщетно генералы и офицеры штаба хотѣли водворить въ нихъ какое-нибудь устройство. Прусскій генералъ Гнейзенау, несмотря на темноту ночи, пустился съ кавалеріею преслѣдовать бѣгущихъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ Женапъ, гдѣ были обозы и артиллерійскіе парки: это еще болѣе увеличило безпорядокъ и заставило бросить почти всю артиллерію.

Побѣжденная армія лишилась въ ватерлооской битвѣ 30.000 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, 200 пушекъ, множества знаменъ, орловъ и всѣхъ обозовъ. Потеря союзниковъ убитыми и ранеными была не меньше. Съ обѣихъ сторонъ было убито нѣсколько генераловъ и очень многіе были ранены. Но на сторонѣ союзниковъ была совершенная побѣда, на сторонѣ Наполеона—пораженіе и гибель всего!..

Бѣгствующая армія не скоро могла соединиться, потому что не было ни одного неразстроеннаго корпуса, никакого резерва, къ которому могли бы присоединиться отдѣльныя толпы. Но преслѣдованіе было слабо, и въ Авенѣ собралось ихъ тысячъ двадцать; пушекъ оставалось еще до 200, кромѣ бывшихъ у Грушн, который, узнавъ о пораженіи главной арміи, началъ съ своими войсками отступать очень искусно. Наполеонъ, прибывъ въ Ланъ 19 числа, велѣлъ собираться тамъ всѣмъ войскамъ. Положеніе его было ужасно, но онъ еще не почиталъ погибшимъ всего. Соединивъ остатки своей арміи, призвавъ подкрѣпленія изъ Меца, отъ корпуса Раппа, отовсюду, онъ могъ опять собрать до 100 тысячъ войскъ и отразить разстроенныя арміи Веллингтона и Блюхера, которыхъ потери, несмотря на побѣду, превосходили потерю французовъ числомъ людей. Предстоялъ важный вопросъ: оставаться ли императору при арміи или отправиться въ Парижъ, изложить тамъ истинное положеніе Франціи палатамъ и потребовать новыхъ пожертвованій и диктаторской власти себѣ для спасенія отечества? Наполеонъ предложилъ бывшимъ при немъ генераламъ вопросъ о своемъ отъѣздѣ въ Парижъ. Большая часть, руководствуясь прямымъ смысломъ положенія и обыкновеннымъ благоразуміемъ совѣтовали ѣхать, полагая, что всякій генералъ можетъ на нѣкоторое время замѣнить императора при арміи, которую остается только соединять и приводить въ порядокъ, и никто не замѣнитъ его въ совѣтѣ министровъ и вблизи палатъ, гдѣ надобно принимать необыкновенныя мѣры для чрезвычайныхъ усилій. Другіе, знавшіе лучше духъ и расположеніе палатъ, а также и людей, которыми Наполеонъ будетъ окруженъ въ Парижѣ, совѣтовали ему остаться въ арміи и, въ случаѣ необходимости, присвоить себѣ диктаторскую власть. Но Наполеонъ увлекся мнѣніемъ большинства и от-

правился въ Парижъ, куда прибылъ онъ ночью съ 20 на 21 число въ Элизе-Бурбонъ.

Тамъ ожидалъ его вѣрный Коленкуръ и съ первыхъ словъ изъявилъ ему свои опасенія, что палаты не будутъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ, потому что не понимаютъ положенія Франціи и слѣдуютъ только страстямъ личнымъ. Наполеонъ не соглашался съ нимъ въ мнѣніи о палатахъ. «Я могъ бы взять диктатуру самовластно, потому что сила еще на моей сторонѣ,—говорилъ онъ,—но я хочу соединить вещественную силу съ нравственною: пусть Франція наименуетъ меня диктаторомъ! И они сдѣлаютъ это непремѣнно, потому что и въ животныхъ есть чувство самосохраненія; а неужели они не понимаютъ, что одинъ я могу спасти Францію въ настоящихъ обстоятельствахъ? Неужели они ожидаютъ чего-нибудь отъ своей болтовни?»

Къ несчастію, онъ ошибался. Уже злоба, интриги и глупость предупредили его. Фуше, непостижимымъ путемъ получившій извѣстіе о пораженіи подъ Ватерлоо черезъ восемнадцать часовъ послѣ событія, немедленно собралъ къ себѣ новыхъ друзей своихъ, членовъ обѣихъ палатъ, и въ этомъ сборищѣ рѣшили объявить палату депутатовъ въ безсмѣнномъ засѣданіи, а всякаго, кто предложитъ распустить ее — врагомъ отечества. Эта мѣра была явно направлена противъ Наполеона, ибо страшились, что первымъ дѣломъ его будетъ по прибытіи въ Парижъ распустить палаты и присвоить себѣ диктаторскую власть.

Событія не замедлили оправдать всѣ опасенія людей дальновидныхъ. Утромъ 21 числа Наполеонъ въ кругу министровъ своихъ объявилъ, что въ необыкновенныхъ обстоятельствахъ Франціи ему необходима диктаторская власть и что онъ намѣренъ требовать ее себѣ отъ палатъ; но можно ли надѣяться на единодушное согласіе ихъ? Большая часть министровъ полагали, что нѣтъ другого пути и что надобно предоставить палатамъ рѣшеніе вопроса, предлагаемаго императоромъ. Декре возразилъ, что на палаты нельзя надѣяться; Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели прибавилъ, что безъ сомнѣнія онѣ потребуютъ новаго отреченія отъ императора. Луціанъ съ негодованіемъ на самую мысль о томъ желалъ, чтобы императоръ дѣйство-

валъ, не спрашиваясь палатъ. Карно, плохой политикъ, но честный человѣкъ, одинъ сказалъ истинную мысль, что диктатура есть только средство, необходимое къ спасенію Франціи, и во всякомъ случаѣ оно законно какъ необходимость; что первый законъ теперь — освободить Францію отъ чужеземныхъ непріятелей и для этого надобно принять самыя сильныя мѣры.

Еще совѣщаніе у императора не было кончено, когда получено было въ совѣтъ министровъ посланіе палаты депутатовъ. Лафайэттъ уже исполнилъ предположеніе накапунѣ у Фуше: онъ объявилъ въ палатѣ о пораженіи, претерпѣнномъ арміею, говорилъ объ опасности отечества и предлагалъ палатѣ объявить себя безсмѣнною, признавая врагомъ отечества всякаго, кто предложитъ распустить ее. Для общей безопасности почиталъ онъ необходимымъ собрать національную гвардію, и требовалъ, чтобы министры были призваны немедленно для объясненій. Рѣчь его, усыпанная восклицаніями и возгласами, была одобрена почти единодушно, и всѣ предложенныя имъ мѣры приняты. Безсмысленные думали, что они могутъ замѣнить собой геній Наполеона и что союзные монархи, низложивъ его, войдутъ съ ними въ переговоры! Они забывали, что Наполеонъ же созвалъ этихъ мятежныхъ депутатовъ и что они сами нарушали основный законъ своей конституціи, по которому только монархъ могъ призывать и распускать палаты.

Наполеонъ задумался на минуту, узнавъ рѣшеніе палаты, но вскорѣ сказалъ твердо: «Реньо былъ правъ, когда говорилъ, что они захотятъ моего отреченія. Я долженъ былъ бы распустить ихъ прежде отъѣзда въ армію. Теперь они погубятъ Францію. Что жъ! я подпишу новое отреченіе, если они хотятъ; но до этого еще не дошло». Онъ отправилъ Реньо въ палату объяснить положеніе дѣлъ; но Реньо почти не дали тамъ окончить его рѣчи и требовали министровъ, говоря, что онъ министръ, не имѣющій департамента. Явился Луціанъ, началъ говорить о необходимости единодушія, о мѣрахъ, обдумываемыхъ императоромъ; но брата Наполеонова оскорбляли словами и намеками и требовали министровъ. Лафайэттъ упрекалъ императора въ бѣдствіяхъ Франціи, и общая мысль объ отреченіи его выразилась ясно. Назначили комиссію изъ нѣ-

сколькихъ депутатовъ, членовъ палаты перовъ и государственнаго совѣта, для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для спасенія отечества. Въ этой комиссіи были почти все враги Наполеона—и они-то замѣнили его власть, ибо что значила комиссія, когда еще былъ императоръ? Она уже принимала мѣры, дѣлала распоряженія, которыя по праву принадлежали только императору: требовала министровъ, призывала національную гвардію и объявила наконецъ, что имѣетъ право вести отъ себя переговоры съ союзными державами. Оставалось произнести одно слово—и оно не замедлило быть произнесено. Депутатъ Дюшенъ первый осмѣлился сказать, что для свободныхъ дѣйствій палаты необходимо отреченіе Наполеона отъ престола. Съ восклицаніями было принято его предложеніе, и посреди шума, криковъ, суматохи рѣшили, что если императоръ свободно не отречется отъ своего сана, то палата *лишитъ* его престола силою своей власти. Съ такимъ рѣшеніемъ была отправлена къ нему депутація изъ пяти человѣкъ, и для отреченія данъ ему только одинъ часъ сроку!

Явились депутаты. Дерзкое предложеніе ихъ было высказано въ оскорбительныхъ выраженіяхъ: они не щадили императора, не просили его, а требовали немедленнаго отреченія, какъ будто отъ того зависѣло прекращеніе всѣхъ бѣдствій Франціи. Наполеонъ почти не говорилъ съ ними и, обратившись къ Фуше, сказалъ: «Напишите этимъ господамъ, что желаніе ихъ будетъ исполнено».

Депутація возвратилась въ палату, и принесенное ею извѣстіе было принято какъ торжество.

Не одинъ Наполеонъ понялъ свое положеніе: даже пылкій Луціанъ сказалъ ему по-итальянски, когда ушли депутаты: «Братъ! остается только исполнить по ихъ желанію!» Онъ взялъ перо и подъ диктовку Наполеона написалъ отреченіе.

Подписывая этотъ достопамятный документъ, Наполеонъ окинулъ взглядомъ всѣхъ стоявшихъ вокругъ него и сказалъ: «Они хотѣли этого!»

Политическая жизнь Наполеона кончилась, какъ сказалъ онъ самъ, и кончилась навсегда! Съ этой минуты, всѣ остальные годы его жизни были только страданіями частнаго человѣка, тяжкимъ искупленіемъ за пролетѣвшіе годы безпримѣрной его славы и силы.